

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№1

Смоленск
2008

Редакционный совет

Е.В. Кодин (*Смоленск, председатель*), А.Г. Егоров (*Смоленск, зам. председателя*),
Н.А. Богомолов (*Москва*), В.Д. Будаев (*Санкт-Петербург*),
Х. Духхардт (*Майни, ФРГ*), А.Л. Журавлёв (*Москва*),
Э.Г. Кирьяцкий (*Вильнюс, Литва*), В.И. Кузищин (*Москва*),
В.Я. Лыкова (*Смоленск*), К.В. Макаров (*Москва*),
М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*), Р. Маннинг (*Бостон, США*),
М.А. Розов (*Москва*), А.П. Сманцер (*Минск, Республика Беларусь*),
З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*),
В.А. Холоднов (*Санкт-Петербург*), Е.А. Шмидт (*Смоленск*)

Редакционная коллегия

А.Г. Егоров (*гл. редактор*), И.В. Романова (*зам. гл. редактора*),
Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), В.С. Баевский, М.Ю. Гильденков, Ю.А. Грибер,
В.П. Дьяконов, С.П. Евдокимов, Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов, Н.Д. Круглов,
Г.С. Меркин, К.М. Расулов, Н.П. Сенченков, Г.Г. Сильницкий, А.В. Славин,
В.А. Сонин

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)383157
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	5
-------------------	---

ФИЛОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Романова И.В.</i> Мотивы, связанные с лирическим «я», в лирике И.А. Бунина . . . 7
<i>Таршина О.М.</i> Полиметрические композиции И.А. Бунина 17
<i>Белоус Л.В.</i> Феномен литературно-критического отдела журнала «Огонек» в годы перестройки. 26
<i>Маймескулов А.</i> Поэтическая «открытка» (к негативной интерсемиотичности Бродского). 35
<i>Ефимова С.Н.</i> Четыре образа мира и слово в романе Саши Соколова «Между собакой и волком» 42

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Бояринова Л.З.</i> Диалектное словообразовательное гнездо как отражение системных отношений в дериватологии 50
--

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СИНЕРГЕТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

<i>Можейко М.А.</i> Язык и творчество. Постмодернизм в лингвистике. 58
<i>Пиотровский Р.Г.</i> Инновационная перестройка в филологическом образовании. 68
<i>Шехтман Н.А.</i> От текста к нарративу. 79
<i>Левицкий Ю.А.</i> Угрожает ли лингвистике постмодернизм? 86
<i>Гуревич Р.В.</i> Некоторые аспекты эстетики постмодернизма в творчестве В. Беньямина. 97
<i>Сильницкий Г.Г.</i> Постмодернизм и синергетика: два подхода к проблеме возникновения нового. 115

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ивонина Л.И.</i> За кулисами сражений войны за испанское наследство: мирные переговоры 1706 – 1709 годов. 132
<i>Соколов А.Б.</i> Английская революция в освещении новейшей зарубежной историографии: от гражданских войн к республике и протекторату 146
<i>Ивонин Ю.Е.</i> Секуляризация 1803 года в Старой империи: события и оценки современной историографии 158
<i>Духхардт Х.</i> Барон Штейн и Россия. (Перевод с немецкого: Р.В. Белютин). . . 174

<i>Козлов О.В.</i> Историография формирования системы управления народным образованием и культурой в российской провинции в 1917 – 1922 годах .	179
<i>Валуев Д.В.</i> «Социально чуждые» и Красная Армия (на материалах Смоленской губернии и Западной области)	186

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Девярых С.Ю.</i> Миф и религия как формы мировоззренческого освоения сексуальности	196
<i>Боровиков Ю.В.</i> Сакральные и секулярные элементы культуры в мировоззрении старообрядчества	203
<i>Пименов В.Ю.</i> Антропологический поворот в католической философии XX века.	211

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Брунчукова Н.М.</i> А.Н. Острогорский о проблемах этики в обществе второй половины XIX века	223
<i>Диденко В.Н.</i> Социокультурная панорама театральной педагогики	228
<i>Соловьёва Ф.Е.</i> Диалогическое обучение как средство формирования гуманистического мировоззрения учащихся на первом этапе литературного образования	232
<i>Фоменков А.И.</i> Преподавание социологических дисциплин: методика и ее связь с педагогикой	241
<i>Сонин В.А.</i> Феномен деятельности как специфическая форма общественно-исторического бытия людей	248
<i>Докутович Э.Ш.</i> К проблеме психолингвистических основ восприятия текста.	262
<i>Голаева Г.А.</i> Влияние социального фактора на ценностную акцентуацию личности младших подростков в поликультурном пространстве	269

ДИССЕРТАЦИИ

<i>Баевский В.С., Максимчук Н.А.</i> О работе диссертационного совета по филологии в 2007 году	276
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции	279
Книги	289
Сведения об авторах	292
Информационное письмо	295

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить Вам, что Смоленский государственный университет возрождает издание научного журнала, который много лет назад положил начало коллективной исследовательской работе в нашем вузе и одновременно способствовал повышению престижа образовательного учреждения не только в регионе, но и далеко за его пределами. Особо приятно отметить, что возобновление издания журнала происходит в год девяностолетия университета.

Отдавая дань традиции, было решено сохранить первоначальный концептуальный замысел наших предшественников и оставить в названии возобновленного журнала ставшие для всех нас символическими «Известия». Связь с историческим прошлым подчеркивается и в точном воспроизведении графического оригинала издания на внутренней стороне обложки журнала.

Первый том «Научных известий» Смоленского университета вышел из печати в 1923 году и был посвящен вопросам естествознания и медицины. Журнал сразу же снискал себе репутацию серьезного издания – как по именам авторов, опубликовавших в нем свои работы (так, например, уже в пилотном выпуске были напечатаны работы крупных ученых В.В. Станчинского, К.И. Скрябина, А.А. Ухтомского, Д.С. Воронцова, Г.Л. Граве), так и по значимости заявленных в статьях проблем (теоретические и практические основы экологии, физиология организма, опасные инфекционные заболевания).

Через год был опубликован солидный том «Научных известий» по вопросам общественных и гуманитарных наук. С этого времени «Научные известия» стали появляться почти ежегодно.

В течение 1920-х годов университет выпустил шесть томов (девять выпусков) «Научных известий». В 1929 – 1930 годах два выпуска «Научных известий» были изданы совместно с Западным областным научно-исследовательским институтом (впоследствии областной краеведческий научно-исследовательский институт). Именно тогда, в 20-е годы, начала складываться традиция активного обращения к проблемам биологии, географии, экономики, истории и культуры родного края. Ведущее место в этом деле принадлежало кафедрам ботаники и зоологии. В это же время появились публикации по педагогическим наукам.

За период своего существования журнал завоевал доверие своих читателей – работников сферы просвещения, специалистов научно-исследовательских институтов различных областей знаний, преподавателей и студентов. Его знали, за ним следили все те, кто был неравнодушен к темам, затрагиваемым на журнальных страницах. К статьям, которые были опубликованы в «Научных известиях», до сих пор обращаются специалисты, работающие в сфере естественных и гуманитарных наук.

Современный журнал «Известия Смоленского государственного университета» задуман как академическое междисциплинарное издание, цель которого – публикация оригинальных научных трудов (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения), рецензий, отражающих результаты научно-исследовательской и научно-методической деятельности в рамках шести основных рубрик:

- Биология и науки о Земле;
- Исторические науки;
- Математические и технические науки;
- Педагогика и психология;
- Филология;
- Философия, социология и культурология.

Журнал призван дать возможность ученым разных направлений представить свои концепции и открытия, полемизировать с оппонентами, презентовать книжные новинки.

Учредители приняли решение не взимать плату за опубликование рукописей аспирантов.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год. Все поступающие в редакционную коллегию рукописи после регистрации проходят процедуру обязательного рецензирования.

Авторы, которые пожелают прислать в редакцию свои статьи для публикации в журнале, могут руководствоваться требованиями к подготовке оригиналов статей, помещенных в этом номере журнала и на сайте Смоленского государственного университета <http://www.smolgu.smolensk.ru/news>.

С 1 сентября 2008 года на наш журнал открыта подписка по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка 2009». Индексы – 80190 (на первое полугодие 2009 года) и 80209 (на весь 2009 год). Издание включено также в электронный каталог <http://www.palt.ru> (индекс 2014211): подписка в новом формате позволяет за несколько минут совершить все необходимое по оформлению заявки на получение журнала.

Полнотекстовая электронная версия издания, доступная в сети Интернет в открытом свободном доступе, также расширяет границы информационного пространства и увеличивает зону охвата читательской аудитории.

Итак, перед Вами – первый номер журнала «Известия Смоленского государственного университета». Хочется надеяться, что наши читатели – источник и смысл существования журнала – почерпнут из публикуемых авторских материалов новые интересные сведения по занимающим их вопросам, а в скором времени и сами примут активное участие в передаче актуальных и достоверных научных фактов на благо развития научной мысли.

Редколлегия

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

И.В. Романова

Смоленский государственный университет

E-mail: irina.romanova@bk.ru

УДК 821.161.1.09(82)

МОТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИРИЧЕСКИМ «Я», В ЛИРИКЕ И.А. БУНИНА

Ключевые слова: *лирика; И.А. Бунин; лирический субъект; мотивы; лирическая коммуникация*

Настоящее исследование показало, что мотивы, связанные с образом «я», отражают пассивность героя, он – человек чувствующий и выступает обычно в качестве созерцателя. Более активным, действующим лицом является ролевой персонаж. Композиционно выделенными, организующими лирический сюжет также оказываются преимущественно статические мотивы. Названия эготивных стихотворений чаще всего не указывают на лирического персонажа. Поэтому у читателя создается ошибочное впечатление отсутствия у Бунина лирического «я».

Материалом настоящего исследования стала лирика И.А. Бунина, вошедшая в дополняющие друг друга собрания сочинений: 9-томное 1965 года и 6-томное 1987 года. Общее количество текстов – 722 [2; 3].

В научной литературе бытует мнение о том, что в лирике Бунин пришел почти к полному устранению лирического героя, вообще – лирического «я», заменяемого либо безличным повествованием от третьего лица, либо введением «ролевого», предельно отчужденного от автора персонажа, либо обращением к некоему 2-му лицу. И действительно, представить себе лирическое «я» Бунина широкому читателю гораздо сложнее, чем, скажем, лирическое «я» Баратынского, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Цветаевой.

Мы исследовали коммуникативную структуру лирики Бунина и пришли к заключению, что эготивные стихотворения (с лирическим «я» в центре и без адресата)

заняли по численности третье место после смешанного и безлично-безадресного типа и составили 15 % от общего количества текстов (в безлично-безадресных текстах лирический субъект и лирический адресат максимально скрыты, изложение ведется от 3-го лица; в смешанных текстах безлично-безадресное изложение сочетается с фрагментами с лирическим «я» и обращением ко 2-му лицу). Для сравнения скажем, что у Пастернака эготивный тип стихотворений оказался самым малочисленным и составил 7 %, а у Бродского занял предпоследнее место и составил 10 %. Между тем лирическое «я» в творчестве и Пастернака, и Бродского легко узнаваемо.

Мы поставили перед собой задачу разобраться в этом парадоксе и исследовать мотивы, связанные с лирическим «я». Мы предполагаем, что они существенно влияют на формирование представления о лирическом субъекте. На первом этапе мы рассматриваем только эготивные стихотворения, поскольку в них лирический субъект является и носителем речи, и объектом описания, повествования. В перспективе целесообразно будет сравнить полученные данные с данными по другим коммуникативным типам стихотворений Бунина, в которых встречается лирическое «я», но выполняет другие, главным образом, вспомогательные функции, а также с данными по другим авторам.

Под мотивом мы понимаем конструкцию, в основе которой лежит действие, выраженное глаголом, причастием или деепричастием. В данную конструкцию могут входить субъект, выполняющий действие, и объект, на который направлено действие. Мы выделяем два основных вида мотивов:

1) *активные*, в которых лирическое «я» выступает в роли субъекта (*я не забыл их след (284); я пришла в пустую избу ночью (278)*);

2) *пассивные*, в которых лирическое «я» выступает в роли объекта действия (*несут меня сани (309); он сравнит меня с Мадонной (315)*).

Следует подчеркнуть, что наш подход не совпадает со строго грамматическим, связанным, в частности, с проблемой залога. С грамматической точки зрения в активной конструкции субъект должен выступать обязательно в роли подлежащего, а в пассивной – в роли дополнения в творительном падеже. Мы основываемся на поэтических текстах, осуществляя подход, при котором нам важнее смысл, а не строго формальное его выражение. В этом плане нам ближе работы структурных лингвистов – сторонников теории «Смысл ↔ Текст» [1; 6]. Например, конструкции типа *скучно мне (173) (1); не забыть мне этой ночи звездной (389); мила мне глушь сицилиан (417); не пейзаж влечет меня (101); мне снилось северное море (142)* и т.п. мы рассматриваем как активные мотивы, в которых по смыслу лирическое «я» выступает в качестве субъекта (*скучно мне = я скучаю; не забыть мне этой ночи звездной = я не забуду <...>; мила мне глушь сицилиан = я люблю глушь <...>; не пейзаж влечет меня = я увлекаюсь не пейзажем; мне снилось северное море = я видел во сне северное море*). Подобная точка зрения находит подтверждение в работах Г.А. Золотовой, специалиста в области коммуникативного синтаксиса [4; 5]. Впрочем, следует признать, что есть и переходные случаи, при которых сложно однозначно определить, что является в мотиве субъектом, например: *я погребен в песке пустынь (193)*. С одной стороны, «я»

стоит в независимом именительном падеже, что дает основание считать его субъектом. Вместе с тем это субъект бездейственный, испытывающий воздействие другого субъекта (ср.: *меня погребли в песке пустынь*). На этом основании подобные случаи могут рассматриваться как пассивные мотивы, в которых лирическое «я» – объект с точки зрения семантики. То же: *Помпея казалась мне скучней пустых могил (339)*. Тут приходится рассчитывать на интуицию исследователя и ориентироваться на контекст.

Лирическое «я» в составе мотива может быть выражено

– непосредственно: *я запомнил лишь ряд колонн и небо (256)*;

– может быть представлено метонимически через духовные и телесные составляющие (душу, сердце, мысли, глаза, руки и т.п.): *душу посещала любовь (96)*; *он озарил мне ноги (230)*; *свободней дышит грудь (182)*;

– в функции «я» может выступить форма множественного числа «мы», включающая лирическое «я» в состав некой общности: *мы мало видим, знаем (246)*;

– «я» может быть представлено в обобщенной форме инфинитивов или условного наклонения: *<знала меня мати> жито сырое молоть, просевати (278)*.

Мы выделили следующие семантические группы мотивов [7, 211-212]:

– экзистенциальные действия (существование чего-то, воздействие, рождение, развитие, жизнь, смерть, наступление чего-то, завершение и т.п.);

– перемещение (шествие, езда на транспорте, полет, падение, плавание, таец и т.п.);

– расположение (стоять, лежать, висеть и т.п.);

– деятельность органов (телодвижения, касаться, бросать, съедать, дышать, зрение, сердцебиение, кровотечение и т.п.);

– действия орудием, ремесло (колоть, резать, пилить, ввинчивать, бить, строить, ковать, плотничать и т.п.);

– информационные и творческие действия (сообщать, читать, писать, считать, словотворчество, ваяние, живопись; получение, выделение, хранение информации и т.д.);

– ментальные действия (работа сознания, мышление, память, ощущение и т.п.);

– прочее (действия, связанные с огнем, воздухом, светом, звуком, цветением, состоянием, отношения, контакт).

В эготивных стихотворениях Бунина абсолютно преобладают мотивы с лирическим «я» в качестве субъекта действия. Они составляют 83 %. Доля пассивных мотивов – соответственно 17 %.

В поэтическом мире И.А. Бунина, замкнутом на лирическом «я», самая большая доля мотивов – 37 % – выпала на долю мотивов со значением ‘ментальные действия’. Абсолютно преобладают у Бунина мотивы, выражающие эмоции, эмоциональные состояния и переживания героя, причем в равной степени негативные и позитивные. Среди негативных самые частотные мотивы, производные от ‘тосковать’, ‘томить’: *странная тоска томит меня (417)*, *томит тоска разлуки (160)*, *забывался в холодной тоске (109)*, *безнадежной скорбью истомлен (392)*, *я тоскую горько, сладостно (96)*. Остальные отражают состояния

страха, страдания, боли, скуки: *я страдал (193), я плакал о погибших (155), я был зол и неумен (392), я душою холодел (109), мне будет слишком жутко там (263), скучно мне (173), как нам будет в мире одиноко (163), жутко мне (115), снова о несбыточном скорблю (96)*. Позитивные эмоции и состояния у Бунина связаны, в первую очередь, с переживанием любви: *я любил когда-то, я ль не любил? (96), я ль не искал любви и счастья? (96), душу посещала любовь (96), не ту люблю, кого любил (96), люблю мечты созданыя (96), я люблю наш обрыв (113), люблю зной, ширь, вольный небосвод (113), я люблю людей, которых больше нет (284), весь мир любил я (389)*; во вторую очередь, они связаны с состоянием радости: *душу радость обнимает (385), ливни нас радовали (114), в сердце радость мирную несу (283), радостно копил избыток сил (339), все мне радостно и ново (288), дрожь от радости (251), я век носил в душе только небо, только радость (165)*. Остальные положительные эмоции и состояния лирического героя окрашены в тона счастья, симпатии, веселья, мечтаний: *благословляю каждый миг (65), я счастлив (246), упоенный счастьем жизни (82), мила мне глушь сицилиан (417), но в душе все веселей (77), мне было весело вдвойне (110), я страстно мечтала о любви (119), заморожен ритмической мечтой (274), не налюбуюсь, как... (100), хотелось встречать каждый лист радостно-безумным восторгом (110) и т.п.*

На втором месте по численности в группе **‘ментальные действия’** оказались мотивы, связанные с состоянием и разными этапами сна: *и снилось мне (142), я задремал над Днепром (132), мне снилось что-то грустное (126), я проснулся внезапно (126), я сплю в дупле (172), я сплю в листве (172), песня рей меня клонила в сон (229), всё будет сниться сеть канатов (256), просыпаюсь в полумраке (287), сплю в лачуге (315), убаюкивает меня трель (319), я проснулся от улыбки счастья (392), я уснул в грозу (392), крепко сплю (340), навсегда в земле усну (82)* (в последнем случае сон является традиционной метафорой смерти).

На третьем месте – мотивы, отражающие процессы памяти – главным образом, воспоминание. Причем герой вспоминает в основном не других людей и события, а приметы окружающего, прежде всего, природного мира, или собственное прошлое: *мы грустя, вспоминаем что-то (220), я помню сумрак (228), я помню купол (228), вспоминаю зимний вечер, детство раннее мое (394), я запомнил лишь ряд колонн и небо (229), о счастье мы всегда лишь вспоминаем (246), помню лён (250), помню взгляд (250), я не забыл их след (284), я помню только римские следы (339), не забыть мне этой ночи звездной (389), я молодым себя вспоминаю (284), всю жизнь я позабыть не мог об этом вечере бездомном (338)*. В единичных случаях встречается мотив забвения, более свойственный не герою, а другим людям, миру: *я ль виноват, что всё перезабыл (339), мир меня забудет (193), она меня простила и забыла (151) и т.п.*

Мотивы, отражающие процесс мышления, знания (познания), понимания, редко встречаются среди свойств бунинского лирического «я»: *я думаю о прошлом старика (417), познал я (367), вот-вот и я пойму незримое (265), мы мало знаем (246), я думаю о ней (163), мы не пойдем их роста, глубины (220), мы дня не понимаем (160), я знаю (96), поэт меня поймет (100)*.

По мере убывания следующими за ‘ментальными действиями’ по численности оказались мотивы, включающие **деятельность органов** – 19 %. Абсолютным лидером в этой группе являются мотивы, связанные со зрением. Зрение – основной канал, через который герой познает мир: *гляжу в прозрачный сумрак их <вершин – И.Р.> (394), вдали я вижу ночь, пески, звездный свет (389), вижу заалевшие вершины (350), вижу в окнах блеск и даль гор, холмов нагих (375), я взгляну на бледную высокую луну (367), я с острова глядел на море и на тучи (313), вижу месяц (283), с опушки на луга гляжу из-под ветвей (82), я поглядел кругом (59), я без мысли глядел на дорожную пыль (109), я видел плахты, сорочки и смуглое тело (132), увидел семь светильников золотых (183), я взгляну без страха в лик Шакала (193), заветную увидел Атлантиду (256), раскрыв глаза, гляжу на яркий свет (274), глянула – вижу железные роги (278), я долго глядел на этот божий дар (287), буду глядеть на каменного Будду (322), жадный взор подметит не краски, а любовь и радость бытия (101), я отвожу на миг усталый взгляд от книг (246)* и т.д. Следом со значительным отрывом идут мотивы, связанные со слухом. Герой не просто слышит, он внимательно прислушивается к себе, к миру вокруг, к гласу высших сил и осознает важность этого процесса. Его чуткое ухо различает тонкие нюансы: *я слышу ветер, шум и плеск (375), сладко слушать (100), я слышал говор, крики, плеск (132), я им внимал (160), доверчиво внимаем тишине (160), я слышал за собою глас (183), я слышал плач (205), нас слышал Христос (210), молчанью внимая (109), я родным преданьям внемлю (284), слушая неясный лепет (350), я слышу сердца ровное биенье (274), сладко слушать, как... (100)*. Еще более редкими оказываются мотивы, связанные с дыханием. За исключением мотива *вдыхая горький чад (292)*, с дыханием у героя Бунина связаны исключительно приятные ощущения: *дышится легко (113), мне сладостней в бору дышать ароматом (177), свободней дышит грудь (182), я дышал теплом сухих камней (245), вдохнуть свободней и полней (308), дышу весной (394)*. Активные телодвижения для лирического героя не свойственны, среди них манипуляции руками (*брала меня Мати за правую руку (278), рукой поправил газ ее вуали (327), крестя ее в последний час (327), крестясь (365), обнимая обломок реи (395), заслонив свечу рукою (394)*), *крепко повода натягиваю (350)*, движения головой (*я высунул голову (68), останавливаясь, оглядываюсь (350), я склонялся головой на луку (109), дремота клонит голову (173), она мне ласково кивнула (150)*), движения всем телом (*я качался в искрах звезд (395), качаюсь (407), плескаюсь (407), я склонился богомольно (347)*). При очевидной чувствительности героя поражает редкое упоминание работы сердца, во всех случаях это образное выражение переживаний: *сердце радостно жизни ждет (78), сжалось сердце от боли во мне (59), в сердце радость мирную несу (283), и в сердце моем так могильно (357), сердце бьется горестно и громко (365), сердце бьется счастьем юных сил (392), я в сердце жадно, радостно копил избыток сил (339)* и т.д.

Третью и четвертую позиции с несущественным разрывом между собой заняли **перемещение** (15 %) и **экзистенциальные действия** (13 %). Очевидно, что для героя Бунина не свойственны активные действия.

Анализ мотивов группы **‘перемещение’** обнаружил следующие особенности. Лирический герой Бунина решительно предпочитает ходить пешком, причем обычно в одиночестве: *выйду я один (322), я ушла от людей (119)*. Большинство его прогулок носит направленный характер. В редких случаях он идет домой или находится в городском пространстве: *я вернулся домой (59), я вошел во двор (57), сколько раз я проходил по этим переулкам (339)*. Чаще всего он перемещается из замкнутого пространства дома вовне, на лоно природы: *я уйду, бывало, в сад (77), я пошел в степь (178), я вышел из-под черной палатки (205), я уходил с отцовского двора (365), мы шли по лесам (210), я шел на закат (139), мы шли вдоль берегов (142), иду на юг (79), я ушел к зиме, на север (165)*. Даже когда герой не имеет намеченного маршрута, его пешие прогулки обычно вызывают положительные эмоции (это мотивы с глаголами *блуждать, брести*): *я бреду наугад (76), я блуждаю где попало (77), я блуждал (109), я бродил в лесах (165), мне весело бродить по солнечным палатам (177), я рад бродить (292), хотелось кружиться по лесу (110)*. Такие путешествия предполагают неспешность: *иду я медленно (76)*. Стремительность движения героя обычно сообщают внешние явления, вовлекающие его в свою стихию: *ветер вдаль меня влечет (78), спешу за ним <ветром> к закату (82), несут меня сани (313), в темные леса гнала меня мати (278)*, или счастье уединения с любимой: *мы добежим до чащи (114)*. Поспешна может быть смена направления в пути: *я поспешно повернулся (212), я поспешно пошел назад (212), метнулся я к ограде (315)*. Спешит у Бунина ролевой персонаж, например, пахарь: *по борозде спеша за сошниками (175)*. Пешим представляется герою и путь к последней черте: *приду я лечь под эту же плиту (284)*.

На втором месте по частоте употребления стоят мотивы, прямо или косвенно указывающие на передвижение по воде, причем во все стороны – к берегу, от берега – на судне, вдоль по течению – вплавь, но это уже ролевой персонаж, вниз – под воду: *в родные гавани вовеки я не вниду (256), пора мне кинуть сушу (308), вплынь я плыла по рекам (278), тону я (409)*.

Еще реже герой ездит: *едем бором, въезжаю на отлогий косогор (350), часто на охоту весною езжу (395)*, один раз ролевой персонаж – змея – ползет: *я медленно ползу (172)*.

Герою Бунина существенно менее свойственно перемещение по вертикали: *я встал от книг (178), я встану (367)*. Часто подобные перемещения по направлению вверх и вниз носят крайний, метафизический характер: *ее громада поднимает меня в иное бытие (385), я встаю прозрачно-зеленой громадой (407), я уже падаю, снова расту <...> бегу, чтоб радостно вскинуться, <...> вознестись <...> и в смертную бездну низринуться (407)*.

Семантическая группа **‘действие орудием, ремесло’** оказалась у Бунина одной из самых малочисленных и составила 4 %. Все мотивы этой группы, за исключением двух – активного *крепко поводя натягиваю (350)* и пассивного *был увенчан я венком лавровым, изумрудным (422)*, относятся к ролевому «я». Это мотивы, связанные физическим трудом – с земледелием: *жито сырое молоть, просевати (278), много смолола я (278), я взрезаю влажный пар (175)*, скотовод-

ством: *я пасла коз (230)*, транспортировкой и вскапыванием: *вожу песок к морю на волах, чтоб усыпать дорожки к даче (173)*, *я зарыл хартии закона (155)*, мореплаванием: *я скинул якоря (256)*, приготовлением пищи: *он научил <меня> варить настой ромашки (230)*. Часть мотивов так или иначе связана с облачением и разоблачением: *ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу (172)*, *сняла я тяжкое кольцо (251)*. Можно заключить, что лирическому «я» Бунина, соотносимому с авторским, не свойственно заниматься физическим трудом. Это прерогатива ролевого персонажа.

Однако крайне редко лирический герой Бунина занимается и интеллектуальным трудом, и творчеством. Семантическая группа **‘информационные, творческие действия’** также составила 4 %. У Бунина чаще встречаются мотивы, связанные с коммуникативным актом: *я звал кого-то с безумной тоской (59)*, *мне хочется ответить сердцу, песням (78)*, *я шлю свой привет девушкам и юношам-поэтам (91)*, *она меня звала (96)*, *аллея зовет меня к скалистым берегам (97)*, *зарница мне говорила всё об одном (250)*, *впервые нынче мы не лгали (250)*, *звук бубенцов говорил мне о том, что <...>(314)*, *Он мне скажет, если что: не то! (340)*, *сказать прости родному дому (365)*. Кроме того, имеет место именование: *мы зовем мерцаньем звезд (140)*, *мы сказками предания зовем (160)*, *он назовет меня Миньоной (315)*; манипуляции с информацией: *снега хранят мой одинокий след (100)*, *жадный взор <мой>подметит не краски, а <...> любовь и радость бытия (101)*, *я красоту небесную сокрыла (160)*, *я это знаю с первоначальных детских дней (416)*.

Творческий акт у Бунина продуктивен, когда связан с работой сознания, живописью и графикой: *я творил Богов сам (229)*, *мы написали Христа (210)*, *стилет чертил мой стих на льдине (100)*, и безрезультатен, когда дело касается словотворчества: *нет сил выразить словами прелесть красок (165)*.

Почти столь же малочисленной, как и две предыдущие, стала семантическая группа **‘расположение’**, составившая 5 %. Бунин отдает предпочтение мотивам нахождения, пребывания: *долго быть мне в темноте (140)*, *я затерян в море чернозема (175)*, *я погребен в песке пустынь (193)* (в значении ‘я оставлен в пустыне’), *всё во мне (246)*, *вот я и дома (283)*, *я в стране чуждой (313)*, *я в святилище у окна (19)*, *ночь окружала меня (109)*. На втором месте по численности у него оказываются мотивы, производные от семы ‘лежать’. Это может быть отдых (*я прилегла в тень (230)*), выражение покорности (*я пал пред ним (183)*, *он положил меня навзничь (230)*), связь со смертью (*лежу как мертвец (309)*, *тихо лягу с краю (284)*, *приду я лечь под эту же плиту (284)*). Третье место заняли мотивы с семой ‘стоять, остановиться’. Им обычно сопутствует сосредоточенное состояние героя: *я стою, безмолвием объятый (79)*, *чутко встану я на голос Капитана (256)*, *стою под красной мачтой (263)*, *я слез с седла (233)*, *остановясь, оглядываюсь (350)*. Несколько реже встречаются мотивы с семой ‘сидеть’: *как в полусне сижу (81)*, *я сел на холм (233)*, *мы сели у печки (357)*, *сижу один (413)*. Остальные случаи составили значения ‘прислониться’ (*прильну к сосне (177)*, *откинувшись в покойный тарантас (395)*), ‘пространственные отношения’ (*душой теряясь в небесах (165)*, *мы далеки земле и богу (220)*) и др.

Если отдельно рассматривать пассивные мотивы, в которых лирическое «я» выступает в качестве объекта действия, то окажется, что лидирующее положение также занимают мотивы с ментальными действиями в центре: *она меня прельщала радостью (96), поэт меня поймет (100), она меня простила и забыла (151), песня рей меня клонила в сон (229), он сравнит меня с Мадонной (315), как ему меня не жаль (315), красный бред томил меня (395).*

Для пассивных мотивов наиболее очевидны случаи, когда лирическое «я» испытывает на себе действие различных божественных и природных сил (ветра, огня, света, звука и пр.): *я осенен был духом в день воскресный (183), веет холод ночи на меня (79), ветер повеял в лицо (131), знойный день светил томительно нам (182).* К ним примыкают мотивы из группы ‘экзистенциальные действия’ со значением ‘воздействие’, ‘бытийность’, ‘управление судьбой’: *поднять ресницы <мне> люди не велят (250), презренного, дикого века свидетелем быть мне дано (357), тот миг умножил жизнь мне, данную судьбою (245), нам Ягве указывает путь (182).* Количественно соотносимы с предыдущими группы ‘деятельность органов’ (*смотрят в душу милые глаза (250), нас слушал Христос (210)*) и ‘информационные действия’. Среди информационных действий преобладают ситуации, когда лирический герой воспринимает информацию, чей-то зов: *она меня звала (96,) зарница мне говорила всё об одном (250).*

Заметное место среди пассивных мотивов занимают мотивы со значением ‘перемещение’. В них перемещения лирического героя вызваны внешними обстоятельствами и силами и носят обычно вынужденный характер: *в темные леса гнала меня матери (278), вела меня Мати к венцу да на муку (278), ее громада <земли> поднимает меня в иное бытие (385), куда я занесен, быть может, навсегда (417), я был изгнан на Патмос за свидетельство Христа (183).* В остальных случаях окружающий мир движется относительно остающегося на месте безучастного героя: *берега уже уходят от меня (296).* К группе ‘перемещение’ примыкают мотивы группы ‘расположение’, занимающие четвертое место по численности. В них, в частности, подчеркивается, что место героя в мире определяется не им самим: *я затерян в море чернозема (175), я погребен, как раб, в песке пустынь (193), а также отражается погруженность героя в некую более активную среду: запах дыма меня овеял теплотой (233), я <...> безмолвию объятый (79), ночь окружала меня (109).* По численности все эти семантические группы вдвое уступают ментальным действиям, а между собой приблизительно равны.

Во всем нашем материале мотивы некоторых тематических групп встречаются нерегулярно. Например, мотивам группы ‘экзистенциальные действия’ (типа *пусть я живу мечтою бесполезной (389), я молод (77), я в бездне был (395), мы живем сказками в сумраке (160)*) Бунин отдавал предпочтение с 1893 по 1901 год, затем в 1905–1906 годах, в 1912 и 1916–1917 годах и уже в 1950-х. Мотивы группы ‘информационные и творческие действия’ преобладают в 1900–1901 и в 1905 годах. Мотивов, связанных с ‘перемещением’, больше в лирике до 1900 года, в 1904 году и в период с 1906 по 1913 год – преимущественно в ролевых стихотворениях.

Следует отметить, что мотивы, связанные со сном, воспоминанием героя, обычно являются у Бунина композиционно выделенными, организующими лирический сюжет стихотворения. В подобной функции выступают также мотивы групп 'видеть', 'перемещаться'. Нередки случаи, когда сюжетообразующий мотив, связанный с лирическим «я», один на все стихотворение. Основная же часть текста не имеет отношения к герою; в ней излагается то, что видит герой, что ему снится, например, стихотворение начинается мотивом перемещения: *Я к ней вошел в полночный час (75)*. Далее весь текст – описание спящей девы. Другое стихотворение начинается ментальным мотивом пробуждения: *Просыпаюсь в полумраке (287)*. Далее – изображение Петербурга, которым герой любит через окно. Подобное описание может сопровождаться эмоциональными переживаниями героя: *Всё мне радостно и ново*. Подобные композиционно выделенные мотивы не обозначают активных действий, зато в описанном далее сне или воспоминании героя (то есть в ирреальности) он или другой субъект может совершать активные действия.

*...И снилось мне, что осенней порой
В холодную ночь я вернулся домой.
По темной дороге прошел я один
К знакомой усадьбе, к родному селу...
Трещали обмерзшие сучья лозин
От бурного ветра на старом валу...
Деревня спала... И со страхом, как вор,
Вошел я в пустынный, покинутый двор.
<...>
И снилось мне, что всю ночь я ходил
По саду, где ветер кружился и выл,
Искал я отцом посажённую ель,
Тех комнат искал, где собиралась семья,
Где мама качала мою колыбель
И с нежною грустью ласкала меня,—
С безумной тоскою кого-то я звал,
И сад обнаженный гудел и стонал... (59)*

Мотивы в стихотворении могут быть композиционно равноправны.

*Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривую ракитой в заглохшем саду,—
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде,
Я теперь в небесах никогда не найду.*

*В то селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда. (53)*

В стихотворении выделяются следующие мотивы с лирическим «я»: 1) *я никогда не найду ту звезду* (группа 'ментальные действия'), 2) *я слагал первые песни* (информационные действия – творчество), 3) *я ждал счастья и радости* (ментальные действия), 4) *я не вернусь никогда в то селенье, дом* (перемещение). Первый ментальный мотив и последний «перемещение» не связаны друг с другом причинно-следственной зависимостью и выглядят как самостоятельные мотивы. Вместе с тем между ними есть структурно-композиционное сходство: оба содержат глаголы совершенного вида в будущем времени с отрицательной частицей *не*, общие лексемы *теперь* и *никогда*, указательные местоимения *ту*, *то*, оба замыкают каждый свою строфу. Второй и третий мотивы также не связаны между собой семантически, но сходны структурно-композиционно: строятся на глаголах несовершенного вида, в прошедшем времени, стоят в однородных синтаксических конструкциях. Выстраивается оппозиция прошлого и будущего, в контексте которой мотив *я никогда не найду ту звезду* становится метафорой последнего: *я не вернусь никогда в то селенье, дом*. Перед нами – равноправие и соотнесенность мотивов.

Встретились в нашем материале единичные случаи метафорических мотивов, в которых одно действие выступает вместо другого, например: *мы сгорим без возврата* (140), где *сгорим* (действие огня) употреблено в значении экзистенциального 'умрем, сгинем'; более сложный случай: вместо '<пора мне> приобрести к морским путешествиям', 'стать мореходом' сказано *крестить нагую душу в купели неба и морей* (308). Среди мотивов, связанных с лирическим «я», подобные случаи составили 2 %. Можно заключить, что по крайней мере на нашем материале для Бунина не характерно выстраивание образных парадигм на основе действия (например: вместо *я хочу плакать – слезы теснят мое сердце*, вместо *умру – навсегда в земле усну*).

Итак, наше исследование показало, что нельзя говорить об отсутствии образа лирического «я» в поэзии Бунина. Стихотворения с лирическим «я» в центре занимают у Бунина гораздо более значительное место по сравнению с другими авторами (в нашем материале это Пастернак и Бродский). Однако мотивы, связанные с этим образом, отражают пассивность героя, он – человек чувствующий и выступает обычно в качестве созерцателя. Более активным, действующим лицом является ролевой персонаж. Композиционно выделенными, организующими лирический сюжет также оказываются преимущественно статические мотивы. Названия эготивных стихотворений чаще всего не указывают на лирического персонажа. Возможно, поэтому у читателя и создается ошибочное впечатление отсутствия у Бунина лирического «я».

This research showed that the motives, connected with «I-conception», reflect the passivity of the character; he is a man, who is able to feel and he usually acts as a contemplator. The main character is the most active character. Static motives are compositionally marked, they organize the lyrical plot. Very often the names of egotic poems point to a lyrical character. For this reason the reader has a wrong impression of the lack of Bunin's lyrical «I».

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Порождающие модели // Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966. – С. 198-232.
2. Бунин И. Собрание сочинений. В 6 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. I.
3. Бунин И. Собрание сочинений. В 9 т. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. VIII.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 2004.
6. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл↔Текст». – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
7. Павлович Н.В. Язык образов. – М.: Азбуковник, 2004.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В скобках указываются номера страниц по изданию: Бунин И. Собрание сочинений. В 6 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. I.

О.М. Гаршина

Смоленский государственный университет
E-mail: otarshina@rambler.ru

УДК 821.161.1.09(82)

ПОЛИМЕТРИЧЕСКИЕ КОМПОЗИЦИИ И.А. БУНИНА

Ключевые слова: *типология полиметрических композиций (ПК) в поэзии И.А. Бунина; семантико-стилистический анализ полиметрии И.А. Бунина; роль смены стихотворного размера (метра) в ПК.*

В настоящей статье содержатся результаты исследования полиметрии И.А. Бунина. Автор, опираясь на методiku исследования ПК, разработанную П.А. Рудневым, даёт типологическую и жанрово-экспрессивную характеристику всех полиметрических композиций поэта. Особое внимание уделяется интерпретации смены стихотворного размера (метра) в ПК.

Изучение семантики стихотворных размеров любого поэта неизбежно приводит к необходимости отдельного исследования такого явления, как смена стихотворного размера (метра) в пределах одного произведения. Интерес к этой теме со стороны ряда учёных обусловлен тем, что такие структуры обычно скрывают в себе огромные возможности для семантико-стилистического анализа. Наиболее актуальными в данном направлении научного поиска продолжают оставаться работы П.А. Руднева, предложившего оригинальную методiku исследования полиметрии и показавшего её продуктивность на материале поэзии Некрасова, Брюсова, Блока и других авторов (1).

В стиховедение прочно вошло определение полиметрических композиций, предложенное Рудневым: «Полиметрическая композиция (ПК) – это такая структура стихотворного произведения, при которой его текст складывается из более или менее экспрессивно автономных звеньев, написанных различными размерами и чередующихся иногда с прозой» [8, 159]. Учёным были выделены основные принципы классификации ПК.

Цель предлагаемой статьи – опираясь на методику исследования ПК, разработанную Рудневым, дать типологическую и жанрово-экспрессивную характеристику ПК в оригинальной поэзии И.А. Бунина, сосредотачивая внимание на экспрессивно-смысловой функции смены размеров (метров). Материалом исследования являются все ПК (6 произведений, 185 стихов), взятые из прижизненных изданий лирики, а также из т. 8 Собрания сочинений И.А. Бунина в девяти томах.

ПК Бунина не были предметом отдельного исследования, очевидно, потому, что в его метрическом репертуаре полиметрия занимает явно периферийное положение. Аргументируя свой выбор, отметим, что в области стиховой семантики незначительное по количеству употребление какого-либо размера или, шире, стихотворных конструкций, как правило, сигнализирует об их большей смысловой и экспрессивной нагрузке (2). Так, забегаая вперёд, скажем, что у Бунина одна ПК представляет собой вариацию на тему из «Слова о полку Игореве», другая – на тему из «Фауста» Гёте – литературных произведений с мировым значением! Наша работа актуальна и с практической точки зрения: её результаты могут быть привлечены в качестве сопоставительного материала в других стиховедческих исследованиях.

Типологически ПК классифицируются в зависимости: 1) от состава размеров; 2) от количества звеньев; 3) от степени замкнутости и разомкнутости звеньев. По Рудневу, первый из этих признаков – основной, второй и третий – дополнительные [8, 165-166]. Для семантико-стилистического анализа все эти признаки важны в одинаковой мере. Общая типологическая классификация ПК Бунина такова (3):

1. ПК (Я4; Я6; X6; ЯВ) – 1 произведение, 57 стихов.
2. ПК (X3; X6) – 1 произведение, 14 стихов.
3. ПК (X5, Я5) – 1 произведение, 41 стих.
4. ПК ([Я5; ЯРз(44445)]; [Я5; ЯРз(44445)]) – 1 произведение, 20 стихов.
5. ПК (АмВ; АнВ) – 1 произведение, 22 стиха.
6. ПК (Ан3, X5) – 1 произведение, 31 стих.

Анализ состава размеров показал, что все ПК Бунина находятся в границах силлабо-тоники, в двух ПК в рамках одного метра наблюдается чередование размеров; 4 текста имеют двухчастную структуру, 2 состоят из четырех звеньев.

В первом поэтическом сборнике «Стихи 1887 – 1891 гг.» нами выделены две ПК: «Поздно... Замолчали в роще соловьи...», которая включена в стихотворный цикл под общим названием «Отрывки», и «На юге». Первое стихотворение может быть охарактеризовано как ПК очень условно. При первом чтении

мы отмечаем, что данный текст представляет собой конструкцию, состоящую из двух строф; первая строфа написана ХЗ с правильно чередующимися женскими и мужскими окончаниями, вторая – Х6 с обязательной цезурой после третьей стопы со сплошными мужскими окончаниями. Очевидно, что если расположить попарно стихи первой строфы, мы также получим цезурованный Х6 с мужскими клаузулами. На слух мы воспринимаем это стихотворение как моноразмерное.

ПК второго стихотворения дает сочетание четырёх конструктивно замкнутых звеньев, первое из которых написано Я4, второе – Я6, третье – Х6, четвертое – ЯВ. Текст представляет собой монолог лирического героя, его углубленный ретроспективный самоанализ. Пейзажные описания занимают подчинённое положение по отношению к этим размышлениям дневникового характера о жизни мысли и чувств. Тяготение к повествовательному началу проявляется в сосредоточении внимания лирического героя на том, как и когда изменялось его настроение, как менялись мысли и чувства. Смена стихотворных размеров в тексте маркирует сдвиги в душевном состоянии героя. Так, темой первой части, написанной Я4, является сознательный разрыв с родными местами – разрыв без сожаления, совершённый вопреки сложившемуся мнению. Следует отметить декламативный, пафосный характер этой части, мысль героя строится на отрицании чужих мыслей, мелодический строй текста характеризуют резкие интонационные подъёмы и спады, поэтому речь героя здесь можно уподобить сжатой пружине: *«Не веря тем, кто говорит, / Что море юга золотого / Родных степей не заменит, / Не оживит души больного, – / Не с сожаленьем, не с тоской / Я кинул наши ко-согоры; / Я жил заранее душой / Там, где поёт морской прибой, / Где утонули в рощах горы <...>»* [4, 57].

Тема второй части ПК – это обретение героем желаемого. Размер, которым она написана (Я6), – это традиционный размер элегий. Смена размера при переходе от первой части ПК ко второй сопровождается резкой сменой интонации, она становится спокойной, ровной: *«Пахнуло на меня благословенным югом / И ароматом рощ, и свежестью морской, / И улыбнулся я над грустью и недугом / Над этой новою и свежей красотой <...>»* [4, 58].

Очевидно, что в композиционном плане первая и вторая части ПК соотносятся как завязка и ложная развязка (лирический герой страстно желал оставить родные степи ради «моря юга золотого», чтобы «оживить» свою больную душу, он добивается желаемого, грусть на время отступает).

В третьей части ПК подготавливается и реализуется новый виток в развитии чувств и настроения героя: пребывание на юге, вопреки его чаяниям, не только не приносит спокойствия его душе, но, наоборот, он глубже начинает осознавать своё одиночество, им овладевает чувство тоски по родине. Драматизм передаётся при помощи сочетания нескольких синтаксических переносов, чего не было в первых двух частях ПК: *«Но когда под утро саваном широким / Лёг туман над морем, – страшно одиноким / Я вернулся в город... Вспомнился опять / Дальний сельский хутор... Близкое, родное / Снова с тихой грустью встало предо мною <...>»* [4, 58].

Стихотворный размер, которым написана третья часть, – Х6 с цезурой после третьей стопы (он может быть воспринят как сдвоенный хореический трёх-стопник) – в поэзии Бунина семантически связан сразу с целым комплексом тем: с темой пути, с темой песни и с темой утраты (как правило, утраты бывшего счастья, родины), и в данном случае этот смысловой комплекс присутствует. Изменения, произошедшие в душе лирического героя, заставляют иначе воспринимать унылые картины родной природы, перемена в чувствах влечёт за собой перемену в мыслях: к герою приходит отчётливое понимание того, почему нельзя вычеркнуть из сердца родное. Заключительная часть ПК, которая открывается описанием картины родного пейзажа, увиденной в ином свете, содержит в себе реминисценции из лирики Пушкина («Осень») и Лермонтова («Когда волнуется желтеющая нива», «Родина»): *«Припомнилось мне, как золотом пестреют / Теперь у нас дубовые леса, / Как с каждым днём бледнеют небеса / И нивы жёлтые и сохнут, и пустеют <...>»* [4; 58]. Как показывает опыт предшествующей поэзии, ЯВ присущ элегическому жанру [5, 115-116]. В этой части ПК анализируемого стихотворения мы видим влияние жанра медитативной элегии, в последних стихах, подводящих итог всему стихотворению, прослеживается некоторый элемент дидактизма (характерна замена местоимения «я» на местоимение «мы»).

Анализ данной ПК наглядно демонстрирует, насколько чуток был Бунин к выбору метра, насколько важны были для него смысловые ассоциации, связанные с тем или иным размером.

К 1894 году относится создание стихотворения «Ковыль», являющегося поэтическим откликом на «Слово о полку Игореве». Однако это отклик не непосредственный: хореическая часть стихотворения содержит реминисценции (и даже заимствования) из перевода «Слова» А.Н. Майкова. Не останавливаясь на перечислении имеющихся лексических и синтаксических параллелей, отметим, что первая часть ПК Бунина, как и перевод Майкова, написана белым Х5 со сплошными женскими окончаниями. Как отмечает Гаспаров, «этот размер считался силлабо-тоническим аналогом силлабического 10-сложника сербских народных песен, а расширительно – и всякого фольклорного стиха, преимущественно восточно-европейского <...> у Майкова этот стих появляется сперва в переложениях сербских песен как знак “размера подлинника”, потом в переложении “Слова о полку Игореве” как знак славянского эпоса в целом <...>» [5, 178]. Композиционное построение первой части ПК (наличие повторяющихся рефренов, двухчастная форма, основанная на двукратном повторении одного и того же мелодического движения), лирическое пейзажное описание (при этом используются эпитеты и образы, характерные для поэтики русского фольклора) – всё это свидетельствует о наличии лирического песенного начала в первой части ПК. Таким образом, семантику Х5 в «Ковыле» формирует сочетание лирической и эпической составляющих, большое значение имеет ориентация на фольклорную традицию. Вторая часть ПК – элегическая. Элегии – традиционная область лирического 5-стопного ямба [5, 122]. Вид степи, степной дороги вдруг вызывает у лирического героя размышления о том, могла ли быть эта дорога той самой,

по которой *«Игоря обозы проходили на тихий Дон?»* [2, 20]. Вольная рифмовка, обилие синтаксических переносов создают имитацию разговорной естественности. В ходе анализа стихотворения «Ковыль» актуальным становится вопрос, во-первых, о носителе лирического «я», а во-вторых, о границах художественного времени. Комплексный анализ показывает, что в каждой из частей данной ПК присутствуют разные субъекты сознания, находящиеся в разном времени. В первой части лирический субъект максимально скрыт, его речевая манера вполне позволяет предположить, что по времени он гораздо ближе мог находиться к событиям, описываемым в «Слове», чем лирический субъект второй части. Таким образом, в стихотворении «Ковыль» смена стихотворного размера становится сигналом смены лирического «я» и перемены временных координат.

Анализ ПК Бунина показывает, что смена стихотворного размера важна не только как чисто композиционный приём (так отделяются друг от друга части, картины, темы) – использование полиметрии несёт огромную семантическую нагрузку.

На создание стихотворения «Казнь» (1915), очевидно, повлияла драма Л.А. Мея «Псковитянка», об этом свидетельствуют темы и мотивы стихотворения. Текст характеризуется строфичностью, отчётливой симметричностью композиции, совпадением стихов и интонационно-фразовых отрезков, интонационной симметрией. Стихотворение состоит из двух одинаковых с точки зрения метрико-строфической организации частей, или суперстроф. Каждая часть состоит из двух строф, первая строфа написана Я5, вторая строфа – ЯРз(44445). Лексика, ритмико-синтаксическое и рифменное строение нечётных строф схожие. Существенно и то, что в этом стихотворении последние строки нечётных строф рифмуются между собой и последние строки чётных строф также. Предсказуемость в смене размеров и то, что эта смена происходит в рамках одного метра, – всё это позволяет говорить о так называемой приглушённой полиметрии [5, 137]. Сосредоточим наше внимание на роли смены стихотворного размера, обратимся вначале к первой части ПК. Первую строфу открывает традиционный фольклорный образ-символ: *«Туманно утро красное, туманно ...»* [1, 126]. Туман в фольклорной символике означает приближение несчастья, гибели. В первых четырёх стихах передано тревожное, смутное ожидание чего-то плохого, при этом интонационный фон не меняется. Последний стих – это призыв: *«Вставайте, подымайтесь, псковичи! <...> »* [1, 126]. Повествовательная интонация сменяется восклицательной, на рифменном уровне контраст подчёркивается тем, что женские окончания сменяются мужскими. С последней строки первой строфы начинается резкий интонационный подъём, высшей точкой которого в данной части ПК будет последний стих второй строфы (полноударный стих Я5 с мужским окончанием): *«Точите нож, мочите солью кнут! <...> »* [1, 126]. Смена размера в данном случае является одним из приёмов, призванных передать нарастание эмоционального напряжения: короткие, по сравнению со стихами Я5, стихи Я4, два из которых полноударные, явное преобладание мужских клаузул над женскими – всё это создаёт имитацию обрывистой речи лирического героя. Вторая часть ПК построена

по такой же восходящей интонационной схеме. За счёт того, что все четырёх-стопные строки во второй части ПК полноударные, роль смены размера здесь выглядит ещё явственней, а рост эмоционального напряжения ещё более резким. По классификации, предложенной Б.М. Эйхенбаумом, данное стихотворение представляет собой пример куплетной формы напевного стиха [9, 331]. Гаспаров отмечает: «Стихотворение Бунина “Казнь” заведомо никогда не пелось, но народные, в том числе песенные, ассоциации для автора были очень важны...» [6, 194].

Все проанализированные нами выше произведения являлись примерами конструктивно замкнутых ПК: звенья, написанные разными стихотворными размерами, были графически отчленены друг от друга.

Наибольший интерес, ввиду особенностей своего синтаксического строения, представляет ПК стихотворения «Вход в Иерусалим» (1922). Весь его текст – это один синтаксический период в рамках одной строфы, основной чертой его структуры является наличие двух частей, граница между которыми обозначена тире: «*О мщенье, о мщенье, / О тире кровавом для всех обойдённых судьбой / – И Ты, всеблагодой, / Свете тихий, вечерний <...>*» [1, 228]. Ритмико-интонационные особенности текста – характерные для периода: первая часть, значительно превосходящая вторую по объёму, построена по восходящей интонационной схеме (с сильным возрастанием эмфатического напряжения к паузе); вторая часть, после паузы, произносится с резким понижением тона, с замедлением темпа. ПК данного стихотворения даёт сочетание двух графически не отчленённых звеньев, первое из которых написано АмВ, второе – АнВ. Обратим внимание на 16-й стих, состоящий из трёх слов: «*И Ты, всеблагодой*» <...>. С точки зрения синтаксической организации данный стих относится ко второй части периода. Распределение ударений на иктах свидетельствует о том, что он является последним стихом первого (амфибрахического) звена ПК. Односложный союз «и» по отношению к местоимению «ты», находящемуся под ударением, является проклитиком и составляет вместе с ним одно фонетическое слово, имеющее, таким образом, односложную (амфибрахическую) анакрису. Далее следует слово «*всеблагодой*», имеющее двусложную (анапестическую) анакрису. Получается, что составляющие данный стих фонетические слова метрически относятся к разным звеньям ПК и граница между звеньями проходит между ними, совпадая со слово-разделом. Вследствие того, что звенья ПК графически не отделены друг от друга, а синтаксическое и метрическое членение текста не совпадают, граница между смежными звеньями оказывается размытой, а стихотворение относится к типу конструктивно разомкнутых ПК.

Выше было сказано, что в процессе анализа ПК необходимо учитывать семантический критерий. Так, в данном произведении автономность звеньев ПК во многом основана на семантическом контрасте. Объектом изображения в первой части ПК является калека «с огнём преисподней в сверкающих гнойных глазах», молящий Христа о мщении. Заметим, что в Евангелии повествуется, с каким ликованием люди встречали Христа в Иерусалиме, но ни слова не сказано о том,

чтобы кто-нибудь из народа молил о возмездии. Возможно, данный образ был создан под влиянием образа юродивого из трагедии Пушкина «Борис Годунов».

От начала первой части ПК к концу наблюдается нарастание эмоционального напряжения, интонационный подъём, кульминацией которого являются стихи: «*О мщенье, о мщенье, / О пире кровавом для всех обойдённых судьбой <...>*» [1, 28]. После этих строк следует неожиданный интонационный спад. В центре второй части ПК – Христос, о нём сказано: «*Ты грядешь посреди обманувшейся черни, / Преклоняя свой горестный взор <...>*» [1, 228]. Очевидно противопоставление страшного калеки, жаждущего возмездия, и Христа, противопоставление ненависти и любви, гнева и кротости. На этом основан семантический контраст.

Обратимся к анализу последней ПК – к стихотворению «Маргарита прокрадась в светёлку...» (1926), представляющему собой вариацию на тему «Фауста» Гёте. Заметим, что в тексте «Фауста» ситуация, представленная в бунинском тексте, отсутствует. Рассматриваемая ПК складывается из двух графически отчленённых звеньев, написанных разными стихотворными размерами; каждое из звеньев имеет замкнутую систему рифм. Смена стихотворного размера здесь обозначает смену эпизодов и придаёт всему стихотворению сходство с драматическим произведением. В первой части ПК повествуется о действиях Маргариты, явно свидетельствующих о том, что она совершила грех или только готовится его совершить. Рядом с Маргаритой – Дьявол, который, к удивлению, обращается к ней не с призывом ко злу, а с совершенно иными, необычными для нечистой силы словами: «*Поднимись и молись, Маргарита, / Ниц пади и оплачь свой удел: / Я не даром с такою тоскою / На тебя до рассвета глядел!*» [3, 33].

Исходя из содержания первой части ПК, можно было бы ожидать, что предметом изображения во второй части и кульминацией всего действия будут страстные молитвы Маргариты о прощении. Но всё совершенно иначе. Композиция стихотворения построена на эффекте обманутого ожидания. Акцент делается именно на том, что Маргарита, пребывая в храме, ведёт себя не так, как следовало ожидать: «*Что ж ты не бледнеешь, не рыдаешь, / А тиха и радостна, как ангел, / Невестной Лилии подобна?*» [3, 34].

Вся вторая часть состоит из вопросительных фраз, обращенных к героине; так создаётся иллюзия незавершённости, ожидания чего-либо. Кульминацией всего стихотворения становятся последние два стиха: «*Бог прощает многое – ужели / Любящим, как ты, он всё прощает?*» [3, 34].

При анализе этого произведения важно отметить следующее: семантика стихотворных размеров тесно связана с ритмикой, особенности ритма отражаются на семантических свойствах размера. Так, в данном стихотворении семантический контраст, эффект неожиданности основаны во многом на том, что хорей и анапест совершенно различны по своей ритмической природе. Хорей – двусложный размер с нулевой анакрусой, анапест – трехсложный размер с двусложной анакрусой. Так как звенья в произведении конструктивно замкнуты и между ними нет никакой ритмической скрепы, ритмико-интонационный импульс, создаваемый движением анапеста, внезапно нарушается на границе между частями ПК: резко меняется анакруса, сталкиваются два икта, и далее начинается совершенно

иное, создаваемое хореем ритмическое движение. Стопа анапеста (как и стопа ямба), в которой сильным является последний слог, относится к типу «закрытых» стоп, а стопа хорей (как стопа дактиля), где сильным является первый слог, – к типу «открытых» стоп (по аналогии с «восходящими» и «нисходящими» стопами из теории Ломоносова). В связи с этим для проводимого нами анализа интерес представляют наблюдения, сделанные Л.М. Маллер: «Семантическая дифференциация стихотворных размеров осуществляется прежде всего по признакам динамическим: статики – динамики, завершённости – незавершённости... сам по себе импульс завершённости скорее сочетается с отрицательными эмоциями, идеей конца (что мы и наблюдаем в анапесте), а импульс незавершённости – с эмоциями положительными, мотивами устремлённости и надежды (что нередко находит отражение в дактилических произведениях)» [7, 204]. В противоположность первой части ПК, когда героине оставалось только лишь оплакать «свой удел», во второй части появляется надежда на прощение; не случайно Маргарита сравнивается с невестой Лилией (лилия – это символ Девы Марии). Смена метра в данном произведении несёт семантическую нагрузку (так реализуется семантическая оппозиция *отсутствие надежды vs. её обретение*) и композиционную нагрузку (разделяются два эпизода).

Все проанализированные тексты относятся к типу полиметрии, которую Гаспаров называет лирической (или драматической) [5, 136]. В отличие от классической (музыкальной) полиметрии, в которой один размер был фоновым, а другие выделяли внутренние вставные куски, здесь ни один размер композиционно не преобладает над другим, все они ощущаются равноправными, а смена размеров в произведении маркирует или смену настроений лирического героя, или смену ситуаций, или выступление нового лирического субъекта с новым настроением.

Подведём итоги.

1. Стихотворные размеры, входящие в состав ПК Бунина, не выходят за рамки силлабо-тоники. Только один из шести текстов представляет собой конструктивно разомкнутую ПК, остальные – конструктивно замкнутые.

2. В полиметрических композициях Бунина реализованы и композиционный, и семантический принципы строения. Все тексты относятся к типу лирической полиметрии, но при этом почти во всех ПК (в поздних это более выражено) прослеживаются сюжетные устремления. Смена стихотворных размеров во всех ПК Бунина внутренне мотивирована и, как правило, отсылает к сложившимся до Бунина в русской поэзии экспрессивно-семантическим ореолам отдельных метров.

The present article deals with the results of the research of I.A. Bunin's polymetric system. On the basis of the approach of PC research, suggested by P.A. Rudney, the author provides the typological genre and expressive description of all poet's polymetric compositions. Special attention is paid to the interpretation of the poetic metre shift within the PC.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин Ив. Избранные стихи. – Париж: Современные записки, 1929. – 237 с.
2. Бунин И.А. Полное собрание сочинений. В 6 т. – СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. – Т.1.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 9 т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т.8. – С. 7-40.
4. Бунин И.А. Стихотворения 1887 – 1891 гг. – Орёл: Орловский вестник, 1891. – 78 с.
5. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М.: Фортуна Лимитед, 2002.
6. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М.: КДУ, 2004.
7. Маллер Л.М. Метрика Н.А. Некрасова и традиции русского стиха: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
8. Руднев П.А. Полиметрические композиции Некрасова // Н.А. Некрасов и русская литература.: второй межвузовский сборник. – Ярославль, 1975. – Вып. 40. – С. 159-177.
9. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Руднев П.А.: 1) Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX – начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок) // Теория стиха. – Л.: Наука, 1968. – С. 107-144; 2) Опыт описания и семантической интерпретации полиметрической структуры поэмы А. Блока «Двенадцать» // Учёные записки Тартуского университета. – Вып. 266. – Тарту, 1971. – С. 195-221; 3) Метрический репертуар А. Блока // II Блоковский сборник: труды Второй научной конференции, посвящённой изучению жизни и творчества А.А. Блока. – Тарту, 1972. – С. 218-267.

2. М.Л. Гаспаров отмечает: «Чем менее употребителен стихотворный размер, тем отчётливее его семантические окраски» (см.: Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. – М.: РГГУ, 2000. – С. 191).

3. Условные обозначения:

Х – хорей; цифра после буквы обозначает количество стоп (данное примечание также относится к другим буквенным обозначениям, приведённым ниже). Например: Х5 – пятистопный хорей;

Я – ямб;

Д – дактиль;

Ам – амфибрахий;

Ан – анапест;

ПК – полиметрическая композиция (текст состоит из кусков – «звеньев», написанных разными размерами);

Рз – разностопные размеры (урегулированное чередование размеров разной стопности в пределах одного метра);

В – вольные размеры (неурегулированное чередование размеров разной стопности внутри одного метра).

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Ключевые слова: *перестройка; литературная критика; публицистичность; полемика; лево-радикальное направление в критике.*

Журнал «Огонек» был одним из самых ярких явлений литературного процесса периода «перестройки» (1985 – 1990-е годы). Он представлял лево-радикальное направление в литературной критике. После прихода в журнал В. Коротича в качестве главного редактора какое-то время издание сохраняло умеренную направленность, но позже на смену почвенничеству пришла яркая и смелая революционность, которая стала визитной карточкой «Огонька». Главными идеями еженедельника в годы перестройки были борьба с тоталитаризмом во всех его проявлениях и стремление навстречу читательским интересам. Огромное значение для характеристики позиции журнала имеет А. Сахаров с его идеей превосходства одинокой человеческой личности над коллективом. «Огонек» в описываемый период был главной мишенью представителей противоположного, патриотического, лагеря литературной критики.

Начало изменений в литературе по времени не совсем совпадает с началом политического реформирования в стране после прихода к власти М. Горбачева. Не только в 1985, но и в 1986 году литературная критика и вся литературная общественность сетовали на «серость» вообще, не называя имен и конкретных текстов. Общая «перестройка» в литературе началась с публикации в конце 1986 года романа А. Бека «Новое назначение», а в критике – со вступительной заметки об этом романе нового главного редактора журнала «Знамя» Г. Бакланова [13, 167].

С этого времени «гласность» распространяется и на другие издания, в большинстве которых поменялись руководители.

После 1985 года обнаружилось, что взгляды и на происходившее в России в прошлом, и на будущее русского народа весьма различны. Критики разделились, условно говоря, на два основных лагеря и сгруппировались вокруг нескольких изданий.

Одни критики, которых называли «правыми», «консерваторами», «фундаменталистами», «русофилами», «патриотами», публиковались в «Молодой гвардии», «Кубани», «Нашем современнике» и в некоторых газетах. В задачи критиков данного направления входили, прежде всего, защита «патриархальных» ценностей и ограждение России от влияния западной культуры.

Некоторое время существовала центристская ориентация, представителем которой являлась, например, А. Латынина, но в принципе даже для политической жизни России центристы оказались нехарактерны. Дм. Волкогонов писал об этом явлении так: «Если серьезно, то сейчас настоящего центра нет. Все к кому-то примыкают или примкнут. Бельэтаж подлинного центризма в России всегда практически пуст» [2, 4].

Второй лагерь – лагерь критики, представлявшей в «перестроечные» годы лево-радикальной (литературная критика рассматриваемого периода была глубоко политизирована, даже названия критических «лагерей» содержали в себе политическую окраску). К «лево-радикальному» крылу критики можно было причислить литературно-критические отделы журналов «Юность», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» и, конечно, «Огонек».

Безусловно, «Огонек» по общему уровню, по целям и задачам, которые ставила перед собой редакция, очень отличался и от «Октября», и от «Знамени»; но в либерально-демократическом стане критики он был первым.

Начало триумфа журнала «Огонек» пришлось на 1986 год и связано со смелой главной редактора. В роли лидера журнала, сделавшей его столь популярным человеком в нашей стране и за рубежом, Виталий Коротич впервые выступил в № 26 за 1986 год. Сказать, что в отношении литературы и критики журнал сразу изменил ориентацию, нельзя, но постепенно складывалась ситуация, позволявшая говорить об особенностях журнала, резком отличии данного издания от других. Это касалось не только политических дискуссий, многочисленных судебных очерков, публикаций бывших под запретом произведений, интервью с интереснейшими людьми, огромного количества статей, опубликованных в журнале за годы перестройки, но и раздела критики, сформировавшегося в «Огоньке» в течение описываемого периода.

«Огонек» и до перестройки помещал литературно-критические статьи, связанные в большинстве своем с юбилеями прозаиков и поэтов, продолжал он это делать и в 1986 году, и позже. Из прошлого журнал взял традицию представления, аннотирования, описания некоторых интересных книг. Позднее рубрика «Среди книг» постепенно исчезла из еженедельника.

В № 31 за 1986 год можно было найти еще одну старую форму: интервью с современным писателем. В данном случае это интервью Феликса Медведева, озаглавленное «У Виктора Астафьева, на Енисее». Ф. Медведева привлекали люди незаурядные, часто писатели. Излюбленные им жанры портрета и интервью требовали от журналиста остроумия, такта, что же касается Ф. Медведева, то вопросы его были обычны, банальны, похожи на те, что задают на встречах писателям не очень остроумные и внимательные читатели [20, 9]. В этом заключалось и некоторое достоинство: специальный корреспондент «Огонька» удовлетворял интерес или даже любопытство сразу миллионов, но в этом были и бесспорные минусы: Ф. Медведев не казался человеком оригинальным, притягательным, что отличало других «огоньковцев»: смелости и выдумки им хватало.

Критика серости вообще сменилась «личностной» критикой не сразу: первой заговорила о здравствующих «классиках» советской литературы без подбострастных интонаций Наталия Ильина в статье «Здравствуй, племя младое, незнакомое...», опубликованной в № 2 «Огонька» за 1988 год. Это было прямое выступление против В. Карпова, первого секретаря правления Союза писателей СССР, и Г. Маркова, его предшественника на упомянутом посту. В статье говорилось о несправедливой разнице между количеством изданий, тиражей и упоминаний в печати писателей, занимавших определенные посты, и писателей, посты не занимавших, но талантливых и востребованных читателем.

Критика секретарской, официальной литературы надолго не смогла удержать интерес перестроечной прессы, так как одновременно с ее появлением на читателя потоком хлынули «возвращенные» произведения, сначала в большинстве своем посвященные проблеме культа личности, а затем книги эмигрантов. Естественно, критика «Огонька» не осталась в стороне и приняла самое активное участие в обсуждении новых для российского читателя текстов.

Оценки произведений критиками были заведомо предрешены. «Задержанные» тексты представителями левого (по тогдашней, обратной современной, терминологии) лагеря приветствовались, критики же правого толка пытались продемонстрировать, что «ажиотаж вокруг популяризируемых произведений и писателей неоснователен или по крайней мере слишком раздут» [13, 172].

В первые месяцы своего существования обновленный «Огонек» был умеренным изданием. Он разделял идеи демократии, но в самом начале ориентировался на общенародную традицию. Публиковались же здесь те, кто работал в русле этой традиции (Астафьев, Распутин, Окуджава) или ее исследовал (Лихачев, Аверинцев, Кожин). Об этом подробно писал А. Архангельский, связавший «умеренно-почвенную» [1, 48] позицию журнала со стремлением редакции еженедельника следовать идее независимой личности, что тогда позволяло сотрудникам «Огонька» примирять весьма несхожих по своим идейно-политическим пристрастиям персонажей.

Но позже «Огонек» включился в процесс возвращения выброшенных из литературы имен, и в течение двух-трех недель от огоньковской умеренности ничего не осталось: на смену почвенничеству пришла революционность. Перестройка стала шансом шестидесятников, в том числе и В. Коротича, договорить недоговоренное в свое время, ареной же «договаривания» стал именно «Огонек». Главной его идеей в годы перестройки была борьба с тоталитаризмом во всех его проявлениях. В этом и в других вопросах журнал шел за общественным мнением, однако не формировал его.

В № 49 за 1988 год появилась статья Вячеслава Костикова «О "феномене Лоханкина" и русской интеллигенции», ставшая для журнала во многом поворотной. «Огонек» вместе с автором статьи еще не мог сказать всего о трагической судьбе русской интеллигенции в революции, но он сказал, что революция обратила свое оружие против своих же зачинателей, что революция выслала или погубила оппозиционно мыслящих сыновей.

Огромную роль в судьбе журнала сыграл Андрей Дмитриевич Сахаров. Он был одним из тех, кто наглядно показал обществу того времени, что не коллектив является центром исторического процесса, а одинокая человеческая личность. Это вполне совпадало с новой философией журнала, поэтому с этой идеей «Огонек» и пошел до самого конца.

«Огонек» одним из первых начал снимать табу с тем и проблем, ранее закрытых для обсуждения, вводить в обиход имена, цифры, даты, факты, которые либо не были известны широкой общественности, либо известны были, но как бы нелегально, не из печати. Еженедельник собрал вокруг себя людей, искавших правду и справедливость. Он стал главным журналом «перестройки», ее символом. Произошло это потому, что публике многое импонировало в огоньковцах: воинственность, полемичность, общий тон, избранный журналом, – тон митинга. В «Огоньке» все оценивалось с точки зрения рядового человека, потому и в критике журнала лидирующее положение заняла Т. Иванова, одна из отличительных черт которой – подчеркнутый непрофессионализм.

Имя Т. Ивановой, энергичного и плодовитого критика, впервые появилось в «Огоньке» в № 7 за 1987 год. К тому времени она уже была известным критиком, печаталась в «Книжном обозрении», в журнале «В мире книг», вела раздел «Круг чтения» в газете «Труд», мелькала на телеэкране. В «Огоньке» ее статьи стали появляться часто.

Есть мнение, что Т. Иванова – единственная из своих коллег по критическому цеху – повела доходчивый, адресованный самой широкой аудитории разговор о литературных делах. Именно в этом состоял секрет любви к ней читателей. Т. Иванова не избежала греха словесной драки, но привлекали к этому автору эмоциональность, своевременность советов, широкий кругозор, ярко выраженный «перестроечный» характер ее суждений, а главное – доходчивость. Не отрицал полностью ее сумбурное творчество С. Чупринин. «Жалея, что Татьяне Ивановой столь часто изменяет вкус, ежась порою от ее чересчур размашистых аттестаций, пребывая в уверенности, что нужно все-таки не идти за читателем, а вести его за собою», он тем не менее с интересом, пониманием и сочувствием следил за работой Т. Ивановой, которая рисковала, ошибалась, но все же «делала шаг навстречу огромной читательской массе» [21, 303].

Научной терминологии, как и вообще любой специальной – пусть даже в объеме укороченного школьного курса теории литературы, – в ее статьях не было, как не было и обстоятельного, вдумчивого анализа той или иной литературной тенденции.

Без полемики, без выпадов в адрес «Молодой гвардии» Т. Иванова не обходилась никогда. От ряда ее высказываний об оппонентах веяло нескрываемым презрением: «Я вновь не называю фамилии, потому что многие только и ждут упоминания собственной фамилии в критических статьях «Огонька», осознавая, что это для них единственный способ приобрести известность» [10, 11].

Совершенно справедливо Т. Иванова считала, что никакие «заслуги перед обществом» не дают права на агрессивность «по отношению к человеку, думаю-

щему иначе, чем ты» [7, 19], но сама она нередко бывала именно агрессивна. Как только она касалась своей «идеи-фикс», проблемы репрессий и сталинского режима, ее логика и объективность исчезали бесследно. Появлялись бесконечные риторические вопросы, приводившие в ужас цитаты и эмоции. О литературе Т. Иванова забывала, переходя к теоретическим рассуждениям о последствиях культа личности: «Эх, много сейчас работы у антиперестроечников. Гласность в рамки вводить, рынки разгонять, смотреть, чтобы телевидение не распускалось – роки там всякие, ансамбли, подростки как таковые (даже их лица – крамола), успеть сказать хоть по одной гадости про каждого реабилитированного (объективно, объективно надо на них смотреть, нечего идеализировать), не упустить момент, когда пора кричать в связи с очередной захватившей умы и сердца публикацией, что ничего в ней особенно художественного нету, что все, в прежние годы свободно публиковавшееся, было не в пример лучше» [9, 11].

Т. Иванова – самый типичный для «Огонька» периода перестройки критик, потому ей журнал отдавал свои страницы чаще других. Она была взвинченна, сумбурна, эмоциональна, как и весь журнал. Ее обзоры отличались широтой, но не глубиной, что тоже можно было отнести к «Огоньку» в целом. И еще одна важная черта: Т. Иванова, как и редакция этого самого популярного тогда в стране журнала, шла навстречу читателю, но не вела читателей за собой.

С. Чупринин считал, что имя другой Ивановой, Натальи, «многие годы ассоциировалось прежде всего с газетными публикациями и с теми из них по преимуществу, где критик устраивала "торжественную порку" то тем, то иным сплеховавшим, схалтурившим или "недотянувшим" беллетристам» [21, 271]. В «Огоньке» Наталья Иванова опубликовала свой материал впервые в № 11 за 1988 год. Статья ее была посвящена проблемам критики, литературным спорам того времени. В наплыве критики Н. Иванова выделяла так называемую реальную критику, следовавшую традициям Добролюбова и сочетавшую рассуждения о литературе с рассуждениями о политической жизни общества в целом; «элитарную» критику, занимавшуюся исключительно похвалами, сравнением фигур типа П. Проскурина с фигурами масштаба Бальзака, Аввакума, но никак не меньше («передергивания, исторические ляпы, безграмотность всегда были оборотной стороной аллилуйщины») [6, 26]; политически-реакционную критику (сюда Н. Иванова относил тех, кто выступал за сталинизм или по крайней мере не осуждал сталинистов).

Уже одна эта статья позволяла выделить систему доказательств, которой обычно пользовалась Н. Иванова. Прежде всего она выбирала из художественного произведения или критической работы, о которых говорила, цитаты, которыми критик или беллетрист уничтожал себя в глазах читателя. Хорошо подобранные и мастерски прокомментированные, эти цитаты не могли не вызвать негодования, неприятия. Но на этом критик не останавливалась. Она неизменно ссылалась на классическую литературу, чтобы окончательно уничтожить «противника».

Привлекало в Н. Ивановой как раз то, что отличало ее от общей установки «Огонька»: она стремилась к основательности, относительной академично-

сти, спокойствию, в то время как журнал был беспокоен, лихорадочен, нервозен. С. Чупринин считал, что читатель вправе был много ждать от Н. Ивановой, ибо «и профессиональный, духовно-творческий потенциал ее высок, и жизненного, литературного, мыслительного и эмоционального "материала" в погоне за убегающим днем накоплено предостаточно» [21, 279].

Общий тон журнальных статей описываемого периода, однако, оставался иным. Он был насквозь пропитан иронией, порой, надо признать, весьма желчной, язвительными намеками и домыслами.

Чрезвычайно показательна для характеристики позиции и стиля «огоньковской» критики реакция журнала на появление «Детей Арбата». Роман А. Рыбакова на несколько месяцев всколыхнул всю страну. «Огонек» не мог не откликнуться на это событие в литературной жизни и поместил подборку писем, полученных писателем после этой публикации. Оценки читательской и писательской критики были явно завышены, авторы писем наперебой благодарили А. Рыбакова за столь смелое и совершенное в художественном отношении произведение. М. Шатров даже назвал написание романа писательским подвигом. В. Каверин ввел по отношению к роману термин «исследовательский», отмечая страстное стремление писателя к правде и скрытость авторской позиции (с чем трудно согласиться). Д. Гранин отметил идейную точность произведения и «совершенство художественного воплощения» [19, 5]. Е. Евтушенко дал такие характеристики роману: «гигантское калейдоскопическое повествование», «масштабное историко-социальное полотно», «классическая структура» [19, 5]. Л. Аннинский писал, что А. Рыбаков сумел найти правильный тон в размышлениях о Сталине, что правда романа – шекспировская.

Безусловно, налицо явная тенденциозность в оценке не очень сильного художественно произведения, но иногда, нельзя не признать, «Огонек» стремился стать ареной плюрализма. Редакция порой отдавала страницы для взаимных упреков и обвинений беллетристов и критиков. Бывало даже, сотрудники еженедельника сталкивали непримиримых врагов прямо в одном номере.

Обобщая, следует выделить некоторые повторявшиеся черты «огоньковской» критики.

– Полемическая направленность: «Все жанры, употребляя старый оборот, повернулись лицом к жизни – к белым и черным пятнам истории, к злободневным вопросам современности, словом – к созиданию. Критика же как никогда ярко выясняет внутренние отношения» [18, 33].

Критики «Огонька» больше других представителей своего лагеря тяготели к личной полемике, направленной на конкретных представителей оппозиционного лагеря.

– Идеологизированность («Отталкиваясь, именно отталкиваясь, подчеркиваю, от тех или иных ставших доступными читателю сегодня произведений, критики спорят, конечно же, не только и не столько о литературе как таковой, сколько о действительности и о политике» [18, 49], – писала Н. Ильина).

– Использование «недозволенных приемов»: «Если полемика в публицистике идет все-таки на уровне концепций, то полемика в критике идет во многих случаях на уровне придирок и передергиваний (или «одурачивания», обрыва цитат и т.д.) оппонента» [18, 50].

Обвинения «огоньковских» критиков в безапелляционности представляются верными: «Ведь нельзя же, в самом деле, называть критикой патетические возгласы по адресу одних и уничижительные – по адресу других авторов. Больше того, Т. Иванова первая отважилась с ошарашивающей прямоотой говорить читателю: это – читай, а это – не читай» [14, 218].

– Дилетантизм во многих вопросах, затрагиваемых критиками.

– Предсказуемость оценок.

Постепенно отдел критики в журнале «Огонек» затухал. Отдельные выступления критиков, чаще всего не связанные с современным литературным процессом, нельзя было назвать отделом с четко выработанной позицией, определенными предпочтениями и обоснованным подбором материала. Трудно обвинить в этом редакцию журнала, подобное можно было сказать о большинстве художественно-публицистических изданий того периода.

Уже 1990 год – «пустой» для «Огонька» с точки зрения литературной критики. Можно отметить лишь несколько материалов, хотя и их лишь с большой натяжкой удастся отнести к литературно-художественной критике. В 1990 году критики в журнале настолько мало, что ни о какой-либо концепции, ни о каком-либо выборе направления говорить не приходилось.

1991 год был насыщеннее, но в этом году журнал вообще становился все менее и менее популярным, интересным, серьезным. «Огонек» терял читателей не по дням, а по часам. Впрочем, в этом году вообще очень быстро угасал интерес к печатному слову, но «Огонек» по темпам падения популярности превосходил многие издания, становясь все более безликим и сумбурным. Это касалось и критики тоже.

«Огонек» был главной мишенью критиков противоположного лагеря. Он был дружно ненавидимым, «зловредным», «все искажающим» журналом. В. Сидоров, к примеру [22], утверждал, что «Огонек» сознательно провоцировал общественное мнение, что ему были свойственны бесшабашная лихость, откровенный цинизм, произвольное отношение к людям и фактам, а также ощущение своей безнаказанности.

Козырем в руках представителей «правого» альянса всегда была одобрительная статья В. Коротича о «трилогии» Л.И. Брежнева.

Непримиримым оппонентом «Огонька» выступал «Наш современник». М. Лобанов сопоставил результаты деятельности журнала с духовным Чернобылем: «Семидесятилетняя трагедия народа превращена в нескончаемую пляску на могилах, стала предметом циничных политических спекуляций» [15, 162]. В «Молодой гвардии» считали, что «Огонек» болен слишком высоким самомнением. Только этим якобы можно объяснить последовательное внимание к отдельным писателям и изданиям, граничащее с преследованием:

«Если бы речь шла о людях и изданиях, с которыми «Огонек» просто не согласен, то мы, конечно, увидели бы в журнале открытый спор и полемику, сопоставление различных мнений. Точка зрения редакции оставляла бы читателям право на выбор и поддержку той или иной позиции. Это была бы демократия в действии, за которую на словах «Огонек» и его главный редактор ратуют активно. Но речь, к сожалению, о другом: о гонении не на тех, с кем «Огонек» не согласен, а на тех, кто не согласен с «Огоньком». Да и допустимо ли это: быть несогласным с претендующим на изречение истин в конечной инстанции? Когда редактор издания призывает обращаться с жалобами к нему, а не к власти, то что же – себя и собственное разумение вещей он полагает стоящими над всеми? Неужели злополучный "фонарь гласности" у него в руках?» [4, 254].

Перестройка ввела в жизнь России, особенно литературную, массу нового: возвращенцев, эмигрантов, андеграунд. Практически перестройка сломала постепенное развитие нашей словесности и во многом повернула это развитие в иную сторону. Давно завершилось время публикаций уже сделанного – и здесь, и в эмиграции. Андеграунд утратил право на свое имя и, как выяснилось, не смог надолго удержать к себе интерес. Литературную публицистику сменил анализ профессионалов. Изменился читатель. Очевидно, что теперь уже вся страна не будет по очереди, без разбора читать то «Детей Арбата», то «Доктора Живаго». Одно литературное произведение перестало быть событием для всех: каждый может выбрать то, что ему ближе. Те, кто искал в прессе идеологическую борьбу, вообще отошли от литературы, ведь от идеологии она постепенно освобождалась. Таким образом, пространство литературы продолжает сжиматься, несмотря на то, что издатели пытаются привлечь читателя занимательной, детективной, эротической и тому подобной литературой.

Ситуация культурного потребления после перестройки резко изменилась: во-первых, чтение все чаще заменяется «телесмотрением», а если и сохраняет объем времени, затрачиваемого на него, то содержание читаемых книг все чаще уходит от сложной для восприятия проблемной литературы; во-вторых, образованные люди утратили свое место в обществе: снизился их авторитет, «опустилась» оценка, а затем и самооценка. Зато повысилась значимость таких сфер социальной жизни, как политика, экономика, журналистика, реклама, эстрада.

Функции сохранившихся и продолжающих выходить толстых журналов сегодня тоже изменились. Теперь это или публикации текстов, или мнение об опубликованном. Критические отделы, как правило, ограничиваются перечнем заметных литературных явлений часто полугодовой или даже годовой давности. Журналы продолжают терять тиражи и читателей. Репутации перестали создаваться в толстых журналах, и литературный процесс регулируют не они.

Что же делал после перестройки «Огонек»? Он долго занимал промежуточную позицию между традиционной и новой прессой, становясь порой даже рупором правительства (стоит вспомнить галерею портретов ельцинской администрации, так напомнившей былые времена, в одном из декабрьских номеров 1991 года), хотя ниша эта была занята другими изданиями: «Россией»,

«Российской газетой». «Огонек» все больше становился похожим на бульварные издания. Этот журнал не нашел пока места в нашей теперешней жизни, хотя невозможно забыть о его заслугах перед словесностью и перед общественным сознанием в целом.

The magazine, called «Ogonek», was one of the most interesting issues of the period, which is known as «perestroika» (1985 – 1990). It represented the radical part of the Russian literary criticism. The main leader of «Ogonek» was V. Korotich. At the beginning of «perestroika» the magazine was not radical at all, but situation changed some months later. The main ideas of «Ogonek» were the fight against totalitarianism and the attempts to become interesting for the readers. Those people, who created «Ogonek», followed A. Sakharov, who thought, that an individual is more important for human society than a collective. «Ogonek» was the main target of the literary critics of the patriotic part of Russian criticism.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. У парадного подъезда. Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987 – 1990). – М., 1991.
2. Волкогонов Д. Нас пытаются соблазнить новыми химерами и мифами // Известия. – 1993. – № 224.
3. Генис А. Письма с Родины // Огонек. – 1990. – № 40.
4. Горбачев В. Арендаторы гласности? О перестройке и подстройке // Молодая гвардия. – 1989. – № 1.
5. Иванова Н. Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век. – СПб., 2003.
6. Иванова Н. Чем пахнет тормозная жидкость // Огонек. – 1988. – № 11.
7. Иванова Т. Если спросится // Огонек. – 1987. – № 46.
8. Иванова Т. Звезда жены соседа Митрофана // Огонек. – 1988. – № 34.
9. Иванова Т. Кто чем рискует // Огонек. – 1988. – № 24.
10. Иванова Т. О пропущенном, опущенном и ныне допущенном // Огонек. – 1988. – № 49.
11. Иванова Т. Передай дальше // Огонек. – 1987. – № 7.
12. Карпов В. Писательские заботы // Огонек. – 1986. – № 39.
13. Кормилов С. Поляризация литературно-критических позиций и российское общественное сознание на рубеже 1980-х – 1990-х годов // Московский государственный университет. Кафедра истории русской литературы XX века. Кафедральные записки. Вопросы новой и новейшей русской литературы. – М., 2002.
14. Лицом к правде. Из писем в редакцию // Молодая гвардия. – 1989. – № 3.
15. Лобанов М. В страданье и любви // Наш современник. – 1990. – № 6.
16. Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. – СПб., 2006.
17. Ованесян Е. «Прятаться за словами бесполезно...» // Молодая гвардия. – 1989. – № 8.
18. О чем молчим? и почему? Наша анкета // Вопросы литературы. – 1989. – № 3.
19. Письма Анатолию Рыбакову // Огонек. – 1987. – № 27.
20. У Виктора Астафьева, на Енисее. Печальные беседы с автором «Печального детектива» // Огонек. – 1986. – № 31.
21. Чупринин С. Критика – это критики. Проблемы и портреты. – М., 1988.
22. Цит. по: Щеглова Е. Надтреснутая спираль // Звезда. – 1990. – № 9.

А. Маймескулов

Университет Казимира Великого

(Быдгощ, Польша)

E-mail: majmiesk@ukw.edu.pl

УДК 821.161.1.09

ПОЭТИЧЕСКАЯ «ОТКРЫТКА» (К НЕГАТИВНОЙ ИНТЕРСЕМИОТИЧНОСТИ БРОДСКОГО)

Ключевые слова: жанр «открытки»; «вид-ведута»; анти-коммуникация.

Поэтическая «открытка», как разновидность эпистолярного жанра в поэзии Бродского является стилизацией реально-бытовой почтовой открытки – видовой (veduta), поздравительной или приветственной. Спроецированность поэтической «открытки» на открытку прикладную выявляет антикоммуникативность модели Бродского. Его «негативная» эпистолярно-открыточная поэтика отрицает схему коммуникативного акта: «ниоткуда – никому – не ваши/ничей», превращает открытку-ведуту в вид никуда, совмещая его с жанром «эпитафии городу» или апеллируя к бытовой открытке, алогически компанует не только несуществующие, но и парадоксально (не)мыслимые достопримечательности – «монументы событиям, никогда не имевшим места».

У России есть архитектурные резоны быть благодарной железному занавесу, он помог ей сохранить внешнее своеобразие. В наше время, получив открытку, приходится соображать, откуда она – из Каракаса (Венесуэла) или из Варшавы (Польша).

Иосиф Бродский, «Путеводитель по переименованному городу», 1979

Эпистолярный жанр в поэзии Бродского явно привилегирован, что может получить объяснение на уровне культурной интертекстуальности, как в случае художественной стилизации, связанной с установкой на античную традицию жанра поэтического послания («Ex ponto (Последнее письмо Овидия в Рим)» (1965), «Письма римскому другу (Из Марциала)» (1972), «Одиссей Телемаку» (1972), а также «Письма династии Минь» (1977)), и вообще на мировую литературу (письма к Бланш Делярю от лейтенанта Бенца в «Новом Жюль Верне» (1976), так и в случае стилизации на внехудожественную, прикладную, переписку («Письмо в бутылке» (1964), «Письмо в академию» (1993)), к которой следует, по-видимому, отнести и жанр поэтической «открытки» Бродского (1).

В отличие от *письма* с его обязательными текстовыми признаками *адресованности* открытка, как почтовая карточка для открытого письма, допускает в

бытовой/эпистолярной практике безадресность текста, точнее, адресация самой открытки принимает на себя двойную функцию: адреса и обращения к адресату. Как заглавный жанроуказатель, «открытка из...» вступает у Бродского, однако в семантический конфликт с текстовой безадресностью стихотворений либо, как в случае эксплицитной адресованности (посвященности) «Открытки из города К.» – Томасу Венцлова и «Открытки с тостом» – Н.И., получает двойственный, колеблющийся между текстом и контекстом характер адресации (2).

Если попытаться типологизировать «открытку» Бродского в контексте реальной почтовой открытки, то две из них моделируются как открытки с видом («Открытка из города К.» (1968(?)) и «Открытка из Лиссабона» (1988)), третья – «Открытка с тостом» (1969 – 1970) – совмещает жанр открытки с видом (панорама Вологодской области) с жанром поздравительной открытки, четвертая – просто «Открытка» – базируется на обобщенно-собираательной характеристике населения страны, откуда «посылается» данная «открытка», пятая же, лишенная заглавного открыточного жанроуказателя, – «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...» (1975 – 1976), в структурном отношении воспроизводит языковую модель приветственной открытки, чтобы затем – согласно негативной поэтике Бродского – опровергнуть ее на уровне семантики как антикоммуникативную (3).

НИОТКУДА – НИКОМУ – НЕ ВАШ/НИЧЕЙ

Итак, импликацией модальной структуры стихотворения «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...», открывающего цикл «Часть речи» (1975 – 1976), является открыточно-эпистолярная речевая конвенция, транспонируемая Бродским по-принципу негации или, согласно его «зеркальной» тематизации в тексте стихотворения («как безумное зеркало повторяя»), – по принципу энантиоморфизма. Так то же стихотворение Бродского образует в интертекстуальном плане двойную тематическую транспозицию двух коммуникативных мотивов – открытки и записок безумца («Записки сумасшедшего» из петербургского цикла Гоголя):

*Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но не важно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях;
я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне –
как не сказано ниже по крайней мере –
я взбиваю подушку мычащим «ты»
за морями, которым конца и края,*

*в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.*

[2, т. 3, 125]

Письменно-открыточная риторика любовного приветствия, посылаемого издалека субъектным Я возлюбленной – «ты», последовательно самоотрицается на уровне эпистолярного дейксиса: операторы коммуникации *кто/откуда/когда* – *кому/куда* замещаются отрицательными местоимениями «ниоткуда», «ничей [верный друг]» и эквивалентизирующими их формами, либо лишенными референтности («надцатого мартабря»), либо референтно избыточными, как в случае парадигмы стереотипных обращений «дорогой, уважаемый, милая» в функции набора без акта выбора.

Семантика антикоммуникации реализуется, как было отмечено выше, на основе двух линий интертекстуальности. В случае установки текста Бродского на форму открытки/открытого письма следует говорить об интерсемиотичности, так как здесь устанавливается отношение текста (стихотворения) и семиотической системы переписки/открытки, следовательно, реализуется структурная реминисценция прикладной формы коммуникации (ср. понятийную дифференциацию «интертекстуальность/интерсемиотичность» [6, 161-164]).

Интертекстуальная же установка стихотворения на «Записки сумасшедшего», структурирующая его текстовую рамку (микроцитата «надцатого мартабря» в начальном стихе и мотив «безумного зеркала» в конечном) двойным образом прекращает заданную «открыточностью» текста коммуникацию Я – ТЫ. Во-первых, отсылая к жанру «записок», обращает ее в автокоммуникацию, а во-вторых, вводя перспективу «безумного зеркала», превращает ее в антикоммуникацию. (О соотношении «записок-дневника» и «переписки» в структуре нарратива *Записок сумасшедшего* в семиотическом аспекте см. [3]).

ОТКРЫТКА С ВИДОМ В НИКУДА

Открыточность обоих «видовых» стихотворений подразумевает моделирование мира как ведуты (veduta; о литературных ведутах см. [7]), т.е. как *вида города К.* [Кенигсберга-Калининграда] / *Лиссабона*. Открыточный вид, как правило, – презентация городских достопримечательностей, памятников и т.п., т.е. визитная карточка города.

В случае города К. – это руины/развалины Дворца Курфюрста, кенигсбергского замка прусских королей, которые в конце шестидесятых годов XX века были снесены (анализ данного стихотворения в контексте «кенигсбергского цикла» в [11, 16]):

ОТКРЫТКА ИЗ ГОРОДА К.

Томасу Венцлова

*Развалины есть праздник кислорода
и времени. Новейший Архимед*

*прибавить мог бы к старому закону,
что тело, помещенное в пространство,
пространством вытесняется.*

Вода

*дробит в зеркале пасмурном руины
Дворца Курфюрста; и, небось, теперь
пророчествам реки он больше внимлет,
чем в те самоуверенные дни,
когда курфюрст его отгрохал.*

Кто-то

*среди развалин бродит, вороша
листву запрошлогоднюю. То – ветер,
как блудный сын, вернулся в отчий дом
и сразу получил все письма.*

[2, т. 2, 250]

Томас Венцлова толкует заглавную криптонию следующим образом:

...Кенигсберг, превращенный в руины, лишился примет, стал анонимным, оказался сведенным к одной-единственной букве. Смысл стихотворения можно определить краткой формулой «Это – казненный город» (слова Ахматовой, сказанные, впрочем, не о Кенигсберге, а о другом европейском городе, в сталинские времена присоединенном к СССР – о Выборге) [11, 19].

Стихотворение читается Венцловой в жанре «эпитафии городу», особенно популярном в поэзии ренессанса и барокко:

Хорошо известны «эпитафии Риму», первую из которых написал, по-видимому, Ианус Виталис в XVI веке: ему подражали Дю Белле во Франции, Спенсер в Англии, Кеведо в Испании, Семп-Шажиньский в Польше и другие. Разрушенные строения «вечного города» в этих эпитафиях противопоставлены водам Тибра: парадокс, имеющий и теологическое измерение, заключается в том, что сохраняется именно текучее и ненадежное на вид, а бранным оказывается мощное, смерхматериальное. В «Открытке из города К.» роль Рима играет Кенигсберг: здесь [...] можно усмотреть ранние подступы к римской теме, столь важной для зрелого Бродского. При этом Тибр и Колизей заменены инвариантными элементами «кенигсбергского текста» – Прегелем и дворцом курфюрста, сиречь прусского короля [11, 21].

Так, приветственная открытка из мертвого города визуализует его видовую, ведутную, сторону посредством двойного – и удваивающего ведуту брэнности – кода: руин, с одной стороны, и дробящего их отражения водой (рекой) – с другой. Если в первой, разбираемой здесь «открытке», Бродский воспользовался «(сумасшедшим) зеркалом» как метафорой 'записок к себе самому сумасшедшему', трансформирующей, кстати, мотив реального зеркала в гоголевских «Записках...», то «пасмурное зеркало» в кенигсбергской «Открытке...» – вещь. Согласно комментарию самого автора, под сбывшимися «пророчествами реки» о разрушении дворца понимается именно то, что «отражение в реке дробит замок на куски» (цит. по: [11, 16]). В аспекте актуализации мифологемы пророческой

реки здесь, возможно, подспудно оживляется и архетипическая связь реки и речи, которая может принимать на себя и функцию письменной стороны открытки.

С рекой времен, если по-державински метафоризовать четвертое измерение в «Открытке»-«эпитафии» Бродского, связан мотив «запрошлогодней листвы», имплицитно почтовую тему на паронимической основе «листья/лист»: «То – ветер, / как блудный сын, вернулся в отчий дом / и сразу получил все письма». При этом введение мотива «писем» в модальные рамки жанра «открытки» любопытным образом перекликается с оформлением реальной открытки, на которой, как отмечает Малгожата Барановска [7, 24-25], чрезвычайно часто появляется мотив письма, а иногда открытка представляет саму себя в виде картинки, посылаемой в конверте.

Если такая автотематичность реальной открытки функционирует как автореклама почтовой связи, ее коммуникативной успешности, то мотив переписки в «Открытке» Бродского направлен на обратное, как и сам «открыточный» вид «города К.»: на «без-видность», согласно «закону вытеснения пространством тела, помещенного в пространстве», и на а-коммуникацию, на ее алогизм, когда ветром «все письма получают сразу», поистине: «на ветер».

ОТКРЫТКА С ВИДОМ ТОГО, ЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Бытовая открытка пользовалась не только коллажем, но и монтажом реальных элементов в нереальных реляциях, как, например, поезд, проезжающий через площадь Конкорд в Париже (описанный в: [7, 7 и след.], – с целью демонстрации, как комментирует исследовательница, своих неограниченных коммуникативных возможностей.

«Открытка из Лиссабона» (1988), где – обратно «Открытке из города К.» – географически конкретному и культурно отмеченному названию города отвечают не только несуществующие, но и парадоксально (не)мыслимые достопримечательности – «монументы событиям, никогда не имевшим места», а ландшафты на этой «открытке» – «соответствуют приметам бесконечности, но не полностью», являет собой пример поэтики парадокса и алогизма Бродского. Что же касается открыточно-коммуникативного аспекта стихотворения, то его финальное слово «бессвязность» в этом отношении – ключевое:

ОТКРЫТКА ИЗ ЛИССАБОНА

Монументы событиям, никогда не имевшим места:

Несостоявшимся кровопролитным войнам.

Фразам, проглоченным в миг ареста.

Помеси голого тела с хвойным

деревом, давшей Сан-Себастьяна.

Авиаторам, воспарявшим к тучам

посредством крылатого фортепьяно.

Создателю двигателя с горючим

из отходов воспоминаний. Женам

*мореплавателей – над блюдом
с одинокой яичницей. Обнаженным
Конституциям. Кометам,
пролетевшим мимо земли (в погоне
за бесконечностью, чьим приметам
соответствуют эти ландшафты, но не
полностью). Временному соитью
в бороде арестанта идеи власти
и растительности. Открытью
Инфарктики – неизвестной части
того света. Ветреному кубисту
кровель, внемлющему сопрано
телеграфных линий. Самоубийству
от безответной любви Тирана.
Землетрясеню – подчеркивает современник –
народом встреченному с восторгом.
Руке, никогда не сжимавшей денег,
тем более – детородный орган.
Сумме зеленых листьев, вправе
заранее презирать их разность.
Счастью. Снам, навязавшим яви
за счет населения свою бессвязность.*

[2, т. 4, 41]

Текст «открытки» соотносится с местом ее заглавного отправления – Лиссабона, т.е. с эквивалентом вида на обороте, без специальных – реальных – знаний решать рискованно, поэтому ограничимся лишь самыми сигнальными замечаниями о поэтике негативной «лиссабонской» «ведуты»: ее элементы, программно определенные как «монументы», не имеющие (и не могущие иметь) места, реализуются на уровне грамматических отношений посредством отрицания «не» и приставки «без-» – в разных семантических контекстах, а на уровне семантики – в ряде фигур алогизма типа оксюморона и катахрезы ([5]; ср. о мотивном аллогизме Малевича в [8]).

Отсюда и радикализм настоящих выводов, заключенных на основе беглого анализа жанра «открытки» в поэтике Бродского, работающего по принципу перевода коммуникации не столько в автокоммуникацию, сколько в анти-коммуникацию, а-коммуникацию, – по модели «ленты Мёбиуса», самой распространенной, пожалуй, топологической метафоры, применяемой исследователями к модели мира Бродского.

A poetical «postcard» as an epistolary genre in the poetry of Iosif Brodsky is a stylization of a real-common postcard – with views (veduta), congratulatory or salutatory. The juxtaposition of the poetical postcard and the common postcard reveals the anticomunicativity of the Brodsky's model. His negative epistolary-postcard

poetics negates a scheme of a communicative act – «from nowhere – to nobody – not yours/nobody's», makes a postcard-veduta a view to nowhere, combining it with a genre of «epitaph to a city», or, appealing to a common postcard, combines illogically not only nonexistent, but also paradoxically (un)conceivable sights – «monuments to events that have never taken place».

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмов С.Ю. О жанре письма в поэзии И. Бродского // Поэтика Иосифа Бродского: сборник научных трудов. – Тверь, 2003. – С. 128-139.
2. Бродский Иосиф. Сочинения: в 8 т. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997 – 2001.
3. Ковач Арпад. Повесть Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и проблема персонального повествования (Мир, текст, сюжет, память) // *Studia Slavica Hungarica*. 33/1-4. Akadémiai Kiadó, Budapest 1987. – S. 183-206.
4. Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007.
5. Сковородников А.П. Алогизм как риторический прием // *Русская речь*. – 2004. – № 1. – С. 39-45.
6. Balbus Stanisław. *Między stylami*. Universitas – Kraków 1996. – Wydanie II.
7. Baranowska Małgorzata. *Posłaniec uczuć. Prywatna historia pocztówki*. Wydawnictwo Książkowe Twój Styl. – Warszawa, 2003.
8. Faryno Jerzy. *Корова со скрипкой – слова как мычанье и Pojtmovnik X... (Алогизм // Изосемантизм авангарда)* // *Studia Litteraria Polono-Slavica I: Srebrny wiek w literaturze rosyjskiej*. SOW, Warszawa 1993. – S. 143-168.
9. Flaker Aleksandar. *Književne vedute*. – Zagreb, 1999.
10. Woźniakiewicz-Dziadosz Maria. *Stefanii Skwarczyńskiej teoria listu // Literatura i komunikacja. Od listu do powieści autobiograficznej*. Redakcja naukowa Artur Blaim, Zbigniew Maciejewski. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 1998. – S. 23-32.
11. Venclova Tomas. «Кенигсбергский текст» русской литературы и кенигсбергские стихи Иосифа Бродского // *Brodski w analizach i interpretacjach / Pod redakcją Piotra Fastry i Joanny Madloch*. Wyd. UŚ, Katowice, 2000. – S. 7-30.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О типологии письма как пограничного жанра в концептуализации Стефании Скварчиньской см. [8, 23-32]. Точнейшая структурологическая типологизация жанра письма / послания в лирике Бродского проведена Ириной Романовой [2]. Там же см. и научную литературу по этому вопросу.
2. Аналогичные наблюдения и выводы о противоречии «между ориентацией на собеседника и иллюзорностью коммуникации», перерастающей в автокоммуникацию, делаются по отношению к лирическому жанру «письма» Бродского [1].
3. Блестящий анализ данного стихотворения в коммуникативной перспективе и с опорой на риторическую фигуру семантического переноса дается в монографии Ирины Романовой [4].

Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова
E-mail: sveta.11@mail.ru

УДК 821.161.1.09

ЧЕТЫРЕ ОБРАЗА МИРА И СЛОВО В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ»

Ключевые слова: *стиль; метафора; область-источник; область-мишень; паронимическая аттракция; звукопись.*

В настоящей статье рассмотрены представления Саши Соколова о языке и стиль его романа «Между собакой и волком», из текста которого взяты тридцать метафор. Анализ позволил разделить их на четыре группы в соответствии с областями-источниками, сквозь призму которых охарактеризована природа. Метафоры демонстрируют изменчивость образа мира, определяющегося языком, и герои становятся воплощением русского Слова, в возрождение которого верит писатель.

Для меня значение писателя – в его языке, мне нужен язык, меня тематика мало интересует.

Саша Соколов [16, 199]

Один из ключевых символов в творчестве Саши Соколова – образ куколки, появляющийся в докладе (1) «Тревожная куколка» (конференция флоридского Роллинз колледжа 1986 года): это и сам писатель, и «несчастный, бессильный, окукленный и оглушенный русский язык» [22, 90]. В финале доклада повествователь обращается к Богу со словами о себе и о языке: «Сохрани и помилуй нас, тревожных его мотыльков, слабо реющих по свету и мельтешащих среди других языков и народов... Нас, угрюмых и серых, носящих на крыльях своих прах его летописей и азбук, пепел апокрифов, копоть светильников и свечей» [22, 91]. Творческая миссия Соколова – воплотить в себе русский язык и сберечь его богатство в своих романах. Даже в этих нескольких строках, организованных метафорой («мотыльки»), проявился стиль писателя, одним из важнейших элементов которого стал этот вид тропа. Ведь существует мнение, что «метафору в общем смысле следует рассматривать <...> как одно из конститутивных условий существования языка» [9, 39]. Соколов использовал этот троп даже тогда, когда симулировал душевную болезнь: «То он заявлял, что его грудь – это барабан, под туго натянутой кожей которого нетерпеливо дрожат струны Эоловой арфы, то сообщал, что он – неразорвавшаяся бомба» [2, 271]. И не случайно, когда писателя попросили высказать суждение о творчестве Э. Лимонова, он в первую

очередь заговорил о попытках последнего сломать «мешающую перегородку», которой для Лимонова стал язык, и о том, что у этого автора «никогда нет метафор» [14, 175].

Роман «Между собакой и волком», где чередуются проза и стихи (2), содержит богатый материал для анализа этого тропа, наиболее ярко проявляющегося в поэтической речи. Из текста романа в настоящей работе взяты 30 метафор, которые можно разделить на четыре группы, используя введенные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в рамках теории концептуальной метафоры понятия области-мишени (откуда взят актуальный субъект метафоры) и области-источника (откуда взят вспомогательный субъект метафоры) [10, 171]. Большинство анализируемых метафор имеет одну область-мишень – природу, которая охарактеризована сквозь призму четырех разных областей-источников.

Первый источник – сказка, былина. Так, зима – это змей-дракон («Жить-быть; по мере змеенья зимы меняться оттенками ее слюдяных чешуйчатых крыльев» [17, 29]) и «странная» лошадь («Пришла и дышала. Пеплогривая, странная, цокающая ледяными подковами» [17, 186]). Облака – упряжка лошадей, на которых едет Вьюга («У Сороки – болит, у Вороны – болит, / Вьюга едет на облаках <...>» [17, 96]). Луна – королева («<...> Селене с чертами диктаторствующей идиотки – вбирать своим сардоническим ртом, порами своего высокосиятельного лица кабинетную темноту <...>» [17, 188]), сороки и вороны – жарптицы («<...> и птицы – о, масса птиц – и на ветках, и просто в пространстве, пахнущем сельдереем, – жароптицы, полинялые, выцветшие или вовсе сменившие свой прихотливый наряд на скромное оперенье сорок и ворон» [17, 36]). Сказочный мир блистает драгоценными камнями, и пруд – это «опал, шлифованный в оправе глин синих» [17, 26].

Один из образов рождается в результате часто используемой писателем паронимической аттракции (зима-змей). Другой пример ее:

*Потрещи, покукуй, потатуйка моя,
Берендейка, пустошка, пустышечка.
<...> Некто с бубном бредет перелесками;
Бурусклень, бересклет, бересдрень,
Бересква, бредовник, будьдерево
[17, 46]*

Паронимы здесь: «покукуй» и «потатуйка»; «берендейка» и «бересдрень»; «бурусклень», «бересклет» и «бересква». Смешиваются слова, найденные и изобретенные автором: в словаре В.И. Даля есть «бересклет», «брусклет», «бересдрень», «бересква», «берендейка» и «буддерево» [6, 83, 137]; писателем придумано слово «бредовник», а «брусклет» видоизменен в «бурусклень». Биограф Соколова отмечает, что в период работы егерем, давший материал для романа, на писателя оказала большое влияние речь местных жителей [2, 274]. Подбор созвучных слов из народных говоров также позволяет передать сказочную, фольклорную картину мира, как и первая группа метафор.

В 1977 году Соколов опубликовал «фрагмент к роману “Между собакой и волком”» под названием «Текст». Начало этого фрагмента было помещено впоследствии с изменениями в конец второй главы. Так, в «Тексте» была фраза: «<...> посреди России, а вместе с тем – на краю елового бора и, в сущности, на берегу довольно-таки полноводной реки, некий незванный звонарь тянет за язык колокол, известным образом и с известной целью повешенный на одном из деревьев» [21, 7]. Здесь есть вычурная звукопись ([н', зв, н, з]), подчеркнуто символическое пространство, обыгрывается фразеологизм «тянуть за язык», однако слова «в сущности» и «довольно-таки» утяжеляют конструкцию; создается общее впечатление искусственности и затянутости. Тем не менее вспоминается использование излишних вводных слов и сочетаний, а также постпозитивных частиц в сказах Н.В. Гоголя («Повесть о капитане Копейкине» – «в некотором роде», «эдакий какой-нибудь», «так сказать» и др.) и И.С. Шмелева («Человек из ресторана» – «собственно», «так это», «ну», «-то», «-таки»). В романе предложение звучит по-другому: «<...> посреди России, а вместе с тем – на берегу полноводной реки, некто нетрезво бьет в бубен» [17, 38]. Оно становится проще и лаконичнее, звукопись теряет игровой характер, а замена «колокола» на «бубен» добавляет штрихи к образу народной стихии и усложняет мотивную организацию романа (ср. с цитированным выше: «Некто с бубном бредет перелесками»).

«Текст» Соколова пестрит иноязычными словами: «en grandes lignes», «as a schoolboy», «в самом-то деле, не все ж, майн херц, д'антр-де-мер дуть», «pièce of furniture» [21, 7, 9-11] и др. [21, 11-18]. Число подобных выражений в романе уменьшилось, что напоминает об одном интервью писателя, где он отвечал на вопрос о вторжении чужого языка в книги писателей русского зарубежья: «У меня он не вторгается совершенно. Даже когда я буду очень хорошо говорить по-английски, <...> это не заставит меня засорять речь» [14, 174]. Более того, в вышеуказанном отрывке романа обращение «господа», искусственную фразу: «<...> выкатим на свет Божий бочку повествования – и выьем, наконец, затычку» [17, 38] – произносит не автор романа (как в первоначальном «фрагменте»), а герой Паламахтеров, приступающий к «Запискам запойного охотника» («Так <...> философствовал герой этой повести» [там же]). Не случайно работа над романом продолжалась целых пять лет. И в отношении его будет верно утверждение М.Ю. Егорова, высказанное применительно к роману «Школа для дураков», что достижение эффекта «продуцирования текста прямо на глазах читателя» – стратегия писателя [7, 5]. В данном случае она служит изображению того, как язык воплощается в речь.

Первой группе метафор противопоставлена другая, где область-источник – быт и повседневность. Те же актуальные субъекты метафоры переосмысливаются здесь при помощи вспомогательных другого типа. Вьюга – это клещи (образ вырастает из звукописи ([т, ш':]): «<...> февраль-кривотроп, снабдившись клещами вьюг, тщится вытащить вещим трещоткам <...> языки» [17, 184-185]), а зима – «черно-белое немое кино *Первоснежья*» [17, 124] (3). Снег – «мухи белой масти» [17, 52] (масть – это отзвук образа лошадей); «беленый гроб по-

бережий», «мышь листопада», «ошметки собачьего лая» [17, 94, 46, 95]. В следующих метафорах использован тегименический код (4). Небо – материя, выкрашенная синькой и сотканная из пряжи, навитой на веретено («веретена рябых облаков», «особенно когда синька такая над Волчьей висит» [17, 20]). О городе: «<...> дома его все шиты из пепловатого такого вельвета с широким рубцом, и кровли их – войлок, а может, с фабрички шляпной некрашенный фетр снесли» [17, 171]. «Жалит разутую пядь / Стерни ржаная иголка», «шагал <...> по синему гарусу» (о реке) [17, 224, 171]. В пяти других метафорах представлен код гастрономический: «лежу испитой, распаренный – судачок заливной на хрустале Итиля», тучи «вяленые и копченые», «на черствый сухарь гудрона ложится субтильное масло слякоти», «зерна словес его сыплются на путешественника мукой шума», «души моей обжимок». Наконец, тело – кусок мыла («Тела белого обмылок / Повлекут на Быдогощ») [17, 173, 29, 184, 132, 167-168].

Другой взгляд на природу возникает тогда, когда областью-источником становится социум. Так, рассвет – слепой бродяга («Набредет слепой рассвет» [17, 167]), деревья одеваются в лохмотья («Деревьям, напялившим драные фраки сумерек <...>» [17, 30]). Ветер – фонарщик («<...> ветру-фонарщику – задуть в темноте и задуть окончательно окна барачков <...>» [17, 33]) и музыкант («Повой, маэстро, на печной трубе / Рождественское что-нибудь, анданте» [17, 97]). Осень – кузнец («Осенью лист раскален – / Есть и латунный, и медный» [17, 224]), насекомые – наездники («насекомых несметные / Кавалькады» [17, 39]), слова – скот, а поэт – пастух («<...> вослед / Глаголов угодливых стаду / Глухая пора листопада / Глядит <...>» [17, 45-46]).

Ветер задувает окна «око за оком, одно за одним» [17, 33]. Из игры паронимами (окно-око) и фразеологизмом «око за око» рождается метафора, которая может быть причислена к четвертой группе. Здесь областью-источником становится организм. Так, пруд – «глаз мира» [17, 26], луна – часть тела («прозрачней, чем кожа луны» [17, 39]), звезда – лицо («словно близорукая, без очков, звезда» [17, 30]), листопад – состояние души («силуэты <...> охваченные отчаянием и листопадом» [17, 29], здесь использована и метонимия).

Помимо принципа образования, метафоры в романе различаются и по своей функции. Б.В. Томашевский отмечал, что «метафорическое употребление слова, разрушая его логическое содержание, пробуждает эмоциональные ассоциации, определенным образом направленные» [23, 55]. К примеру, о том, что в романе «Между собакой и волком» связанные с бытом метафоры заряжены отрицательными эмоциями, свидетельствуют эпитеты и сравнения: снег напоминает перхоть («Так называемые белые мухи роились над разносчиками <...> и, как перхоть, <...> облепляли их плечи» [17, 125]), облака «рябые», «сухарь гудрона» «черствый» [17, 20, 184]. С другой стороны, хотя описание луны «с чертами диктаторствующей идиотки» и связано с негативными ассоциациями, далее в тексте описывается победа зари, которая «развенчивала, умаляла луну» [17, 188-189].

Появляются четыре образа: мир как сказка, бытовая суэта, живое существо и череда персонажей. Они вносят в роман разные оценки и чувственное восприя-

тие жизни: восхищение миром, овеванным волшебством, в его обаянии вернувшегося детства; отчаяние и глухую тоску в кругах «мышьей беготни»; открытие природы с взаимосвязью ее частей; узнавание в ветре, рассвете и деревьях старых знакомцев. Итак, в языке романа можно усмотреть не только «аморфную речевую массу» [3, 190], но и созданные метафорой закономерности.

Порой, чтобы соединить разнородные чувства, автор использует лексическую омонимию (о воображаемых телеграммах):

Надо отправить их с грифом *срочно*,
То ли с грифоном, то ль с клячей Блед <...> [17, 49].

Слово «грифон», так же, как и «гриф» в первом значении, напоминает о мифе, сказке; «гриф» как помета – деталь из современности [13, 145]; упоминание «клячи Блед» вводит и апокалиптическое мироощущение.

В романе три разных субъекта повествования: точильщик Илья Зынзырелы, охотник Яков Паламахтеров (он же лирический субъект), безликий повествователь. Первые два героя обладают разными стилями и мировоззрением (6), но метафоры, появляющиеся в речи каждого из них, составляют единое целое в тексте. Возможно, к роману «Между собакой и волком» применимы слова, сказанные И. Смирновым о «Палисандрии» Соколова: «Идеи смерти субъекта и смерти объекта, объединяясь друг с другом, результируются <...> в представлении о таком “я”, которое вмещает в себя национальную историю» [15, 138]. Герои «Между собакой и волком» сохраняют свою индивидуальность, но вместе являют собой воплощение не истории, а языка, Слова, о котором Соколов говорил в метризованном конце своей лекции «На сокровенных скрижалях», прочитанной в 1981 году на «Конференции третьей волны»: «И мастер ли пишет житейские мифы, они ли – его, все равно: текст промыслен все там же, на сокровенных скрижалях. И не судьба ли ответит на вопросы, не она ли решит, что пребудет в конце: слово или молчание?» [18, 161]. Упоминание «конца» особенно важно в отношении романа «Между собакой и волком», который был охарактеризован И.В. Ащеуловой как «эсхатологический миф» [1, 5]. Финал романа может быть противопоставлен одним из последних строк «Палисандрии»: «<...> Вам иногда мерещилось, будто этому тексту ничуть не дано затеряться во времяворотах и завихрениях относительности. Вы заблуждались. <...> затеряется всякое слово» [19, 261]. А «Записка, посланная отдельной бутылкой», замыкающая роман «Между собакой и волком», начинается с требования нашедшему сжечь эти строки, «как – столь же бесследно – пропали труды / Народов и сами народы». Но в заключительном катрене совершается поворот к радостному возгласу:

*Но знаю – набухнут исподтишка
И лопнут настырные почки!
Попробуй пожги только, дурья башка,
Мои гениальные строчки.*

[17, 238]

В слове, сказанном в Южнокалифорнийском университете на симпозиуме, посвященном творчеству Иосифа Бродского и Саши Соколова («Palissandr – c'est Moi?»), писатель произнес фразу: «Ты – говоришь. Я – кричу. Ибо чем, кроме крика, рассеять нам тут окрестную мглу» [20, 264]. О тьме, используя игровой потенциал языка, писатель рассуждал с горькой иронией и в лекции «На сокровенных скрижалях»: «<...> преподавать, прометействовать, возжигать светильники разума: университетов же – тьма» [18, 157]. Свет и мгла – ключевые понятия для романа «Между собакой и волком». Волк и собака в мифологии – посредники между небесным и подземным миром (7). А выражение «inter canem et lupum» (с его калькой во французском языке «entre chien et loup», о которой напоминает эпиграф к роману Соколова из «Евгения Онегина» (8)) означает «сумерки». В этом названии тоже проявляется внимание Соколова к проблемам языка. Дело в том, что как в русском, так и во многих европейских языках слово «сумерки» и его аналоги имеют два значения: «Полутьма между заходом солнца и наступлением ночи, а также (устар.) утренняя предрассветная полутьма» [13, 779]. Само это слово автор настойчиво включает в текст романа: «Янко не боится ни ветра, ни волн, вырастет – очнется в сумерках бытия кухмистером скользкой от сала кухмистерской» [17, 121]. В проанализированном выше отрывке, пришедшем из «фрагмента» 1977 года, описан вечер («часу примерно в шестом» (7) [17, 37]), а фраза «тьма уже растарасила очи, похерила перспективы и упразднила згу» [21, 7] в итоговом варианте имеет следующий вид: «Сумерки уже расташили очи, затушевали перспективу и упразднили згу» [17, 38]. Тьма постепенно одолевает свет на страницах романа. Не раз отмечено, что одна из основных тем писателя – Россия. Уже автор рецензии на только вышедший в 1980 году роман, И. Бурихин, заметил, что в тексте особенно часто упоминается Орина, которая является «и в образе последней блудницы, и бесконечной смерти, и жизни будущей». Критик заключает: «Очевидно, что Орина символизирует и всю Россию <...>» [4, 273]. А влюбленный в Орину Илья Зынзырэлы наиболее ярко отражает в своем повествовании народную речь. Но Орина гибнет под поездом, Илья уходит в небытие, проходит череда смертей жителей Заитильщины. Всех принимает Итиль: «Там протекает Волга, она же – Лета, впадающая в Тюркское море Забвения» [18, 160]. «Россия уходит, как песок сквозь пальцы...» – говорил Соколов в интервью [14, 171].

В речи «Palissandr – c'est Moi?» писатель упоминал о «хлебе насущном всеизначального самоценного слова» [20, 264]. Если в романе «Между собакой и волком» стилистическое движение осуществлялось в направлении назад, для возвращения русского языка и его очищения от примесей (не случайно Соколов предварительно согласился на публикацию отрывка из неоконченного романа с условием, что этот текст будет напечатан дореволюционным русским шрифтом [2, 279]), то в романе «Палисандрия» автор поставил перед собой задачу движения вперед и создания «новой эротической лексики» [2, 281]. Возможно, это и стало одной из причин игрового и противоестественного характера стиля, в частности метафоры, третьего романа Соколова. Писатель зашел не только в идейный, но и в языковой тупик (10), после чего замолчал на много лет.

Однако выражение «между собакой и волком» может трактоваться и как рассвет. Такова точка зрения Д. Бартона Джонсона, согласно которому название романа указывает на «время, когда ничто в окружающем мире еще не обрело присущей ему конкретности». Исследователь называет «тему неопределенности, зыбкости бытия» ключевой в творчестве и мировоззрении Соколова [2, 274]. Не случайно во фрагменте «Текст» подчеркнуто: его героя Якова в школе дразнили «Якоби», что перекликается с одним из ключевых слов «фрагмента», где говорится об ощущении «того, что все вокруг, в нашем неразрешимом здесь, происходит и существует лишь якобы <...>» [21, 23]. Так и образ мира постоянно меняется при помощи метафор. Подобное изменение возможно даже в рамках одной фразы: «Глазом мира был этот пруд с катушками, опалом шлифованным в оправе глины синих» [17, 5]. Быстро меняется настроение повествователей. Но надежда и вера не исчезают, и они связаны с образом рассвета, который приобретает в этом случае другое значение: Яков («якобы») Паламахтеров с его безнадежным взглядом на жизнь произносит в финале тринадцатой главы (где описана заря, «сияние с неба») ритмизованный, написанный в стиле «плетения словес» монолог: «Неразумная девочка, сирота и дитя сирот этой земли, я зову тебя – оглянись. <...> Гори белым цветом, безгрешным цветком, гори, горькая, гори, робкая, гори, заветная. <...> Гряди, радуясь <...>. И приидоша сумраки, и темные летуны к ночи совокупаются в черные стаи – и только выпретенные пространства внемлют сему ответу» [17, 190-191].

Таким образом, функция метафоры, воплощения языкового богатства в романе «Между собакой и волком», гораздо сложнее, чем, к примеру, в рассказах Т. Толстой, где метафора (что отмечали как критики П. Вайль и А. Генис [5, 147- 50]), так и исследователи Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий) связана с «универсальной моделью созидания индивидуальной поэтической утопии» [11, 468]. Метафоры Соколова, служащие для изображения как безнадежно погрязшего в бытие мира, когда быт напоминает небытие, так и сказочной действительности, связаны с общим идейно-тематическим содержанием романа и позволяют реализовать творческое кредо писателя: «Я думаю, все начинается и кончается музыкой языка» [14, 175].

Не случайно последние прозаические слова романа напоминают именно о языке, речи (герой обращается к собаке): «Ну, давай покалякаем, зачем напрасно в молчанку играть да кукситься. Или сокровенны тебе слова мои?» [17, 236]. А типичные паронимы (бабушка-бабочка) из размышлений детей заставляют вспомнить образ «тревожной куколочки» и предположить, что в следующих строках отразилась вера писателя в возрождение как человека, так и языка:

*Вот умрет наша бедная бабушка,
Мы ее похороним в земле,
Чтобы стала она белой бабочкой
Через сто или тысячу лет.*

[17, 40]

The article is devoted to views of Sasha Sokolov on language and the style of his novel «Between a dog and a wolf», from which 30 metaphors were analyzed. They were divided into four groups in accordance with regions-sources, through the prism of which the nature is characterized. The metaphors show the changing character of the world image, defined through language, and the characters become the embodiment of the Russian word, the revival of which is the dream and hope of the author.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ащеулова И.В. Поэтика прозы Саши Соколова (изменение принципов мифологизации): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2000.
2. Бартон Джонсон Д. Саша Соколов. Литературная биография // Глагол. – М., 1992. – № 6.
3. Берг М. О литературной борьбе // Октябрь. – 1993. – № 2.
4. Бурихин И. С. Соколов. Между собакой и волком. – Анн Арбор: Ардис, 1980 // Грани. – Франкфурт-на-Майне, 1980. – № 118.
5. Вайль П., Генис А. Городок в табакерке: Проза Татьяны Толстой // Звезда. – Л., 1990. – № 8.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1989. – Т. 1.
7. Егоров М.Ю. Продуцирование текста как художественный феномен в романе Саши Соколова «Школа для дураков»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2002.
8. Зорин А. Насылающий ветер // Новый мир. – М., 1989. – № 12.
9. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. – М., 1990.
10. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
11. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. В 2 т. – М., 2003. – Т. 2: 1968 – 1990.
12. Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – М., 1980.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
14. Половец А.И. Если мне суждено... Беседы. – Лос-Анджелес, 1991.
15. С<мирнов>И. Непознаваемый субъект. Бессубъектность, полисубъектность, иносубъектность // Беседа. – Л.; Париж, 1987. – № 6.
16. Соколов Саша, Ерофеев Виктор. Время для частных бесед... // Октябрь. – М., 1989. – № 8.
17. Соколов Саша. Между собакой и волком. – СПб., 2001.
18. Соколов Саша. На сокровенных скрижалях // Синтаксис. – Париж, 1982. – № 10.
19. Соколов Саша. Палисандрия // Глагол. – М., 1992. – № 6.
20. Соколов Саша. Palissandr – c'est Moi? // Глагол. – М., 1992. – № 6.
21. Соколов Саша. Текст (фрагмент к роману «Между собакой и волком») // Глагол. – Анн Арбор, 1977. – № 1.
22. Соколов Саша. Тревожная куколка // Континент. – Мюнхен, 1986. – № 49.
23. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 2003.
24. Черемина Е.А. Поэтика Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000.
25. Чернейко Л.О., Башкатова Д.А. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки. – 2008. – № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Е.А. Черемина анализирует это произведение как «поэму». См.: [24].
2. Стихи объединены под заглавиями «Записки запойного охотника», «Записки охотника», «Опять записки» и «Журнал запойного».
3. Здесь и далее выделение в цитатах Саши Соколова.

4. О тегименическом коде в современном русском языке см.: [25, 97].
5. Для создания образа писатель продуктивно использует обусловленную многозначностью приставки «за» многозначность слова «задуть»: «1. Дунув, погасить», «3. Начать дуть» [13, 204].
6. Это описано в диссертации И.В. Ащеуловой [1, 12-15].
7. Так, на архаической стадии эпитет «ликейский» («волчий») указывал «на Аполлона как на хранителя от волков и как на волка», «для всех мифов о волке характерно его сближение с мифологическим псом»; знаменитый пес – Кербер [12, 93-94; 242].
8. *Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки* [17, 9].
Интересно, что эпитафия появилась во многом благодаря В. Набокову [16, 198].
9. Первоначальный вариант: «часу эдак в шестом» [21, 7].
10. Ср.: А.Зорин находил именно в языке первых двух романов Соколова яркую индивидуальность, отличие от прозы В. Набокова, с которым, как известно, у писателя много общего [8, 250].

РУССКИЙ ЯЗЫК

Л.З. Бояринова

*Смоленский государственный университет
Тел. 8(4812)38-37-85*

УДК 811.161.1

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРИВАТОЛОГИИ

Ключевые слова: смоленские говоры; дериватология; словообразовательное гнездо; типология словообразовательных гнезд.

В статье представлен анализ диалектного словообразовательного гнезда (ДСГ), проведённый на материале смоленских говоров. Исследуются типы ДСГ по ряду параметров: характеру исходного слова, мощности. Представлено описание структурных, частеречных, словообразовательных, семантических характеристик одного ДСГ полного типа. Проведено сопоставление с общенародным словообразовательным гнездом, позволившее выявить специфику ДСГ в смоленских говорах.

Системные отношения в сфере лингвистических единиц постоянно находятся в центре внимания исследователей, в том числе и дериватологов. Одной

из основных системообразующих единиц в словообразовании является словообразовательное гнездо. Это многомерная структура, сосредоточившая в себе и особым образом преломившая сложность представленных в одной лексеме ее разноуровневых (грамматических, лексических, словообразовательных, фонетических и др.) свойств. Исследование системных отношений в пределах словообразовательного гнезда (СГ) предполагает выявление как общих, так и частных его свойств, что позволит ответить на многие вопросы общетеоретического и прикладного характера. В последние десятилетия проводится интенсивное исследование словообразовательного гнезда и его роли в системной организации лексики. Будучи многоплановой единицей языка, словообразовательное гнездо исследуется в разных аспектах: как комплексная структура с учетом свойств составляющих ее единиц (цепочек, парадигм и др.), как сложная семантическая структура, как средство реализации множественности словообразовательной структуры слова и т.д. Решение одних проблем ведет за собой постановку и решение новых, так что исследование словообразовательного гнезда (и словообразования в целом) в общенародном языке сохраняет свою актуальность [9, 3-16]. Проведение всестороннего исследования СГ, получение достоверных обобщающих выводов о закономерностях его функционирования в русском языке предполагает обращение к диалектному материалу. В связи с этим одним из путей исследования диалектного словообразовательного гнезда является сопоставление его с общенародным словообразовательным гнездом, позволяющее выявить в них общие закономерности и специфические свойства, создающее предпосылки для разработки типологии СГ в русском языке, открывающее новые перспективы для создания «лексикографического портрета – такого описания слова, при котором все его свойства представлены во всем богатстве и многообразии» [5, 44]. Выполнению этих и многих других задач способствует исследование отраженных в СГ связей между такими сторонами языка, как словообразование, лексикология и морфология [2, 166-220].

Данная статья посвящена анализу системных отношений в диалектном словообразовательном гнезде (ДСГ). Поскольку любая система как некое целое представляет собой единство частных подсистем, остановимся на таких ее составляющих, как типология и потенциал. К исследованию привлечены отсубстантивные ДСГ, составленные по материалам «Словаря смоленских говоров» [7], завершившееся издание которого создало условия для активизации изучения смоленских говоров по различным направлениям современной русистики.

Типология словообразовательного гнезда, в том числе и ДСГ, «может быть разная, по разным основаниям» [6, 282], представленным во взаимосвязи и взаимозависимости: тематическая и лексико-семантическая группировка вершинных слов, их честеречная отнесенность и семантическая емкость, глубина и мощность гнезда, его формальная, честеречная и семантическая структура и т.д.

В смоленских говорах существуют три типа ДСГ по соотношенности вершинного слова с общенародным языком: исходным словом является диалектное слово (гарс, гонт, дрыч, копыл) – это дифференциальные гнезда; исходным сло-

вом является общенародное слово (берег*, жердь*, камень*, кольцо) – это смешанные гнезда; равноправными исходными словами являются диалектные и общенародные слова (дно* и доно, коляда* и коляд, комар* и комарь) – это также смешанные гнезда (здесь и далее звездочкой отмечены общенародные слова).

В роли исходного слова общенародные и диалектные существительные используются почти в равной степени активно, с небольшим преобладанием общенародных слов: 42% диалектных и 52% общенародных. Гнезд, в которых в качестве исходного слова выступают общенародное и диалектное существительные одновременно, немного, всего 6%. В гнездах, исходным словом которых является общенародное существительное, содержится более половины (58%) всех мотивированных. Общенародные слова в гнездах такого типа располагаются на первой и других ступенях, создавая дополнительные условия для образования новых диалектных слов.

лён* – льновЫЙ	липа* – липень
подлёнок	липница
льняной* – льнянка	липовЫЙ* – липовка
льнянуха	липовище

В гнездах, исходным словом которых является диалектное существительное, общее количество слов значительно уступает предыдущим, в них содержится около 30% мотивированных.

глей – глеистЫЙ	гай – гайно
глеевЫЙ	гайнуть
глейкий	
суглей	

Немного, всего 12% от общего количества, находится в гнездах, равноправными исходными словами которых являются диалектные и общенародные слова.

газ* – газовЫЙ* – газовка
газовик
гас – гасик
гаска
гасовка

Структура диалектного отсубстантивного гнезда представлена его основными комплексными единицами: парадигмами, цепочками и т.д. Парадигма исходного существительного включает в себя существительные (формы оценки, абстрактные, наименования одушевленных и неодушевленных предметов и др.), прилагательные, наречия, глаголы; входят в парадигму и сложные слова. При этом каждая парадигма обычно включает в себя лишь несколько слов; мотивированные слова всех частей речи и семантических групп в рамках одной парадигмы встречаются крайне редко [ср. 8, 10].

пуня – пунька	пост* – постнота	лужа* – лужбайка
запунье	постянка	лужина
припунник	выпостаться	лужный
	середпостье	перелуг

Мощность словообразовательного гнезда определяется количеством входящих в него мотивированных. Оно в каждом гнезде различно и может колебаться от одного до пятидесяти слов. В формировании мощности гнезда играют роль многие факторы, однако и здесь прослеживается связь с характером исходного слова. ДСГ, в котором исходным словом является диалектное существительное, может включать в себя от одного до тридцати мотивированных: лайба – лайбина; ланда – ландёха; цеп – цепелина, цепка, цеповина, цеповище, цеповьё, цеповилина, цепель, цепник и др. (всего 23 слова). Преобладают, однако, гнезда небольшой мощности: от одного до трех мотивированных. Словообразовательный потенциал (см., например, [3]) диалектных исходных слов равен 4 (четырем). ДСГ, в которых исходным словом является общенародное существительное, может насчитывать от одного до тридцати пяти мотивированных: лебедь* – лебедин; канцелярия* – канцелярка; путь* – беспутяница, попутиться, растопутье, запутиться, незапутица, перепуть и др. (всего 29 слов). Словообразовательный потенциал общенародных существительных выше и равен 7 (семи). Наиболее мощным является ДСГ, в котором в роли исходных слов выступают диалектное и общенародное одновременно: в них может быть до пятидесяти мотивированных и среди них почти нет таких, в которых только одно-два мотивированных слова: корень* и корен – коренелый, корнюшок, накорень, окорёнок, подкоренистый, скорениться и др. (всего 21 слово): морковь* и морква – морквина, морковник, морковница, морковый; скула* и скуло – скулка, скулышко, скулёнок, скулина, скульё, заскула, заскуло, заскулок. Словообразовательный потенциал исходного слова в таких ДСГ равен 12 (двенадцати) и является наиболее высоким. Это немного выше среднего словообразовательного потенциала, свойственного литературному слову: «словообразовательный потенциал русского непроизводного слова равняется 10 <...>, т.е. на одно непроизводное производящее слово приходится 10 производных [10, 62].

Типы дифференциальных ДСГ в смоленских говорах по мощности, глубине и структуре различны. В ходе исследования ДСГ (гнезда на буквы Г-К) выявлено 291 гнездо. Из них 147 гнезд (50%) представлены только исходными словами, у которых отсутствуют или не зафиксированы производные слова. Здесь следует сказать, что в науке нет единого мнения по вопросу об отнесенности к СГ единичных слов, не имеющих производных. Принимая во внимание определение гнезда («СГ – это совокупность слов...»), данные слова не есть гнездо. Однако многие из этих слов в литературном языке со времени выхода в свет «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова приобрели производные и стали вершинами полноценных гнезд. Следовательно, каждое из этих слов потенциально может быть гнездообразующим. Еще сложнее в говорах, так

как отсутствие производного может свидетельствовать не только об отсутствии производного у того или иного слова, но и об отсутствии фиксации имеющегося в языке производного. Эти и ряд иных соображений позволяют нам рассматривать одиночные слова в системе словообразовательных гнезд.

Сопоставительный анализ ДСГ и общенародных словообразовательных гнезд (ОСГ), вершинами которых являются лексемы, имеющие в смоленских говорах и общенародном языке одно и то же значение, позволяет с наибольшей степенью объективности выявить специфические свойства ДСГ, а также особенности функционирования общенародного слова в диалектной деривационной системе. В рамках данного исследования нами проанализированы 264 отсубстантивных ДСГ на буквы Г-К, полученных методом сплошной выборки из «Словаря смоленских говоров» в сопоставлении с ОСГ. Многие свойства диалектных словообразовательных гнезд выявляются при анализе одного СГ, поэтому в данной статье обратимся к анализу ДСГ с исходным словом *крупа* «продукт питания; снег в виде мелких шариков» в сопоставлении с таким же ОСГ, зафиксированным в «Словообразовательном словаре русского языка». В смоленских говорах в значении «продукт питания» выступает и форма множественного числа крупы, поэтому в ДСГ вершиной являются два равноправных исходных слова. Данное ДСГ полного типа, т.е. в него входят все однокорневые общенародные слова, зафиксированные в говорах, независимо от наличия/отсутствия у них диалектных дериватов.

ДСГ (здесь и далее через запятую приводятся дериваты, расположенные на одной словообразовательной степени):

крупа*, крупы – крупица* – крупитчатый* – крупитчатка
 крупица – крупитческий
 крупитчастый
 крупеня – крупенька
 крупник – крупничек
 крупяной* – крупяник
 крупчатый* – крупчатка
 крупеник, крупеница, крупка, круповник,
 подкруп, подкрупье, крупчастый, крупяный,
 крупиться, круподёрка*, крупорушка*

ОСГ: крупа – крупица – крупитчатый
 крупяной – мукомольнокрупяной
 крупчатый – крупчато
 крупчатка – крупчатный
 крупчатник
 круподёрный – круподёрка
 крупка, крупина, крупинка, крупеник, крупник,
 круповейка, круподёрня, крупозавод, крупорезальный,
 крупорезательный, крупорушка, крупосортировка

Оба СГ одинаковой мощности (25 слов в ДСГ и 23 – в ОСГ; здесь и далее: первое число указывает количество слов для ДСГ, второе – для ОСГ), одинаковой глубины (по три ступени в каждом). Подавляющее большинство дериватов располагаются на первой ступени (17 и 16 слов), все дериваты располагаются на трех ступенях. При этом наличие третьей ступени в ДСГ обусловлено появлением в цепочке общенародного слова. Количество словообразовательных парадигм (СП) и цепочек (СЦ) тоже практически одинаково: в ДСГ восемь СП, представляющих собой пять типов, и 16 СЦ, представляющих собой семь типов; в ОСГ шесть СП, представляющих собой пять типов, и 18 СЦ, представляющих собой также семь типов.

По частеречной характеристике набор дериватов в диалектном и общенародном гнездах во многом совпадает: существительные (17, три из них общенародные, и 14), прилагательные (7, три из них общенародные, и 8); в ДСГ есть один глагол, в ОСГ – одно наречие. Среди семи типов СЦ, свойственных каждому из гнёзд, четыре типа являются общими для двух гнезд: С – С, С – П, С – С – П, С – П – С; в них располагается половина и даже немного больше имеющихся в гнезде дериватов: 17 и 13. При этом в двух цепочках типа С – П – С прилагательные являются общенародными.

Иными свойствами обладают СП, среди которых общими для ДСГ и ОСГ являются только два типа парадигм, С – П и П – С, представленных в ДСГ четырьмя, а в ОСГ тремя парадигмами. В двух (т.е. в половине) диалектных СП мотивирующим является общенародное слово. Количество дериватов во всех общих СП невелико, всего по одному слову в каждой парадигме.

Приведённое описание структурных и частеречных характеристик ДСГ позволяет сделать вывод о наличии в их функционировании в смоленских говорах определённых закономерностей, ранее установленных применительно к общенародному языку: «Основной процесс продуцирования в именных гнездах происходит на первой и второй ступенях ...» [4, 278].

Обратимся к семантической составляющей анализируемых гнезд. В обоих СГ семантика подавляющего большинства дериватов связана со значением «продукт питания», преобладают наименования конкретных предметов – в этом основное сходство между гнездами. В ДСГ акцент сделан на наименования пищи (каши, супы, пироги), отходов при обработке; каждый из данных предметов представлен несколькими наименованиями. В ОСГ шире представлен круг реалий, связанных с крупой: кушанья; отдельное зерно крупы; нечто, объемом или количеством похожее на маленькое зернышко; предприятия, механизмы, предназначенные для обработки крупы. Для наименования предмета, как правило, используется один дериват.

В семантической структуре ДСГ проявляется существующая в общенародном словообразовании тенденция к отражению наиболее актуальных реалий окружающего мира, тенденция, при которой «уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [1, 9].

Образованы имеющиеся в обоих СГ дериваты несколькими способами: в ДСГ – суффиксальным и префиксально-суффиксальным, в ОСГ – суффиксальным и сложением основ с суффиксацией. Преобладает в обоих гнездах суффиксация, при этом использованы как одинаковые, так и разные форманты. В качестве словообразующих элементов в обоих гнездах используются суффиксы -ник, -еник, создающие наименования кушаний; -к(а) со значением вещества (муки); -иц(а), -ян(ой), -чат(ый). Несколько суффиксов в наших говорах обладают значениями, отсутствующими в общенародном языке: -к(а) (наименование кушанья), -ениц(а), -овник (значение кушанья), под-...-ь(е) (отходы при обработке крупы), -ческ(ий) (связанный с продуктом питания). Имеются диалектные словообразовательные элементы, не зафиксированные в литературном языке: -ен(я), под-...-ю, -част(ый).

Выше было сказано, что в характеристиках одного гнезда отражены свойства большой группы СГ с исходным общенародным словом. Приведем в качестве примера данные о мощности гнезд, в вершине которых стоит общенародное слово.

Мощность ДСГ колеблется в пределах от 1 до 50 слов, мощность ОСГ – от 1 до 200 и более слов. По соотношению мощности каждой конкретной пары ДСГ – ОСГ можно выделить два типа СГ: гнезда с одинаковой или незначительно различающейся мощностью (галун – 1 и 2 слова; грач – 5 и 5 слов, греча – 14 и 12 слов; дупло – 10 и 8 слов); гнезда со значительно различающейся мощностью. Как правило, ДСГ обладает мощностью в 3 – 6 раз меньшей, чем ОСГ: дуга – 5 и 18 слов, дно – 12 и 36 слов, зола – 14 и 51 слово, зуб – 32 и 119 слов. Реже разница в количестве дериватов может быть значительно большей: в ДСГ с исходным словом, например, граница – 2 слова, в ОСГ – 55 слов, закон – 3 и 75 слов, земля – 14 и 228 слов. Встречаются ДСГ, обладающие большей мощностью, чем ОСГ: дуб – 28 и 15 слов. Важным представляется тот факт, что мощности ДСГ и ОСГ находятся между собой в определённом пропорциональном отношении: чем больше мощность ОСГ, тем больше мощность ДСГ. В то же время количественные характеристики каждого конкретного ДСГ и ОСГ отражают степень потребности носителей разных форм языка в лексике определенного типа.

Анализ группы ДСГ в сопоставлении с ОСГ позволяет сделать ряд выводов и обобщений. Принципы формирования словообразовательного гнезда одинаковы для смоленских говоров и общенародного языка, но в их функционировании наблюдается определённая дифференциация, выявляющая диалектные особенности. В ДСГ рассматриваемого типа общенародных слов относительно мало, но они играют большую роль в структурной организации ДСГ, увеличивая мощность и глубину гнезда и создавая новые типы словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм. При этом свойства каждой из комплексных единиц гнезда (СЦ, СП) в разной мере отражают влияние общенародного языка. В ДСГ отчетливо проявляются отличия формально-семантических условий, при которых происходит выбор необходимого элемента из имеющегося в языке инвентаря словообразовательных средств, создающих возможности для иной ком-

бинаторики морфем и позволяющих использовать форманты как с сохранением, так и с изменением собственных им в общенародном языке значений, а также использовать диалектные форманты. В ДСГ и ОСГ рассматриваемого типа словообразовательная маркировка выявляет специфику реалий, актуальных для носителей как общенародного языка, так и смоленских говоров.

The analysis of dialectal word-building nest on the base of Smolensk dialect words is given in the article. The types of dialectal word-building nests are investigated by the following parameters: the character of the initial word, quantity. The description of structural, word-building, part-of-speech and semantic characteristics of the entire dialectal word-building nest is presented. The comparison with the regular word-building nest has shown the specific features of the dialectal word-building nest.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
2. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
3. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование. – Белгород, 2004.
4. Кадэ Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных. – Майкоп, 1993.
5. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. – М., 2004.
6. Моисеев А.И. Типы словообразовательных гнезд // Актуальные проблемы русского словообразования: тезисы V республиканской научно-теоретической конференции. – Самарканд, 1987. – Ч.1. – С. 282.
7. Словарь смоленских говоров. – Смоленск, 1974 – 2005. – Вып. 1-11.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М., 1985.
9. Тихонов А.Н. Лексическое гнездо в современном русском языке: монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
10. Тихонов А.Н. Система русского словообразования в свете количественных данных // Исследование деривационной подсистемы количественным методом. – Владивосток, 1983.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СИНЕРГЕТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

М.А. Можейко

*Белорусский государственный университет
культуры и искусств
E-mail: marinamojeiko@inbox.ru*

УДК 81(082)

ЯЗЫК И ТВОРЧЕСТВО: ПОСТМОДЕРНИЗМ В ЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: *нелинейность; неравновесность; текстовая среда; номадология; ризома; самодвижение текста; смыслообразование; открытость письма; «эротика текста».*

Статья рассматривает постмодернистское направление современной лингвистики в контексте теории нелинейных динамик. Исследование выполнено на основе системной методологии с применением компаративного анализа, теоретического моделирования, исторической реконструкции. В статье представлено концептуальное обоснование идеи методологической конгруэнтности и содержательной взаимодополнительности синергетической и постмодернистской исследовательских программ как естественнонаучной и гуманитарной версий концепции нелинейности.

В современной культуре конституируется новое видение мира, предполагающее описание процессов как принципиально нелинейных, т.е. таких, в процедурности которых реализует себя феномен версификации (ветвления) перспективных траекторий эволюции.

Идея линейности являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории, ибо освоенные до сих пор типы системной организации объектов (от простых составных до развивающихся) могли быть адекватно интерпретированы в этой парадигме. В естественнонаучном познании это находит свое выражение в идее эволюции, в гуманитарном – в идее прогресса. По оценке Р. Нисбета, «на протяжении почти трех тысячелетий ни одна идея не была более важной или хотя бы столь же важной, как идея прогресса в западной цивилизации» [19, 4].

Сегодня, вместе с XX столетием, покидает сцену и идея линейного прогресса, столь долго сопровождавшая человечество на его пути. Культурная ситуация рубежа XX – XXI веков – как в социально-историческом, так и в

научно-познавательном своих измерениях – характеризуется существенной нелинейностью своей динамики. О. Тоффлер оценивает «современную стадию ускорения социальных изменений» как носящую нелинейный характер [15,16-17]. Современное общество осуществляет радикальный цивилизационный поворот, предполагающий ориентацию на идеал глобальной цивилизации как единого планетарного комплекса, оформляющегося на основе этнокультурного разнообразия и организационного полицентризма. Такой идеал с очевидностью предполагает отказ от презумпции линейного прогресса, основанного на идее унификации путей и форм развития.

В фокусе внимания сегодня – как применительно к естественнонаучной, так и применительно к гуманитарной сферам – находится идея нелинейности. В современном естествознании очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика, непосредственно осмысливающая себя в качестве концепции нелинейных динамик. Как было отмечено на Международной Конференции Общества Сложных Систем (октябрь 1997 года), наука сегодня снимает «линейные очки»: синергетика видит целью «защиту нелинейного мышления по всему спектру научных изысканий, от квантовой механики до изучения истории человечества» [11].

В гуманитарной сфере также могут быть обнаружены аналогичные тенденции. Теоретические построения, предлагаемые сегодня философией постмодернизма, открыты для рассмотрения в качестве концептуальных моделей нелинейных динамик: нелинейное письмо, нелинейная темпоральность, нелинейная модель динамики бессознательного, «генеалогия» взамен линейной «истории» и т.д. Ведущие представители постмодернизма эксплицитно оценивают презумпции современной философии в качестве порывающих с классическим стилем мышления.

В этом контексте особый интерес представляет такая метафора постмодернистской философии, как «эротика текста», используемая для фиксации таких параметров текстовой (и в целом знаковой) реальности, которые связаны с нелинейным характером динамики последней. Постмодернистски понятый текст (в широком смысле этого слова) представляет собой принципиально процессуальную семиотическую среду «самопорождающейся продуктивности» (термин Дж.В. Харрари [18]).

Фокусировка внимания культуры конца XX века на исследовании феномена нестабильности может быть расценена как универсальная. По оценке Ж.-Ф. Лиотара, «постмодернистская наука – проявляя интерес к таким феноменам, как неразрешимость, пределы жесткого контроля, кванты, противоречия из-за неполной информации, частицы, катастрофы, прагматические парадоксы – создает теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, не проясняемого до конца, парадоксального процесса... Она продуцирует не известное, а неизвестное» [14, 156]. Классическим примером в этом отношении может являться «теория катастроф» Р. Тома, эксплицитно формулирующая свою направленность на исследование «локальных процессов» и «единичных фактов», –

вне попытки объединить их в единую систему посредством принципа универсального детерминизма. Сферу действия последнего Р. Том ограничивает лишь «локальными островками» в хаосе всеохватной нестабильности [20]. Феномен «нестабильности» осмысливается постмодернистской рефлексией над основаниями современной культуры в качестве фундаментального предмета интереса постмодерна. Собственно, согласно постмодернистской рефлексии, «постмодернистское знание ... совершенствует ... нашу способность существовать в несоизмерности» [14, 141]. Непосредственно ссылаясь на Р. Тома, ставящего своей целью дискредитацию самого понятия «стабильная система», Ж.-Ф. Лиотар проводит прямую параллель этой цели с программными установками постмодернизма. В отличие от фундированной линейным детерминизмом модели стабильной системы, базовой для философии классического типа, – базовой концептуальной моделью постмодернизма выступает модель системы нестабильной, неравновесной, подчиненной в своей динамике закономерностям нелинейного типа. Это проявляет себя в новом типе легитимизации знания в культурном контексте – «легитимизации посредством паралогики»: по определению Ж.-Ф. Лиотара, «паралогию следует отличать от новации: последняя направляется системой или, как минимум, служит, чтобы повысить ее эффективность; первая является ходом, значимость которого зачастую не признается сразу, сделанным в рамках прагматики знания», – причем «в той мере, в какой наука дифференциальна, ее прагматика представляет собой антимодель стабильной системы» [14, 156].

Следует, однако, иметь в виду немаловажное обстоятельство терминологического плана. Подобно тому, как, моделируя – в прогностическом режиме – динамику саморазвивающейся системы, философия XIX века апеллировала к абстрактным сферам предметности, являющихся по своему когнитивному статусу идеальными (теоретическим) конструктом, – точно так же, моделируя новый тип динамики (нелинейные самоорганизационные процессы в хаотических аструктурных средах) и вырабатывая понятийный аппарат для описания подобных динамик, философия постмодернизма также оперирует идеальными объектами (типа «номадического распределения сингулярностей», «ризоморфных сред» и т.п. – наибольшей мерой конкретности в этом контексте обладают такие постмодернистские концепты, как «письмо» и «текст», семантическая развертка которых опирается на постструктуралистскую лингвистическую традицию).

Соответственно тому обстоятельству, что искомая терминология находится в процессе своего становления, философия постмодернизма демонстрирует целый спектр параллельных понятийных рядов, предназначенных для описания выходящего за рамки прежней исследовательской традиции объекта: текстологический ряд, номадологический ряд и т.п. Кроме того, в силу не окончательной разработанности категориального аппарата философской аналитики нелинейных процессов для постмодернизма характерно использование мифологических образов (типа «тантрического яйца» в концепции «тела без органов») и тяготение к метафорике (типа дескрипции ризомы как подвижных «колонн маленьких муравьев» у Ж. Делеза и Ф. Гваттари [9, 28] и т.п.). Характерна в этом отношении

фиксация Ж. Делезом нестабильной среды как предмета номадологической аналитики в качестве «недифференцированной бездны»: по его словам, «перед нами открывается мир, кишаций анонимными... сингулярностями» [8, 131].

Следует заметить, однако, что, несмотря на свою метафоричность, данная формулировка схватывает практически все атрибутивные параметры нестабильной системы: от исходной аструктурности как хаоса на микроуровне – до некооперированности «анонимных» (т.е., подобно молекулам-«гипнонам» в синергетике, не открытых и не услышанных другими) микросоставляющих. Несмотря на то, что применительно к текстологической версии постмодернистской философии возможность использования терминологического тезауруса постсоссорианской лингвистики делает ситуацию более прозрачной, тем не менее, проблемное поле, охватываемое постмодернистской текстологией, оказывается более широким, нежели это возможно охватить посредством традиционной устоявшейся терминологии.

Так, в качестве типичной в стилистическом отношении может рассматриваться в данном случае констатация нестабильности письма как самоорганизующейся вербальной среды у М. Фуко: «... регулярность письма все время подвергается испытанию со стороны своих границ, письмо беспрестанно преступает и переворачивает регулярность, которую оно принимает и которой оно играет; письмо развертывается как игра, которая неминуемо идет по ту сторону своих правил и переходит таким образом вовне»; в контексте концепции трансгрессии постмодернизм, фиксируя выход мысли за очерчиваемые традиционным языком границы, оперирует такой метафорой, как «обморок говорящего субъекта» [16, 121-130].

Аналогично векторная ориентация неравновесной системы на переход к состояниям, выходящим за те границы, которые дедуктивно очерчиваются линейной логикой эволюционного разворачивания наличного ее состояния, метафорически фиксируется в постмодернизме посредством сразу нескольких параллельно оформляющихся понятийных рядов, задающих целый веер терминологических версий описания указанного перехода, причем для фиксации последнего нередко используются и метафорические средства.

Так, в терминологии М. Бланшо осуществление такого перехода сопрягается с состоянием «экстаза» в его этимологическом значении экстазиса как смещения, «превосхождения». В этом контексте феномен нелинейного перехода сопрягается М. Бланшо с метафорическим «безнадежным и не ведающим вожделением, ... вожделением того, чего невозможно достигнуть, и вожделением, отвергающим все то, что могло бы его утолить и умиротворить, стало быть, вожделением того бесконечного недостатка и того безразличия, которые суть вожделение, вожделением невозможности вожделения, несущим невозможное, ... вожделением, которое есть достижение недостижимого» [7, 76].

Очевидно, что понятый таким образом нелинейный переход может быть поставлен в соответствие с анализируемым синергетикой переходом системы – в процессе бифуркационного разветвления эволюционных путей – к принци-

ально новому состоянию, возникающему вследствие случайной флуктуации и не являющегося вытекающим из прошлых состояний системы. Однако терминологическая сопряженность такого перехода в постмодернистских аналитиках с экстазисом сообщает ему специфическую окрашенность, позволяющую выразить подобную интенцию системы посредством понятия «желания». И если совершенно правомерной является высказанная в литературе [10] интерпретация постмодернистски понятого «желания» как результата переосмысления феномена интенциональности (в хайдеггеровском и гуссерлианском понимании последней) в духе векторно направленной на текст иррациональной силы, то позволительной представляется и более широкая трактовка семантики «желания» в постмодернизме. Последний, в целом, рефлексивно определяет себя (посредством введенного В. Лейчем термина) как «желающую аналитику», и метафорика желания является для постмодерна практически универсальной.

Исходя из этого, становится понятной интенция постмодерна к своего рода эротизации процесса означивания текста. Так, например, предлагая понятие «хора» для обозначения исходной «неэкспрессивной целостности, конструируемой импульсами в некую постоянную мобильность, одновременно подвижную и регламентированную», в качестве данных «импульсов» Кристева рассматривает «пульсационный бинот “либидо”». Характерны в этом контексте интенции постмодернизма сопряжения текстуальной сферы со сферой телесности: попытки Кристевой материализовать «хору» в «эрогенном теле», персонифицируемом в фигуре Матери; апелляции Р. Барта к текстуальному «эротическому телу» и т.п.

Так, например, эксплицитно фиксируя антропоморфизм своей системы метафор, Р. Барт успешно эксплицирует посредством последних идею смыслопорождения. По его словам, «текст... это образ, анаграмма человеческого тела... Но речь идет именно о нашем эротическом теле. Удовольствие от текста несводимо к его грамматическому функционированию, подобно тому как телесное удовольствие несводимо к физиологическим отправлениям организма» [6, 474]. Аналогичные внеконцептуальные метафоры, значимые своими коннотативными (в контексте европейской философской традиции) значениями встречаются и у Ж. Делеза: например – «моя любовь заставляет двоящиеся и ветвящиеся серии резонировать друг с другом» [8, 215].

Важную (и практически центральную) роль для передачи феномена неравновесности играет в этой системе выражения постмодернистская метафора «аффекта». Ю. Кристева, например, выделяет особые точки смыслообразования, когда «парадоксальное мгновение антитетической метафоры оказывается мгновением предельного аффекта» [13, 104]. Если понятие «желания» выражает в постмодернистском языке общую нестабильность системы, ориентированной на переход в иное состояние, то понятие «аффекта» в этой системе отсчета фиксирует ту особую процессуальную нестабильность самого этого перехода, которая может быть сопоставлена с зафиксированным синергетикой протеканием процессов «с обострением» – в режиме *blow up*, т.е. «в режиме сверхбыстрого

нарастания процессов..., при которых характерные величины ... неограниченно возрастают за конечное время» [12, 11-12].

В контексте ориентации постмодернизма на исследование феноменов нестабильности, проявляющих не только эволюционный потенциал линейного разворачивания исходных свойств, но и нелинейный потенциал перехода к радикально новому непредвиденному состоянию, особое значение приобретает осмысление феномена новизны и принципиальной множественности состояний. Механизм возникновения последней оказывается в фокусе внимания постмодернистской философии: как пишут Делез и Гваттари, «поистине мало сказать “Да здравствует множественное!”, ибо призыв этот трудно выполнить... Множественное нужно еще создать» [9, 11].

Постмодернистская текстология, исследующая нестабильность письма как порождающую плюральную новизну, использует (в силу того, что категориальный аппарат философии постмодерна находится в процессе своего развития) наряду с понятийными средствами постсосюррианской лингвистики и метафорическую терминологию, апеллируя к тем семантическим коннотациям, которые обретают используемые конструкты в контексте западной философской традиции. Так, например, Р. Барт обозначает нелинейный характер процессуальности письма как «эротику (в самом широком смысле этого слова)», понимая под таковой «порыв» и «открытие чего-то нового» [1, 541]. В контексте «эротике нового» фраза – в отличие от законченного (финального в смысле легитимности единственного значения) высказывания – «по сути своей бесконечна (поддается бесконечному катализу)» (Р. Барт). А в метафорике Р. Барта, «в противоположность стереотипу все новое явлено как воплощение наслаждения» [6, 494]. Именно поэтому, касаясь проблемы нон-финальной вариабельности означивания, семиотической неисчерпаемости текста как самоорганизующейся открытой среды, мы, по формулировке Р. Барта, вступаем в ту «область, которую можно назвать Эросом языка» [3, 382]. Согласно той оценке, которая дана Р. Бартом в отношении концепции означивания Ю. Кристевой, «теория текста открыто определила означивание... как арену наслаждения» [6, 516].

Исходя из этого, созданная самим Р. Бартом текстологическая концепция оценивается им в этом отношении как «гедонистическая теория текста». В постмодернистской системе отсчета смысл (*le sens*) понимается как «порожденный чувственной практикой (*sensuellement*)», и таковая может быть реализована лишь посредством процедуры чтения: «одно только чтение испытывает чувство любви к произведению, поддерживает с ним “страстные” отношения. Читать – значит желать произведение, жаждать превратиться в него» [2, 373]. В акте означивания, однако, проявляет себя и другой (встречный) вектор желания, идущий со стороны текста: «живое начало текста (без которого, вообще говоря, текст попросту невозможен) – это его воля к наслаждению» [6, 471]. Текст рассматривается в постмодернизме не только как потенциально открытый означиванию, но как ориентированный на него и демонстрирующий свое желание означивания: «текст ... должен дать мне доказательства того, что он меня желает» [6, 474]. Таким обра-

зом, «смысл, будучи воплощенным вожделением, возникает как бы по ту сторону языкового кода» [2, 373].

В соответствии с этим текстологическая аналитика артикулируется постмодернизмом как «наука о языковых наслаждениях, камасутра языка», которая постулирует «эротическое отношение» к тексту (Р. Барт). В этой системе отсчета постмодернизм противопоставляет такие типы текстуальных стратегий, как «удовольствие» и «наслаждение», сопрягая их, соответственно, с классической и современной культурными традициями. В системе метафорики постмодернизма аксиологический акцент, таким образом, делается на «наслаждении» в силу нон-финальной процессуальности последнего: желание, смыслопорождая, не останавливается на порожденной семантике как финальной, – в то время как удовольствие предполагает удовлетворение (в данном случае – финальную интерпретацию текста), финализируя в нем желание и фактически прерывая его. В этом контексте постмодернистская текстология обозначает традиционную стратегию отношения к тексту как программную беспристрастность сциентизма, т.е. так называемую «критику», дискретно реализующуюся через «орфографические оргазмы» [6, 517]. Постмодернизм противопоставляет этому семантическую фигуру перманентного асимптотичного желания: «желание имеет эпистемологическую ценность, а удовольствие – нет» [6, 510].

Если для классической философской традиции было характерно осмысление расширительно понимаемого желания в качестве векторно направленного на свой предмет креативного импульса (начиная от античного гилеморфизма и натурфилософской трактовки Эроса в качестве космической протопотенции), то для постмодернизма характерна метафора неутолимого желания, фиксирующая принципиальную нон-финальность разворачивания креативного потенциала системы, в силу которой любые наличные формы организации последней предстают как обладающие лишь сиюминутной значимостью: варианты «структурирования текста» у Р. Барта, конфигурирования плато ризомы в номадологии или временных органов «тела без органов», «складки» или «Эона» как одной из возможных версий организации исторической темпоральности у Ж. Делеза и т.п.

В контексте обозначенной метафорики конституируется постмодернистская концепция двух типов текста (соответственно – двух типов чтения), основанная на противопоставлении традиционного (т.е. линейного) «текста-удовольствия» и постмодернистского (соответственно – принципиально нелинейного).

Понятие «текста-удовольствия» фиксирует в постмодернистской системе отсчета результат классического отношения к тексту как наделенного автохтонной семантикой (гарантированной внетекстовым референтом) и подлежащего пониманию, предполагающему герменевтическую процедуру реконструкции смысла и значения текста. Данное понятие введено Р. Бартом в работе «Удовольствие от текста» (1973) и составляет оппозиционную пару понятию «текст-наслаждение», фиксирующему собственно постмодернистскую интерпретацию феноменов текстуального ряда.

Текст, увиденный в качестве «текста-удовольствия», характеризуется, по Р. Барту, стабильной структурой (соответственно – наличием фиксированных оценочно-ценностных акцентов и выделенного семантико-аксиологического центра, задающего достаточно четко определенные векторные ориентации субъекта в процессе чтения). Соответственно, «текст-удовольствие» ориентирует на чтение в традиционном его понимании, т.е. на установление в интерпретационном усилии читателя одно-однозначных соответствий между семиотическими рядами текстовой среды, с одной стороны, и принятыми в той или иной культурной традиции системами значения – с другой, что обеспечивает своего рода дешифровку текста и в перспективе ведет к его исчерпывающему пониманию.

Стабильность семантики символических рядов и аксиологических шкал соответствующей культуры выступает основой возможности конституирования понятий «корректного прочтения», «правильной интерпретации», «полного понимания» текста как объективного итога прочтения, понятого в данном контексте как финально завершенное и объективно результирующееся в экспликации текстового смысла. Субъективно переживаемым итогом прочтения «текста-удовольствия» является, по Р. Барту, получаемое читателем «удовольствие от текста», т.е. разрешение его читательских ожиданий, удовлетворение как выражение исчерпывающей завершенности процесса. Процессуальность отношения читателя к тексту, артикулированному в качестве «текста-удовольствия», Р. Барт интерпретирует в качестве «комфортабельного чтения» [6, 462-518].

Подобный тип интерпретации текста, понимаемого в качестве «произведения» как произведенного Автором, решительно отвергается Р. Бартом (в контексте общей постмодернистской презумпции «смерти Автора») и связывается с традиционной литературной «критикой», возводящей произведение к Автору как к его причине, закрывая тем самым саму возможность плюрального истолкования текстовой семантики (методология «биографического анализа» в постдильтеевской интерпретационной традиции): «присвоить тексту Автора – это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением... ..Если автор найден, значит, текст “объяснен”, критик одержал победу» [5, 381]. (В этом контексте Р. Барт отмечает, что «в наши дни произведение исполняет один лишь критик – как палач исполняет приговор» [4, 422].) Аналогичная ситуация артикуляции текста как «текста-удовольствие» имеет место и тогда, когда текст рассматривается не с точки зрения своего «происхождения», но в аспекте своей структуры как наличной (классический структурализм). В противоположность этому постмодернистское видение текста артикулирует его в качестве текста-наслаждения, характеризующегося принципиальным отсутствием: а) семантики, обеспеченной внетекстовым онтологическим гарантом (презумпция «пустого знака» и отказ от «трансцендентального означаемого»); б) фиксированного семантико-аксиологического центра и, в целом, в) стабильной структуры.

Смысл текста конституируется в этом контексте как находящийся в перманентном процессе становления, понятого как принципиально нон-финальное, т.е. не результирующееся в окончательном прочтении текста как наделении его

однозначным смыслом (соответственно – выявления его якобы константной структуры). Программной стратегией отношения к подобному тексту выступает в постмодернизме стратегия означивания, предполагающая не экспликацию так называемого «правильного смысла», а прослеживание возможных плюральных «путей смыслообразования», чему соответствует не выявление структуры, а прослеживание процессуальной и принципиально не результирующей в структуру «структуриации» текста (Р. Барт). В рамках подобного подхода сам текст артикулируется, по Р. Барту, в качестве процессуального «текста-наслаждения».

Поскольку наслаждение процессуально, постольку, по Р. Барту, желание, смыслопорождая, не останавливается на порожденной структуре как финальной, – в то время как удовольствие, напротив, означает (в силу перфектности удовлетворения) обрыв желания, замыкание смысла. В связи с этим в контексте постмодернизма оформляется фигура перманентного асимптотичного желания: своего рода «философскую живучесть желания» Р. Барт рассматривает именно как «обусловленную тем, что оно никак не может найти себе удовлетворения» [6, 510].

Таким образом, текст, артикулированный в качестве «текста-наслаждения», артикулируется постмодернизмом как представляющий собой не просто принципиально процессуальную текстовую среду «самопорождающейся продуктивности», находящуюся «в перманентной метаморфозе», но и предполагает, по определению Дж.В. Харрари, конституирование смысла в качестве «вечного потока» [18, 40].

Фактически предложенная Р. Бартом типология текстов дает основания для того, чтобы интерпретировать ее как основанную на различении систем (текстов), подчиненных линейному детерминизму (финальной детерминантой в рамках которого выступает в данном случае фигура Читателя как носителя соответствующего тезауруса культурных кодов), и нелинейных систем (текстов), находящихся в процессе самоорганизации, реализующейся посредством флуктуационного механизма. Фактически это означает, что можно трактовать «текст-удовольствие» как своего рода кибернетическую систему, в то время как «текст-наслаждение» функционирует в качестве системы синергетической.

Р. Барт формулирует презумпцию невозможности одновременного удержания в восприятии и текста-удовольствия, и «текста-наслаждения», фиксирующую фактически невозможность одновременного описания динамики в терминах линейного и нелинейного детерминизма. Так, по его оценке, «анахроничен читатель, пытающийся враз удержать оба эти текста в поле своего зрения, а у себя в руках – и бразды правления, и бразды наслаждения; ведь тем самым он одновременно ... оказывается причастен и к культуре..., и к ее разрушению: он испытывает радость от устойчивости собственного Я (и в этом его удовольствие) и в то же время стремится к своей гибели (и в этом его наслаждение)» [6, 471]. Фокусируя свое внимание на «наслаждении» (в отличие от «удовольствия»), читатель лишает себя возможности усмотреть в тексте стабильные закономерности динамического типа и, наоборот, задавшись целью обнаружения таковых,

он пресекает для себя возможность видения текста в разрезе его выраженного в статистических закономерностях плюрализма, получает застывший в определенной (заданной принятой традицией) конфигурации текст, превращая его в «текст-удовольствие».

Таким образом, характерная для классической философии гилеморфическая метафорика желания как креативной силы, векторно направленной на структурную и семантическую организацию (космизацию) предметности, радикально переосмысливается в постмодернизме: по определению Ф. Гваттари, «желание – это не то, что деформирует, а то, что разъединяет, изменяет, модифицирует, организует другие формы и затем бросает их» [17, 61].

Подвергая мета-теоретическому осмыслению данный процесс, М. Фуко пишет о том, что в настоящее время осуществляется формирование нового стиля мышления и, собственно, новой культуры. По его словам, новый фундаментальный опыт человечества «невозможно заставить говорить ... на тысячелетнем языке диалектики». Новый способ видения мира нуждается и в новом языке для своего выражения, однако на данный момент, по оценке Фуко, новому опыту (опыту нелинейного видения мира) «еще только предстоит найти и язык, который будет для него тем же, чем была диалектика для противоречия» [16, 121].

В целом, понятийно-метафорическая система постмодернистской текстологии дает основания утверждать, что в современной философии шлифуются понятийные средства, необходимые для адекватного описания неравновесных самоорганизующихся систем (как в свое время шлифовались в философском языке понятийно-логические средства, необходимые для описания систем динамических, а позднее – развивающихся).

The object of the article is the postmodern trend in the development of contemporary linguistics. The research is executed on the basis of system methodology with application of the comparative analysis, theoretical modelling and historical reconstruction. The article has submitted the conceptual substantiation of methodological unity and substantial reciprocity of the synergetic and postmodernism – as the scientific and humanitarian versions of the concept of nonlinearity.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Гул языка // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 541-544.
2. Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 319-374.
3. Барт Р. От науки к литературе // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 375-383.
4. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413-423.
5. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384-391.
6. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 462-518.

7. Бланшо М. Опыт-предел // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 63-77.
8. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 9-31.
10. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
11. Князева Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138-143.
12. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3-20.
13. Кристева Ю. Дискурс любви // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 101-109.
14. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 140-158.
15. Тоффлер О. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 11-33.
16. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 111-131.
17. [Guattary F.]: A Liberation of Desire: An interview // Homosexualities & French literature / Ed. by Stambolian G. – L., 1976. – P. 56-71.
18. Harrari J.V. Introduction // Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism / Ed. with introd. by Harrari J.V. – L., 1980.
19. Nisbet R. History & the Idea of Progress. – N.Y., 1980.
20. Thom R. Stabilité structurelle et morphogenese. – P., 1972.

Р.Г. Пиотровский

*Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена
E-mail: rgp22@mail.ru*

УДК 081

ИННОВАЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: лингвистические модели, их эпистемологические аспекты; семантика и синергетика в XXI веке; нечеткость как лингвистическая универсалия; рече-мыслительный коммуникативный (РМК) процесс и его предметная верификация.

Рассматриваются такие основные признаки новой научной парадигмы языкознания, как синергетический экспериментально-доказательный подход и построение моделей лингвистических систем и процессов.

Вводные замечания

В 2007-2008 годах в ряде гуманитарных вузов и факультетов страны были проведены исследовательско-практические работы при поддержке грантов

Министерства образования РФ по определению инновационной перестройки в подготовке гуманитариев. Основная идея этой перестройки состояла в том, чтобы преодолеть предметно-центричность в подготовке гуманитариев, сводившейся чаще всего к хаотическому развитию «многознайства», и выработать у гуманитария креативные способности обращать приобретаемые знания в стратегии решения профессиональных задач и приёмы получения нового знания. Именно эти способности позволят гуманитария стать для членов социума проводником в современном перегруженном информацией пространстве. В первую очередь это относится к будущему педагогу-филологу, который должен научить своих учеников находить, осмысливать, обрабатывать и применять на практике не только свою профессиональную информацию, но также быть способным связывать эту информацию с современными парадигмами как смежных (история, культурология), так и достаточно далеких от своей узкой профессии отраслей знания (например, с логикой или информатикой). Основным условием решения этой стратегической задачи является подбор и внедрение в учебный процесс таких адекватных для данной гуманитарной области технологий, которые как раз и обеспечивают выполнение основных задач инновационного образования – развития у гуманитариев креативных и таксономических способностей.

Именно так формулируется общая задача создания современной инновационной образовательной среды (ИОС) в подготовке специалистов-гуманитариев нового типа.

Результаты выполнения этого исследования, в реализации которого участвовал и автор настоящей статьи, показали, что такая задача удовлетворительно выполняется лишь относительно инновационной подготовки специалистов в области психологии, экономики, т.е. таких дисциплин, которые обладают собственными, десятилетиями отработанными технологиями. Иная ситуация обнаружилась в педагогике, культурологии и особенно в филологии. Выяснилось, что большинство студентов старших курсов, магистрантов и аспирантов филологических специальностей не только не владеют своими профессиональными технологиями, но даже не подозревают об их существовании. Оказалось также, что привлекавшиеся к разработке инновационной среды профессора и преподаватели, которые защищали филологические, педагогические и культурологические диссертации в 1990-е и последующие годы, имеют туманные представления о существовании исследовательских технологий в указанных областях знаний. Эта ситуация парализует дальнейшую работу по созданию ИОС в филологии, методике преподавания филологических дисциплин и культурологии.

Поэтому создание семиотико-синергетической системы отраслевых и комбинированных технологий, на основе которых возможно строить и развивать инновационную образовательную среду в области филологии и связанных с ней дисциплин, является крайне актуальной задачей. Обозначим такую систему термином «*комплекс когнитивных технологий*» (сокращённо – ККТ).

Известно, что филология и связанные с ней гуманитарные дисциплины переживают в настоящее время этап перехода на современную экспериментально-

доказательную парадигму, на которую ориентируется большинство естественных наук и частично такие гуманитарные отрасли знаний, как психология, криминалистика, археология. Создание инновационной образовательной среды увязано с этим переходом, поскольку специалист, работающий в русле экспериментально-доказательной парадигмы, должен обладать креативно-таксономическими умениями. Основным экспериментально-доказательным приёмом, с помощью которого реализуются эти умения, являются методы моделирования и гипотез.

Упрощённая схема построения и функционирования моделей вместе с применением гипотез показана на рис. 1. Прокомментируем наиболее важные особенности построения и функционирования отдельных блоков схемы.

Выработка гипотезы. Инсайтное озарение

Наиболее сложным и даже загадочным с точки зрения современной науки (психологии, нейрофизиологии, информатики) является работа блока 2, в котором происходит вербальная («черновая») подготовка к выдвижению гипотезы, сначала в общем словесном виде, чтобы затем её детально сформулировать и по возможности формализовать в блоке 3 с помощью некоторого искусственного языка. Как показал в своей работе С.И. Гришунин [4, 10-21], все авторы, опиравшиеся на собственную интроспекцию или пытавшиеся путём тестовых опросов десятков учёных из различных научных школ раскрыть начальный механизм формирования гипотез, отмечали многоступенчатость этого процесса.

На первой ступени происходит накопление начальных сведений об объекте исследования, получаемые путём собирания первичных данных о прямо наблюдаемых функциях и поверхностных свойствах оригинала и их сопоставления с данными, полученными об объекте предшественниками. На этой ступени формируются первые смутные догадки и «протогипотезы», то приближающие, то отдаляющие исследователя от прояснения и эксплицитной формулировки гипотезы. На следующих ступенях в сознании исследователя происходит созревание внутренней проблемной ситуации, стоящей за уже накопленными им первичными данными и смутными «протогипотезами». Исследователь также обнаруживает те составляющие этой ситуации, которые определяют её внутреннюю конфликтность. Целостное осмысление этой конфликтности и пути её преодоления осуществляются не с помощью объясняемой строго формальным образом мыслительной процедуры, но через внезапное синтезирующее озарение, т.е. инсайтное «схватывание» главных элементов из проблемной ситуации, которая определяет исследуемую проблему. Л.Н. Гумилёв так описывает это инсайтное озарение, позволившее ему сформулировать гипотезу пассионарности, а затем развивать на её основе научное направление, условно именуемое географией антропосферы за исторический период: *«Я лежал под лавкой и думал: а почему же Александр Македонский пошел сначала на Персию, а потом на Индию и Среднюю Азию? Что ему там было нужно? – Ничего! И вдруг у меня вспыхнуло в голове, что все эти большие войны совершаются не потому, что они кому-то нужны, ...а потому что существует такая вещь, которую я назвал пассионарностью – это от латинского ‘страсть’»* [5, 8].

Это озарение становится ядром для модельного анализа всей проблемы. То обстоятельство, что формулировка гипотезы осуществляется через неконтролируемое интуитивное озарение, но не алгоритмическим путём, имеет серьёзные эпистемологические последствия для применения моделирования в самых различных областях знаний. Дело в том, что конкретное содержание и вид гипотезы обусловлены, вероятно, характером предварительных знаний, которые накоплены данным исследователем об изучаемом объекте, и его субъективным умением их синтезировать. Важную роль играют конкретные научные интересы и профессиональная подготовка исследователя, личные амбиции, а также целевые установки научного коллектива, в котором он вырос и работает. Именно эта мозаика разнородных неконтролируемых субъективных, психологических и профессиональных факторов становится причиной того, что для модельного исследования одной и той же проблемы разные исследователи предлагают различные, часто исключаящие друг друга гипотезы.

Рис. 1. Схема построения и функционирования лингвистической модели, сопряженной с ЛА

Более того, бывает, что одного и того же учёного, работающего длительное время над разрешением одной и той же теоретической или прикладной проблемы, посещают в разные периоды его работы над данной проблемой неодинаковые инсайтные озарения-гипотезы по поводу её внутреннего синергетического существа. Такая ситуация особенно часто встречается в гуманитарных отраслях

знаний, которые либо не располагают надёжными технологиями сбора и систематизации предварительных знаний, либо эти технологии крайне примитивны. Красноречивым примером в этом отношении являются культурология, искусствоведение, другие гуманитарные науки, группирующиеся вокруг филологии, *«царицей коих, – по меткой характеристике Л.Н. Гумилёва, – является филология»* [5, 355].

В естественных науках соперничество интуитивных гипотез также имеет место. Оно преодолевается путём применения различных приёмов верификации, представляющих собой формальные, контролируемые на каждом шаге их применения процедуры, которые в итоге оценивают числом правдоподобия каждой из конкурирующих гипотез. В конце прошлого века, когда в гуманитарии назрела необходимость заменить по примеру естественных наук описательное резонёрство экспериментально-доказательной парадигмой, появилась потребность разработать и применять в каждой из гуманитарных областей свою систему объективных верификационных технологий. И здесь произошло достаточно неожиданное для новейшей истории науки событие. Ряд влиятельных учёных-гуманитариев – литературоведов, лингвистов, культурологов – выступил с призывом пересмотреть и потеснить структуралистские, позитивистские и другие достаточно продуктивные конструктивные направления гуманитарных наук второй половины XX века с тем, чтобы расчистить место под солнцем любым концепциям и гипотезам в гуманитарии. При этом вопрос верификации практически снимался. Эту идею энергично поддержали философы [4, 13], что вполне понятно, если учесть тот факт, что философия не располагает и не разрабатывает приёмы верификации своих теоретических построений. Признание равноправия всех выдвигаемых гипотез и отказ от верификационной процедуры не только возвращает гуманитарные науки к описательному резонёрству XIX и первой половины XX веков, но, что самое опасное, открывает двери разного вида паранаучным построениям. Если обратиться к языкознанию, то мы наблюдаем сейчас на постсоветском научном пространстве два таких паралингвистических экзерсиса.

Во-первых, это попытка организовать российскую «школу» лингвистической когнитологии путём механического переноса на нейронную сеть мозга человека понятийного аппарата и терминологии, созданных в американских коллективах в интересах систем искусственного интеллекта. Алгоритмы и словари этих систем ориентированы на электронный субстрат современной вычислительной техники, который предназначен для последовательно-очередного анализа материала, но не на параллельную многоканальную обработку текста в нейронной сети нашего сознания. Поэтому использование для анализа когнитивного механизма человека принципиально чуждого ему машинного понятийно-терминологического аппарата только запутывает дело. Подробный критический анализ так называемой лингвистической когнитологии см. в работе [11, 25-36].

Во-вторых, это деятельность группы психосистематики, объединяющей нескольких романистов из периферийных вузов, которые занимаются пропагандой работ умершего 50 лет тому назад французского лингвиста Г. Гийома. Г. Гийом,

бухгалтер по образованию, опубликовал начиная с 1919 года работы по французской лингвистике, в которых использовал для традиционных категорий грамматики французского языка нестандартную терминологию, опирающуюся на его личное интроспективное восприятие родного языка. Психолингвистическое тестирование ни сам Гийом, ни его последователи нигде, никогда не проводили. В настоящее время в США, ФРГ, Великобритании, Японии он неизвестен, о его работах лишь иногда вспоминают отдельные канадские романисты. «Развитие» идей Г. Гийома в нашей стране ограничивается копированием представителями психосистематики его грамматических соображений, которые иллюстрируются тривиальными примерами.

Верификация гипотезы

Было бы ошибкой считать, что на начальных этапах развития филологии и связанных с ней дисциплин ученые-гуманитарии полностью игнорировали необходимость проверки достоверности той или иной научной гипотезы. Однако эти проверки имели случайный характер либо были лишены конструктивной убедительности. Наиболее популярной формой оценки той или иной научной гипотезы считалось (и считается сейчас у представителей так называемой традиционной лингвистики) обращение к мнению авторитетов. Наиболее точно охарактеризовал этот приём известный польский индоевропеист В.Маньчак, отмечая, что в филологии критерий истинности повсеместно заменяется критерием персональных авторитетов. *«X сформулировал гипотезу, X является авторитетом, – иронизирует В.Маньчак, – следовательно, гипотеза верна, Y также выдвинул гипотезу, но он не является авторитетом, поэтому гипотеза неверна»* [15, 13-14]. Гуманитарии широко использовали в качестве суррогата критерия истинности (КИ) мнения авторитетов, политическую или иную конъюнктуру (ср. спор норманнистов и антинорманнистов по поводу образования Киевской Руси и происхождения самого термина *Русь*).

Более научнообразный вид с точки зрения оценки истинности гипотезы имеет заимствованная у математиков проверка эпистемологической состоятельности модели, реализующей ту или иную гипотезу, которая оценивает последнюю по таким характеристикам, как внутренняя непротиворечивость рассматриваемой модели, ее исчерпывающий характер описания и простота. Этот верификационный приём, на эффективности которого настаивал в своих «Пролегоменах» Л. Ельмслев [8], был некритически, без независимой проверки применён к аксиоматическому утверждению (не гипотезе) о том, что естественный язык есть особая форма математики. Эта ошибка стоила мировому сообществу лингвистов, математиков и информатиков несколько десятков миллионов напрасно потраченных долларов на безуспешное создание систем «высококачественного машинного перевода», опирающегося на ошибочное положение о математической природе естественного языка (ЕЯ). Долгое время единственным надёжным верификационным тестом в филологии было подтверждение филологической гипотезы независимыми от нее открытиями. Так, например, гипотеза В. Георгиева [2, 15] о том, что языком крито-микенских линейных документов является один из древ-

негреческих диалектов, была подтверждена расшифровкой содержания этих документов М. Вентрисом и Дж. Чэдвиком.

Другим, ещё более убедительным примером апробации гипотезы последующими находками явилась теория исходного индоевропейского корневого вокализма, предложенная Ф. де Соссюром [12, 423-425] еще в 70-х годах XIX века и подтверждённая данными хеттских текстов, открытых, а затем и расшифрованных во втором и третьем десятилетиях XX века. К сожалению, описанные случаи счастливой апробации лингвистической гипотезы целиком зависят от благоприятного стечения исследовательских обстоятельств. Хеттские тексты могли быть обнаружены на сто лет позже, когда гипотеза Соссюра была бы уже забыта, они могли остаться не найденными вовсе. Поэтому современная парадигма языкознания потребовала выработки конструктивных приёмов, обеспечивающих оперативное получения КИ для той или иной гипотезы. В последние десятилетия эта задача решается различными путями. Во-первых, путём приложения гуманитарных приёмов к конкурирующим гипотезам отдельных гуманитарных критериев верификации и их комбинаций. Во-вторых, с помощью гуманитарных приёмов, используемых в сочетании с верификационной технологией, заимствованной у естественных наук. В-третьих, с помощью реализованных на ЭВМ воспроизводящих моделях.

Верификация гипотез с помощью комплекса гуманитарных технологий. Поиски прародины индоевропейцев

Для проверки гипотез о европейских и азиатских прародинах индоевропейцев десятки лингвистов вместе с историками и археологами, начиная с В. Георгиева [2], Я. Гуя [6], И.М. Дьяконова [7], В. Маньчака [15] и кончая А. Нерингом, В. Бранденштейном и М. Гимбутас [14, 185 и сл.], пытались, применяя разнообразные лингвистические, палеоботанические и зоолингвистические, а отчасти и археологические данные, получить КИ относительно различных локализаций древней индоевропейской прародины. Поиск истины (X) можно условно представить здесь в виде последовательного пересечения (наложения) таких наиболее существенных для решения указанной задачи территориальных множеств, как:

- области курганных погребений (А') и районы приручения лошади(А"), простирающиеся от предгорий Карпат до Южного Урала,

- три лесостепных предгорных района, т.е. Прикарпатье (В'), Северный Кавказ (В»), Южный Урал (В'»), для которых характерна флора и фауна, оставившая свои следы как в западных, так и в восточных индоевропейских языках,

- области наиболее вероятных непосредственных и культурно-экономических контактов индоевропейцев:

- 1) с семитами – на юг от Урала, Кавказа и на восток от Балкано-карпатского района (С'),

- 2) с финно-уграми – на север от Южного Урала (С»),

- 3) с тюрками – на восток от Южного Урала (С'»').

Наибольшее количество положительных аргументов набирает теоретико-множественное пересечение подмножеств археологических, ботанико- и зоолингвистических, а также культурно-экономических и этнолингвистических данных, собранных учёными второй группы – А. Нерингом, В. Бранденштейном и М. Гимбутас. См. выражение

$$X = A' \cap A'' \cap B' \cap B'' \cap C' \cap C'';$$

указывающее на Южный Урал как на наиболее вероятную прародину индоевропейцев. Что же касается предположений о карпатской, балканской или курдистанской прародинах индоевропейцев, которые предлагались индоевропейцами первой группы, то каждое из них набирает меньшее количество очков.

Верификация гипотез при помощи сочетания гуманитарных и математических технологий. Проблема авторства «Тихого Дона»

Примером одного из наиболее успешных филологических экспериментов, использовавших полный цикл лингвистического моделирования, включая наряду с гуманитарными технологиями современные статистические приёмы, использующие вычислительную технику, является опыт по определении авторства «Тихого Дона», осуществлённый М.А. Марусенко и его помощниками в 80 – 90-х годах прошлого века. Опуская детали матрично-статистической и компьютерной технологий, подробно описанных автором [10, 33-157], напомним основные шаги и результаты атрибуции шолоховского текста.

На первом шаге, соответствующем 2-му блоку стандартной исследовательской модели, формулируется нулевая гипотеза $H(t_0)$, согласно которой автором романа «Тихий Дон» является М. Шолохов. Одновременно выдвигаются три альтернативных гипотезы, согласно которым претендентами на авторство указанного текста являются: Ф. Крюков (H_1), А. Серафимович (H_2), С. Голоушев (Глагол) (H_3).

На втором шаге, путём матрично-статистического анализа из 56 стилеразличающих параметров, разработанных авторами, выделяется пять независимых друг от друга параметров, обладающих наибольшей различительной силой относительно текстов указанных претендентов. Такими параметрами являются: 1) число служебных слов, 2) число местоимений, 3) число подчинительных союзов, 4) число слов в аккузативе, 5) число подчинённых предложений без спрягаемой формы глагола.

На третьем шаге были применены детерминистская, а затем вероятностная процедуры распознавания. Идея первой заключалась в том, чтобы определить, существенны или не существенны относительно t-критерия Стьюдента различия в статистических характеристиках указанных параметров для попарно сравниваемых текстов претендентов.

К сожалению, эта процедура дала надёжную атрибуцию только для примерно 13% текста «Тихого Дона». Поэтому пришлось применить вероятностную процедуру отнесения текста к каждому из гипотетически отмеченных авторов. В итоге были получены следующие результаты: на первое место по объёму атрибуированного текста вышел А.С. Серафимович (5,9 %), на второе –

М.А. Шолохов (2,4 %), остальные претенденты показали ещё меньшую долю атрибуированного текста. Вместе с тем выяснилось, что около 64 % текста несут отпечаток авторской манеры как Шолохова, так и Серафимовича.

В связи с этими обстоятельствами авторы были вынуждены возвратиться по обратной связи к началу всей процедуры с тем, чтобы скорректировать гипотезы и дальнейшие шаги атрибуции. В ходе этой коррекции был, во-первых, подключён текст «Поднятой целины», а во-вторых, введена ещё одна комплексная гипотеза (H_4), согласно которой «Тихий Дон» является результатом совместной работы пары 'основной автор и его соавтор'. Такие пары охватили всех перечисленных претендентов, включая и М. Шолохова.

Последний шаг эксперимента состоял в проверке новой гипотезы с помощью детерминистской, а затем и вероятностной процедур. В итоге этой проверки выясняется, что большая часть текста романа обнаруживает близость с эталонами авторских пар. Основным участником этих авторских сообществ оказывается А.С. Серафимович. Практически его сотрудничество статистически прослеживается в 87% текста, причём 65% текста объединяют в себе авторские манеры М. Шолохова и А. Серафимовича. Отсюда следует, что наиболее вероятной является гипотеза H_4^* , согласно которой основным автором «Тихого Дона» является А. Серафимович, который использовал и редактировал некоторые тексты, написанные М. Шолоховым. Возможно, он использовал также небольшое количество текстов Ф. Крюкова и С. Голоушева (Глагола).

Этот вывод снова был сопоставлен по обратной связи с историко-литературным контекстом появления «Тихого Дона» и фактами биографий обоих писателей, подробно описанными в книгах С.В. Корягина [9] и З. Бар-Селлы [1]. Это сопоставление не обнаружило противоречий между результатами описанного выше матрично-статистического анализа и историко-литературными, этнографическими и биографическими фактами.

Моделирование и лингвистические автоматы

Бурно развивающиеся в течение последних 30 лет информационная индустрия, робототехника и лингводидактика требуют создания таких систем лингвистического обеспечения, которые способны реально работать в кибернетических автоматах. Здесь оценка состоятельности модели уже не может ограничиваться дедуктивной проверкой ее непротиворечивости, полноты и простоты, а выявление пригодности и эффективности модели не должно осуществляться в течение неопределенно длительного времени. Даже сильная комплексная верификация гипотезы, на основе которой строится планируемая модель, не всегда гарантирует её пригодность и эффективность. Дело в том, что лингвистическое обеспечение современных систем переработки текста реализуется в виде программ, ориентированных на воспроизведение таких искусственных языковых и речевых объектов, которые, по своей сути, идентичны естественным лингвистическим объектам, порождаемым системой языка и речи. Эти программы называются *воспроизводящими лингвистическими моделями* (ВЛМ), *воспроиз-*

водящими инженерно-лингвистическими м. (ВИЛМ) или воспроизводящими лингво-дидактическими м. (ВЛДМ).

В ходе эмпирической проверки моделей, используемых при построении лингвистических автоматов, нам придётся применять как современные информационно-статистические приемы и психолингвистические тесты (в том числе тесты с испытуемыми, страдающими нарушениями РМД), так и традиционные сопоставительные и сравнительно-исторические методы, анализ тропов в поэзии и художественной прозе, а также структурный разбор поверхностных структур высказываний.

Особенности воспроизводящей модели

Воспроизводящие модели представляют собой искусственно созданные формальные системы, построение и поведение которых, с одной стороны, имитируют структуры и поведение реальных лингвистических объектов, а с другой – позволяют хотя бы частично воспроизводить эти объекты либо с помощью человека (это касается ВЛМ), либо с помощью кибернетического автомата (это относится к ВИЛМ и ВЛДМ).

Как гипотетическая модель, так и модели воспроизводящие строятся на основе гипотезы, которая разворачивается сначала в теоретический аналог оригинала. Этот аналог подвергается предварительной проверке на гносеологическую состоятельность и объяснительную силу – проверке, которая является первым циклом обратной связи искусственного аналога с его натурным оригиналом. После этого на сцену вступает воспроизводящая модель, основной особенностью которой является способность создавать искусственные лингвистические объекты. Эти аналоги сопоставляются затем с их прообразами – реальными лингвистическими объектами. Такое сопоставление выступает в качестве второго цикла обратной связи ВЛМ/ВИЛМ/ВЛДМ с оригиналом, в ходе которой устанавливается онтологическая состоятельность и пригодность модели.

При построении воспроизводящих моделей необходимо сначала представлять каждую семиотическую, психолингвистическую и лингво-дидактическую догадку в виде гипотетической модели. Ее объяснительная сила проверяется по мере возможностей на конкретном материале. В том случае, если этот первый цикл экспланаторной проверки дает положительный результат, исследователь получает возможность приступить к построению воспроизводящей инженерно-лингвистической или лингводидактической модели.

Рассматривая проблему использования в филологии и лингводидактике метода моделей и в частности вопросы построения ВЛМ/ВИЛМ/ВЛДМ, нельзя обойти стороной те трудности, которые связаны с использованием этих исследовательских технологий. Общеизвестно, что наиболее ощутимый эффект моделирование давало и даёт при использовании математического аппарата при изучении физических явлений и решении технических задач. В этом случае мы имеем дело с повторяющимися явлениями неодушевлённой природы, для описания которых в течение многих десятилетий наука выработала относительно надёжные приёмы. В политике, психологии и филологии моделирование даёт пока

существенно меньший эффект, поскольку этот приём связан здесь с преодолением ряда онтологических трудностей, среди которых основное место занимает размытость семантических границ лингвистических знаков.

The basic features of the new linguistic paradigms analysed in this work are as follows: synergetic experimentally supported approach to modelling linguistic systems and processes.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бар-Селла З. Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». – М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2005.
2. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). – М.: ИИЛ, 1958.
3. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Современный литератор, 2007.
4. Гришунин С.И. Возможна ли современная наука без интуиции. Модели творческой интуиции в контексте науки, философии и прогнозирования. –2-е изд., испр. – М.: URSS, 2007.
5. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008.
6. Гуя Я. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974.
7. Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки. – М.: Наука, 1965.
8. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: пер. с англ. // НЛ., 1960. – Вып. I.
9. Корягин С.В. А.С. Серафимович – автор «Тихого Дона». Сер. «Генеалогия и семейная история донского казачества». – М.: Русаки, 2006. – Вып. 63.
10. В поисках потерянного автора. Этюды атрибуции / М.А. Марусенко [и др.] – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2001.
11. Сонин А.Г. Поколение учёных, выросших на «Кратком словаре когнитивных терминов» // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики: сборник статей, посвящённых памяти акад. И.И. Мещанинова / отв. ред. А.П.Юдакин. – М.: РАН ИЯ, 2005.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: пер. с франц. – М.: Прогресс, 1977.
13. Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С.А. Лебедева – М.: Академический Проект, 2000.
14. Gimbutas M. Primary and Secondary Homeland of the Indo-Europeans // The Journal of Indo-European Studies. – 1985. – Vol. 13, N 2.
15. Mańczak W. Linguistique générale et linguistique indo-européenne // Kraków: Polska Akademia Umiejętności. Wydział filologiczny. – Uniwersytet Jagelloński. Wydział filologiczny, 2008.

Н.А. Шехтман

Оренбургский государственный
педагогический университет
E-mail: Nick@ospu.ru

УДК 81'38

ОТ ТЕКСТА К НАРРАТИВУ

Ключевые слова: *нарратив; нелинейность означаемых; коллаж; инференциальные знания.*

Рассматриваются оппозиции линейности / нелинейности означаемых и означающих и отличительные особенности нарратива в сравнении с традиционным текстом. Особое внимание обращено на лингвистические механизмы согласования авторских интенций и читательских ожиданий.

Гносеологическая ценность любого текста состоит в его направленности на то, что находится за ним в реальном, эмоциональном и мыслительном континууме, который и призван описывать текст. Последнее столетие в истории литературы характеризуется появлением манеры письма и чтения, когда пересматриваются роли автора и читателя в создании и восприятии текста. Тексту как упорядоченному множеству предложений, предназначенных для выражения некоторого смысла, противопоставляется постмодернистский нарратив, литературный жанр, когда в рассказываемой истории сплетено несколько сюжетных линий, в результате чего возникает новый смысл, далеко обгоняющий то, что выражено лексико-синтаксическими конструкциями. Если в тексте всё более или менее предсказуемо, то в нарративе сюжетное развитие и события свободно меняются местами, вероятность последующих событий стремится к нулю. Мысль, получив толчок, разносится в неисчислимых направлениях благодаря опыту личности, ее мыслительно-ассоциативным способностям. В постмодернизме ее уподобляют ризоме (фр. *rhizome* – «корневище») – потенциальной бесконечности гетерогенных сущностей, имплицитно содержащей в себе «скрытый стебель». Наррация – это вербализованная композиция, состоящая из многих лиц, событий, действий как в настоящем, так и в прошлом и будущем. Их последовательность может быть изложена различными способами.

Зависимость сказанного от манеры письма в тексте более категорична по сравнению с нарративом, где главное – смещение действующих лиц и событий во времени и пространстве, которые не имеют границ: здесь и сейчас (*hic et nunc*) легко превращается в там и тогда. Правила смыслообразования трудно формулируемы, но несомненно одно: вербализация нелинейного мышления требует нелинейности в организации языковых ресурсов в изображении как пространства, так и времени. Внимание перенесено с субстанции на структуру: связь становится

важнее того, что связано. В основании любого изображения (будь то реальный мир или его мысленное представление) лежит презумпция хаотической фрагментарности изображаемого. Умение описать действительность в ее спонтанности требует разрозненных элементов, они могут стать таковыми по воле автора.

Тогда возникает коллаж – приём художественной техники, организующий культурное пространство текста сочетанием разрозненных отрывков. По таким канонам написана книга Ж. Перека «Темная лавочка»; это серия дневниковых записей, воспоминаний, снов, значимых пропусков (для которых введен специальный графический символ //), объединенная судьбой и именем протагониста или бытовыми деталями, как-то пропавшие в начале и позже найденные ботинки. Циркуляция одних и тех же действующих лиц или эпизодов связывает воедино то, что на первом этапе воспринимается как несвязное [8].

Это так не похоже на традиционный текст, что кажется бессмысленным намерение обозначить основные векторы его отличий от нарратива. Но если всё-таки попытаться это сделать, то начинать надо с оппозиции линейность : нелинейность письма/чтения как атрибута постмодернистских произведений.

Единиц содержания неизмеримо больше, чем единиц выражения. Конечный инвентарь языковых единиц используется для создания несчетного числа сообщений. Безграничные возможности мысли и многочисленные, но все-таки не бесконечные ресурсы ее языковой фиксации приводят к нелинейности и видения мира, и способов его описания. Динамика смысла и статика языковой структуры заставляют авторов искать выход за рамками лексико-синтаксических и фонетических (пунктуационных) средств языковой системы. Их глубинный уровень дает исторически и культурно обусловленную интерпретацию некоторого участка окружающей действительности с позиций той или иной личности. Отказ от устоявшихся, особенно причинно-следственных связей семантических величин, свободное движение смыслов, не скованное возможностями лексических систем, находит свои способы выражения благодаря тому, что материальные и формальные характеристики текста взаимообусловлены, но асимметричны настолько, насколько классифицирующая деятельность (язык) асимметрична коммуникативной деятельности (речи). Языковыми средствами, которые всегда дискретны, мысль может быть выражена не иначе, как с некоторыми лакунами, которые каждый читатель заполняет по-своему, исходя из своих фоновых знаний и интеллектуального уровня.

Возможность генерировать смыслы внутри самого языка приводит к тому, что требующие вербализации, но не имеющие своих прямых наименований новые повороты мысли, ситуации, свойства, реалии объективного мира являются толчком для создания новых форм и новых комбинаций старых моделей их сочетаемости. Если в формальной и семантической структурах языка нет специального обозначения для некоторого объекта номинации, то на помощь приходит неисчерпаемая комбинаторика соотношений дискретного и континуального, а также контаминация, объединение в одной морфологической единице сем, заимствованных из разных, возможно, даже несовместимых семиосфер: Baddybad Stephen

lead astray goodygood Malachi (Бяка Стивен сбил с пути паиньку Малахию) [15]. Или англ. medicare (medical + care), transceiver (transmitter + receive), wreaders (и riters), рус. сетература (сетевая + литература). Иначе говоря, форма может служить предпосылкой и источником новых значений и смыслов, содержание способно стать импульсом для создания более ёмких форм.

Линейность, или синтагматика, – это имманентное свойство либо означающих, либо означаемых. Их несоответствие друг другу является скорее правилом, нежели исключением. Первая строка в любом тексте предполагает наличие последующей, и так до конца текста. «По существу, любая книга представляет собой не что иное, как одну длинную строку, лишь нарезанную на мелкие порции ради удобства размещения на странице» [9, 29]. Возможны следующие оппозиции *линейности* : *нелинейности*, с одной стороны, и *означающих* : *означаемых*, с другой.

Линейность означающих : *линейность означаемых* и *линейность означающих* : *нелинейность означаемых*. В этом случае, говоря словами Р. Якобсона, читатель проходит путь от морфологии как изучения целостно кодируемых единиц к анализу синтаксических структур, в которых сочетаются обусловленные кодом матрицы (формы для запоминания) и свободный или относительно свободный выбор слов, заполняющих эти матрицы [12, 315]. Таковы тексты, написанные в реалистической традиции («Пришел, увидел, победил»).

Кажущееся отсутствие сюжетного развития может быть восстановлено читательским усилием. Представление о том, что такое нарратив, дает автор романа «Если однажды зимней ночью путник» И. Кальвино, сообщающий читателю, что он держит в руках книгу, в которой в процессе брошюровочно-переплетных работ допущен брак, вследствие чего печатные листы указанного издания перемешались с печатными листами другой новинки [3, 35]. Разобраться в последовательности событий непросто: имеющие отношение к развитию сюжета письма некоего переводчика были направлены из разных мест, разбросанных по всем пяти континентам. Отправлялись они с оказией и попадали в почтовый ящик в разных местах, поэтому марки на конвертах не соответствуют пункту отправления. К тому же попадают письма, в которых есть ссылка на предыдущие послания, а они, как выясняется, написаны позже [3, 124]. Но линейность означающих сохраняется.

Нелинейность означаемых : *нелинейность означающих*. Эта оппозиция наилучшим образом демонстрируется романом Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», где нет ни начала, ни конца: последняя фраза («A way a lone a last a loved a long the...») фактически является началом предложения, с которого начинается роман: («...sad and weary I go back to you, my cold father, my cold mad father, till the near sight of the mere size of him, the moyles and moyles of it, moanmoaning, makes me seasilt saltsick, and I rush, my only, into your arms») [14].

В нарративе содержание зависит от формы его представления больше, чем в традиционном тексте. Примером может служить роман Х. Кортасара «Игра в классики»; автор направляет процесс чтения вплоть до указания последователь-

ности глав, см. инструкцию для читателя которую мы находим в начале книги Х. Кортасара [4] (Приложение № 1).

Автора могут характеризовать разные замыслы относительно читательских предпочтений. Художественно-познавательный эффект достигается демонстрацией нескольких возможностей, предоставляемых читателю, который руководствуется либо своими когнитивными способностями, либо своим воображением. Мотивы авторского сознательного влияния на восприятие и понимание читаемого варьируются: от активизации читательского воображения до сужения круга реципиентов, предопределенного единством научной парадигмы: в предисловии к [5, 24-25] авторы предлагают несколько способов чтения монографии: «Для читателей, интересующихся приложениями (например, химикам-экспериментаторам, биологам, социологам), часть 1 наряду с главами 5, 6, 7 дадут достаточную основу для изучения частей 4 и 5; интересующиеся общей теорией должны прочесть главу 7. Таким читателям необязательно вникать во многие детали глав 14, 15 и 17». Разные способы чтения объясняются социальными, парадигмальными, равно как и личностными притязаниями читателя. Однако читатель свободен в принятии решения относительно того, следовать ли ему подсказкам автора. Стремление предугадать возможные реакции читателя демонстрирует и Раймон Кено в «Сказке на ваш вкус» [10] (см. Приложение № 2).

В 60-е годы Р. Кено и Ж. Перек основали «мастерскую потенциальной литературы». Цель объединения – литературная игра, математизированное комбинирование литературы из элементов, блоков. Восприятие нелинейных текстов носит случайный характер, что проявляется в отсутствии ядра и периферии.

Одни и те же объективные данные могут вызывать разные субъективные ассоциации. Этот принцип оказался основным для автора «Хазарского словаря» М. Павича. Читатель нарратива имеет возможность читать его с любого места (*you never know when you have finished*); вот как это рекомендует делать М. Павич в предисловии к «Хазарскому словарю»: «Три книги этого словаря – Желтую, Красную и Зеленую – можно читать в том порядке, какой придет на ум читателю, например, начав с той страницы, на которой словарь откроется» [6, 21]. В одном из интервью радиостанции «Свобода» он сравнивал процесс чтения своей пьесы «Вечность и еще один день» с рассматриванием ресторанного меню: читателю предлагается одно главное блюдо, а «закуску» и «сладкое» читатель должен выбрать сам из предложенных автором трех прологов и трех эпилогов к пьесе.

Нелинейное письмо расширяет возможности ассоциативного мышления читателей. Содержание высказывания складывается не только из его эксплицитной, выраженной с помощью лексико-грамматических средств языка информации, но и из его имплицитной, явно не выраженной части. Помимо эксплицитированных в тексте значений на восприятие смысла влияют значения, которые суггестируются, пробуждаются на основе представленных в тексте значений. Это в равной мере относится и к реалистическому рассказу, и к нарративу. Но в последних имплицитная часть содержания оказывается более значимой, чем эксплицитная. Знаменитое «*A rose is a rose*» Гертруды Стайн семантизировалось

ею как *Things are what they are*. Извлечение выводного знания опирается на то, что дано нам непосредственно, что следует из наших знаний о языке и мире. Оно является вторичным, так как в его основе лежат ранее полученные, исходные знания, по отношению к которым оно является новым и которыми оно индуцируется. Индуцируемое физически данным материалом, выводное знание указывает на то, что находится за текстом и становится объектом коммуникации. Индивидуальный читательский опыт, знания о мире, или фоновые знания, находятся в постоянном взаимодействии с содержанием текста и его автором, с чужими индивидуальностями. Это помогает читателю добывать («вычислять») подразумеваемый смысл, инференционные, выводные знания путем рассуждений и умозаключений при помощи интуиции и здравого смысла. Примером может служить отрывок из романа В. Вулф «*The Waves*» («Волны») [1]. 18-летний юноша Бернард, описывая своё «я», вдруг говорит: *Joined to a sensibility of a woman (I am here quoting my own biographer) Bernard possessed the logical sobriety of a man*. Представив себе своё будущее, юноша уверен в том, что станет большим писателем, у которого будет свой биограф. Этот смысл выходит за рамки того, что сказано единицами поверхностной структуры. Приписывание этого смысла возможно благодаря наличию в нашей памяти универсальных когнитивных структур. Благодаря формальным и семантическим переключкам (главы единообразно отграничиваются друг от друга штампом типа *Bernard said, Rhoda said*, которые можно читать в любой последовательности) «Волны» воспринимаются как единое художественное произведение. Герменевтический круг («Целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное – на основании целого») позволяет читателю предвосхищать невербализованный смысл.

В некоторых случаях читателю приходится идентифицировать себя с определенной социальной группой, при этом личность не редуцирует свое индивидуальное сознание до стандартизованных форм групповой идентичности. Мы можем судить о масштабах группового согласия по тому, что опускается в эллиптических конструкциях; оно касается принятых автором и читателем пресуппозиций. «Слушатель “выводит” соответствующий компонент содержания в качестве имплицатуры» [7, 27]. Решающую роль в этих случаях играет дискурсивная отнесенность текста. Выводное знание – это получение нового знания из уже имеющегося. В примечаниях к своему роману «Имя розы» У. Эко пишет, что, работая над романом, он захотел отравить своего героя ядом, который должен был действовать постепенно, переходя с предмета на кожу рук, и попросил своего приятеля-биолога найти нужный ему яд. Письмо, где приятель сообщал, что не знает яда, подходящего к его случаю, он уничтожил сразу же по прочтении, ибо документ такого характера, воспринятый в другом контексте, мог подвести под высшую меру [11, 89]. Чтение текста приобретает экспериментальный характер. Главным инструментом во всех этих стратегиях является разрушение стереотипов. Нелинейным оказывается и написанное автором, и прочитанное читателем. Так, в гиперромане Майкла Джойса «Полдень» [16] автору угодно семантически изолировать следующий фрагмент:

He asks slowly, savoring the question, dragging it out devilishly, meeting my eyes.

– How... would you feel if I slept with your ex-wife?

– It is foolish. She detests young men.

Несмотря на оторванность фрагмента от сквозного повествования, мы узнаем из отрывка, что говорящий разведен, что он старше своего собеседника, его бывшая жена презирает любовные связи с молодыми людьми. Из другого фрагмента (куда читатель, как в любом гиперромане, имеет возможность попасть простым нажатием кнопки мыши) мы узнаем, что собеседник, Верт, является его работодателем. Из беседы с Вертом выясняется, что рассказчик, возможно, был свидетелем гибели его бывшей жены и сына. I felt certain it was them, I recognized her car from that distance, not more than a hundred yards off along the road to the left where she would turn if she were taking him to the County Day School. Two men stood near the rear of the grey buick and a woman in a white dress sprawled on the wide lawn before them, two other men crouching near her. Another, smaller body beyond. (...) Он начинает обзванивать различные учреждения в поисках сына. My child, our son, attends the County Day School, and so when I call I am shunted – as all divorced parents are – to the Assistant Headmaster. Связь между отрывками становится не только гиперссылочной: повторяется упоминание о разводе, об их общем сыне. Линеаризация смысла и сюжета становится уделом не только автора, но и читателя.

Таким образом, разные материальные и формальные средства могут использоваться для кодирования одного и того же содержания, ограниченная совокупность изобразительных средств дает возможность получить неограниченное количество комбинаций смысла. Ориентацию в его структуре читателю дают либо автор, либо комментатор, либо издатель (в виде предисловий и послесловий), исходя из социальных, психологических, когнитивно-ролевых представлений об адресате. Их диктат обнаруживается в разных пропорциях, но он непременно присутствует. С одной стороны, речепорождение – это воспроизведение готовых формул, с другой, высказывание – это процесс формирования мысли и чувства, оно служит не для передачи готовой мысли, а для ее становления [2, 313]. Смещение старых элементов формы дает новые смысловые комбинации. Что-то в них узнаваемо, иное воспринимается как совершенно новое.

Приложение № 1

ТАБЛИЦА ДЛЯ РУКОВОДСТВА

Эта книга в некотором роде – много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбрать одну из двух возможностей: первая книга читается обычным образом и заканчивается 56 главой, под последней строкою которой – три звездочки, равнозначные слову Конец. А посему читатель безо всяких угрызений совести может оставить без внимания все, что следует дальше.

Вторую книгу нужно читать, начиная с 73 главы, в особом порядке: в конце каждой главы в скобках указан номер следующей. Если же случится забыть или перепутать порядок, достаточно справиться по приведенной таблице:

73 – 1 – 2 – 116 – 3 – 84 – 4 – 71 – 5 – 81 – 74 – 6 – 7 – 8 – 93 – 68 – 9 – 104 – 10 – 65 – 11 – 136 – 12 – 106 – 13 – 115 – 14 – 114 – 117 – 15 – 120 – 16 – 137 – 17 – 97 – 18 – 153 – 19 – 90 – 20 – 126 – 21 – 79 – 22 – 62 – 23 – 124 – 128 – 24 – 134 – 25 – 141 – 60 – 26 – 109 – 27 – 28 – 130 – 151 – 152 – 143 – 100 – 76 – 101 – 144 – 92 – 103 – 108 – 64 – 155 – 123 – 145 – 122 – 112 – 154 – 85 – 150 – 95 – 146 – 29 – 107 – 113 – 30 – 57 – 70 – 147 – 31 – 32 – 132 – 61 – 33 – 67 – 83 – 142 – 34 – 87 – 105 – 96 – 94 – 91 – 82 – 99 – 35 – 121 – 36 – 37 – 98 – 38 – 39 – 86 – 78 – 40 – 59 – 41 – 148 – 42 – 75 – 43 – 125 – 44 – 102 – 45 – 80 – 46 – 47 – 110 – 48 – 111 – 49 – 118 – 50 – 119 – 51 – 69 – 52 – 89 – 53 – 66 – 149 – 54 – 129 – 139 – 133 – 140 – 138 – 127 – 56 – 135 – 63 – 88 – 72 – 77 – 131 – 58 – 131.

Приложение № 2

1. Желаете узнать историю о трех маленьких горошинах? (Если да, то переходите к четвертому пункту, если нет – переходите ко второму).

2. Вы предпочитаете историю о трех тонких длинных жердочках? (Если да, переходите к 16, если нет – к 3).

3. Вы предпочитаете историю о трех посредственных кустиках? (Если да, переходите к 17, если нет – к 21).

4. Жили-были три горошинки в зеленых одеждах. Они мирно спали в своем стручке. Их правильные круглые лица мирно дышали, и было слышно их нежное и стройное посапывание. (Если вы предпочитаете другое описание, переходите к 9, если такое описание вас устраивает, переходите к 5).

5. Они не мечтали. В самом деле, эти маленькие существа никогда не мечтают. (Если вы хотите, чтоб они мечтали, переходите к 6, если нет – к 7).

6. Они мечтали. Фактически эти существа мечтали всегда, и ночи скрывали их прекрасные грезы. (Если вы хотите знать их мечты, переходите к 11, если нет – к 7).

7. Их милые ножки носили теплые носочки, и в кровать они надевали перчатки из черного велюра. (Если вы предпочитаете перчатки другого цвета, переходите к 8, если вы считаете цвет подходящим, переходите к 10).

8. В кровать они надевали перчатки из синего велюра. (Если вы предпочитаете перчатки другого цвета, переходите к 7, если вы считаете цвет подходящим, переходите к 10) и т.д.

Oppositions between linear and non-linear presentations of form and content are considered in order to single out the main differences between narratives and traditional texts. Special attention is paid to linguistic instruments of harmonizing the author's intentions and the reader's anticipations.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вулф В. Волны. Электронный ресурс.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь (Психологические исследования). – М.-Л., 1934.
3. Кальвино И. Если однажды темной ночью путник. – М., 2000.
4. Кортасар Х. Игра в классики. – М., 2003.
5. Николис Г., Пригожин М. Самоорганизация в неравновесных системах. – М., 1979.
6. Павич М. Хазарский словарь. – СПб., 2000.
7. Падучева Е.В. Презумпции и другие виды не эксплицитной информации в предложении // НТИ. Сер. 2. – 1981. – № 11.
8. Перек Ж. Темная лавочка // Иностранная литература. – 2003. – № 12.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.
10. Французская литературная сказка. – М., 1983.
11. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. – 1988. – № 10.
12. Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985.
<http://etext.library.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91w/complete.html>).
14. Joyce J. Finnegan's Wake. Электронный ресурс <http://www.trentu.ca/faculty/jjoyce/fm-3htm>.
15. Joyce J. Ulysses. Электронный ресурс <http://www.trentu.ca/faculty/jjoyce/fm-3htm>.
16. Joyce M. Afternoon. Электронный ресурс <http://jilltxt.net/txt/afternoon.html>.

Ю.А. Левицкий

*Пермский государственный
педагогический институт
E-mail: levit@psu.ru*

УДК 81

УГРОЖАЕТ ЛИ ЛИНГВИСТИКЕ ПОСТМОДЕРНИЗМ?

Ключевые слова: современная лингвистика; терминология; предмет лингвистики; система языка; функционирование языка; лингвистика речи.

Неприменимость постмодернистской модели в сфере лингвистики обосновывается в статье двумя положениями.

1. Лингвистика трактуется в качестве естественной науки.

2. Область «действия» постмодернизма – гуманитарные, но не естественные науки.

Следовательно, постмодернизм не «угрожает» лингвистике, поскольку не имеет к ней никакого отношения.

В 2006 году в сборнике «Филологические заметки» была опубликована статья И.А. Углановой «Существует ли мейнстрим в современной лингвистике?» [7]. Проанализировав ряд современных работ, автор приходит к неутешительным выводам: лингвистика утратила принцип системности – вместо единого

предмета мы имеем дело с грудой разнородных явлений; лингвистика «открестилась» от структурализма, который открыл дорогу междисциплинарности и породил антропоцентризм и экспансионизм. Кроме этого, основными направлениями лингвистики являются генеративизм, функционализм и когнитивизм. Признавая существование лингвистики «истинного постмодерна», автор полагает, что в качестве ее методологического основания вполне реально можно рассматривать *синергетику*.

В целом, ситуация в лингвистике описывается с большим креном в философию. При этом упускаются из вида два простых факта. Во-первых, философы, как и слишком философствующие лингвисты (особенно молодые и амбициозные), очень любят поиграть словами, не всегда затрудняя себя пояснениями того, в каких именно значениях эти слова используются. Дело в том, что многие термины логики, философии, семиотики и лингвистики формально совпадают, но имеют в этих науках различные интерпретации. Помимо этого, большинство лингвистических терминов оказываются не однозначными, а отсутствие соответствующих пояснений зачастую приводит к двусмысленности и недопониманию того, что имел в виду автор (если он действительно что-то имел в виду).

Во-вторых, представляется не вполне корректным говорить о постмодернизме в лингвистике. Вряд ли кому-либо придет в голову рассуждать об «истинном постмодерне», скажем, в геологии, анатомии, физике, математике и других естественных науках. Область «действия» постмодернизма – это философия и филология и т.п. Что же касается лингвистики (языкознания), то это наука естественная. Как известно, языковеды, начиная с А. Шлейхера и М. Мюллера, пришли к противопоставлению филологии – науки исторической, изучающей творчество людей, и языкознания – науки естественной, изучающей закономерности развития и функционирования языка. А вот что говорил об этом противопоставлении И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Филология – так, как она развивалась исторически и как обычно ее преподносят ее представители, – является собранием знаний, сведений о разных подробностях, но не наукой, не знанием в точном значении этого слова, в то время как языкознание – монолитная, строго определенная наука... Языкознание является познаванием и научным исследованием языка, или человеческой речи во всем ее многообразии... Языкознание представляет собой направленную деятельность человеческого разума, упорядочивающего языковые явления» [3, 203-206].

Если же подходить к рассмотрению затронутых вопросов с чисто лингвистических позиций, то начинать следует с определений используемых терминов. В связи с этим позволим себе остановиться на том, как могут интерпретироваться основные термины, которые часто используются в многочисленных работах, посвященных проблемам языка и науке о языке, без каких бы то ни было комментариев.

Первое слово, без которого не обходится ни одна лингвистическая работа, – язык. Тривиальнейшее определение языка как орудия, средства общения не выдерживает никакой серьезной критики. Во-первых, оно определяет не *что* та-

кое язык, а для чего он предназначен. Во-вторых, орудия изготавливаются людьми намеренно и с определенной целью, по заранее намеченному плану. Ничего этого нельзя отнести к языку: «Язык – в природе человека, и человек не изготавливал его... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [2, 293].

В лингвистике слово «язык» используется для обозначения *двух различных понятий* – «язык-объект» и «язык-предмет». Язык-объект – это то явление действительности, которое изучается рядом наук, в том числе и лингвистикой. Язык-предмет – это тот специфичный аспект явления, на который направлено внимание каждой конкретной науки.

Общеизвестным является философское определение языка: «Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание» (К. Маркс). Аналогичным образом строятся определения и в лингвистике: «Язык – исторически сложившийся и естественный механизм человеческого мышления» [4, 109]. «Не только онтологически, но и филогенически язык выступает как форма существования человеческого сознания» [17, 117]. Это определения языка-объекта.

Как известно, в подавляющем большинстве языков существует одно слово для обозначения языка: англ. language, нем. Sprache и т.д. Исключение составляет французский язык, в котором имеются два однокоренных синонима: langage и langue. То же самое имеет место в итальянском и испанском языках (linguaggio и lingua, lenguajo и lengua). Для обозначения языка-объекта Ф. де Соссюр использовал в своей теории слово langage, которое на русский язык не вполне удачно (утрачена этимологическая близость двух слов) было переведено как «речевая деятельность».

В составе langage Соссюр выделил две части: явную, наблюдаемую, которую он обозначил словом parole «речь», и скрытую, непосредственно ненаблюдаемую часть – langue, которая представляет собой «клад практикой речи, отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [18, 52]. Это и есть *предмет* исследования лингвистики.

Поскольку оба соссюрских термина переводятся обычно одним и тем же словом «язык», последнее в русском языке (и в других языках) оказывается двусмысленным. Однако обычно они используются в тексте без особых пояснений, при этом часто в одном и том же тексте.

Разделив одно общее понятие «langage» на два подчиненных понятия «langue» и «parole», Соссюр считал, что должны существовать и *две разные лингвистики*: лингвистика языка и лингвистика речи. «Изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида; это на-

ука чисто психическая; другая, второстепенная, имеет своим предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична» [18, 57].

Итак, единым предметом лингвистики языка (*langue*) было изучение его устройства, структуры. Эта задача была успешно выполнена в рамках общего направления, получившего наименование структурализма. В результате исследований структуралистов разных школ установлены основные единицы языковой системы и их отношения. Завершающим этапом явилось представление языка в виде иерархии уровней, на которых располагаются основные лингвистические единицы – работы Э. Бенвениста, Л. Ельмслева, Э. Косериу, Ю.С. Степанова. При этом следует отметить, что исследования лингвистов ограничивались «работающими» единицами, в качестве которых выступали звуки, слова и предложения, а также лежащие в их основе фонемы, морфемы и конструкции. В дальнейшие глубины лингвистика не погружалась. Никакими поисками «исчезающих структур» лингвисты не занимались – это прерогатива философов и семиотиков.

В рамках структурализма возникли и получили развитие порождающие грамматики, такие, как трансформационная грамматика и категориальные грамматики. Основным предметом исследований порождающих, или генеративных, грамматик были в основном синтаксические преобразования.

Специфика порождающих (генеративных) грамматик заключается в том, что, во-первых, как уже отмечалось, преобразование является основным и единственным предметом исследования и описания, во-вторых, преобразования представлены в виде системы, и в-третьих, описание имеет строгий формализованный, «математизированный», характер. В трансформационной грамматике в качестве символов используются принятые в морфологии обозначения частей речи (N – для существительного, V – для глагола, A – для прилагательного, D – для наречия). В категориальной грамматике используются обычно всего два исходных символа: n – для существительного, Σ – для предложения, а все остальные классы слов считаются производными.

Наиболее широкое распространение и огромную популярность получила трансформационная грамматика, созданная З. Хэррисом и Н. Хомским. Популярность эта была обусловлена тем, что очень многие отечественные лингвисты, не утруждая себя прочтением работ Н. Хомского, основываясь чисто на этимологической ассоциативной связи, термин «порождающая грамматика» ошибочно связали с процессом порождения высказывания и начали всячески расхваливать новое направление, считая его панацеей при разрешении вопросов порождения высказывания. «Одним из самых главных достижений генеративного направления мы считаем само обращение к исследованию механизмов использования языка в речевой деятельности... По своему замыслу трансформационная, а позднее и генеративная грамматика должны были показать, *как происходит в речи формирование высказывания*» (выделено мною. – Ю.Л.) [8, 233]. «Преобразования элементов языка носят спонтанный характер, они составляют необходимое условие нормальной речевой деятельности. Носители языка

неосознанно и постоянно совершают преобразования в процессе коммуникации» [6, 277].

Такое огульное восхваление трансформационной грамматики отмечает А.Е. Кибрик в своей статье в [13]: «Терминологический аппарат порождающей грамматики вошел в лингвистический обиход и используется многими лингвистами, *работающими вне рамок генеративной лингвистики*» (выделено мною. – Ю.Л.).

В таком же ключе высказывается и А.А. Леонтьев: «Модель Хомского импонировала и лингвистам, и психолингвистам своей бросающейся в глаза оригинальностью, *кажущейся динамичностью*» (выделено мною. – Ю.Л.) [12, 41]. А в своей статье в [13] А.А. Леонтьев высказывается вполне категорически: «Для анализа процесса реального порождения высказывания в речевой деятельности человека трансформационная грамматика заведомо *непригодна*». То же самое отмечает и Дж. Лакофф: «Как показали психолингвистические исследования, трансформации *не* используются *непосредственно* в процессе речевой деятельности» [10, 365].

Если бы слишком восторженные почитатели Хомского взяли на себя труд непосредственно познакомиться с его работами, они могли бы убедиться в том, что процесс порождения высказывания говорящим, по мнению автора, происходит совсем *не по правилам трансформационной грамматики*. Сам Н. Хомский неоднократно отмечал, что его грамматика описывает *компетенцию* говорящего, т.е. его знание языковой системы, но никак *не порождение* конкретных высказываний в процессе коммуникации, что составляет уже область *употребления* языка. «Порождающая грамматика *не является моделью для говорящего и слушающего*» (выделено мною. – Ю.Л.). Она стремится охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим-слушающим» [21, 13-14].

После выявления устройства языковой системы вполне естественным был переход к следующей задаче – выявлению закономерностей функционирования этой системы, т.е. переход от лингвистики языка к лингвистике речи (*parole*). А этот переход связан с тем, что «объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т.д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» [18, 47]. В связи с этим лингвистике необходимо было обратиться «за помощью» к перечисленным Соссюром наукам, занимающимся изучением тех факторов, которые в той или иной мере оказывали влияние на употребление, использование языка в разнообразных условиях. Появляется целый ряд так называемых смежных наук, предметами которых и были условия, определяющие характер функционирования языка. К таким наукам относятся функциональная лингвистика, социолинг-

вистика, психолингвистика, лингвистика текста, в результате развития которой выделилась отдельная отрасль – лингвистическая прагматика.

К зачинателям функциональной лингвистики относятся Ш. Балли и А. Сеше, наметившие в своих работах переход от лингвистики языка к лингвистике речи. Именно в системе языка существуют специальные механизмы и средства, с помощью которых языковые единицы превращаются в речевые. Последующие представители этого направления детально анализируют разнообразные средства, предназначенные для передачи содержания, обращения, выражения, указания, связности порождаемых текстов, рассматривают специфику функционирования языка в разных сферах общения и т.д. и т.п. Короче говоря, функциональная лингвистика рассматривает средства и способы образования правильных высказываний в соответствии с общими условиями коммуникации.

Что касается *функционализма*, то это понятие связывают обычно с проблемой выделения разнообразных функций языка. Однако слово «функция», как и большинство лингвистических терминов, оказывается далеко не однозначным. Так, функцией могут называть сферу употребления языка, использование языка в отдельных ситуациях и т.п. На этом основаны принципы выделения разнообразных функций языка у К. Бюлера, Р. Якобсона, М.А.К. Хэллидея и др.

Однако Ж. Мунен, который скептически относится ко многим лингвистическим теориям, замечает, что указанные функции объясняют все факты языка только не-лингвистам, поскольку они не имеют собственно формальных лингвистических критериев. Это лишь частные случаи употребления языка [20, 123]. Все эти функции представляют собой случаи конкретизации главной и единственной функции языка – коммуникативной.

Если исходить из того, что язык есть практическое сознание, то многие функции, которые выделяют лингвисты, «должны относиться не к классу функций, а к классу *свойств* (выделено мною. – Ю.Л.) языка. Такими являются, например, указанные в ряде работ конструктивная функция (использование языка для формирования мысли), когнитивная (язык как средство познания действительности), инструментальная (применение языка как инструмента исследования)... Быть средством общения – это функция языка; но быть практическим действительным сознанием – это его природа, его сущность, его, грубо говоря, фактура. И поэтому сказать, что функция языка – быть практическим сознанием, это то же, что сказать: функция ковра быть ковром, а функция языка – быть языком, т.е. тавтология» [15, 31-32].

Возвращаясь к обзору смежных дисциплин, отметим, что социолингвистика имеет целью выявить факторы, которые обуславливают приспособление коммуникации к социальному контексту, выявляя специфические особенности говорящего, слушающего, характера их социальных взаимоотношений и т.п. В целом речь идет опять-таки о том, как достичь успеха в коммуникации в рассматриваемом аспекте.

Психолингвистика подходит к процессу коммуникации «изнутри», определяя работу психологических механизмов в процессе приспособления человека к

языку, как при его усвоении, так и при его использовании говорящим (порождение речи) и слушающим (восприятие речи); чем обусловлен успех или же неуспех в области владения и употребления языка.

Лингвистика текста, которая сложилась позднее рассмотренных аспектов, с одной стороны, вобрала в себя многие идеи и приемы из предыдущих дисциплин, а с другой – послужила в определенной степени базой для лингвистической прагматики. Лингвистика текста исследует средства внутритекстовых связей, характер преобразования предложений при их вхождении в текст, семантику текста, в том числе и ту, которая не получает в тексте эксплицитного выражения, выявляет наиболее адекватные способы выражения содержания, уместность тех или иных форм и выражений в аспекте успешности коммуникации.

Наиболее «всеядной» оказалась прагматика, которая пытается выявить абсолютно все условия успешной коммуникации.

По поводу сказанного следует сделать два замечания. Во-первых, все перечисленные науки предметами своих исследований имеют различные аспекты единого общего явления – речи. Это, как уже отмечалось, – различные аспекты лингвистики речи, предмет которой заключается в выявлении характера тех языковых средств и способов, с помощью которых человеку удастся установить контакт со своим партнером и добиться полного и однозначного взаимопонимания. Иными словами, задача всех перечисленных аспектов исследования речевой деятельности заключается в том, чтобы выяснить, как человек приспособливает язык для достижения взаимопонимания и взаимодействия с другими людьми. Следовательно, никакого *экспансионизма* лингвистики не происходит. А переход к *антропоцентризму* – также естественный результат, поскольку в процессе коммуникации основными субъектами являются говорящий и слушающий со всеми их особенностями.

Во-вторых, во всех указанных исследованиях рассматриваются различные стороны функционирования того самого языка (*langue*), устройство которого во всех деталях описано в рамках структурализма. Следовательно, лингвистика никоим образом не «открестилась» от структурализма, а на новом этапе своего развития успешно пользуется его достижениями. Точно так же новые этапы развития физики не привели к «открещиванию» от достижений классической механики, а развитие математики не привело к «открещиванию» от евклидовой геометрии.

Таким образом, основным направлением современной лингвистики вполне естественно представляется всестороннее описание предмета речи, для чего неизбежно требуется «обращение за помощью» к тем наукам, предметы которых тем или иным образом связаны с изучением факторов, влияющих на условия коммуникации.

Что касается когнитивной *лингвистики*, то Е.С. Кубрякова определяет ее достаточно широко как науку «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-

то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [8, 34]. О лингвистике или языке – *ни слова*.

Существует множество других определений, однако все они имеют слишком всеобъемлющий характер. Происходит это, прежде всего, потому, что одним из стимулов развития когнитивной лингвистики была идея создания искусственного интеллекта. Предмет «обычной» лингвистики очерчен достаточно четко и однозначно: это языковая система, «упрятанная» в сознании человека, который прекрасно умеет им пользоваться, даже не обладая никакими лингвистическими познаниями. Совсем другое дело, когда этот «предмет» требуется поместить в машину, пусть даже самую совершенную. Но дать машине знания лишь об устройстве языка оказывается явно недостаточным. Нужно еще снабдить машину всеми теми знаниями, которыми владеет человек, даже самый примитивный, но живущий в достаточно сложном мире, в котором ему приходится действовать. Этого тоже явно недостаточно: нужно вложить в машину и умение пользоваться этими знаниями. (Как говорил Г. Честертон, «машина потому и машина, что не умеет мыслить»). Умберто Эко приводит в пример работу «Когнитивный компьютер» Р. Шени и П. Чилдерса, авторы которой пытаются выяснить, какого объема «Энциклопедию» надо заложить в машину, чтобы она могла писать (и понимать) басни в духе Эзопа. Оказывается, для того, чтобы прочесть басню, надо «довольно много знать» (выделено мною. – Ю.Л.). Объем такой «энциклопедии» представляется безграничным [22, 214]. Но этого также недостаточно. Надо еще показать, как языковая система должна *функционировать* во всех случаях жизни. А для этого нужно попытаться найти предмет той самой лингвистики речи, которую когда-то обозначил Соссюр.

Кроме того, «само по себе употребление когнитивной терминологии не гарантирует существенных теоретических достижений ... “Когнитивные одежды” примеряют на себя даже направления, внутренне чуждые когнитивному подходу» [5, 216]. Это было сказано в 1985 году. А вот какие недостатки современной когнитивной лингвистики отмечают в 2000 году: «1) Злоупотребление модной когнитивной терминологией, без определения ее содержания; 2) неразличение мыслительных и языковых явлений; 3) отождествление концептов с семантикой языковых единиц; 4) отсутствие хорошо разработанной методики когнитивного анализа языковых фактов» [16, 15-16]. Предмет же когнитивной лингвистики указанные авторы определяют так: «Когнитивная лингвистика имеет своим предметом исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих (объективирующих) в языке и речи определенные концепты» [16, 93]. Иначе говоря, цель когнитивной лингвистики – выявление системы *человеческих знаний*, закрепленных в языке и выражаемых в речи, а все разнообразные направления и ответвления когнитивной лингвистики занимаются рассмотрением *традиционных проблем* соотношения языка и мышления, языка и действительности, языка и человека.

Как уже отмечалось, считая состояние современной лингвистики тупиковым, автор настоящей статьи полагает, что для лингвистики «истинного пост-

модерна» в качестве ее методологического основания вполне реально можно рассматривать *синергетику*. Я не рискну характеризовать место синергетики в системе постмодерна, но о том, как она преломляется в понимании отечественных лингвистов, могу сказать несколько слов.

В лингвистике синергетику относят, например к «внутренней жизни текста». В рамках данной концепции «на первый план выдвигается вопрос моделирования и интерпретации самодвижения энергожизни текстового пространства, которая проявляется через лингводинамику текста и через становление его энергетических свойств и характеристик (напряжения, силы, «зыбления» смысла и др.). Один из возможных путей постижения внутренней жизни текста, его энергожизни – это моделирование и интерпретация лингводинамики текстового пространства... Моделирование и интерпретация лингводинамики текстового пространства – один из возможных методов постижения внутренней жизни текста, но именно этот метод позволяет получить адекватное представление о природе текстовой энергии» [14, 3].

Так же определяется понятие «внутренней жизни текста», которую можно трактовать как «проявление и становление энергодинамических свойств текста и составляющих его единиц, как энергожизнь текстового пространства... Энергожизнь текста проявляется не только в том, что между одними текстовыми единицами как бы протягиваются энергетические нити, объединяющие их в единый энергопоток смыслов, а между другими возникают силы отталкивания, которые ведут к ветвлению энергопотоков. Энергожизнь текста обнаруживается и в “перепадах смысла”, алогичностях, противоречивостях высказываний и других явлениях, из-за которых возникает энергетический “разрыв” текстового пространства, “пустота безмолвия”» [14, 6].

«Ученые, разрабатывающие проблемы синергетики, изучают законы функционирования систем, которые движутся и развиваются собственной энергией в силу своего собственного энергетического потенциала, но в то же время способны самопроизвольно “подпитываться” энергией среды» [14, 8].

Текст рассматривается как *самоорганизующаяся* система, следовательно, при анализе его «внутренней жизни» необходимо «*абстрагироваться как от человека, создающего текст, так и от человека воспринимающего текст*» (выделено мною. – Ю.Л.) [14, 13].

Мы не собираемся оценивать данную концепцию в аспекте открытия нового, доселе неизвестного, вида энергии, а остановимся на чисто языковых, лингвистических аспектах проблемы.

Как ни странно, подавляющее большинство лингвистов считает, что если мы хотим понять и познать природу языка, то не должны упускать из виду *двух людей*: говорящего и слушающего. В отношении же текста это будут, соответственно, автор и читатель. Иными словами, для того чтобы «проникнуть» в текст (его «внутреннюю жизнь»), мы должны встать либо на позицию автора, производящего этот текст, либо на позицию читателя, который этот текст воспринимает. Сторонники же рассматриваемой концепции, по всей вероятности, нашли некий

«третий путь», минуя две указанные позиции. Представляется, что такой третий путь может быть доступен лишь Всеведущему и Всемогущему, но никак не простому человеку.

Строго говоря, даже Всемогущий никогда *сам* никаких текстов не создавал. Для этого ему требовались посредники – пророки, которым открывалась Истина, и на основании таких Откровений они и создавали тексты для всеобщего ознакомления.

Неизбежно возникает и ряд других вопросов. Во-первых, как сам исследователь, *не будучи читателем*, «выуживает» из текста слова, «внутреннюю жизнь» которых он желает исследовать?

Во-вторых, как слова «влезают» в текст без помощи автора? (Это напоминает детский вопрос: А как повидло попадает в конфеты «подушечка»?). Очевидно, исключительно благодаря своей «внутренней энергии». Сколько же бумаги было потрачено зря на то, чтобы описать пресловутые «муки слова»! Для чего автору мучить себя и искать подходящие слова, когда они сами обладают своей энергией и сами могут решить, на какое место им стать и с какими другими словами связаться. Любой желающий создать текст может последовать примеру известной всем в свое время гимназистки, которая написала свое сочинение без единого знака препинания, а затем изобразила все известные ей пунктуационные знаки и добавила фразу: Марш по своим местам! Но тогда ведь, оказывается, очень просто «соорудить» любой текст: «загнать» в компьютер несколько словарей, задать тему, а затем скомандовать: «Геть!», и слова сами разбегутся в соответствии со своими симпатиями и антипатиями. Правда, прочитать такой текст, скорее всего, никому не удастся, поскольку, как уже отмечалось, присутствие как автора, так и читателя в данной концепции не предусмотрено. Ну что же, текст будет существовать своей «внутренней жизнью».

Если для лингвистики «истинного постмодерна» представленное понимание синергетики является методологической основой, тогда вполне понятно, почему автор указанной статьи считает, что она «покинула свой дом» и «утеряла ключ от него». Как известно, вся классическая лингвистика выросла на текстах. А синергетика запрещает подходить к тексту как с позиции автора, так и с позиции читателя. Следовательно, доступ к языку закрыт.

Вот так должна была бы выглядеть лингвистика с позиции «истинного постмодернизма».

The article is dedicated to a substantiation of two main propositions:

Linguistics is to be regarded as a natural science.

Postmodernism «works» only in the field of the humanities, but not the natural sciences.

The logical conclusion of this syllogism is that postmodernism in no way «threatens» linguistics because there is no connection between the two.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
3. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по языкознанию. – М., 1963. – Т. 1.
4. Бюлер К. Теория языка. – М., 1993.
5. Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные грамматические теории. – М., 1985.
6. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. – М., 1974.
7. Уланова И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? // Филологические заметки: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь-Скопье-Люблина, 2006. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 163-173.
8. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
9. Кубрякова Е.С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980.
10. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1980. – Вып. 10.
11. Левицкий Ю.А. Лексикографическая загадка. Значения слов *langage* и *langue* // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. – М., 2006. – С. 7-56.
12. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1977.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
14. Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. – Пермь, 1998.
15. Попова З.Д. Общее языкознание. – Воронеж, 1987.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
17. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983.
18. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
19. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М. 1975.
20. Торсуева И.Г., Мунэн Ж. Лингвистика XX в. // Теория и история языкознания: реферативный сборник. – М., 1974. – С. 111-136.
21. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М., 1972.
22. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб., 2002.
23. Halliday M.A.K. Language structure and language function // *New horizons in linguistics*. – Harmondsworth, 1870.
24. Jakobson R. Linguistics and poetics // *Style in language*. – New York; London, 1960.

Р.В. Гуревич

Смоленский государственный университет

E-mail: gur@keytown.com

УДК 821.09(075.8)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭСТЕТИКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. БЕНЬЯМИНА

Ключевые слова: *постмодернизм; аллегория; прекрасное; возвышенное; «невыразимое» (возвышенное); аура.*

В статье рассматриваются идеи В. Беньямина, составившие основу постмодернистской эстетики. Это возвышенное («невыразимое») в качестве ведущей эстетической категории, противостоящей прекрасному в классической эстетике; аллегория как главное средство художественного мировосприятия в искусстве авангарда; уничтожение «ауры» (эстетической сущности художественного произведения), происходящее в эпоху технической воспроизводимости искусства.

Одним из главных архитекторов нового художественно-эстетического мировосприятия XX века по праву считается В. Беньямин (1892 – 1940). В. Беньямин – нетрадиционный философ. Он не создал законченной системы, его категориальный аппарат намеренно выводится за пределы логической четкости, а введенные им понятия не используются постоянно и последовательно. С точки зрения критики, находящейся в плену представлений о возможности философского мышления лишь в рамках просветительских традиций XVIII – XIX веков, его тексты ускользают от философской интерпретации, ибо они «литературны», «эссеистичны», требуют истолкования там, где необходим теоретический анализ. Между тем его авторитет как эстетика и философа, исследующего широкий круг проблем – от вопросов познания до философии истории, – очень высок. Начиная с 1960-х годов он является одним из самых «востребованных» мыслителей, его работы оказывают воздействие на самые разнообразные движения мысли нашего времени. Идеи Беньямина во многом определили эстетику и социологию Франкфуртской школы (Т.В. Адорно, Ю. Хабермас, Г. Маркузе); ими подпитывалось студенческое движение 1960 – 1970-х годов, создавшее свою субкультуру. Он считается одним из основателей философской герменевтики и социологии языка, в нем видят «отца» теории современных медийных средств, культуролога, бескомпромиссно выступившего с позиции леворадикальной художественной интеллигенции 20 – 30-х годов прошлого века против отчужденного существования и отчужденной культуры.

«Феномен» Беньямина исследователи объясняют особым характером его мышления, «мыслительными образами» («Denkbilder»), в которых традицион-

ные границы познания (между теорией и практикой, а также между формой и содержанием, политикой и искусством, индивидуумом и коллективом, текстом и контекстом) не «снимаются», а «в буквальном смысле выпадают, находя свое представление в третьем – в образе». Его мышление находится между философией и литературой [23, 16].

Время показало, что судить Бенямина следует по методу, использованному им самим: не с точки зрения глобального теоретизирования, а по частностям, «сегментам», изученным им досконально. Тогда открывается его удивительная прозорливость в оценке предметов и явлений культуры, а сам он, создавший «гигантский культурно-эстетический пастиш, оказывается <...> первым подлинным представителем пост-модерна» [22, 185].

Манеру письма В. Бенямина, отражавшую способ его философствования, другой выдающийся мыслитель XX века, Т. Адорно, назвал «эссеистической», а метод – «микрологическим и фрагментарным». Для него, писал он о Бенямине, было важным обнаружить «мельчайшую клетку», чтобы по ней восстановить всю подлинную картину. Т. Адорно выделил наиболее важную черту его методологии – постичь сущность (всеобщее) не в его «дистиллированном» виде, очищенном от особенного, исторического, а «угадать» это всеобщее «из конфигурации элементов, далеко отстоящих друг от друга по своему значению» [9, 22; 9, 12]. Он опирался на другого ниспровергателя академизма – Ницше, для которого истина никогда не была идентичной вневременному, и только в конкретном историческом ему виделось всеобщее.

Предмет рассмотрения данной работы – три комплекса идей, связанных с его основными эстетико-художественными положениями. Первый относится к концепции «невыразимого» (возвышенного); второй связан с аллегорией, художественным средством, воплощающим, по мысли Бенямина, дух современной эпохи, дух модерна, третий комплекс идей посвящен производству искусства в эпоху его технической воспроизводимости, выражающей, по мнению исследователя, дух модерна.

Эстетика Бенямина отражает его главный духовный принцип – последовательную борьбу против того, что он обозначал понятием «миф». Оспариваемый им мифологический способ существования мира включает в себя и интеллектуальные конструкции, и государственные и общественные институты, и стереотипы расхожей повседневной мудрости. Миф для Бенямина – это декларирование вечных принципов прекрасного в эстетике и искусстве; это провозглашение незыбленности общественных и нравственных институтов; это неизменная повторяемость застывших форм сознания, чувств, воли. Между тем общественные потрясения XX века (мировая война, революции) убеждали в необходимости изменений. Понятие мифа для Бенямина стало олицетворением старого мира, «шифром тотального отрицания мира, каким он являлся, и обоснованием требования его уничтожения» [24, 41].

В этой борьбе против отчужденного существования и отчужденной культуры острее его критики было направлено против «прекрасной видимости»,

связанной с универсальностью образа, с «тотальностью» символа. Именно прекрасное, по его мысли, поддерживает мифологический принцип, создавая ложную, ошибочную картину действительности. Весь ранний период его творчества был пронизан поиском принципа, противоположного прекрасному, прекрасной видимости. Найденную им противоположность прекрасному он обозначает как «невыразимое». «Невыразимое» в концепции Беньямина во многом продолжает учение Канта о возвышенном.

Характеризуя категории прекрасного и возвышенного, Кант отметил как их общее, так и различное. Общим для обеих категорий является их принадлежность к единичным суждениям, не связанным ни с ощущением, ни с определенным понятием, но только с деятельностью воображения. Единичные суждения о прекрасном и возвышенном претендуют на общезначимость и на чувство удовольствия от них. Их отличие состоит в том, что прекрасное и возвышенное обращаются к различным действиям души. Прекрасное служит для изображения неопределенного понятия рассудка; возвышенное – для такого же понятия разума, связанного с вечными, абсолютными ценностями; прекрасное связано с качеством, возвышенное – с количеством.

Это определяет и различный характер удовольствия, получаемого при созерцании прекрасного или возвышенного. Прекрасное сразу, «напрямую» внушает симпатию; удовольствие при общении с прекрасным содержит живую, непосредственную радость от согласованности человеческих способностей с закономерностями внешнего мира, от совпадения игры воображения с реальностью. Соединяясь с чувственно привлекательным, это удовольствие, подчеркивал И. Кант, «ведет непосредственно к усилению жизнедеятельности [5, 82].

Иной характер носит удовольствие от чувства возвышенного. Возникая не непосредственно, как при созерцании прекрасного, а опосредованно, оно порождается «чувством мгновенного торможения жизненных сил и следующего за этим их прилива...» [5, 83]. Жизненная сила испытывает временную задержку, как бы замирает, чтобы пролиться с ещё большей энергией. Если чувство прекрасного основано на свободной игре воображения, то рефлексия на возвышенное – не игра, а серьезное занятие воображения. Поэтому возвышенное несовместимо с привлекательностью: ведь душа не только притягивается к предмету (как при созерцании прекрасного), «а все время попеременно и отталкивается им...» Такого рода удовольствие уже несовместимо с чувством приятного. В то время как удовольствие от прекрасного однозначно позитивное, положительное, удовольствие от возвышенного, подчеркивает Кант, «заслуживает названия негативного удовольствия». Оно содержит в себе скорее восхищение или уважение, чем непосредственную радость, как при общении с прекрасным.

Однако самым важным Кант считал внутренние отличия. Красота уже своей формой свидетельствует о целесообразности. Прекрасный предмет как бы заранее предназначен для нас, целесообразность сама по себе служит предметом удовольствия. Напротив, в созерцании возвышенного с самого начала существует противоречие. То, что возбуждает в нас чувство возвышенного, по своей фор-

ме кажется несоразмерным с нашей способностью изображения «и как бы насильственно навязанным нашему воображению». Возвышенное в собственном смысле слова не может содержаться – в отличие от прекрасного – ни в одной чувственной форме, оно относится лишь к идеям разума. Основание для прекрасного мы должны искать вне нас, подчеркивал Кант; для возвышенного же – только в нас и в образе наших мыслей. Именно это несоответствие между идеями и соответствующим им изображением будоражит разум, возбуждает его и проникает в души.

Таким образом, возвышенное обнаруживает, что противоречие между чувственностью и разумом не может быть преодолено через принцип целесообразности, хотя такое примирение и существует в сфере прекрасного. Возвышенное, по Канту, сигнализирует о несоответствии воображения тотальности разума, о превосходстве разума над ним. Оно свидетельствует о вечной состязательности между воображением, устремленным в бесконечность, и разумом, притязающим на абсолютную тотальность, состязательность, в которой именно разуму принадлежит ведущая роль: он принуждает мысль к неизменно тщетным усилиям привести чувственные представления в соответствие со своей тотальностью. Разум вершит насилие над свободной игрой воображения, заставляя его следовать за собой. Лишаясь в процессе созерцания свободы – причем такой отказ добровольен, – воображение осознает эти «жертву и лишения». Но одновременно воображение получает «расширение и силу, большую, чем та, которой она жертвует». Отсюда смешанные чувства, испытываемые при созерцании возвышенного: удивление, граничащее со страхом, ужас и священный трепет [5, 108].

В. Беньямин – внимательный и вдумчивый читатель Канта, хотя его работы по эстетике редко содержат прямые отсылки к великому философу. Однако можно утверждать, что он, обращаясь к прекрасному и возвышенному («невыразимому»), ведет постоянный скрытый диалог со своим великим предшественником.

Характеризуя «прекрасную видимость», Беньямин возвращается в кругу кантовских представлений о красоте как в бесконечном проявлении многообразного. В работе о романе Гёте «Избирательное сродство» он обращается к прекрасной видимости и определяет её как такое понятие, в котором «все живущее проявляет себя как существенно прекрасное». Прекрасное связано с видимостью «самой своей сущностью... но в бесконечно разной степени» (1). Здесь Беньямин прямо отталкивается от кантовской мысли о прекрасной видимости как поэтического восприятия законченных по форме, но находящихся в постоянном изменении предметов и явлений. Кант находит их в текучих движениях «огня в камине или в переливах воды в струящемся ручье» [5, 81]. Однако, используя в качестве исходного пункта идеи Канта, Беньямин интерпретирует их по-новому, приходит к неожиданным, прямо противоположным выводам. В этом смысле показательна заметка «Фантазия», примыкающая к его работе о романе Гёте. Фантазия выступает у Беньямина не как сила, которая, по Канту, формирует образы, а как сила, деформирующая их: она постоянно изменяет то, что было сформировано ранее. Такого рода деформация протекает без принуждения, как свободная игра

воображения. Она, пишет эстетик, «никогда не ведет к смерти, но увековечивает гибель, которую несет в нескончаемом потоке своих переходов <...> Эта деформация <...> изображает мир пребывающим в состоянии нескончаемого распада, то есть – вечного непостоянства» [15, 115]. Кантовскую «свободную игру воображения» он называет в очерке «Избирательное сродство Гёте» темной, «дрожащей гармонией», связанной с видимостью и протекающей сквозь хаос. Однако, продолжает исследователь, чтобы произведение искусства стало самим собой, эта видимость текущей жизни должна на какой-то миг остановиться, замереть, застыть в отвердевшей форме. Что же способно остановить хаос непрерывно сменяющих друг друга образов, что может посредством формы превратить текущий поток в мир? Отвечая на этот вопрос, Беньямин подходит к своему центральному понятию – к «невыразимому». Вот как сформулирован его ответ: «То, что останавливает видимость, околдовывает движение и прерывает гармонию, есть невыразимое <...>», – пишет он в очерке «"Избирательное сродство" Гёте». Основная его характеристика – «критическое насилие», которое «хоть и не в силах отделить видимость от сущности в искусстве, все же не дает им смешиваться» [11, 181]. Невыразимое, поясняет он далее, являет себя как моральный закон и выступает «в безмолвии цезуры», того, что Гельдерлин называл «чистым словом, нарушающим мир остановкой». Он цитирует высказывание немецкого поэта, где Гельдерлин «В примечаниях к Эдипу» писал о том, что перед пиком бурного потока представлений нужна некая остановка, цезура, чтобы вскоре, вместо потока представлений, появилось само представление.

Сравнивая «невыразимое» Беньямина с кантовской трактовкой возвышенного, сразу можно отметить бросающееся в глаза расхождение. Кант, как было показано выше, говорит о «нецелесообразности», о беспредельности и безграничности, о тотальности возвышенного. Беньямин, напротив, видит в нем силу, ставящую предел хаосу, силу, насильственно действующую на «дрожащую гармонию», удерживающую ее в жестких формах. Однако именно Кант видел в чувстве беспредельного, вызываемом возвышенным, рамки, ставящиеся разумом воображению, которое стремится представить себе предел его тотальности. Как видно, в кантовском положении Беньямин выдвигает на первый план тот момент в противостоянии воображения и разума, когда воображение подвергается чувственному насилию со стороны разума и, становясь орудием разума, вынуждено признать свою ограниченность. Исходя из данного положения, он делает принципиально другие выводы. Невыразимое, прерывая гармонию, ставя ей предел, «разбивает то наследие хаоса, что еще сохраняется в прекрасной видимости: ложную, ошибочную тотальность – абсолютную тотальность». «Прекрасной видимости» не дано создать совершенное произведение, несущее истину о мире. Это удел «невыразимого», оно завершает произведение, «разбивая его вдребезги, [превращая] его в «осколок истинного мира, в торс символа» [11, 182].

Произведение искусства, несущее в себе «бурлящую жизнь», как бы замирая, являет эту жизнь не в мифологически мистифицирующей тотальности символа, а в его единственно адекватной, по Беньямину, форме: как обрывок, как

что-то неоконченное, лишь смутно напоминающее о целом. Подчеркивая смысл беньяминовской идеи невыразимого, исследователь Е. Павлов пишет: «На какой-то миг вибрирующее в прекрасных формах произведения хаотическое многообразие перестает казаться ослепительным и предстает тем, что оно есть: миром осколков» [11, 182]. Невыразимое («das Ausdruckslose») поэтической цезуры выводит на поверхность не что иное, как само представление. Это представление того, что в классической эстетике обозначается возвышенным.

Таким образом, при описании «невыразимого» Беньямин черпает из теоретического арсенала Канта, представленного им в «Аналитике возвышенного». Перечислим еще раз кантовские идеи, получившие свое осмысление в концепции Беньямина о невыразимом: чувство мгновенного торможения и следующий за ним прилив; постоянная состязательность воображения, устремленного в бесконечность, с разумом, притязающим на абсолютную тотальность; субъективное движение воображения, посредством которого оно добровольно совершает насилие над своей свободной игрой, поставленной на службу разуму. Используя классические традиции, Беньямин, однако, расставил иные акценты. Для него эстетика XX века, идея «невыразимого» («возвышенного»), пронизана пафосом борьбы против прекрасного.

В кантовской оппозиции, характеризующей возвышенное (мгновенное торможение, смерть и последующий прилив жизненных сил), Беньямин выбрал в качестве основного принципа торможение. Напротив, традиция «возвышенного» (Лонгин – Аддисон – Бёрк – Клопшток – Кант) всегда связывала эту категорию с движением. У Беньямина «невыразимое» выступает как «критическое насилие», приводящее к оцепенению, которое прерывает движение. В качестве такового оно большей частью связано со смертью. Конечно, и в классической эстетике трагическая гибель героя всегда была определенной частью эстетического суждения о возвышенном, но при этом физической гибели, как правило, противопоставлялось бессмертие памяти. У Беньямина «власть оцепенения» занимает не только главенствующее место. Он поднимает ее, по точному определению Винфрида Меннингхауза, до «олицетворения критического процесса, понятия, берущего на себя способность различать, не давать смешиваться видимости и сущности». Смерть в концепции возвышенного у Беньямина, – пишет он, – превращается из инстанции ужаса в момент критики» [21, 174]. Таким образом, смерть как ведущая идея «невыразимого» противостоит бурлящей жизни, являющейся ключевым постулатом классической эстетики с ее ведущей категорией прекрасного.

Кантовское возвышенное связано, как было показано, с представлением о бесконечности. Беньямин же, напротив, сопрягает бесконечное с ложной, ошибочной тотальностью, с «прекрасной видимостью», внушающей, по его мнению, опасные мифологические представления об устойчивости мира и укорененности человека в нем. Он противопоставляет обманчивому оптимизму общественной и духовной мифологии свое представление о «невыразимом», связанное с одиночеством, «ледяным одиночеством самости», как он выразится позднее в «Происхождении немецкой барочной драмы».

Какой же художественный способ может адекватно донести особенности возвышенного как невыразимого? В. Беньямин находит его в аллегорическом художественном принципе, обоснованию которого посвящена работа «Происхождение немецкой барочной драмы» (1925).

Центральная проблема его эстетической концепции – соотношение символа (образа) (2) и аллегии. На основе барочной драмы XVII века он развивает теорию аллегии как особый способ художественной практики, как специфический стиль, наиболее близкий как человеку XVII века, так и авангардному искусству первой половины XX века. Близость эпох он обнаруживает в общественном и духовном развитии, отмеченном общим упадком, войной, духовной деградацией. Его задача – показать, что аллегория является единственно адекватным художественным средством, способным выразить дух обеих эпох. В рамках такого рассмотрения он проводит сопоставительный анализ символа (образа) и аллегии. В его изложении соотношение символа и аллегии покидает чисто академические рамки и перерастает в обсуждение животрепещущих проблем современного ему искусства.

Символ и аллегория являются, по Беньямину, определенными типами изобразительности, характерными для соответствующих эпох. Они зависят от отношения человека к действительности, ибо картина мира, создаваемая символом, принципиально иная, чем та, что создается аллегорией. Характеризуя оба понятия, В. Беньямин находится в традиции классической немецкой эстетики. Он ссылается на И.В. Гёте, для которого аллегория есть иллюстрация общего посредством особенного, в то время как символ выражает общее в особенном. В. Беньямин согласен с выводами классической эстетики, что символ, отражая процесс жизни в его полноте, способен выразить идеал, прекрасное. Однако в искусстве барокко ему нет места, ибо там преобладает иной способ изображения – аллегория. В поле аллегорического выражения утрачивается полнота восприятия; появляется иносказание, «иссушающее» космос, изображение, уничтожающее чувственную реальность. Вместо живой, переливающейся всеми красками жизни возникает «сухой ребус», загадку которого может постичь лишь причудливая мысль философа.

Как видно, давая характеристику аллегии, говоря о ее способности «опустошить» субъективность и индивидуальность, В. Беньямин остается в границах классической эстетики. Но то, что в глазах его предшественников являлось негативной характеристикой, приобретает у В. Беньямина противоположную оценку. В. Беньямин согласен, что аллегорический способ изображения лишен всеобъемлющей способности символа (образа) отражать целостность мира. Однако аллегория обладает только ей одной присущей способностью – изобразить несвободу, несовершенство, надорванность прекрасной чувственности. Символ (образ) – пусть на мгновение – может приоткрыть подлинный лик прекрасного и сам процесс вечной жизни. Напротив, в аллегии взору наблюдателя открывается лицо истории, отмеченное печатью смерти (*facies hippocratica*) [3, 171]. Именно аллегория с ее фрагментарностью, противоречием между изображением

и смыслом оказывается способной показать, что за внешним цветущим ликом природы таятся хаос, разрушение, смерть.

В. Беньямин последовательно доказывает, что и в эпоху барокко, и в авангардном искусстве первых десятилетий XX века только аллегории было под силу выразить основные составляющие времени, определявшие мироощущение человека и искусства – тварность и меланхолию. Он показал, что в основе барочного (так же, как и современного ему мировосприятия) лежат «идея катастрофы», разрушение, тлен. Разрушение, тлен выступают у Беньямина как непрменные характеристики осознания человеком тварности видимого мира и своего собственного бытия.

Меланхолия, также вытекающая из осознания тварности, означает особое состояние души, проявляющееся в печали, погруженности в размышления, но главное – в ации, лености и ожесточенности сердца, ведущего к отращению от благих дел. Его источник – отказ протестантизма от добрых дел как не имеющих отношения к раскаянию и к спасению души. «Обесцененная вера» привела к деперсонализации личности, к лишенной смысла жизни в опустошенном мире. Но подобный религиозно-социальный контекст оказался плодотворным для формирования аллегорического взгляда на мир. Меланхолик, основная фигура барокко, выступает и в барочной драме, и в жизни в двух ипостасях: как человек, владеющий знанием (мыслитель, художник, гений), и как человек, занимающийся практической деятельностью (монарх-тиран, придворный интриган).

В содержательной структуре аллегории Беньямин расставляет новые акценты. Обычно подчеркивается, что конкретный наглядный образ, иллюстрирующий отвлеченное понятие (идею), «не имеет никакого существенного значения» для раскрываемой идеи [6, 136]. В противоположность этому утверждению В. Беньямин считает чрезвычайно важным именно то, *как* выражено иносказание. Произвольность выбора предметов и явлений для иллюстративного представления идеи является, по его мнению, выражением основополагающей тенденции в аллегорическом восприятии действительности как случайной и условной. То обстоятельство, что любая вещь, персона, явление может служить обозначением чего угодно, выносит миру сокрушительный приговор, лишает его собственной ценности, «дисквалифицирует» его.

Книга В. Беньямина «вырвала» аллегорию из свода академических правил по риторике XIX века и поставила ее вновь в центр живых дискуссий, продолжающихся до нашего времени. Его взгляды содержат такие подходы, которые дают возможность по-новому понять роль аллегории в современном искусстве.

Особое место в творчестве В. Беньямина принадлежит размышлениям о путях развития искусства, о судьбах произведения искусства в XX веке. Он создал эстетическую концепцию, отражающую и проблемы новой действительности, и нового искусства. Они рассматриваются В. Беньямином в комплексе идей, объединенных образным понятием «аура». Пожалуй, ни одна из теоретических идей Беньямина не пользовалась во второй половине XX века таким вниманием в критической литературе, не привлекалась в качестве аргумента для характери-

стики самых разнообразных явлений, как аура. У Т. Адорно были все основания говорить о «навязчивой популярности» беньяминовского определения. Между тем оно, призванное объяснить столь многое, само нуждается в толковании. Его трудно передаваемая семантика, его слишком разветвленная и разноплановая прагматика способствуют тому, что в критике за ним закрепилась сомнительная для термина репутация «umbrella term», «слепого пятна», темного термина, дефиниции того, что не подлежит дефиниции (3). Неясно и само происхождение. «Аура» не является оригинальным творением Беньямина. У древних греков она означала «дуновение», «мерцание». В европейскую традицию «имя» пришло из мистики; в кабалистике оно значило эфир, в котором сохраняются человек и его поступки до Страшного суда.

Беньямин не является также и тем, кто в XIX – XX веках первым вышел на след этого феномена. Можно сказать, что обозначение «аура» витало в воздухе эпохи. Им пользовался М. Пруст, «погруженный» (В. Беньямин) в проблему ауры [4, 226]. Его использовали Р. Штейнер и его антропософская школа; мюнхенский круг «космических» философов (А. Клагес, А. Шулер). Он имел хождение и среди исследователей, идеи которых, с одной стороны, не были лишены религиозной коннотации, а, с другой стороны, соприкасались с социальными настроениями. Последние, как полагают исследователи, могли оказать воздействие на «ауратический» вокабуляр Беньямина. Имеются в виду высказывания О. Рудольфа о сакральной тайне, создающей дистанцию и внушающей чувство неприступности; идеи Э. Кассирера о разделении сакрального и мирского, о членении мифического сознания, фиксирующего единичное и неповторимое, происходящее «здесь и сейчас»; выводы Э. Шпрангера об особой интенсивности переживания, соединяющего эстетический и религиозный моменты; мысли А. Ригля о роли созерцательного настроения для создания особой атмосферы – рассматривать произведения искусства как бы «издалека» («пространственная метафора»); положение Г. Зиммеля об искусстве как средстве одухотворения бытия, делающем предмет реального мира близким и понятным, но одновременно создающем своеобразный покров, отделяющий нас и его, подобно голубоватой дымке, окутывающей далекие горы.

Следует упомянуть и понятие харизмы, актуализированное М. Вебером. Этим понятием, взятым из древнехристианской традиции, исследователь обозначает «внебытовое» (außeralltäglich) качество человека, воздействие личности, наделенной политической властью, тип нетрадиционного, взрывающего традицию лидера. Харизма, порывающая с традицией, которая неудержимо притягивает и властно захватывает окружающих, по своей природе эфемерна и мимолетна [22, 30-69].

Замечено, что в своем раннем творчестве Беньямин почти не пользуется термином «аура» [17, 359]. Он лишь упоминается в эссе о Достоевском и о гетевском «Избирательном сродстве», однако эти упоминания носят эпизодический характер. Видимо, как справедливо полагают исследователи, Беньямин избегает употреблять понятие ауры, так как оно ему кажется отягощённым теософскими

теориями, узурпировавшими слово. Однако в произведениях позднего периода «аура» становится центральной идеей его работ, посвященных роли художника и функции искусства в XX столетии. Как раз в то время он становится леворадикальным автором марксистского толка. Правда, говоря о его мировоззренческой позиции, столь характерной для художественной интеллигенции 1920–1930-х годов, уместно вспомнить высказывание хорошо знавшей его Х. Арендт о том, что он был «самым странным марксистом в этом щедром на странности движении» [10, 18]. Действительно, в европейском марксизме тех лет найдется немного авторов, которые, подобно Бенъямину, цитируют в одном контексте и с равным пафосом Маркса, Бодлера, Пруста, дадаистов, сюрреалистов, футуристов, экспрессионистов, а понятие «аура» в его эссе стоит в одном ряду с категориями «массовые социальные движения», «классовая борьба», «социальная функция искусства», «искусство масс», а также политической лексикой: практическая политическая деятельность, противостояние фашизму, империалистическая буржуазия и так далее.

Такая, на первый взгляд парадоксальная, ситуация точно отражала его позицию – противостояние узкому рационализму во всех его проявлениях, поиск метода, дающего возможность анализировать любое явление в точке схода различных тенденций времени. Отсюда идет его постоянная борьба с жесткой системой понятийности, выведившей за исторический опыт феномены, не поддававшиеся механико-математическому анализу (миф, религия, магия). Отсюда его отрицание системы взглядов, согласно которым мир движется прямолинейно от мифа к логосу, что исключает из общего исторического развития все, неподдающееся объяснению как явление человеческого заблуждения. «Для него, – пишет С. Ромашко, – ничего из однажды случившегося не исчезало <...> Все, однажды вошедшее в область существования, из нее навсегда не уходило, оставаясь в ней на правах реальности» [7, 77]. Не случайно «спасение» (как эпистемологический концепт, «спасение феноменов»; как историко-философская перспектива, возвращающая к истокам; как литературно-исторический критерий оценки обойденных вниманием произведений и проблем) присутствует в качестве ведущей категории в его мышлении [20, 619-664].

Отметим, что ни одну из идей своего времени Бенъямин не воспринимал, что называется, на веру. Его «ауратический» вокабуляр вытекает из теоретических выводов работ 1932–1933 годов по философии языка. Сама аура не упоминается в текстах, но именно здесь («Учение о сходстве», «О миметической способности», «Об астрологии») появляется набор признаков, составляющих ее сущность. Это «взгляд ока» (Augenblick), когда человек (микрокосм) в момент своего рождения, подключаясь к звездам, становится схожим с ними, а потому – открытым для вечного и истинного; мимолетность этого времени; «миг» появления на свет, когда новорожденный открывает глаза; эфемерность, невозможность его удержания, непрямая встреча новорожденного со взглядом вечных наблюдателей (созвездий) в краткое мгновение их взаимообщения.

В древности спектр влияния закона сходства был, говорит Беньямин, гораздо шире, а способность видеть сходство («миметический дар»), жалкие остатки которого мы наблюдаем ныне, представляла могучую, неодолимую силу, заставлявшую «стать похожим и вести себя сходным образом» [13, 210]. Именно остатки подобной миметической способности лежат, по Беньямину, в различительной силе разума; именно благодаря ей идеи входят в опыт. Рудименты некогда всеобъемлющего принципа могли сохраниться благодаря тому, что без остатка вошли в письмо и язык, «самый совершенный архив нечувственных схожестей, нечувственных соответствий» [13, 208].

В контексте «антропологического материализма» аура, как можно понять Беньямина, несет в себе тот рудимент таинственного и магического, что оставил следы в новом времени.

Употребление ауры у Беньямина многоаспектно. Исследователи отмечают три уровня использования им этого понятия, представленные определенными оппозициями. Первый уровень включает оппозицию «аура – исчезновение ауры»; второй уровень составляет «аура – разрушение ауры»; на третьем уровне труднее выявлять оппозицию: здесь эстетическая теория восприятия ауры «снимается» общей теорией опыта, рассмотренной в философской и эстетической перспективе. Беньямин, основываясь на литературно-социологическом анализе творчества Ш. Бодлера и М. Пруста, с учетом глубинной психологии З. Фрейда пытается очертить контуры опыта «другой» ауры [18, 141-144].

В рамках данной статьи будут рассмотрены два первых уровня понятия ауры. Аура стала предметом рассмотрения в работах, написанных между 1931 и 1939 годами. К ним относятся «Краткая история фотографии» (1931), «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1939), «О некоторых мотивах у Бодлера» (1939) (4). По содержанию две первые работы содержат общие проблемы. Но в «Краткой истории фотографии» идеи изложены в сжатом виде, а в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» они получили новые доказательства. Расширен материал о взаимоотношении восприятия и истории; развитие искусства рассматривается от его происхождения в культе и ритуале до технического воспроизводства фотографии, звука и слова звукового фильма, появившегося в 1929 году. Кроме того, это эссе писалось в изгнании после прихода нацистов к власти. Поэтому историко-философские и культурно-социологические обоснования в ней носят несравненно более политизированный характер. Данные работы Беньямина дают возможность говорить о попытке создания им качественно новой эстетической концепции, отражающей современные искусство и действительность. В них «аура» употребляется в историко-культурном аспекте и связана с рядом обстоятельств, ставших, по его мнению, ведущими в современном обществе и накладывающих отпечаток на духовную жизнь общества. Речь идет, во-первых, о техническом прогрессе, изменившем природу художественного произведения (техническая воспроизводимость искусства); во-вторых, об активном включении масс в активную политическую жизнь (массы как непосредственный субъект исторических событий);

в-третьих, об изменении способа человеческого чувственного восприятия, вызванного иным способом существования коллектива. Следствием воздействия подобных причин является глобальное изменение функции и природы искусства; исчезает его аура.

Что же такое аура в определении Бенямина? В соответствии со своими эпистемологическими установками он избегает понятийных формулировок. В его изложении аура появляется как метафорическое определение некоего эстетического опыта, как метафора [22, 9]. Аура есть «странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был. Скользить взглядом во время летнего полуденного отдыха по линии горной гряды на горизонте или ветви, в тени которой расположился отдыхающий, пока мгновение и час сопричастны их явлению – значит вдыхать ауру этих гор, этой ветви» [2, 81-82]. В рамках метафорического истолкования Беньямин характеризует механизм возникновения ощущения ауры. Это перенос привычной в человеческом обществе формы реакции на отношения неодушевленного, или природы, к человеку: «тот, на кого смотрят (или кому кажется, что на него смотрят), поднимает взгляд. Познать ауру какого-либо явления значит наделить его способностью раскрыть глаза» [4, 225]. Он сочувственно цитирует высказывание П. Валери, связывающего впечатление от прекрасного произведения искусства с запахом цветка: от аромата, пробуждающего в нас желание постоянно нюхать его, нельзя отделаться, и «никакое воспоминание, никакая мысль и никакие поступки не смогут погасить его действие или избавить нас от его власти» [4, 223].

Однако то, чем собственно является аура, раскрывается только тогда, когда исследователь показывает историческую ситуацию духовного и общественного развития мира. Беньямин ставит вопрос об исчезновении ауры как особого свойства подлинного произведения искусства. Технический прогресс, его воздействие на все сферы жизни не проходит мимо традиционного восприятия искусства – аура разрушается, она исчезает. Если содержание ауры, характер восприятия описаны Бенямином достаточно бегло, то историко-культурный контекст описан подробно и точно.

Существует ли объективная основа для возникновения ауратического восприятия? Да, отвечает Беньямин, ауратическое явление само по себе имеет пространственный и временной характер, «здесь и сейчас произведения – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится» [2, 19]. Как видно, объективное основание для возникновения ауры составляют подлинность вещи, уникальность произведения искусства. Уникальность – почва ауры, на ней она появляется, на ней развивается история произведения, являющаяся историей традиции.

Первоначальный способ помещения искусства в традиционный контекст находил свое выражение в культе. Древнейшие произведения искусства возникали, чтобы служить ритуалу, сначала магическому, а затем религиозному. Ритуальность, стоящая у истоков искусства, создавала особую атмосферу вокруг

произведения искусства как предмета поклонения: возможность видеть его немногими избранными в определенные дни; следовательно, недоступность для большинства; священный трепет при входе в место, где оно находилось (святилище, храм, алтарь). Так возникало ощущение дали, не исчезающее, несмотря на попытки приблизиться. Подобное существование искусства, порождающее ауру, утверждает Беньямин, никогда полностью не освобождается от ритуальной функции. Уникальная ценность «подлинного» произведения искусства основывается на ритуале, возрастает на нем. Начиная с эпохи Ренессанса, искусство освобождается от своей религиозной культовой функции, но одновременно наступает время профанного культа служения прекрасному, который, по Беньямину, также обнаруживает ритуальную основу. Только технический прогресс, расцвет естественных наук позволяет искусству окончательно освободиться от ритуала, открывает невиданные ранее средства репродуцирования искусства, позволяющие ему приблизиться к самым широким массам.

Размывание ритуальности, «непрерывное разрушение чар» (Ю. Хабермас), утрата ауры [19] происходили постепенно. Подлинная революция наступила с появлением фотографии, а затем кино. Фотография сделала критерий подлинности, уникальности неуместным и лишним. Культовая ценность оказалась вытесненной экспозиционной – под ней Беньямин подразумевает все, что объединяется значением профанного: открытость, доступность, повседневность. Вместе с вытеснением культового исчезает и таинственная граница между зрителем и произведением, тот ареал, где встречаются «взгляды» подлинного произведения искусства и зрителя. На фотографиях человек смотрит в пустоту, на технический инструмент (камеру), и эту пустоту не в силах прикрыть ретуширование, роскошный антураж фотостудий рубежа веков с драпировками, плюшевыми тропиками и искусственными зимними садами: «ведь природа, обращенная к камере, – это не та природа, что обращена к технике». Таким образом, фотография, по Беньямину, беспощадно и точно фиксирует исчезновение ауры, и оно становится тем более очевидным тогда, когда ауру пытаются «удержать» насильственно, создать ее видимость негодными средствами. Беньямин считает вторжение технического развития в искусство и связанное с ним исчезновение ауры неизбежным. Ведь репродуцирование – всего лишь слепок механизированного мира, утратившего очарование и тайну.

Таковы издержки технического прогресса, однако они, считает исследователь, с лихвой покрываются техническими достижениями, а потрясение культурной традиции отражает не только кризис, переживаемый человечеством, но и обновление. Эти тенденции находятся в теснейшей связи с массовыми движениями эпохи [2, 22]. Исходя из них, Беньямин видит несколько направлений, открывающихся в искусстве эпохи технического прогресса. Во-первых, эстетическое направление, ибо необходимо разрушить искусственную ауру, псевдоауру, симулирующую наличие подлинной, уже не имеющей своей почвы. Такие эстетические подделки не просто угождают обывательскому художественному вкусу; они находятся на службе самых реакционных политических сил, например фашиз-

ма, последовательно эстетизирующего политическую жизнь [2, 62]. Во-вторых, этическое направление. Беньямин имеет в виду удовлетворение легитимной потребности масс приблизить к себе вещи, «неодолимой потребности овладения предметом в непосредственной близости через его образ, точнее – отражение, репродукцию» [2, 25]. Именно ориентация реальности на массы имеет своим следствием потерю уникальности и постоянства, замену их мимолетностью и повторяемостью. Поэтому рушатся все ценности, связанные с аурой: подлинность и авторитет вещи, обесценивается традиция, а вместе с ними и святая святых – само художественное творчество и гениальность творца. Беньямин особо подчеркивает, что подобное явление отражает измененное восприятие, «вкус к однотипному в мире», пришедший на смену поискам неповторимого. Исторически меняющееся восприятие, антропологический аспект проблемы, составляет третье направление, диктующее развитие искусства в эпоху его репродуцирования. Его содержательная сторона состоит в том, что начиная с XIX века рационализация всех областей общественной жизни приводит к усилению когнитивного момента в восприятии человека. Реальные обстоятельства все более приучают его рассматривать мир как стратегическую взаимосвязь причины и следствия. Отсюда вытекает неизбежное следствие: взгляд зрителя, прежде устремленный в неясную даль, в которой «в дымке» проступала мистическая аура, окутывавшая неповторимые произведения искусства, теперь уступает место ожидаемой, рассчитанной реакции на повторяемость репродукции.

Новое восприятие породило и новое искусство. Креативные силы масс нашли «свое» художественное средство выражения – фильм. Монтаж – главное техническое достижение фильма – в буквальном смысле изгоняет таинство созидания, превращая действия актера в движение камеры. Утрата исполнителем прямого контакта с публикой, опосредование его работы аппаратурой означают, что зритель вживается в актера, лишь вживаясь в камеру. Монтаж требует разбить действие на ряд эпизодов, их съемки зависят от сугубо прозаических обстоятельств: освещение и аренда павильона, занятость партнеров. Кадры, изображающие накал страстей, могут быть отсняты отдельно, с интервалом в несколько недель. Актер, констатирует Беньямин, превращается в реквизит, а реквизит нередко функционирует как актер. Ни о каком «погружении» в роль не может быть и речи: исполнитель знает, что он выносит на публику, на рынок потребителей «не только свою рабочую силу, но и всего себя, с головы до ног и со всеми потрохами» [2, 42]. Работа над фильмом, как ничто другое, показывает с большой очевидностью, что искусство рассталось с царством «прекрасной видимости» [2, 41].

Однако фильм, разрушив царство красоты, по Беньямину, способен воссоздать подлинную действительность. С помощью монтажа вроде бы случайные фрагменты объединяются в качественно иное художественное целое, воспроизводящее жизнь без иллюзий и прикрас. Но что означает, по мнению Беньямина, действительность без прикрас, без иллюзии, то есть без ауры? Конечно, Беньямин слишком глубокий мыслитель, чтобы утверждать, будто техника сама по себе

способна создать подлинный отпечаток действительности. Он мыслит иначе. Его задача – показать, как верно отмечает исследователь В.Г. Арсланов, что, устраняя иллюзию первого порядка (аура искусства), техника создает иллюзию более высокого порядка, позволяющую более глубоко отражать действительность [1, 98]. Более того, для Беньямина свободная от современной техники реальность выглядит либо искусственной, либо в ложном свете романтики. Иное дело действительность, организованная оператором и монтажером, поддающаяся более точному и многоаспектному анализу, чем изображение на картине, благодаря крупным планам, акцентированию скрытых деталей привычных ситуаций. «Под гениальным руководством объектива» кино устраняет иллюзию замкнутого пространства и времени и показывает мир изнутри как нечто, состоящее из фрагментов, меняющихся (или готовых измениться) каждую следующую секунду.

Беньямин считает, что фильму принадлежит важнейшая роль в воспитании масс, поднявшихся на арену современной общественной жизни. Речь идет о формировании их чувственного восприятия, тренировки их органов, их привычек, необходимых большому городу. Ход мысли исследователя можно передать следующим образом. В эпоху репродуцирования, когда ауратическая функция искусства как мерило подлинности перестает «работать», преобразуется вся социальная функция искусства; место ритуального обоснования занимает другая практическая деятельность – политическая [2, 28]. Именно фильм, воплощающий новую эстетику восприятия и воздействия, становится рупором идей времени, отражает движение масс, составляющее один из важнейших признаков эпохи. В прежнем искусстве «вчувствование», созерцательность (непременные спутники ауры) вырывали наблюдателя (зрителя) из действительности и являлись, по существу, школой асоциального поведения. Фильм берет на себя роль воспитателя больших коллективов, он организует новое восприятие. Подобное восприятие включает в себя не только оптику, но и тактильные качества, причем последние имеют преимущество перед первым. Еще в очерке о сюрреализме (1929) Беньямин мечтал о взаимодействии образного и телесного, о пространстве, заполненном коллективом, о взаимопроникновении тела и образного пространства, о «телесной иннервации коллектива» [4, 281-282]. Фильм, искусство более демократичное, чем театр, искусство, напрямую приближенное к зрителю, может взять на себя тренировку человеческого восприятия. В образном «и конкретнее – телесном пространстве» большого города новая эстетика «работает» не с созерцательным индивидуумом, а с коллективным телом, воздействуя на него. Этому способствуют характеристики фильма, точно отражающие, как считает Беньямин, современные технические стандарты и их восприятие человеком. Он писал в «Пассажах», что фильм раскрывает «все наглядные формы, темпы и ритмы, которые есть в зародыше в теперешних машинах в такой степени, что все проблемы современного искусства могут найти свое окончательное выражение в контексте фильма» [14, 498]. Можно сказать, что для Беньямина фильм – своеобразный эталон наиболее благоприятного взаимодействия человека с техникой. Он говорит о «второй природе» техники, имея в виду такое взаимоотношение с

ней, когда машины, инструменты, аппаратура становятся не вещами, внешне связанными человеку, а органами его общественной жизни.

Есть еще один аспект, разрабатываемый Беньямином, – взаимоотношение фильма (искусства созидающих масс) с художественным авангардом. Беньямин, всегда сочувственно относившийся к модерну, подчеркивает, что авангардистов (кубистов, сюрреалистов, дадаистов) объединяет с фильмом общая цель: разрушить искусство, имитирующее ауру. Искусство модерна является богатейшим энергетическим центром, из которого черпает фильм. Принцип создания авангардных произведений, утверждает исследователь, тот же, какой лежит в основе фильма – монтаж, включающий разложение на отдельные сегменты, а затем монтирование на их основе новой, более глубокой реальности. «Словесный салат» дадаистов, картины авангардистов, в которые они вставляли пуговицы и проездные билеты, есть не что иное, как беспощадное уничтожение ауры творчества и создание своеобразных репродукций. «Экстравагантные и неудобоваримые проявления» искусства авангардистов вызывают общественное раздражение, скандал, шок. Фильм, пользуясь монтажной техникой, постоянно вмешивающейся в ассоциативное мышление и чувствование зрителей, добивается того же шокового воздействия. Причем те приемы, что у авангардистов не производили впечатления на массовую публику, в фильмах того же Чаплина достигают полного понимания у нее «вполне естественным способом».

Как видно, Беньямин возлагал большие надежды на симультанное коллективное восприятие во время просмотра фильма, на коллективный смех, на «шоковое» впечатление при смене ассоциативного ряда. Ему казалось, что, воспринимая таким образом, публика сама себя «организует и контролирует».

Таков комплекс проблем, связанных с функцией искусства и художественного произведения, разрабатывавшийся Беньямином в 30-е годы XX столетия. Он считал, что создал марксистскую теорию нового искусства и был разочарован, что не встретил понимания в рядах тогдашней левой эмиграции. Его теорию ауры не принял и его друг Б. Брехт, марксист, мысливший нестандартно и не связанный партийной дисциплиной с догматическими установками коммунистического движения. Беньямин очень рассчитывал на его поддержку при публикации эссе в России. Он не мог знать, что Брехт, прочитавший оставленную ему рукопись, отозвался в своем рабочем дневнике крайне негативно о концепции ауры, о попытках соединения мистики с марксизмом при написании истории: «<...> все это мистика, и это при его позиции, направленной против мистики <...> Все это страшновато» [16, 16].

Работа В. Беньямина вызвала критику и среди сотрудников Франкфуртского института социальных отношений, штатным сотрудником парижского отделения которого он числился в эмиграции. Письмо Т.В. Адорно содержит критические замечания, которые единомышленник и последователь Беньямина объединил высказыванием: «Больше диалектики». Отрицание художественного произведения, объявление его реакционным, требование его упразднения во имя массового искусства, несущего непосредственную «потребительную стоимость», грани-

чит с анархизмом, писал Адорно. Не следует упрощать исторический процесс и идеализировать («романтизировать») пролетарские массы, несущие на себе те же язвы капитализма, что и буржуа. Смех зрителей во время просмотра фильма не есть однозначное проявление нового революционного социального поведения – зачастую он наполнен самым дурным буржуазным садизмом. Адорно считает преувеличенной оценкой Беньямином технических возможностей фильма. Фильмы Чаплина, дающие новое понимание действительности, русские фильмы, реализующие достижение монтажа, – это островки подлинного революционного искусства среди огромного количества низко художественной «инфантильной» продукции, где декорации просто имитируют действительность, а затем фотографируют ее [12, 1003-1004].

Работа В. Беньямина оказало огромное влияние на последующее развитие культурологии и теории медийности, на осознание роли массовых зрелищных мероприятий, на изучение тенденций так называемой поп-культуры. С высоты времени хорошо видны издержки его концепции. Очевидно, что подлинное искусство с присущими ему «магическими чарами» (аура) не погибло. Его уникальные произведения основаны, как и прежде, на «ритуальном» погружении, созерцании, благоговейном трепете. Тому не препятствует их постоянное тиражирование (репродуцирование). Напротив, определенным видам искусства (роман, поэзия, драма) только печатный станок продлевает жизнь и укрепляет их корни в национальной культуре. Ясно и то, что тиражированный экземпляр имеет рыночную и эстетическую ценность только при наличии оригинала художественного произведения.

Почему же небольшое эссе Беньямина, написанное в форме тезисов, обладает такой силой воздействия несмотря на то, что многие утверждения автора оказались основанными на иллюзиях его эпохи? Как показала общая динамика развития, не следует воспринимать многие положения Беньямина в качестве конкретного анализа эстетических феноменов. Их сила состоит в особой прозорливости, придающей выводам, какими бы спорными они ни казались, «прогностическую ценность» [24, 109]. Его задачей было показать основные тенденции развития искусства в современных условиях производства. Он выполнил эту задачу. Существует ли угроза подлинному искусству, его эстетической сущности, его «ауре»? Да, такая угроза реально существует в эпоху постмодернизма, в условиях расширения границ «массовой» культуры развлечения. Культивирование ею «однотипности» восприятия, отказ от уникального, манипулирование шаблонами, выверенными на их восприятии «телесным коллективом», смех и шок как результат воздействия арсенала средств постмодернистского авангарда – все это в первые десятилетия XX века было точно подмечено Беньямином.

Что же касается феномена «ауры», то после работ Беньямина он вошел в эстетику и является одним из основных понятий при изучении искусства и культуры [8, 23].

The article considers the ideas of W. Benjamin comprising the basis of the post-modernist aesthetics. They are: the lofty («the inexpressible») as the leading esthetic

category confronting the fine in the classical esthetic; allegory as the main means of artistic world outlook in the art of avant-garde; the annihilation of the «aura» (the esthetic essence of the work of art) pertaining to the age of technical reproducibility of art.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланов В.Г. Миф о смерти искусства: Эстетические идеи Франкфуртской школы от Бенямина до «новых левых». – М.: Искусство, 1983.
2. Бенямин Вальтер. Краткая история фотографии // Производство искусства в эпоху технической воспроизводимости: Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996.
3. Бенямин Вальтер. Происхождение немецкой барочной драмы. – М.: Аграф, 2002.
4. Бенямин Вальтер. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. – СПб: Симпозиум, 2004.
5. Кант Иммануил. Критика способности суждения // И. Кант. Собр. соч. В 8 т. Т.5. – М.: Изд-во Чоро, 1994.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистического искусства. – М.: Искусство, 1976.
7. Ромашко Сергей. Раздуть в прошлом искру надежды...: Вальтер Бенямин и преодоление времени // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46.
8. Эстетика: словарь / под общ. ред. А.А. Беляева [и др.]. – М.: Политиздат, 1989.
9. Adorno Theodor W. Über Walter Benjamin. Aufsätze. Artikel. Briefe. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970.
10. Arendt Hannah. Walter Benjamin. Bertolt Brecht. – München: Piper, 1971.
11. Benjamin Walter. Goethes Wahlverwandtschaften // Gesammelte Schriften. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1991. – B. I/1.
12. Benjamin Walter. Anmerkungen der Herausgeber // Gesammelte Schriften Op. cit B. I/3.
13. Benjamin Walter. Lehre vom Ähnlichen // Gesammelte Schriften. Op. cit. B. II/1.
14. Benjamin Walter. Das Passagen-Werk. Aufzeichnungen und Materialien // Gesammelte Schriften. Op. cit. B V/1.
15. Benjamin Walter. Phantasie // Gesammelte Schriften. Op. cit. B. VI.
16. Brecht Bertolt. Arbeitsjournal. 1938 – 1942. Bertolt Brecht / hrsg. von Werner Hecht. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1973. – Bd. 1.
17. Fuld Werner. Die Aura / Zur Geschichte des Begriffs bei Benjamin / Werner Fuld // Akzente. – 1979. – № 26.
18. Fürnkäs Josef. Aura // Benjamins Begriffe / hrsg. von Opitz Michael / Wiziela Erdmut. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2000.
19. Habermas Jürgen. Bewußtmachende oder rettende Kritik – die Aktualität Walter Benjamins // Zur Aktualität Walter Benjamins. Aus Anlaß des 80. Geburtstags von Walter Benjamin / hrsg. von Siegfried Unseld – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1972.
20. Kaulen Heinrich. Rettung // Benjamins Begriffe. – Op. cit.
21. Menninghaus Winfried. Das Ausdruckslose: Walter Benjamins Metamorphosen der Bilderlosigkeit // «Für Walter Benjamin»: Dokumente, Essays und ein Entwurf. / hrsg. von Ingrid und Konrad Scheurmann. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992.
22. Recki Birgit. Aura und Autonomie. Zur Subjektivität der Kunst bei Walter Benjamin und Theodor W. Adorno – Würzburg: Königshausen; Neumann, 1988.
23. Weigel Sigrid. Entstellte Ähnlichkeit. Walter Benjamins Schreibweise. – Frankfurt/M.: Fischer, 1997.
24. Witte Bernd. Walter Benjamin. – 4 Aufl. – B.: Rowohlt, 1992.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Павлов Евгений. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 46. Цитаты из работы Беньямина «"Избирательное родство" Гёте» приводятся в переводе А. Скидана в указанной книге как более точно передающие философское значение в сравнении с имеющимся переводом этой работы на русский язык: Беньямин Вальтер. Озарения. – М.: Мартис, 2000. – С. 59-121.

2. В. Беньямин не проводит четкого разграничения понятий «символ» и «образ». Такого разграничения не было и в классической эстетике. То, что он противопоставляет аллегории, у Гегеля обозначается как «образ», у Гёте – как «символ».

3. Recki Birgit. Aura und Autonomie. Zur Subjektivität der Kunst bei Walter Benjamin und Theodor W. Adorno. – Op. cit.; Menke Bettine. Sprachfiguren: Name; Allegorie; Bild nach Benjamin. – München: Fink, 1991; Lindner Burkhard. Benjamins Aura-Konzeption. Anthropologie und Technik, Bild und Text. // Walter Benjamin, 1892-1940, zum 100. Geburtstag / hrsg. von Uwe Steiner – Bern [u.a.]: Lang, 1992. S. 217 – 248; Fürnkäs Josef. Aura // Benjamins Begriffe. – Op. cit. – P. 95-146.

4. Эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» писалось между 1935 – 1939 годами и существует в нескольких вариантах. Общепринятой является вторая редакция, которая и цитируется в данной статье. Кроме указанных трех основных работ, привлекаются отдельные места из протоколов об экспериментах с гашишем, проведенных Беньямином на себе, а также отдельные цитаты из произведения «Пассажи», относящиеся к ауре вещей. Они дополняют представления об ауратическом опыте, выводят его за рамки произведения искусства.

5. Эссе Беньямина появилось после долгой «утряски» на французском языке в «Журнале социальных исследований» (1936); все политические акценты были устранены по требованию главы Института Макса Хоркхаймера, считавшего нецелесообразным втягиваться в политические дискуссии.

Г.Г. Сильницкий

Смоленский государственный университет
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

УДК 81

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СИНЕРГЕТИКА: ДВА ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВОГО

Ключевые слова: *постмодернизм; синергетика; сингулярный момент; бифуркация; нарратив; дискурс; автор; власть языка; деконструкция; «нулевой» – исходный – результативный текст.*

Статья посвящена сопоставительному анализу постмодернизма и синергетики в качестве двух показательных течений современной европейской мысли, исследующих проблему «эмерджентного» появления качественно новых состояний развивающихся систем. Особое внимание уделяется обсуждению синерге-

тических понятий «бифуркации» и «сингулярного перехода» от более низкого к более высокому уровню организации. На основании «принципа соответствия» Н. Бора выдвигается положение о том, что постмодернистская концептуальная модель может рассматриваться как предельный «вырожденный» случай логически более «сильной» синергетической модели, образуемый из последней в результате редукции ряда ее параметров.

Философские и лингвистические истоки постмодернизма

Постмодернизм представляет собой новейшее «авангардистское» направление в современной западноевропейской философии: «Философия постмодернизма задает особое видение мира, в рамках которого бытие предстает как жизнь языка (процессуальность плюральных игр означающего, осуществляющихся по имманентным внутриязыковым законам), понятая в качестве не просто самодостаточной, но исключительной реальности» (М.А. Можейко) [7, 642].

В философском плане определяющее влияние на постмодернистскую концепцию оказали М. Хайдеггер и Л. Витгенштейн, рассматривающие язык как самодостаточный мир-в-себе, но дающие прямо противоположные обоснования этой самодостаточности.

У М. Хайдеггера самодовлеющий онтологический статус языка определяется тем, что он уже несет в себе бытийное основание мира, будучи «домом Бытия», «просветляюще-утаивающим явлением самого Бытия» [11, 314, 325]; ср. постмодернистское представление о языке как о единственной «знаковой реальности» (Б. Сمارт), «вербальной реальности» (Р. Виллиамс), «гипер-реальности» (Д. Лион) и о предметном мире как «наборе текстов» (Ф. Джеймсон).

С другой стороны, Л. Витгенштейн выдвигает противоположное утверждение о неспособности языка адекватно отобразить объективный мир: «о чем нельзя сказать, о том нужно молчать». На долю человека остаются конвенциональные «языковые игры», всецело определяемые своими внутренними, произвольно устанавливаемыми «игровыми правилами». Постмодернизм «избрал языковые игры в качестве своей общей языковой установки... Языковые игры являются минимальными отношениями для существования общества... Вопрос социальных связей, будучи вопросом, сам является языковой игрой, игрой вопрошающего, вопрошаемого и предмета вопрошания, что уже является социальным отношением» (Ж.-Ф. Лиотар) [7, 1024].

Основополагающий для постмодернизма тезис о «растворении» объективной реальности в языке выдвигает на первый план проблему выявления его влияния на современную лингвистическую теорию. Это влияние носит экстремально-революционный характер: постмодернистская лингвистическая модель претендует на радикальный пересмотр всей существующей традиции, что проявляется в обилии новообразованных терминов с префиксом «*пост-*» («*постмодернизм*», «*постистория*», «*постметафизическое мышление*», «*постмодернистская чувствительность*», «*постмодернистская социология*» и т.д.).

В лингвистическом плане постмодернизм испытал наибольшее влияние со стороны Ф. де Соссюра и Н. Хомского.

Влияние первого сказалось в его понимании языковой системы как определяемой, в первую очередь, различиями между ее элементами (знаками), а не позитивным смысловым содержанием последних, т.е. приоритетом значимости знаков перед их значением. В соссюровской триаде «язык – речь – речевая деятельность» постмодернизм сделал основной упор на последнее понятие за счет первого, отвергнув основополагающее для Соссюра понятие «языка» как общего для того или иного социального коллектива ментального содержания, обуславливающего возможность речевого общения между его членами.

Радикальному пересмотру в постмодернистской лингвистической концепции подверглось также центральное в системе Соссюра понятие «знака» как конвенционального соотношения формы (означающего) и содержания (означаемого). Показательны в этом отношении рассуждения многих представителей данного течения об «утопичности, кризисе денотации» (Р. Барт), «абсурдности сигнификаций и нонсенсе денотаций» (Ж. Делез), крахе «веры в референциальный язык» (К. Брук-Роуз) и о вытекающей отсюда необходимости разрушения «самого акта номинации», «трансцендентального означаемого» (Р. Барт).

Опору для такой трактовки основополагающих для лингвистической традиции понятий постмодернизм нашел в «порождающей грамматике» Н. Хомского. Не вступая в эксплицитную полемику с Соссюром, Хомский *de facto* отказался именно от этих двух основополагающих для него понятий «языка» и «знака». В исходном хомскианском противопоставлении «компетенция (competence) – исполнение (performance)» второй компонент может быть условно сопоставлен с «речевой деятельностью» Соссюра. Однако центральное для Хомского понятие «компетенции» обнаруживает радикальное отличие от «языка» Соссюра своей определяемостью не социальным «консенсусом» всех представителей данного языкового сообщества, а врожденными (т.е. биологически обусловленными) законами «универсальной грамматики».

Другая особенность лингвистической модели Хомского состоит в ее негласном игнорировании соссюровского понятия «знака» вследствие утверждения подчиненного статуса лексической семантики по отношению к грамматике, понимаемой как совокупность формальных трансформационных правил [8].

Критический анализ логической структуры постмодернистской лингвистической модели представляется целесообразным провести в двух аспектах, отображающих две последовательные фазы речевого процесса: производство речи субъектом (говорящим/пишущим) и восприятие речи адресатом (слушателем/читателем). На нейрофизиологическом уровне эти два аспекта речи обеспечиваются двумя дискретными, дистантно расположенными друг относительно друга мозговыми центрами Брока и Вернике. Основная особенность постмодернистской лингвистической концепции видится в том, что она отображает не весь речевой процесс в целом, а, главным образом, вторую его составляющую: восприятие речи адресатом. Преимущественная ориентация на слушателя/читателя

подчеркивается многими представителями данного направления: «Каждый читатель овладевает произведением и налагает на него определенную схему смысла» (Дж. Х. Миллер); читатель выступает в роли «не потребителя, а производителя текста» (Р. Барт).

Поскольку любая речевая деятельность представляет собой определенное информационное воздействие субъекта речи на адресата, существенную значимость для постмодернизма приобретает проблема соотношения языка и власти. «Дискурсы раз и навсегда подчинены власти или настроены против нее». Поэтому «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его событий» (М. Фуко). «Власть (*libido dominantis*)... гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия... Во всякой законченной фразе, в ее утвердительной структуре есть нечто угрожающе-императивное... Владение фразой уже недалеко отстоит от власти: быть сильным – значит *прежде всего* договаривать до конца свои фразы» (Р. Барт) [7, 234, 645].

Постмодернистское отображение речевого процесса с точки зрения слушателя/читателя ориентировано на защиту «интеллектуального иммунитета» последнего от насильственного информационного вторжения со стороны любых политических, традиционно культурологических или каких-либо иных «властных факторов» в целях обеспечения максимальной свободы каждого индивида в интерпретации поступающих извне сведений. Это осуществляется путем утверждения потенциально бесконечных возможностей субъективных интерпретаций одного и того же текста, что проистекает из «абсолютной независимости интерпретации от текста и текста от интерпретации» (П. де Ман), осознание которой «кладет конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе» [7, 771, 313].

Данный подход, представляющий определенный научный интерес в плане выявления некоторых ранее не исследованных особенностей и оттенков субъективного восприятия речи, вызывает существенные возражения при переключении внимания с восприятия на *производство* речи, т.е. в ситуации, когда адресат сам становится субъектом речи и, таким образом, испытывает на себе вышеуказанные ограничения – неспособность недвусмысленно выразить какое-либо ментальное содержание в силу принципиально непреодолимой многозначности любого порождаемого им текста. В частности, возникает вопрос: каким образом при заданных условиях могут претендовать сами представители постмодернизма на однозначное понимание их собственных концептуальных построений окружающими при отсутствии у всех участников «дискурса» некоторого фонда общих понятий (значений), т.е. «языка» в соснуровском смысле?

Таким образом, постмодернистская лингвистическая модель характеризуется своей односторонней ориентацией на адресата речи в ущерб ее производителю, субъекту.

Соотношение постмодернизма и синергетики

Представители постмодернизма неоднократно ссылаются на близость методологических оснований своей концепции с синергетикой (см. приведенную в настоящем издании статью М.А. Можейко «Язык и творчество: постмодернизм в лингвистике»). Действительно, целый ряд ключевых постмодернистских понятий перекликается с синергетическими понятиями «нелинейности», «непредсказуемости», «бифуркации», «сингулярности» и др.

Обоими сопоставляемыми направлениями история культуры трактуется как определенная последовательность «*текстов*» («энергетических» для синергетики, «информационных» для постмодернизма), из которых каждый последующий, «результативный», текст служит интерпретацией предыдущего, «исходного» (или определенного сочетания нескольких исходных текстов). При этом один и тот же текст является результативным для предыдущего и исходным для последующего. Объективная действительность также рассматривается в качестве «набора текстов» (Ф. Джеймсон).

Каждый результативный текст характеризуется определенной спецификой, отличается чем-то от исходного, т.е. содержит какую-то *новую* информацию сравнительно с предыдущим. Таким образом, суть обсуждаемой проблемы состоит в выявлении соотношения *новой*, производной, и *старой*, уже известной, информации, т.е. информационного соотношения результативного и исходного текстов (ср. соотношение лингвистических понятий «темы» и «ремы»). В трактовке этого соотношения наблюдается ряд существенных различий между постмодернизмом и синергетикой.

1. *Постмодернизм* отрицает наличие какой-либо обязательной связи между исходным и результативным текстами, обусловленность второго первым. Любой результативный текст может быть соотнесен с любым исходным, и наоборот: «Между событиями (текстами. – Г.С.) формируются внешние отношения молчаливой совместимости... Тут сцепление не причинных соответствий, образующих систему отголосков, повторений и резонансов... выражающее квазипричинность, а никак не принудительная каузальность... Все это происходит помимо связи причины и эффекта... Осуществляется синтез сосуществования и координации между двумя разнородными сериями... Все события коммуницируют друг с другом» (Ж. Делез) [7, 786].

Со своей стороны, *синергетика*, утверждая качественное своеобразие результативного текста, в то же время признает различные степени его обусловленности исходным текстом (или текстами), от максимальной линейной зависимости до скачкообразного, *нелинейного*, перехода от одного к другому. Однако и в последнем случае сохраняется более опосредствованный вид обусловленности качественного скачка наличием определенных несоответствий и противоречий в когнитивной структуре исходного текста, на устранение которых нацелен результативный текст.

Качественные изменения, характеризующие результативную систему, «вызревают» в недрах исходной. «Существование неустойчивости можно рассматри-

вать как результат флуктуации, которая сначала была локализована в малой части системы, а затем распространилась и привела к новому макроскопическому состоянию» (И. Пригожин, И. Стенгерс) [12, 683]. Данный переход «не произволен. Напротив, причины усиления малых событий – вполне “законный” предмет рационального анализа». Материей истории «является взаимосочетание локальных событий и возникновение глобальной когерентной логики, интегрирующей многообразие этих локальных историй» (И. Пригожин) [7, 684, 311].

В предисловии к книге И. Пригожина и И. Стенгерса «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» приводится следующая обобщающая картина синергетического перехода исходной системы в результативную: «*Вся система содержит подсистемы, которые постоянно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций может стать настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент... принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотичным или оно перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности*» (выделено мной. – Г.С.) [12, 683]. Подчеркнем: *непредсказуемость* исхода указанного альтернативного перехода не означает его *необусловленности*; речь здесь идет о новом, более сложном и широком понятии обусловленности.

Различные типы этой обусловленности репрезентируются одним из центральных синергетических понятий «*сингулярного* момента», промежуточного между исходным и результативным состояниями системы, служащего переходом от первого ко второму, т.е. темпоральным *связующим* звеном между ними. «Сингулярность» этого переходного момента, его непредсказуемость, «невписываемость» в существующие логические категории определяется тем, что он является результативной «равнодействующей» неповторимого и не подлежащего точному учету сочетания огромного количества существенных и случайных (с точки зрения нашего предшествующего состояния знаний о данной системе) факторов.

В своем наиболее широком понимании понятие «сингулярного перехода» может быть применено к таким явлениям, как разрешение комплексного воздействия многочисленных дендритов в единой реакции аксона на уровне отдельного нейрона или «борьба за общий конечный путь» воздействий, поступающих в эффекторные механизмы из различных разделов нервной системы («воронка Шеррингтона»). В гуманитарной сфере различные степени «сингулярности» характеризуют человеческие решения, принимаемые в сложных ситуациях и направленные на качественное изменение существующего «нестабильного» положения дел на более стабильное. В известном смысле само течение времени может рассматриваться как последовательность «сингулярных» настоящих моментов, каждый из которых открывает перед человеком потенциальные возможности тем или иным способом изменить наличную, в рамках его экзистенциального опыта, ситуацию (реально «сделать что-то» можно только в настоящем времени, но не в прошедшем или будущем).

В собственно когнитивной (филологической) сфере проблема оптимальной обусловленности результативного (интерпретационного) текста, выявления наиболее надежных критериев определения степени его соответствия исходному тексту (текстам) и объективным фактам («нулевому» тексту) рассматривается в вышеприведенной статье Р.Г. Пиотровского «Инновационная перестройка в филологическом образовании». Применительно к проблеме «сингулярного перехода» особый интерес представляют соображения, высказанные автором в разделе «Выработка гипотезы. Инсайтное озарение».

2. В силу того, что *синергетическая* модель в настоящее время находит свое основное применение в сфере естественных наук, срединное звено «сингулярного перехода» остается здесь своего рода непроницаемым «черным ящиком».

Гуманитарные науки, служащие основным предметом рассмотрения *постмодернизма*, по определению органически связаны с изучением *человека*, который, совмещая функции адресата-интерпретатора исходного текста и автора последующего, служит естественным («сингулярным») переходным звеном от первого ко второму. Особый статус этого гуманитарного «сингулярного» звена состоит в том, что, в отличие от естественнонаучного «черного ящика», он в определенной степени доступен самонаблюдению со стороны исследователя, что открывает перед последним новые эвристические перспективы.

Между тем, вследствие неопозитивистской интеллектуальной аллергии к малейшим проявлениям интроспекции, постмодернизм принципиально выводит «субъекта» за рамки своего рассмотрения. Постмодернистская программа требует «принесения в жертву субъекта познания» (М. Фуко). «Возможность моего “я” – в конечном счете, безумная недостоверность» (Ж. Батай); «в настоящем не существует более Я, чтобы чувствовать» (Ф. Джеймсон); «никогда “я” не было субъектом опыта» (М. Бланшо). По мнению Фуко, необходим анализ «условий, при которых возможно выполнение некоторым индивидом функции субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует... Человек – это изобретение недавнее» (М. Фуко). «Что касается текста, то в нем нет записи об Отцовстве... Присвоить тексту Автора – это значит... застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо» (Р. Барт) [7, 771, 774-776].

С постмодернистской точки зрения текст «не продуцируется деятельностью сознания субъекта – автора или читателя», но является «имманентной процессуальностью языка» (П. де Ман). «Речь идет о том, чтобы отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса» (М. Фуко). Читатель и автор рассматриваются как «порождение текста» (Ж.Ф. Харари). «Высказывание... превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих» (Р. Барт). «Каждое предложение, которое уже само по себе имеет толковательную природу, поддается толкованию в другом предложении» в имманентном процессе «самотолкования мысли» (Ж. Деррида) [7, 772, 234].

Постмодернистская концепция «смерти автора» оставляет открытым вопрос о реальном происхождении «текста», имплицитно некий малопонятный процесс его «самозарождения»: одни тексты непосредственно порождают другие в качестве «саморазвивающегося безличного начала» (Ж.П. Сартр), минуя какой-либо опосредствующей роли субъекта речи. (Критику данной концепции см. в статье Ю.А.Левицкого «Угрожает ли лингвистике постмодернизм?»). Апеллирование постмодернистов к синергетике приводит к парадоксальному результату – «дегуманитаризации» гуманитарных наук.

3. Между постмодернизмом и синергетикой наблюдается расхождение в их трактовке соотношения текста с «внетекстовой средой».

Представители *постмодернизма* неоднократно подчеркивали свое понимание текста как *закрытой*, самодостаточной системы, максимально изолированной и независимой от каких-либо внетекстовых факторов: автора, адресата, объективной реальности. «Больше не существует деления на поле реальности (мир), поле репрезентации (книга) и поле субъективности (автор). У книги нет продолжения в другой книге, нет объекта в мире и нет субъекта в лице одного или нескольких авторов» (Ж. Делез и Ф. Гваттари) [7, 667].

В литературоведческом плане постмодернизм с его установкой на рассмотрение текста «в себе и для себя» в качестве самодовлеющей системы, содержащей в своей собственной «имманентной» структуре всю релевантную для ее понимания информацию, обнаруживает определенное сходство с литературоведческой школой русского формализма начала XX века (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум и др.), рассматривавшего «литературное произведение как замкнутое в себе целое, как сумму (или систему) художественных приемов» [1, 6]. Сближает также русский формализм и постмодернизм уделяемое ими основное внимание формальному аспекту текста, трактуемому как результат «языковых игр», и трактовка его содержательной стороны в качестве производной от поверхностной структуры означающих. По словам Ю.Н. Тынянова, «своеобразие литературного произведения в приложении конструктивного фактора к материалу, в “оформлении” (т.е. по существу – деформации) материала... Материал – подчиненный элемент формы... Конкретность поэтического образа... в своеобразном процессе *изменения значения слова*, которое делает его живым и новым» [10, 15, 501]; так, «образ у Гейне не строится ни по признаку предметности, ни по признаку эмоциональности, он прежде всего – словесный образ» [9, 253]. Б.М. Эйхенбаум говорит о «Шинели» Гоголя как о произведении, которое «замкнуто в мир искусственных переживаний и совершенно отгорожено от большой реальности», чтобы «открыть простор для *игры с реальностью*, для разложения и свободного перемещения ее элементов... Ни одна фраза художественного произведения не может быть сама по себе простым “отражением” личных чувств автора, а всегда есть построение и игра... В этом мире – свои законы, свои пропорции» [13, 189-192].

Однако в отличие от постмодернистского отрицания наличия у текста какого-либо константного смыслового содержания, заново формируемого читателями при каждом новом прочтении, представители литературоведческого формализма

исходили из обратного тезиса о жесткой структурированности и объективной заданности литературного текста в формальном аспекте и в производном от него содержательном плане. Своей задачей они видели разработку строго последовательного, максимально эксплицированного метода, позволяющего выявить эту объективно представленную в художественной ткани литературного произведения внутреннюю структуру, доступную однозначному научному определению.

С синергетической точки зрения текст представляет собой *открытую* систему, характеризуемую многочисленными связями с внетекстовой (внесистемной) средой. «Система должна быть открытой и постоянно обмениваться веществом и энергией с окружающей средой» (А. Баблюяц) [12, 679]. Неравновесные состояния «связаны с исчезающими потоками между системой и внешней средой» (Г. Николис, И. Пригожин) [7, 679]. Неравновесность – такое состояние, «которое все время приходится поддерживать притоком энергии извне» [6, 11, 12].

Применительно к тексту синергетическое признание значимости факторов «притока энергии извне» и «постоянных связей с окружающей средой» равносильно утверждению его зависимости от автора, адресата и отображаемой объективной действительности.

4. Результативный текст характеризуется более *низким* уровнем своей семантической организованности сравнительно с исходным в *постмодернистской* модели и более *высоким* в *синергетической*.

«Нисходящая» в этом смысле направленность постмодернистского перехода от исходного к результативному тексту проявляется в понятиях «деконструкции», «логомахии», «логотомии» (Ж. Деррида), «дестратификации», «детерриториализации», «децентрализации» (Ж. Делез и Ф. Гваттари) и т.п., возникших на базе более раннего понятия «деструкции» М. Хайдеггера. Таким образом, соотношение результативного и исходного текста определяется, с постмодернистской точки зрения, своего рода законом «информационной энтропии», «деградации» смыслового уровня текста при каждой последующей его интерпретации, которая является «принципиально преходящей и оформляется на основе энергетических (информационных. – Г.С.) потерь (диссипации энергии) системы» (М.А. Можейко). «Информация, в которую превращается или при помощи которой распространяется некоторое событие, уже представляет собой деградированную форму этого события... Нет больше надежды для смысла. И, видимо, так оно и есть: смысл смертен» (Ж. Бодрийяр) [7, 575, 729, 732-735].

По оценке одного из отечественных критиков постмодернизма, «главная цель деконструкции – демонтаж традиционной вещно-телесной реальности и деантропологизация человека» [3, 7].

Для синергетического «сингулярного» перехода, с другой стороны, столь же показательно утверждение возможности «восходящей», «неэнтропийной», эмерджентной направленности преобразовательного процесса, появления «порядка» из «хаоса»: «Неравновесность есть то, что порождает порядок из хаоса» (И. Пригожин и И. Стенгерс) [12, 678]. «Во многих случаях самоорганизация возникает из хаотических состояний» (Г. Хакен). «В неравновесной системе...

возникает историческая перспектива, т.е. возможность появления других, быть может, более совершенных, форм организации» (И. Пригожин) [7, 681, 311].

5. Таким образом, *синергетическая* модель, в отличие от *постмодернистской*, является диалектической, допускающей альтернативные пути и этапы развития. «Траектория, по которой эволюционирует система,... характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистские законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего... Эта смесь необходимости и случайности и создает “историю” системы... Порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира... один включает в себя другой» (выделено мной. – Г.С.) (И. Пригожин) [7, 502, 681].

Антонимичные понятия необходимости и случайности, порядка и беспорядка, линейности и нелинейности связаны конъюнктивным отношением временной последовательности в синергетике и дизъюнктивным в постмодернизме, отображая различные этапы единого процесса в первом случае и взаимоисключающие когнитивные системы во втором. Современная «нелинейная» модель научного мышления трактуется как закономерное развитие предыдущей «линейной» модели с синергетической точки зрения и в полном отрыве от нее – с постмодернистской.

Вследствие своего многомерного видения мира синергетика приходит к выводу о том, что «богатство и разнообразие реальности... предвосхищает изобразительные возможности любого отдельно взятого языка, любой отдельно взятой логической структуры». Отсюда «неустраняемая множественность точек зрения на одну и ту же реальность» [7, 312, 313]. «Невозможно с помощью одной модели... описать реальную систему. Для этого требуется несколько моделей, дополняющих друг друга» [2, 208]. С данной точки зрения постмодернистская модель также представляет собой не единственно возможный способ интерпретации современной интеллектуальной действительности, но одну из по меньшей мере двух взаимодополнительных концептуальных систем, отображающих различные аспекты и этапы единого многомерного процесса. В однозначном отрицании традиции видится несоответствие постмодернизма одному из своих собственных исходных постулатов о равноправности *любых* интерпретаций *любого* текста – следовательно, и традиционно «логоцентрической» интерпретации текста традиционной культуры.

Все вышесказанное позволяет придти к заключению, что синергетический подход к проблеме возникновения новой информации включает ряд параметров, отсутствующих или редуцированных при постмодернистском, и потому шире и сложнее последнего. Применяя к сопоставлению этих двух подходов «принцип соответствия» Н. Бора, можно, по-видимому, утверждать, что синергетика представляет собой более «сильную» и «общую» теорию, включающую постмодернизм в качестве своего частного предельного, «вырожденного» (в логико-математическом смысле данного термина) случая, получаемого в результате сокращения некоторого числа измерений более «сильной» теории.

Далее, поскольку скачкообразный постмодернистский переход, при котором новое состояние системы (текста) резко противопоставлено предыдущему, может быть назван «революционным», представляется возможным подвести более последовательный синергетический переход, характеризуемый различными степенями обусловленности последующего состояния системы предыдущим, под широкое и общее понятие «эволюции», включающее частное понятие «революции» в качестве своего экстремального случая, характеризуемого устранением обуславливающего связующего звена («сингулярного момента») между последовательными во времени состояниями.

Поуровнево-иерархическая и жанровая типология текстов

С постмодернистской точки зрения в мире не существует ничего, кроме «текстов» и отношений между текстами. Соответственно постмодернистская модель мира может быть представлена в виде особого рода «текстологии», в рамках которой критика, интерпретация и обоснование одних текстов осуществляется исключительно через их соотнесение с другими текстами же.

В основу «текстологии», построенной на постмодернистских принципах, могут быть положены следующие два исходных положения:

1. Каждый текст представляет собой интерпретацию какого-то иного «прототекста». Интерпретируемый текст выступает в роли «исходного», интерпретирующий – в роли «производного», или «результативного».

2. Объективная действительность может рассматриваться в качестве «набора текстов».

Если постулировать объективную реальность в виде «нулевого» исходного текста, то все последующие текстовые интерпретации могут быть построены в определенной иерархической последовательности. Информационный переход от каждого текстового уровня к последующему образует очередной «интерпретационный шаг».

Первый интерпретационный шаг преобразует тексты «нулевого» уровня в *первичные* тексты (тексты *первого* уровня), непосредственно отображающие те или иные участки объективной действительности. По специфическим характеристикам отображаемых участков действительности первичные тексты подразделяются на различные «тематические жанры», из которых в контексте настоящего обсуждения можно выделить «естественнонаучный», «художественно-литературный» и «исторический».

Первичные тексты «эволюционируют», т.е. подлежат информационному развитию в пределах того же первичного уровня, представляя собой последовательные этапы отображения соответствующего участка объективной действительности. Как уже было отмечено, постмодернизм абстрагируется от опосредствующей роли субъекта-автора при переходе от одного первичного текста к другому; так, «история физики», «история литературы» и т.д. могут условно рассматриваться как некоторые самодостаточные последовательности текстов (идей, теорий, образов) в относительной независимости от биографий их авторов.

Вторичные тексты непосредственно интерпретируют первичные (и лишь косвенным образом, через посредство последних, объективную действительность). В жанровом плане на данном уровне происходит дальнейшая дифференциация «тематических» разделов предыдущего уровня на ряд «функциональных» поджанров, из которых могут быть выделены подтипы «критических», «обзорных» и условно называемых «мета»-текстов.

«Критические» тексты направлены на выявление «степени истинности» соответствующих первичных текстов, т.е. степени их соответствия/несоответствия отображаемым участкам объективной действительности («нулевым» текстам).

Критические тексты, как правило, относятся к конкретным единичным текстам предыдущего уровня. В отличие от них «обзорные» тексты имеют своим предметом более или менее широкие совокупности тематически одножанровых текстов первого уровня. Обзорные тексты в основном носят прикладной характер: дидактический, популяризаторский и т.д.

Если критические и обзорные тексты в большинстве случаев не содержат качественно новой информации сравнительно с исходными текстами первого уровня, а скорее выделяют и акцентируют отдельные аспекты их смысловой структуры, то «мета»-тексты представляют более или менее существенную информационную переработку исходного текста, постановку его в более широкий информационный контекст, который может быть назван в условном смысле «философским» (ср., например, вторичные тексты, относящиеся к функциональному жанру «философии науки», «философии искусства», «философии истории» и т.д.).

Отметим некоторые текстологические особенности трех вышеназванных «тематических» жанров.

1. *Естественнонаучная* литература характеризуется наиболее жесткой и однозначной привязанностью друг к другу «нулевого», первого и второго текстовых уровней и, соответственно, наибольшей ограниченностью свободы интерпретаций при переходе от одного уровня к другому. «Нулевой» уровень описываемого участка объективной действительности оказывает детерминирующее влияние на все последующие интерпретации. Его соотношение с первичным текстом (т.е. с текстом научного произведения, непосредственно отображающего соответствующий участок действительности) однозначно регулируется *экспериментальным* методом, имеющим целью выделение одной-единственной интерпретации из всех возможных в качестве «истинной».

Тот же «нулевой» уровень является определяющим на втором интерпретационном шаге. Научная полемика по поводу полученных экспериментальных данных состоит в экспликации различных возможных способов их осмысления в рамках тех или иных теорий по жестко фиксированным логическим правилам, с конечной ориентацией на максимальное соответствие объективной реальности.

Таким образом, субъективный фактор «свободного толкования» сведен здесь к минимуму и строго регулируется, чем, по-видимому, определяется тот факт, что естественнонаучная сфера в основном составляет предмет рассмотрения синергетики, но не постмодернизма.

2. На противоположном полюсе в текстологическом плане находится художественная литература. «Нулевой» уровень объективной действительности является здесь наименее релевантным. Содержание произведений художественной литературы («fiction») является в значительной мере продуктом свободного вымысла писателя. Степень зависимости этого вымысла от объективных жизненных данных варьируется в различных литературных жанрах и стилях от «реализма» и «натурализма» до «фантастики». Таким образом, соотношение литературных текстов не регулируется, в отличие от естественнонаучной литературы, никакими обязательными критериями и определяется в конечном счете эстетическими установками автора.

С постмодернистской точки зрения наибольший интерес представляют произведения так называемой «формалистической» направленности, характеризующиеся различными степенями преобладания художественной роли формальных средств выражения над смысловым содержанием и подпадающие под постмодернистское понятие «симулякра» («точная копия никогда не существовавшего оригинала» – Ф. Джеймсон). Если в начале XX века творчество Дж.Джойса, наиболее яркого представителя данного течения, послужило одним из основных источников постмодернизма, то во второй половине данного столетия появился ряд писателей, воспринявших постмодернистские принципы и сознательно воплощающих их в своих произведениях (см. статью Н.А. Шехтмана «От текста к нарративу»).

3. *Исторические* тексты занимают в рассматриваемом плане весьма своеобразное положение, промежуточное между естественнонаучными и художественно-литературными.

В качестве научных текстов они претендуют на однозначное отображение объективно происходивших в прошлом явлений. Но именно потому, что речь идет о прошлых событиях, не представленных непосредственно в настоящем времени, здесь оказывается неприменимым критерий непосредственного сопоставления исторических текстов с «нулевым» уровнем объективной действительности. Такое сопоставление носит опосредствованный характер и осуществляется на основании косвенных данных о той или иной прошлой эпохе в виде различного рода сохранившихся артефактов, обслуживавших те или иные стороны жизнедеятельности современников и, как правило, не предназначавшихся для того, чтобы служить «свидетельствами эпохи».

Среди этих артефактов основную роль играют *письменные* документы различных типов – недаром изобретение письменности, позволившее фиксировать конкретные имена, даты и события, признается гранью, отделяющей собственно историю от предыстории. (Показательно, что само слово «история» в одном из своих употреблений обозначает «рассказ», «повествование» – обстоятельство, на которое не преминули обратить особое внимание постмодернисты в своей теории «дискурса» и «нарратива»).

Таким образом, если принять произведения профессиональных историков в качестве первичных исторических текстов, то в роли «нулевого» уровня по отношению к ним необходимо признать не объективную действительность, как та-

ковую, а непосредственно отображающие ее архивные и прочие документальные «первоисточники», на основании которых историки строят свои обобщения и интерпретации.

Отсутствие непосредственно данной привязки к уровню объективной действительности на первом интерпретационном шаге определяет более широкий и менее регулируемый «разброс» интерпретаций на втором шаге, чем это наблюдается в естественнонаучной сфере. В частности, здесь значительно чаще приходится иметь дело с «симулякрами» в постмодернистском духе – с тем различием, что если литературные «симулякры» представляют собой виртуальные «языковые игры», относительно независимые от объективной действительности, то их исторические аналоги, напротив, обслуживают, как правило, определенные политические интересы, будучи направлены на не подтверждаемое сколько-нибудь достоверными объективными данными утверждение превосходства одних этнических и культурологических проявлений за счет всех остальных.

Ограничимся несколькими наиболее близкими к нам в этнокультурном плане примерами. Современный киевский автор Сергей Пауков пишет: «Примерно в седьмом тысячелетии до новой эры на территории Украины зародилось первое на земле государство Аратта. Именно здесь зародилась мировая цивилизация, государственность, письменность и право». Ему вторит Ю.А. Шилов: «Праславянские племена... в XXIV-XXII веках до н.э. переселились из современной Одесчины в Троаду», оттуда – «в Этрурию, получив здесь имя этрусков... Государство Аратта – это ядро индоевропейских народов». «Европейцы произошли от древних украинцев».

Не уступают украинским коллегам в смелости своих свободных исторических интерпретаций и некоторые наши соотечественники. Так, по убеждению Ю.Д. Петухова, «русский князь Ахилл со своей русской дружиной... штурмовал древнерусский город Трою» (наверное, следовало бы все-таки сказать «русский князь Агамемнон»). Согласно Г.В. Носовскому и А.Т. Фоменко, «знаменитый король франков Карл Великий и библейский Иисус Навин являются отражениями одной и той же реальной фигуры позднего средневековья». Оба соотносятся далее «с великим = “монгольским” завоеванием XIV – XV веков и предшествовавшей ему эпохой Троянской войны XIII века н.э.». Авторы делают вывод, что «Карл Великий, описанный в Библии как Иисус Навин, является “монгольским” полководцем-завоевателем» [5, 62, 63]. Имя этого монгольского завоевателя – «Батый» – подлежит смелой этимологической дешифровке («Новая хронология», т. 1, с. 39): Батый – это попросту слегка искаженное слово «батьа» (= отец). Итак, Батый (он же Карл Великий, он же Иисус Навин) = казачий батя, русский князь.

Но, вероятно, наиболее широкомасштабную общечеловеческую «неохронологию» предложил В.М. Кандыба:

«40 тысяч лет назад – Образование русского этноса в районе Верхнего Междуречья...»

5,5 тысяч лет – Миграция русов в Месопотамию и через перевал Гиндукуш в Индию...

5 тысяч лет – Проникновение русской культуры в Китай. Влияние на Эгейскую цивилизацию...

17-й век до н.э. – Завоевание русами Египта... Завоевание древнеавилонского царства.

13-й век до н.э. – Завоевание иудеями древнерусского города “Русска оселя” (основанного воеводой Кияном) и переименование его в Иерусалим...

12-й век до н.э. – Поход русов в Китай и разгром царства Инь.

7-й век до н.э. – Поход русов в Ассирию и разрушение ее.

6-й век до н.э. – Покорение кельтов.

5-й век до н.э. – Под воздействием русов возникли первые государственные образования в Японии, Корее и Вьетнаме». И т.д. (цит. по [4, 145-148, 154, 155, 160, 161, 163, 164, 171, 185, 193]).

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют тот тип гуманитарной культуры, который явился бы результатом неограниченного какими-либо «логоцентрическими» факторами осуществления постмодернистских принципов «свободной интерпретации» исторических текстов. Однако они мало способствуют прояснению обсуждаемой проблемы «эмерджентного» возникновения качественно новой информации, поскольку последняя может иметь место только на фоне информации уже известной и общепринятой (как в языковом плане «рема» выступает на фоне соответствующей «темы»).

Поэтому для освещения интересующего нас вопроса следует обратиться к текстам, позволяющим осуществить сопоставление указанных двух видов информации, уже известной («тематической») и новой («рематической»). В этой связи особый текстологический интерес вызывают литературные произведения, представляющие художественное отображение исторических событий, т.е. совмещающие особенности последних двух жанров. В силу эксплицитной заданности исходного, собственно исторического текста, накладывающего определенные ограничения на «свободный полет» творческой фантазии писателя, исследователь (на следующем, третьем, информационном шаге) имеет оптимальную возможность оценить объем и эстетическую роль новой информации, вносимой автором в результативный художественный текст через его сопоставление с исходным историческим.

Так, например, весьма перспективным представлялся бы анализ с данной точки зрения одного из выдающихся произведений мировой литературы – комплекса исторических драм Шекспира, посвященного гражданским войнам Белой и Алой Роз в английской истории конца XV века. Трудно представить себе более подходящий объект для рассмотрения обсуждаемой проблемы информационного соотношения текстов различных уровней интерпретации, соотношение «старой», уже известной информации, представленной в исходном тексте (в данном случае, в «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, 1577 года издания), и ее новой интерпретации, привнесенной в результативный текст гениальным драматургом.

На основании всего вышесказанного представляется возможным сформулировать ряд «промежуточных» выводов.

1. Постмодернизм и синергетика характеризуются как сходными чертами в их подходе к исследуемым явлениям, так и не менее значимыми различиями. Общим для обоих течений является акцентирование роли случайных флуктуаций и нестабильности в порождении качественно новых, непредсказуемых состояний развивающихся систем, энергетических и информационных. Основное различие состоит в трактовке степени обусловленности этих новых состояний предыдущими.

2. Синергетическая модель обнаруживает ряд характеристик, позволяющих рассматривать ее в качестве более «сильной» теоретической концепции сравнительно с постмодернистской, а последнюю в виде предельного, «вырожденного» случая первой, получаемого в результате сокращения синергетического звена «сингулярного момента».

3. Основной сферой применения синергетических принципов в настоящее время служат естественные науки, постмодернистских – гуманитарные. С другой стороны, информационные системы и процессы, исследуемые гуманитарными науками, характеризуются значительно более высокой степенью сложности, чем энергетические, являющиеся предметом естественнонаучного моделирования. Таким образом, наблюдается определенное несоответствие в степени сложности когнитивных структур двух сопоставляемых моделей и рассматриваемых ими объектов: более «сильная» синергетическая модель прилагается к более простым объектам, более «слабая» постмодернистская модель – к более сложным.

4. Один из возможных способов разрешения этого несоответствия видится в том, чтобы восполнить постмодернистскую модель недостающим ей звеном «сингулярного» перехода от предыдущей информационной системы («текста») к последующей. В роли такого связующего звена-посредника между двумя последовательными текстовыми интерпретациями должен выступить человек, тот самый «читатель/автор», на устранение которого направлен основной пафос постмодернистской критики.

Некоторые попытки к преодолению крайних проявлений постмодернистской «субъектофобии» можно усмотреть в последние годы в «постпостмодернизме» («after-postmodernism»); см. наметившуюся тенденцию «воскрешения субъекта» у поздних Фуко и Деррида, понятия «трансцендентальной семиотики», «субъект-субъектной коммуникации» К.-О. Апеля и др. «Современная версия постмодерна смягчает ранне-постмодернистский радикализм, отчасти восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики... презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста» (М.А. Можейко) [7, 38]. Отметим, что с точки зрения синергетики как более «сильной» «мета»-теории постмодернизм может трактоваться как проявление *нестабильного* состояния современной западноевропейской когнитивной системы, находящейся в очередной бифуркационной точке своего развития и чреватой «сингулярным» переходом в новое, более стабильное состояние.

Таким образом, конструктивное влияние синергетики на постмодернизм (как и на гуманитарную науку в целом) видится не в механическом переносе естественнонаучных методов на гуманитарную модель за счет сокращения ее определяющего «человеческого» измерения, а путем выработки нового, более сложного понимания человека в качестве субъекта «сингулярного» разрешения современного информационного «момента бифуркации», знаменующего собой одну из наиболее критических переломных фаз в истории европейской мысли.

The article is dedicated to a comparative analysis of postmodernism and synergetics as two highly representative currents of contemporary European thought engaged in the problem of the emergence of qualitatively new states of a system in the course of its development. Special attention is paid to a discussion of the synergetic notions of «bifurcation» and «singular transition» from a lower to a higher level of organization. On the basis of N.Bohr's «correspondence principle» the thesis is propounded that the postmodernistic conceptual model is to be regarded as an extreme «degenerate» case of the logically «stronger» synergetic model, formed from the latter by a reduction of some of its parameters.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялый Г.А. Б.М. Эйхенбаум – историк литературы // Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л.: Художественная литература, 1960.
2. Климонтович Н.Ю. Без формул о синергетике. – Минск: Высшая школа», 1986.
3. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). – Смоленск: Библиотека международного коллоквиума «Социальные трансформации», 2006.
4. Лапенков В. История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории. – М.: Издатель Быстров, 2006
5. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем Историю Европы и Азии? Книга V. Русско-Ордынская империя и Библия. – М.: Олимп; Издательство АСТ, 2003.
6. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985.
7. Постмодернизм: энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, Книжный дом, 2001.
8. Сильницкий Г.Г., Славин А.В. Проблема соотношения языка и мышления в «порождающей» модели языка // Вопросы философии. – 1980. – № 7. – С.162-170.
9. Тынянов Ю.Н. Блок и Гейне // Об Александре Блоке. – Пб.: Картонный домик, 1921.
10. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. – М.: Прибой, 1929.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314-356.
12. Философия. XX век. Всемирная энциклопедия. – Москва: Аст; Минск: Харвест; Современный литератор, 2002.
13. Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. – Л.: Academia, 1924.

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

E-mail: ivonins@rambler.ru

УДК 94(100)

ЗА КУЛИСАМИ СРАЖЕНИЙ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО: МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1706 – 1709 ГОДОВ

Статья написана при финансовой поддержке стипендии ДААД для работы в Институте европейской истории (г. Майнц, Германия, лето 2008 года).

Ключевые слова: *дипломатия; война за испанское наследство; мирные переговоры; компромисс; кондоминиум; прелиминарии.*

В статье исследуется процесс мирных переговоров на протяжении войны за испанское наследство (1701 – 1714). Основное внимание автор обратила на дипломатические дискуссии в Гааге 1708 – 1709 годов и «Гаагские прелиминарии», представленные Великим союзом Франции в 1709 году. Ею сделан вывод о том, что Морские державы и Священная Римская империя могли заключить наиболее выгодный для себя мир уже в 1709 году, но не взяли в расчет не только ловкую дипломатию Франции, но и позицию Испании, не проигрывавшей войну и рассматривающей внука Людовика XIV Филиппа V в качестве легитимного короля.

Я боюсь, что если война продлится дольше, наши союзники станут для нас более опасными, чем враги.

Иоганн Леопольд, князь Траутсон

По сути, война за испанское наследство (1701 – 1714) стала своеобразной моделью «кабинетных войн», столь характерных для наступившего XVIII столетия. Она не являлась типичной войной между народами, напротив, последние почти с самого ее начала последовательно возражали против военных действий. Наиболее яркими примерами были выступления против ведения войны населения и общественности в Англии, Голландии и во Франции, восстания крестьян в Баварии. Конечно, не существует правил без исключений – в войну активно включились кастильцы, арагонцы и каталонцы, ее также приветствовал трансильванский князь Ференц Ракоци, стремясь достичь власти для себя и незави-

симости для своего княжества. Заметим, однако, что эту войну предваряли разделы территорий в Европе и Америке, обсуждавшиеся в правительственных и дипломатических кругах; разделами она же и завершилась. И почти на всем ее протяжении практически непрерывно велись дискуссии между отдельными государствами и союзами государств.

Переговоры о мире начались задолго до окончания войны за испанское наследство. Мирные инициативы исходили от Франции, оставшейся к середине первого десятилетия XVIII века одной перед лицом мощной коалиции – Великого Союза, основными участниками которого являлись Великобритания, Голландия и Империя. Правда, в литературе есть расхождения по поводу точного времени начала мирного переговорного процесса. У Ф. Блюша, например, мы находим, что сразу же после первой победы командующих армиями Великого Союза герцога Мальборо и принца Евгения Савойского при Бленхайме (или Хохштедте) в 1704 году Людовик XIV начал полуофициальные переговоры с Голландией. А в комментариях к письмам королевы Анны указано, что по совету главы Департамента иностранных дел Франции маркиза де Торси, предвидевшего будущие испытания, осенью 1705 года король предложил Великобритании завершить войну следующим разделом испанского наследства: Испанию оставить за своим внуком Филиппом V Бурбоном, Неаполь и Сицилию передать брату императора эрцгерцогу Карлу Габсбургу, а также создать барьер для Голландии в Испанских Нидерландах, которые должны были стать независимой республикой. Однако твердые намерения английских вигов и Мальборо отдать испанский престол эрцгерцогу Карлу привели к неудаче первых шагов к миру [1, 633; 10, 195].

Большинство же исследователей сходятся на том, что реально Людовик XIV попытался начать предварительные мирные переговоры только по результатам крайне неудачных для него кампаний 1706 года, закончившихся поражениями при Рамильи и Турине. Последнее мнение наиболее вероятно и подтверждается многочисленными дипломатическими документами. Конечно, в спорной ситуации надо больше доверять свидетельствам той эпохи, и вот что получается: действительно, судя по мемуарам, в Версале стали задумываться о достойном завершении войны уже после Хохштедта, когда агенты Торси начали прощупывать почву при европейских дворах. Например, 18 августа 1704 года был заключен второй договор между Версалем и Мюнхеном, согласно которому Людовик обязывался не заключать мир с императором, пока он не признает баварского курфюрста еще и герцогом Нейбурга, владельцем Ульма, Страсбурга и ряда земель на Дунае [16, 119; 13, 18; 8, 48; 12, 188; 9, 38]. Значит, о мире французская дипломатия уже подумывала. Но эти действия еще были лишены достаточной конкретики – ведь союзники еще не выработали четких условий будущих соглашений. Да и 1705 год в военном отношении для Франции был совсем неплохим.

Надо сказать, секретные переговоры во время войны за испанское наследство велись практически постоянно. Разумеется, тайные дипломатические манипуляции, неустанная работа агентов и шпионов имели место и ранее, но, пожалуй, впервые они приобрели некое законное международно-правовое обоснование и

не осуждались европейским сообществом. В Департаменте иностранных дел Франции – образцовом для того времени – одна из категорий служащих официально была представлена секретными агентами или резидентами, составлявшими организованную сеть тайной службы ведомства. Их имена часто оставались неизвестными, но некоторые клички по дипломатическим документам можно все же идентифицировать. Так, в Берлине пребывал агент де Во, в Лондоне – Готье, в Вене – Пастер, в Шотландии – Хук, в Испании – Борк и т.д. Двенадцать курьеров Министерства нередко одновременно служили агентами за границей. Еще одна группа была представлена иностранцами на добровольной либо принудительной службе короля Франции. Они вербовались при европейских дворах, но были и те, кто выполняли функции спецагентов вдали от своей родины. Например, итальянец Росси работал в Гааге и впоследствии получил пенсию от Департамента иностранных дел. Личным другом Торси являлся кардинал Гвалтерио, посылавший французскому министру донесения из римской курии. В целом резиденты иностранного министерства Франции вместе с постоянными и чрезвычайными послами (их насчитывалось 50-60 человек) стоили казне около 5 000 000 ливров в год [3, 234-235; 17, 265-268].

Почему политические дискуссии вокруг заключения мира напоминали большую игру «за кадром» подготовки заседания будущих конгрессов? Чем дольше длилась война, тем сильнее сказывались противоречия и вспыхивали раздоры между союзниками, которые необходимо было периодически гасить. Великий союз преимущественно формировался в ответ на растущий спектр французских претензий. Но каждая победа сокращала угрозу, якобы исходившую от Людовика XIV, и вместе с этим общую необходимость продолжать войну.

С самого начала своего правления император Иосиф I неохотно шел навстречу пожеланиям своих союзников. Отношения Империи с Пруссией и Савойей уже определились его отказом удовлетворить их территориальные и финансовые требования. И то, и другое государство держались за Великий союз благодаря англо-голландским субсидиям и надеждой, что Морские державы прислушаются к их территориальным претензиям. Сами же Англия и Голландия отнюдь не радовались как завоеваниям Иосифа в Италии и Венгрии, так и его нежеланию предоставить им больше военной помощи на Верхнем Рейне, Испании, во время экспедиции против Тулона. Вместе с тем Лондон не слишком настаивал на активном участии Вены в завоевании испанских владений, опасаясь проникновения Габсбургов в Испанскую Америку. Парламент продолжал нести все бремя ответственности за войну в Испании, несколько сократив финансовые поступления и британские контингенты в Испанских Нидерландах.

Безусловно, это обескуражило голландцев, не испытывавших большого энтузиазма в ведении войны в Испании. К концу 1708 года последние голландские контингенты исчезли из Каталонии, оставив там лишь несколько неважно оснащенных судов. К 1709 года Соединенные провинции фактически находились в состоянии войны 11 из последних 37 лет, в результате чего их торговля понесла большой урон, нежели французская или английская. После победы у Рамильи

и завоевания Нижних Нидерландов многие голландские политики начали склоняться к тому, что Франция больше не представляет угрозы балансу сил в Европе и уже «сокращена до такой степени, какая должна быть» [7, 162]. Их убеждение подогревалось тем, что с завоеванием Испанских Нидерландов Соединенные Провинции уже достигли принципиальной цели войны: создания широкого барьера из крепостей в Бельгии для защиты от возможной будущей французской агрессии. Более того, голландцы фактически установили в Испанских Нидерландах, временно находившихся в совместном владении Морских держав, полный административный и военный контроль от имени «второго испанского короля» Карла III.

Поведение голландцев не вдохновляло Вену: ведь в течение нескольких месяцев после Рамилы армия Соединенных Провинций умудрилась оккупировать не только Испанские Нидерланды, но и соседнее епископство Льеж, чьим правителем был несчастный Иосиф Клемент из рода баварских Виттельсбахов, изгнанный за союз с Францией из Кельна. Генеральные Штаты отказали Льежу в административной автономии и даже в разрешении послать представителей на имперский рейхстаг. Иосифа также беспокоило расширение кальвинистского влияния в северо-западном углу Империи и то, что голландский барьер можно использовать для военно-наступательных целей. В любом случае было очевидно, что голландцы намереваются эксплуатировать приобретенные территории для своей фискальной и коммерческой выгоды.

Попытки императора ограничить голландскую экспансию во второй половине 1706 года породили болезненные споры между двумя союзниками. Первая была связана с борьбой за наследство епископства Мюнстер, последовавшей за смертью проголландского епископа Фридриха Христиана фон Плеттенберга. С помощью 250 000 флоринов Пенсионарий Хейнсиус тайно поддерживал дружественного епископа соседнего Падерборна в противовес кандидату Иосифа Карлу Лотарингскому. Император даже угрожал с помощью папы римского ликвидировать инвеституру как таковую. Только в марте 1707 года Иосиф капитулировал в этом вопросе, однако отношения между Империей и Голландией оставались натянутыми. В течение последующих четырех лет одержавший победу епископ не вызывал доверия императора, вступив в долговременный оборонительный союз с Голландией в первую очередь как епископ Мюнстера, а уже во вторую – как правитель Падерборна.

Второй конфликт между Империей и Голландией вспыхнул из-за статуса недавно завоеванных Испанских Нидерландов. Иосиф ожидал, что его брат установит на этой территории свою гражданскую администрацию, но голландцы отказали ему в этом, пообещав править от его имени и собирать налоги на общие военные цели. Вена понимала, что тут не обойтись без поддержки Лондона и добивалась назначения герцога Мальборо временным правителем Бельгии, надеясь, что его престиж и добрые отношения с принцем Евгением Савойским помогут расширить сферу ее влияния в новом правительстве Южных Нидерландов. Но, с другой стороны, на Мальборо мощное давление оказывал Хейнсиус, угрожая

в таком случае выйти из Великого союза. В итоге в Бельгии было установлено совместное англо-голландское правление, так называемый кондоминиум, в котором голландцы располагали преимущественным влиянием [7, 166-169].

Строптивость голландцев ясно продемонстрировала Вене и Лондону, как важно для них создание мощного барьера крепостей и как они умеют за это бороться. В связи с этим Мальборо заметил, что Голландия будет воевать не больше года и затем заключит сепаратный мир [11, 98-101].

В конце июля 1706 года маркиз де Торси решил извлечь выгоду из разногласий союзников по поводу Бельгии, предложив через своего агента в Роттердаме Хеннекена мирные условия Соединенным Провинциям. В первую очередь делался упор на благоприятный торговый договор с Францией и выполнение всех требований голландцев относительно Южных Нидерландов. Параллельно предполагалось разделить испанское наследство так: Карл Габсбург получает Кастилию, Индию, Неаполь, Сицилию, а Филипп – Милан, Арагонскую корону, Наварру и Гипускоа. Наконец, Людовик соглашался признать Анну Стюарт королевой Англии и Шотландии. В Версале понимали, что эти условия могут быть неприемлемы для императора, желавшего получить всю Италию, если не Испанию, и для англичан, намеревавшихся ликвидировать французскую монополию на торговлю с Испанской Америкой и заставить Людовика признать за ними протестантское наследование престола. Но существовала надежда, что Генеральные Штаты выйдут из Союза и с их помощью можно будет давить на Англию и Империю с целью принятия ими этих предложений.

Партия мира в Голландии, или «французская партия», как ее еще называли, склонялась к рассмотрению этих предложений, но Великий Пенсинарий не мог ничего решить, не посоветовавшись с Лондоном. В случае заключения сепаратного мира с Францией Антоний Хейнсиус боялся вполне понятного гнева союзников. Поэтому он заявил в Генеральных Штатах, что сам по себе раздел испанских владений не представляет проблему, но вот линия барьера не может обеспечить безопасность без английской поддержки. Хитрый Хейнсиус предложил Версалу выработать лучшие условия для его союзников, включая обмен Милана на Неаполь и Сицилию, надеясь, что с подобными условиями можно будет уговорить англичан оставить их намерения относительно всего испанского наследства. Параллельно он представил предложения французам герцогу Мальборо с целью выработать компромиссный вариант соглашения [6, 115]. Но знаменитый лозунг «нет мира без Испании» на гребне побед настолько завладел воображением влиятельных английских политиков, что они и не думали завершать войну. Когда пришло известие о триумфе принца Евгения в Италии, голландцы прервали на время секретные консультации с Версалем.

Несколько недель Людовик пытался возобновить переговоры, направив баварского курфюрста Макса Эммануэля контактировать с голландцами и англичанами. Версаль соглашался отдать Испанию с Индиями Карлу, испанскую Италию – Филиппу V Бурбону, а Испанские Нидерланды – голландцам. Англичане не были готовы принять возможные коммерческие последствия приобретения Бурбонами

Неаполя и Сицилии. Но, главным образом, Лондон отказался вступить в переговоры, которые могли бы возвести новую стену между его имперскими и голландскими союзниками. Поэтому Годолфин предложил, чтобы представители трех союзных держав составили список мирных требований к Франции. В таком случае они могли бы вновь стать едиными перед лицом противника. Голландцы были вынуждены согласиться с этим.

Иосиф воспринял это предложение с энтузиазмом и послал графа Зинцендорфа в Гаагу представить условия Вены герцогу Мальборо. В дискуссиях с Хейнсиусом и Пенсионарием Амстердама Виллемом Буисом Мальборо обеспечил признание большинства пунктов из инструкций Зинцендорфу. Они включали не только требование всех испанских владений, но и реставрацию имперских границ по Вестфальскому миру 1648 года. Последнее отказались включить в список требований Версалью голландцы, справедливо опасаясь усиления Империи и Карла Лотарингского. Вместе с тем Хейнсиус согласился исключить всякое упоминание Макса Эммануэля и Иосифа Клемента из этого списка и связать их реставрацию в своих владениях с передачей Меца, Туля и Вердена Лотарингии. Хейнсиус и Буис также настояли на включении статьи о недопущении объединения испанских и австрийских владений Габсбургов под одной короной [4, 54].

В ходе этих секретных консультаций между союзниками под вопросом оставался голландский барьер. Император по-прежнему стремился ограничить амбиции Генеральных Штатов относительно Испанских Нидерландов, а герцог Мальборо надеялся приобрести их для себя. После бесплодных попыток достичь взаимопонимания с Зинцендорфом голландцы направили в Лондон список требуемых ими восьми бельгийских и восьми французских крепостей. Годолфин исключил из него три бельгийских города на том основании, что нет необходимости создавать столь сильный барьер. Без английской поддержки Соединенные Провинции не могли надеяться найти приемлемое соглашение с эрцгерцогом Карлом и императором и поэтому решили отложить дискуссии о барьере на будущее.

Обязывая Генеральные Штаты принять прелиминарные статьи мира и торжозя их требования относительно барьера, английское правительство играло на руку интересам Габсбургов. Более того, голландцы были обязаны и в дальнейшем вести войну преимущественно в пользу эрцгерцога и растущей мощи английской торговой империи без обеспечения гарантий удовлетворения их собственных амбиций в Бельгии. Правда, братья Габсбурги были вынуждены терпеть голландцев в Испанских Нидерландах, пока соглашение о барьере не будет достигнуто [7, 170-171]. Но, как следовало из переписки Мальборо и Годолфина, голландцам недолго осталось эксплуатировать их преимущества в Бельгии.

Во время всех этих голландских дискуссий обеспокоенная королева Анна писала герцогине Мальборо: «Боюсь, что французская партия имеет большое влияние в Голландии... все же надеюсь, что милорд Мальборо найдет аргументы примирить Генеральные Штаты...» [10, 188-189]. В свою очередь, предложенные маркизу де Торси предварительные условия мира были в Версале с возмуще-

нием отвергнуты. В последующие два года имел место минимум дипломатических контактов между Францией и ее противниками. Правда, в 1707 – 1708 годах партия мира в Голландии, когда колесо военной фортуны вновь обратилось к Франции, возобновила секретные сношения с Версалем, но Генеральные Штаты продолжали вести себя, словно беспутная дочь, которая, стремясь соединиться со своим любимым, в то же самое время не желает лишиться поддержки своей семьи. К тому же Лондон дал ясно понять Гааге, что откажется от любого договора, исключавшего передачу всех испанских владений эрцгерцогу Карлу [10, 271].

С поражением при Оденарде и падением Лилля французская дипломатия удвоила свои усилия в Голландии с целью подписания сепаратного мира. В середине декабря 1708 года секретные переговоры были возобновлены через посла Гольштейн-Готторпа в Гааге Германа Петкума. А несколько недель спустя Филипп V направил бельгийского графа Бергейка в Голландию для открытия сепаратных дискуссий с Генеральными Штатами. Обе попытки провалились, но они снова продемонстрировали, что Соединенные Провинции не против мирного соглашения, основанного на разделе испанского наследства. На своей последней встрече с Бергейком 15 января 1709 года Пенсинарий провинции Гауда Бруно Вандердуссен особо отметил, что компромисс, который его правительство могло бы принять, включает Неаполь и Сицилию в список владений, которые требовал эрцгерцог.

Как и во время своих дискуссий с Хеннекеном в 1706 году, Хейнсиус проинформировал Мальборо о секретных переговорах, надеясь подтолкнуть англичан к компромиссному миру. Случайно посол Иосифа в Гааге барон Хемс прослышал о переговорах и немедленно дал знать об этом в Вену. И император предоставил принцу Евгению выработать с союзниками новые прелиминарии, которые должны основываться на представленных Франции двумя годами ранее. Три недели между 27 февраля и 20 марта Тайный совет Иосифа работал над инструкциями Евгению. Главное, в чем имперские министры были единодушны, – это то, что раздел испанского наследства между эрцгерцогом и Филиппом Анжуйским невозможен. Ведь правление Бурбона в Сицилии и Неаполе может облегчить в будущем сотрудничество между Францией и Турцией. Еще более важным был аргумент, что контроль над Италией необходим Габсбургам, чтобы обеспечить географическую связь между двумя ветвями династии, сохранить коммуникации между Мадридом и Веной. Очевидным являлся также следующий факт. После десяти лет брака Иосиф и его жена Амалия все еще не произвели на свет наследника. Уже в 1706 году граф Вратислав писал в Барселону, что «здесь (т.е. в Вене) нет надежды на младенца», и в начале 1708 года было решено, что именно Карл должен дать наследника для Австрии. Венский двор быстро нашел жену для Карла в лице кузины Амалии Елизаветы Кристины Брауншвейгской. Таким образом, эрцгерцог обязан был произвести на свет два младенца мужского пола до смерти Иосифа. Если же Елизавета окажется бездетной либо родит девочек, один правитель должен наследовать трон в Мадриде и Вене.

Нельзя отрицать, что Габсбурги втайне не надеялись объединить под своим крылом Мадрид и Вену. Но также нельзя было игнорировать препятствий на этом пути. Как можно было заявить о предполагаемом габсбургском наследовании в стране, которая столь яростно боролась за легитимные права Филиппа V? И еще имперский вице-канцлер граф Шенборн дал ясно понять своим коллегам в Вене, что германские курфюрсты никогда не разрешат Карлу наследовать своему брату в качестве императора Священной Римской империи, пока он является королем Испании. Поэтому, подытожил размышления граф Вратислав, «если раздел неизбежен, то Италию сохранить абсолютно необходимо», а принц Евгений был проинструктирован согласиться на передачу Испанских Нидерландов в качестве компенсации Филиппу Анжуйскому [7, 173-174].

В Вене также подробно обсуждали требования союзников. Любопытно, что тезис о протестантском престолонаследии в Англии был объявлен необязательным для Прелиминарий, но признать королеву Анну Стюарт и «срыть Дюнкерк» Людовик должен был обязательно. В целях компенсации потери Бельгии Соединенным Провинциям предлагалось расширить их барьер за счет французской Фландрии. Для германских князей должно было быть выработано соглашение на основе Вестфальского мира, а Франция в Эльзасе должна владеть только тремя епископствами – Мецем, Тулем и Верденом. Судьбы злосчастных Макса Эммануэля Баварского и Иосифа Клемента Кельнского в Прелиминариях опять опускались, но было ясно, что Иосиф намеревался связать реставрацию положения двух Виттельсбахов с усилением лотарингской границы с Францией [7, 176]. С такими инструкциями принц Евгений утром 13 марта 1709 года отбыл из Вены в Гаагу.

Безусловно, военные успехи союзников делали Людовика XIV более сговорчивым, но они также оставляли мало места для маневра. Несчастья Франции усугубила лютая зима 1708 – 1709 годов, которая параллельно прервала все военные действия вплоть до середины марта 1709 года. Удивление современников вызывали ледяные каналы Венеции и почти засыпанный снегом обычно бурный Рейн. Но все же наиболее интенсивные холода (мороз доходил до -20°C) наблюдались именно во Франции. В начале февраля 1709 года Людовика проинформировали, что все посеы погибли на корню, а импорт зерна из Леванта и Африки значительно сокращен из-за блокады британским флотом зимнего порта Маон на юге Франции. Французский король, как казалось всем, готов был купить мир любой ценой. Прощупывание почвы для выработки очередных условий мира происходило в начале марта 1709 года в Мардике, где французскую сторону представлял президент Парижского парламента герцог Пьер Руайль де Марбеф, а голландскую – те же Буис и Вандердуссен. Кстати, едва только Руайль достиг места ведения переговоров, там благодаря голландским газетам (эту информацию подбросили французские агенты) уже было известно, что Версаль готов идти на мир на любых условиях [14, 138].

7 апреля Евгений Савойский посетил Хейнсиуса и проинформировал его о намерениях императора. Великий Пенсионарий опять столкнулся с ситуацией

осени 1706 года и снова, пока еще не желая покинуть союзников, проинформировал о случившемся англичан. Неделями позже английский генерал Кадоган уверил Евгения, что королева намерена требовать от французов все испанское наследство. Неудивительно поэтому, что когда Мальборо прибыл на корабле из Лондона в Гаагу вечером 19 апреля, Евгений был первым, кто его встретил.

К счастью для Империи, министерство Годолфина было донельзя обескуражено нынешним проявлением слабости голландцев. К тому же на лендлордов-вигов, имевших значительное количество мест в парламенте, оказали сильное впечатление известия о растущем голоде во Франции, и поэтому они прочно стояли на антифранцузских позициях. Мальборо заметил своему другу, что он проинструктирован сотрудничать с ним не только для унижения Руайля, но и для возобновления Прелиминарий 1706 года. В ответ Евгений пообещал поддержку всех требований англичан. Так, сформировав единый фронт, английский и имперский генералы представили свой вердикт Хейнсиусу и Буису. Те протестовали, поскольку Генеральные Штаты были намерены продолжать переговоры с Руайлем и опять выразили готовность отдать Неаполь и Сицилию в обмен на мир. В конце концов, они были вынуждены капитулировать. 27 апреля Руайль получил предварительный список требований союзников и был поставлен перед выбором либо принять его, либо отбыть на родину [5, 8].

Когда растерянный Руайль обратился в Версаль за дальнейшими инструкциями, союзники уже готовились к открытию военных действий. Для Людовика XIV в настоящих условиях это было неприемлемо – читая рапорт своего посла, король даже заплакал, – ведь его армия и подданные находились на грани отчаяния, а его собственный престиж неуклонно понижался. Лучи Короля-Солнца уже не согревали Францию, как раньше.

В такой обстановке Торси вызвался лично посетить Гаагу в надежде сократить требования союзников и заключить мир, в котором его королевство так нуждалось. 1 мая 1709 года маркиз, предварительно заручившись одобрением Совета, в обстановке величайшей секретности отбыл из Марли, где находился король, сначала в Париж, а затем в Голландию. 6 мая он встретился в Роттердаме со своим агентом Торто, а на следующий день прибыл в Гаагу. Союзники ни на йоту не уступали. Более того, англичане усилили блокаду экспорта продовольствия во Францию, голландцам было приказано прекратить с ней перманентную торговлю, а британские послы в Дании и Швеции были проинструктированы задерживать все корабли, переправлявшие польское зерно во французские порты.

Воспользовавшись временным отсутствием Мальборо и Евгения в Гааге, Торси возобновил свою стратегию сепаратных переговоров с Голландией. Он быстро обнаружил, что Генеральные Штаты сами были подавлены своими «друзьями». В серии встреч с Хейнсиусом, Буисом и Вандердуссеном маркизу удалось добиться небольшого сокращения мирных требований, которые были представлены Руайлю двумя неделями раньше. Но когда командующие возвратились, Хейнсиус прервал дискуссии, заметив Торси, что дальнейшие переговоры должны вестись только в присутствии остальных членов Союза. Их было немало. В Гааге

находились прусские, савойские и португальские дипломаты, готовые защищать интересы своих суверенов. Вдобавок прибыли два депутата от Нордлингенской ассоциации немецких князей, направленных Регенсбургским рейхстагом представлять требования Империи [5, 9].

20 мая триумвират в составе Мальборо, Евгения и Хейнсиуса с присоединившимися к ним Буисом, Вандеруссеном и лордом Тауншендом представил Франции мирные предложения союзников. Требования принца Евгения всего испанского наследства для эрцгерцога были встречены Торси без особых возражений. Он и Руайль выразили больше недовольства по поводу передачи всего Эльзаса Империи и завоеванных Виктором Амедеем двух крепостей в Дофине. С тех пор как Франция оккупировала герцогство Савойю и порт Пьемонта Ниццу, Торси настаивал на восстановлении довоенного статус кво (*status quo ante bellum*) с Савойей. На самом деле маркиз был уполномочен Людовиком отдать указанные крепости Савойе и большую часть Эльзаса Империи. Однако он понимал, что триумвират, абсолютно убежденный в неспособности Франции продолжать войну, мог преувеличивать запросы своих протезе. Это можно было почувствовать уже с самого начала пребывания в Гааге. Когда Торси внезапно прервал переговоры в первый день своего приезда, заявив о своем намерении уехать домой, как Мальборо, так и Евгений были уверены, что он только блефует. Более того, принц обратился к двум дипломатам от Нордлингенской ассоциации помочь ему удержать Хейнсиуса от сокращения имперских требований всего Эльзаса. На деле голландцы тоже держались стойко, и когда два француза вернулись за стол переговоров на следующий вечер, они встретили те же условия, как и в предыдущий день.

Споры продолжались. Не предвидя никаких уступок, 22 мая Торси известил Хейнсиуса, что покидает Гаагу. Великий Пенсинарий уговаривал его остаться, но когда они встретились на следующее утро, маркиз попросил дипломатов союзников составить список их требований для представления его королю. Те с готовностью согласились и немедленно сели за составление документа. А вечером того же дня глава Департамента иностранных дел написал герцогу де Бовилье: «Хотя мой вояж нельзя назвать блестящим, я... не буду о нем сожалеть, если король одобрит мои действия. Я узнал столь много интересного, что в один прекрасный день эта информация может сослужить Его Величеству хорошую службу» [5, 9; 17, 311].

Просьба Торси представляла собой почти безнадежную, но в принципе умную попытку сократить требования союзников. Он надеялся, что они несколько изменят свои условия с целью гарантировать их принятие Людовиком. И действительно, Хейнсиус, наконец, начал выступать за сокращение имперских территориальных требований. Только Евгений стал к нему прислушиваться, как в Гаагу прибыл новый посол императора князь Зинцендорф, настроенный еще более решительно. Последний потребовал от Евгения включить в список не только весь Эльзас, но и усилить Лотарингию Мецем, Тулем и Верденом. Когда вечером 25 мая голландцы представили коллегам предварительный проект условий

Франции, Евгений и Зинцендорф все еще дебатировали. Однако голландцы наотрез отказались пренебречь шансом заключить мир ради имперской ностальгии по прошлому и нейтрального лотарингского герцога [5, 10-11]. После острых дискуссий большинство их предложений были приняты без ревизии.

Прелиминарные статьи Великого союза заключались, в основном, в следующем. Эрцгерцог Карл Габсбург должен получить все наследство покойного Карла II Испанского, исключая территории, занятые союзниками. Более того, статья 6 вешала о вечных правах династии Габсбургов на испанскую корону, исключая французские претензии на все времена. Прелиминарии не концентрировали внимание на территориальных требованиях Карла к Савойе, Португалии или Соединенным Провинциям, оставив это на будущие переговоры. Голландский барьер не определялся для Испанских Нидерландов, пока он включал 8 французских городов – Фурне, Кнок, Конде, Ипр, Менин, Турне, Лилль и Мабеж. Оговаривалось, что Карл наградит голландцев линией крепостей в Бельгии сам, а пока Генеральные Штаты сохраняют контроль над этой провинцией до окончательного соглашения. Людовик XIV должен согласиться с протестантским престолонаследием в Англии, передать ей права на Ньюфаундленд и разрушить укрепления Дюнкерка. Более того, король должен был признать прусскую корону Фридриха Гогенцоллерна и курфюршеское достоинство правителей Ганновера, предоставить большие коммерческие привилегии Морским державам и Португалии, эвакуировать войска из Невшателя и сдать две крепости Дофине Савойе.

Новые мирные Прелиминарии восстанавливали Империи только часть Эльзаса по Вестфальскому миру. Однако Империя получала Брейзах, несмотря на его переход к Франции в 1648 году. Вдобавок Франция была обязана демонтировать свои крепости Хюнинген, Форт Луи и Новый Брейзах как возведенные в Эльзасе после Вестфальского мира. Евгений и Зинцендорф надеялись приобрести еще больше выгод для Империи, связав их с реставрацией двух Виттельсбахов в их владениях. Но не вышло – в составленном для Франции документе не было никакого упоминания об этом. Представители Иосифа были глубоко разочарованы неудачей создания сильного имперского барьера (Reichsbarriere).

Помимо этого, Людовик XIV должен был в течение двух месяцев отозвать свои войска из Испании и других регионов Европы. Параллельно он должен обеспечить отречение своего внука от испанского престола, а если тот откажется, то статья 4 обязывала короля объединиться с союзниками по прошествии этих двух месяцев для войны с Филиппом. Если же Филипп окажется послушным, статья 37 гарантировала, что нынешняя военная ситуация сохранится до заключения окончательного мирного договора. Примечательно, что именно голландские министры предложили эти последние статьи, чтобы заставить Людовика выполнить требования Прелиминарий. Они боялись, что король Франции будет тайно помогать своему внуку в его борьбе за трон. Ведь один из их агентов недавно доложил, что Людовик готовится послать французских «дезертиров» в Испанию, когда мир будет подписан [7, 180-182].

Утром 27 мая семь союзных дипломатов представили свои мирные требования Торси и Руайлю. После ознакомления с документом французские переговорщики попросили времени на раздумье. Предложения выглядели заведомо неприемлемыми для Франции. Торси даже пытался подкупить известного своей жадностью к обогащению Мальборо (то была фантастическая взятка – 4 млн. ливров!) согласиться на ряд унижительных для Франции условий, но не в вопросе об Испании и французских границах. Но Мальборо, понимая бескомпромиссность этих требований, не желал (или не мог) стать в оппозицию своему коллеге вигу Тауншенду, своему другу Евгению Савойскому, военной партии в Голландии, в пользу которой сам же недавно выступал в Гааге, и, безусловно, непримиримо настроенному императору Иосифу. Когда французы вечером возвратились, стало ясно, что эти два человека не желают соглашаться по трем пунктам: возвращение Брейзаха, снос французских крепостей в Эльзасе и потеря двух крепостей в Дофине. Мол, по этой причине они оказываются подписывать Прелиминарии, но вместо этого представят их своему монарху. Торси покинул Гаагу на следующее утро, Руайль же остался до получения королевского ответа. А дипломаты Великого союза продолжали верить, что Людовик XIV примет их условия. И настолько, что поставили свои подписи под Прелиминариями.

Незадолго до своего отъезда глава дипломатического ведомства Франции написал королю: «Ваше Величество полностью свободны отвергнуть эти условия, если, как я верю, состояние дел позволит, или согласиться с ними, если, к сожалению, считаете своим долгом завершить войну любой ценой» [9, 36-40]. Насколько видна в этих словах истинная позиция Торси! Ведь он знал Людовика. И еще он желал сохранить эти переговоры в секрете, предполагая, что они ничем серьезным не закончатся.

Не получилось. С пребыванием маркиза в Гааге связан один из любопытных случаев жизни Версаля. Серьезное часто соседствует с забавным в нашей жизни. Один из придворных, известный насмешник Лозен, пронюхал у маршала Вильруа об отъезде Торси и распространил слух, что 2 мая министр иностранных дел устраивает обед. Надо сказать, последний славился своей привередливостью относительно пищи, приглашения на его обеды рассылались лишь высшей знати, и те, кто их получал, считали, что им крупно повезло. Собеседники Лозена решили нагрянуть к Торси без приглашения и, явившись в его апартаменты, нашли двери закрытыми. В адрес Лозена посыпались проклятия, сопровождавшиеся размышлениями голодных придворных о том, где бы им перекусить. Вскоре слух об этом курьезном происшествии распространился в Марли, и таким образом двор узнал об отъезде Торси, несмотря на желание короля сохранить все в тайне [8, 217].

1 июня 1709 года Торси с «Прелиминариями» вернулся в Версаль. На следующий день собрался Государственный совет, на котором в ходе острых дискуссий они не были приняты. В том же месяце французский король написал маршалу Виллару как о своей невозможности «принять условия лишения трона королем Испании», так и невозможности для англичан «возобновить войну

против него» [15, 201-202]. Позже лорд Болингброк отметил в своих «Письмах» (кстати, среди всех политических деятелей той эпохи Торси – единственный, кто, пожалуй, упоминается здесь целых три раза): «...если Вы обратитесь к знаменитым Прелиминариям тысяча семьсот девятого года... мы разыграли комедию их ратификации, зная, что они не будут приняты, о чем маркиз Торси и сказал Пенсионарию перед отъездом из Гааги, как впоследствии названный маркиз уверял меня многократно...». Болингброк писал это, уже переосмыслив как следует события прошлого, а вот королева Анна 27 июня 1709 года заметила в письме «королю Испании», что очень удивлена, что Людовик отверг «Прелиминарные статьи». Анна заверила эрцгерцога Карла, что никогда не согласится на раздел испанской монархии «по-французски» [2, 134; 10, 276-277].

5 июня новости об отказе Людовика от Прелиминарий достигли Гааги. Растерянные союзные дипломаты попытались возобновить переговоры, намереваясь произвести некоторые модификации, которые, по их мнению, могли привести к соглашению. В ответ Руайль только заметил, что он не уполномочен договариваться дальше. Однако перед отъездом из Гааги он обозначил 5 статей, включая Эльзасскую проблему (10 и 11), торговые привилегии для Португалии (20), отвергнутых курфюрстов Баварии и Кельна (29), и последние условия мира (37) как принципиальные причины королевского отказа. Переговорщики решили, что Людовика особенно разозлили статьи 4 и 37, и почти единодушно выразили мнение, что они потребовали слишком много. Голландский представитель Гослинда заметил, что он мог бы заключить мир и без статьи 37. Не одобряя, в принципе, требования о вступлении французского короля в войну против Испании, Мальборо рассматривал возражения против статьи 4 как оправдание отказа Версаля от Прелиминарий. Только принц Евгений считал, что 4 и 37 статьи не являются корнем проблемы: в письме Иосифу он именно Эльзас назвал причиной отказа Франции от предложенного мира. Спустя неделю и он признал, что союзники должны ограничить свои претензии [7, 185-187].

Возможно, статьи 4 и 37 не были камнем преткновения. Подобно своим противникам, Людовик XIV полагал, что сможет уговорить своего внука покинуть Испанию без использования силы. Настоящим камнем преткновения было требование всего испанского наследства в пользу Габсбургов. Если бы союзники выразили желание компенсировать Филиппу хоть малую часть испанских территорий, Людовик определенно подписал бы Прелиминарии. Но в Версале знали, что союзники не пойдут на компромисс из-за франкофобии императора Иосифа. Так что ничего не оставалось, как отозвать Руайля домой.

Можно предположить, что Король-Солнце согласился бы с потерей всей Испанской монархии, если бы в Прелиминариях не было требования отдать огромную часть французской территории, особенно в Эльзасе, завоеванном три четверти столетия назад потом и кровью его подданных. Пойди союзники в этом отношении на компромисс, Торси уже в Гааге поставил бы свою подпись под соглашением, не дожидаясь его окончательного утверждения королем. Однако принц Евгений и Зинцендорф были настолько убеждены в готовности Людовика

идти на мир, что решительно и бескомпромиссно боролись за имперские интересы в то время, когда их союзники уже могли частично пойти навстречу французским представителям.

Великий союз упустил возможность уже в 1709 году заключить приемлемый (и гораздо более выгодный, нежели это случилось в Утрехте, Раштатте и Бадене гораздо позже – в 1713 – 1714 годах!) мир преимущественно по одной очень важной причине: Англия, Голландия и Империя полагали, что ведут одну войну, т.е. войну против Людовика XIV, где они выходили победителями. На самом деле они вели две войны – одну, большую, против Франции, и другую, меньшую, против Испании, в которой они проиграли. Реальностью стало то, что жители Пиренейского полуострова поддерживали Филиппа V Бурбона не как французского кандидата на трон, а как истинного испанского короля. В 1702 году Людовик мог удалить своего внука из Испании одним словом, в середине войны это слово еще могло возыметь определенный эффект, но после ни один приказ из Версаля, как и нажим всей Европы, не могли заставить Филиппа отказаться от своей короны, а испанцев принять короля Карла. Словом, Морским державам и Империи стало невозможно решить испанский вопрос договоренностями только с одной Францией.

The article deals with the problem of peace negotiations between European countries during the second phase of the Spanish Succession War. The enemies of France – the participants of the Grand Alliance Maritime Powers and Holy Roman Empire – could conclude a good peace in Hague, but their conditions in “Preliminaries” of 1709 were unacceptable to Louis XIV and especially to Philip of Spain.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюш Ф. Людовик XIV. – М., 1998.
2. Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. – М., 1978.
3. Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque Moderne XVI-XVIII siècle. – Paris, 2001.
4. Black J. The rise of European powers 1679-1793. – L., N.Y., Melbourne, 1990.
5. British Diplomatic Instructions 1689-1789 / Ed. by L.G.Wickham Legg. – L., 1925. – Vol. II. France.
6. The correspondence 1701-1711 of John Churchill 1st Duke of Marlborough and Anthonie Heinsius Grand Pensionary of Holland / Ed. by Van'Hoff. – The Hague, 1951.
7. Ingraо Ch. In Quiest in Crisis. Emperor Joseph I. – L., 1989.
8. Historical memoirs of the duc de Saint-Simon / Ed. And trans. by L.Norton. – L., 1968. – Vol. II.
9. Journal inedit de Jean Baptist Colbert Marquis de Torcy. – P., 1884. (2 ed. 1903).
10. The letters and diplomatic instructions of Queen Anne / Ed. by B.C. Brown. – L., 1935.
11. The Marlborough-Godolphin Correspondence / Ed. by H.L.Snyder. – Oxford, 1975. – Vol. III.
12. Memoirs pour servir à l'histoire des negotiations depuis le traite de Riswick jusqu'à la paix d'Utrecht. – La Haye, 1756-1761. – T. II.
13. Memoires secret et inedit de marquis du Sourches sur le regne de Louis XIV / Par A.Bernier. – P., 1836.
14. Metzdorf J. Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg. – Mainz, 2000.

15. Oeuvres de Louis XIV. – Paris, 1806. – T.VI.

16. Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Revolution Francaise. XXVIII. T.VII / par G.Livet. – Paris, 1962.

17. Tapie V.-L. Louis XIV's methods in foreign policy // Louis XIV and Europe / Ed. by R.Hatton. – L., N.Y., 1976.

А.Б. Соколов

*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru*

УДК 94(100-87)

**АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОТ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН К РЕСПУБЛИКЕ И ПРОТЕКТОРАТУ**

Ключевые слова: *историография; революция; гражданские войны; Республика; Протекторат; парламент; кавалеры; круглоголовые; роялисты; левеллеры.*

В основу статьи положены некоторые новейшие труды по истории Английской революции, преимущественно журнальные публикации самых последних лет, посвященные периоду гражданских войн и междуцарствия. Их анализ позволил автору проследить общие историографические тенденции в изучении революции и выявить новые подходы и оценки в освещении конкретных исторических событий и проблем. Автор отметил стремление современных историков «деидеологизировать» историографию революции и использовать методы, характерные для новых направлений в историографии (новая социальная история, новая биографическая история, новая культурная история и др.). По его мнению, для изучения разных проблем истории революции наиболее широко используется концепт политической культуры.

Может показаться тавтологией утверждение, что события, с легкой руки великого Франсуа Гизо получившие название Английской революции, были одним из особо драматических эпизодов в истории человечества. Интерес к ее изучению не упал, а возрастал на протяжении трагического XX столетия, и сегодня Английская революция остается темой, притягивающей внимание исследователей, прежде всего, британских. Как заметил современный автор, «хорошо известно, что Английская революция генерировала многие наиболее выдающиеся исторические труды, написанные на английском языке» [7, 153]. В какой-то мере эти слова можно отнести и к отечественной исторической науке: достаточно вспом-

нить имена корифеев советской историографии В.Ф. Семенова, В.М. Лавровского, С.И. Архангельского, М.А. Барга, Г.Р. Левина, Т.А. Павловой и др.

В основу этого обзора положены некоторые новейшие труды по истории Английской революции, преимущественно журнальные публикации самых последних лет, отражающие «текущее» состояние исследований. Их анализ позволил проследить общие историографические тенденции в изучении революции, а также обнаружить новые подходы и оценки в освещении конкретных исторических событий и проблем. В нем оставлены в стороне монографии и статьи, посвященные причинам Английской революции, хотя их обсуждение недавно умерший видный исследователь К. Рассел назвал «излюбленным спортом» британских историков. Отчасти это объясняется тем, что новейшая историография причин революции, а также «фактор Карла» рассматривались нами в других публикациях [1], отчасти стремлением сконцентрировать внимание на периоде гражданских войн и междоусобиц. Уместно напомнить, что потери, понесенные в результате гражданских войн только в Англии и Уэльсе, составили примерно 190 тысяч человек, из которых порядка 84 тысяч полегло на полях сражений. В процентном отношении к численности населения этот показатель выше, чем число пострадавших в первой мировой войне [13, 23].

В своих исследованиях гражданских войн историки обращали внимание на роль военных руководителей, в частности, указывали на то, что король Карл I не раз демонстрировал примеры личного мужества, делил со своей армией тяготы военных походов, но в оценке его как полководца историки довольно единодушны: Карл не обладал военно-стратегическими талантами. Как писал американский историк Ч. Карлтон, «уже в первой кампании проявились две фатальные слабости Карла как военкомандующего: во время битвы он проявил неспособность использовать преимущества своего положения или приостанавливать атаку; в военном совете он был не способен координировать усилия или ограничивать фракции» [2, 258]. Такой подход подтверждается и новейшими публикациями. Так, Р. Каст, историк ревизионистского направления, по-новому разъясняет обстоятельства, приведшие к решению о вступлении королевских войск в битву при Несби 14 июня 1645 года, которая, как известно, обернулась для кавалеров катастрофой и предопределила их поражение в первой гражданской войне [3]. Парламентская армия во главе с Т. Ферфаксом насчитывала 15 тысяч человек, а королевские силы – 9-10 тысяч. Кавалеры, как и предполагалось вначале, могли отступить и, получив подкрепления, затем атаковать противника. Такая разумная стратегия была отвергнута, когда в ночь на 14 июня пришла информация, что королевский патруль близ Несби столкнулся с патрулем круглоголовых. Обычно утверждают, что решение принять бой было принято на спешно собранном военном совете, на котором Карл поддержал мнение «крайних» в своем окружении, в частности, государственного секретаря лорда Дигби и казначея Джека Эшбурнхэма. Подтверждением этого служит «История Великого Мятежа» Кларендона, писавшаяся, однако, значительно позднее этого события, в 1671 году. Каст полагает, что Кларендону, как и военному секретарю Карла сэру

Эдварду Волкеру, не следует доверять: они стремились объяснить поражение в войне раздорами в верховном командовании кавалеров. Этот историк склонен довериться утверждению Дигби, что военного совета в ту ночь не проводилось вообще. Отметив, что хотя о событиях ночи с 13 на 14 июня «мы никогда не будем знать наверняка», Каст ссылается на сведения одного из адъютантов короля: получив известие о неприятеле, Карл покинул постель и направился из Люббенхэма в Маркет Харборо, где находился принц Руперт. Таким образом, решение принять бой было принято этими двумя людьми. Факторами, повлиявшими на него, было отсутствие точной информации о численности армии Ферфакса, ошибочное мнение о слабости и отсутствии боевого духа в «Армии Нового Образца» (снятие осады Оксфорда 5 июня, казалось, служило подтверждением этого), всегдашняя уверенность Карла, что на его стороне божественное провидение, поскольку дело его правое. Как видим, Каст в статье, посвященной только одному эпизоду гражданской войны, в общем подтверждает негативное суждение большинства историков о короле Карле I как командующем.

В ряде публикаций о гражданских войнах содержится оценка враждебных армий: кавалеров и круглоголовых. Какой была атмосфера в армии роялистов? Как относились к королю солдаты и офицеры? Источников об этом сохранилось немного меньше, чем о круглоголовых. Тем больший интерес представляет статья М. Стойла, которая «выходит» на значимую в современной историографии проблему исторической памяти [15]. После Реставрации правительство Карла II предприняло усилия, чтобы облегчить положение ветеранов-инвалидов, раненных в сражениях с парламентской армией. Парламент принял закон: для получения пенсии требовалось подать прошение, причем излагавшиеся в нем сведения требовали подтверждения (его обычно давали однополчане, иногда офицеры, под начальством которых служил солдат). Такие прошения почти всегда составляли чиновники, но со слов ветерана, соответственно в них в той или иной степени отражался индивидуальный военный опыт. Обратившись к архивам графства Девоншир, Стойл использовал 179 петиций, 18 сертификатов в их поддержку, 21 сертификат к отсутствующим петициям, 2 петиции от вдов роялистов – всего 202 документа, позволивших сделать ряд интересных выводов. Обнаружить в текстах индивидуальные черты не всегда просто: петиционеры и писцы, как правило, прибегали к фразеологии парламентского акта 1662 года. Так что для Стойла характерно исключительно внимательное прочтение языка источника.

Что касается воспоминаний о войне, то не приходится сомневаться, что жизнь в роялистской армии была суровой: холод и частое отсутствие крова отмечается едва ли не во всех петициях. Почти все ветераны были выходцами из этой местности и служили в основном здесь же. Лишь в двух случаях петиционеры пошли на войну добровольцами, и хотя глубоко судить о мотивации сражаться за короля на основании этих документов трудно, показательно, что петиционеры чаще всего прибегали к слову «верный» (*loyal subject*), а также «послушный», «ответственный», «правдивый» и т.д. Для обозначения военных действий крайне редко используется слово «battle», главным образом, «fight», что придает более

приземленный смысл. Многие из петиционеров после поражения кавалеров находились в заключении, но, характеризуя его условия, редко говорили о «жестокости», чаще о его «длительности». Интересно, что по отношению к противнику мало используется слово «парламентарии», еще реже «восставшие» и ни разу «круглоголовые». Обычно применяется самое общее понятие – «враг». Стойл предполагает, что это объясняется атмосферой примирения, в целом характерной для Реставрации, – петиционеры следовали букве парламентского акта. Какое определение давалось событиям, называемым нами революцией, в петициях? В семи случаях было использовано слово «мятеж» (*rebellion*), несколько человек писали о «войне короля Карла» – не вполне удачное выражение, так как могло быть истолковано как возложение вины на роялистскую сторону, в ряде петиций говорилось о «смуте» (*trouble*). Интересно, что только в шести прошениях использовалось понятие «гражданская война». Стойл объясняет это тем, что ужасы произошедшего были еще свежи в памяти, и отмечает, что один из ветеранов назвал ее «*unnatural and uncivil*» («неестественной и негражданской»). В большинстве случаев петиционеры предпочитали употреблять самый общий термин «прошлая война». В рассматриваемой статье немало других интересных наблюдений, позволяющих судить об эволюции исторической памяти и свидетельствующих о внимании автора и к языку, и к психологии.

Иначе к изучению социальной истории гражданской войны подошел И. Джентлс [5]. Вопрос о том, отражал ли состав армий «кавалеров» и «круглоголовых» социальное деление в стране и каков был социальный статус сторонников короля и сторонников парламента, всегда вызывал интерес историков. Джентлс справедливо заметил, что соответствующим дебатам часто недоставало непосредственных сведений об участниках конфликта. Возможность для получения необходимых количественных сведений имеется. Джентлс обратился к спискам высшего состава армии Нового образца, составленным накануне второй гражданской войны в связи с решением парламента о конфискации земель роялистов и возможности их приобретения офицерами парламентской армии. По ним можно судить о профессиональном и социальном статусе военных, их возрасте, образовании и месте рождения. Конечно, эти данные неполные. В списках Казначейства упомянуто 238 офицеров разных рангов, но только о 115 из них имеются достоверные данные, отражающие их социальный статус. Дело в том, что независимо от происхождения лицо, получившее высокий офицерский чин, приобретало и право называть себя «эсквайром». Кроме того, известно, что состав офицерского корпуса армии Нового образца существенно обновился летом 1647 года в результате конфликта между нею и пресвитерианским парламентом. Другими словами, руководство армии было иным, чем во времена Несби: по утверждению историка, «почти все, занявшие высокие военные должности после исключения пресвитериан и консерваторов, были простого происхождения». Более того, «трудно избавиться от впечатления, что через два года после возникновения (армии Нового образца. – А.С.) социальный статус ее высшего офицерского состава существенно понизился. После лета 1647 года только двое – главнокомандующий сэръ Томас

Ферфакс и капитан Уильям Сесил, младший сын графа Солсбери происходили из пэров» [5, 131].

Джентлс свел полученные им данные в несколько таблиц, из которых особый интерес представляют две, посвященные месту рождения офицеров (в этом случае данные имеются в отношении 168 человек) и их профессиональному и социальному статусу. Показательно, что подавляющее большинство офицеров происходило из Лондона и округи, средневосточных и восточных графств (соответственно 25, 19 и 15,5 %). Совсем немного офицеров пришли из северных, юго-западных и юго-восточных графств. Таким образом, офицерство происходило в основном из столицы и ее окрестностей, а не из районов, где более всего процветали ткачество и обработка пахотных земель (как считал, например, Д. Андердаун). Что касается социального статуса, то больше всего офицеров относилось к числу средних и мелких джентри (19,1 и 27 % соответственно от 115, данные о которых имеются). Довольно значителен процент фермеров и земледельцев (18,3), а также торговцев и ремесленников (13,9). Несколько меньше число лиц, отнесенных к категории купцов и крупных промышленников (12,2 %). 6 человек отнесены к государственным служащим и профессионалам, 3 – к аристократии и высшему слою джентри, 2 – к низшему слою: наемным работникам и слугам. Джентлс также отмечает, что по косвенным данным можно судить и о социальном положении тех, о ком точных данных нет. Большинство из них конфискованной земли не приобретали, а значит, продали свои сертификаты с целью получения наличных денег. Отметим, что цифровые данные историк подтверждает биографическими сведениями. Только пятеро из всех офицеров армии Нового образца обучались в университетах, обладая тем, что сегодня называют высшим образованием. Наоборот, в армии Карла I все офицеры в ранге от капитана и выше обучались в Оксфорде, происходили из джентри и обладали высоким социальным статусом. В войсках роялистов 90% всех командиров соединений были пэрами и джентльменами, тогда как в «Армии Нового Образца» менее половины тех, кто был в чине полковника, могли похвастаться принадлежностью к джентри, кругу профессионалов или в прошлом придворных.

Как видим, исследование Джентлса опровергает суждения историков-ревизионистов об отсутствии серьезных социальных различий между кавалерами и круглоголовыми и, казалось бы, подтверждает мнение марксистских историков о существовании таковых. Но историк объясняет это тем, что гражданская война дала возможность многим людям низкого социального происхождения для самовыражения, при этом решающую роль играли их религиозные и идеологические убеждения. Стоит упомянуть, что хотя работа Джентлса, как и статья упоминавшегося выше Стойла, могут быть отнесены к жанру коллективной биографии, их подходы различны. Если Стойл концентрируется на культурно-языковых аспектах, то Джентлс ближе к методам социально-исторического исследования.

Статья британского автора Л. Дэксона посвящена одной из знаковых фигур в истории Английской революции Томасу Ферфаксу [4]. В то же время Ферфакс явно оказался в тени более знаменитых лидеров индипендентов, прежде всего,

Кромвеля и Айртона. Ферфакса обычно изображали как умеренного политика, противника радикализации армии, но личность не очень яркую. В книгах и учебниках часто приводился эпизод из истории суда над королем, когда при зачитании списка присутствующих членов Верховного трибунала женщина в публиче, в которой узнали жену генерала, воскликнула: «Он не такой дурак, чтобы прийти сюда». На самом деле о позиции Ферфакса в связи с судом над Карлом I известно немного. Иногда командующего представляли как человека безвольного, которым манипулировали подчинявшиеся ему по военной иерархии Кромвель и Айртон. Дэксон замечает, что взгляд на Ферфакса как на «глупого простофилю», как ни парадоксально, вытекает из «Кратких мемуаров» самого генерала, в которых тот подчеркивал, что обстоятельства оказывались сильнее его, а его подчиненные манкировали его указания. Именно эти воспоминания дали знаменитому писателю XVIII века Горацию Уолполу основание сказать, что Ферфакс «мало представлял, чем он вообще занимался». Такого подхода придерживались и историки, от Гардинера до Дж. Уилсона, опубликовавшего последнюю по времени биографию генерала в 1985 году.

По мнению Дэксона, требуется внести в эти оценки коррективы. «Сомневающийся старик», составивший свои записки в первые реакционные годы реставрации, – это не Ферфакс 40-х годов, блестящий военный командир, сторонник военной партии и индипендентов, победитель при Несби. Дэксон полагает, что именно Ферфакс сыграл ключевую роль в событиях 1646 – 1647 годов, когда он был признанным военным лидером, а Кромвель, и тем более Айртон были куда менее известны. Позиция Ферфакса имела решающее значение в борьбе с пресвитерианами, и она определялась, в первую очередь, его религиозными взглядами, отличавшими его от таких лидеров этой партии, как Д. Холлес или сэр Филипп Степлтон. Роль Ферфакса была ключевой в том, что Лондон не встал на сторону пресвитериан: его подпись была первой в обращении армии к Сити от 10 июня 1647 года. Заслуга Ферфакса заключалась также в том, что был предотвращен раскол внутри армии: в период Путнейской конференции и после нее он действовал в полном согласии с Кромвелем и Айртоном, стремясь остановить радикальных агитаторов.

В вопросах политического устройства Ферфакс был сторонником «Глав предложений», однако после того, как король 11 ноября 1647 года бежал в Карисбрук, что привело к резкому росту антироялистских настроений среди офицеров, он был вынужден солидаризироваться с этой тенденцией. Тем не менее Ферфакс и после второй гражданской войны оставался монархистом в том смысле, что считал: переговоры с королем должны быть продолжены. В мемуарах он писал, что не сумел предотвратить казнь короля. В Лондоне ходили слухи, что Кромвель приставил к нему надежных людей, чтобы тот не смог освободить Карла. Дэксон пишет, что трагедия Ферфакса состояла в том, что он искренне верил, что Карл готов идти на компромисс, и ему было трудно примириться с тем, что это оказалось не так [4, 506]. В статье также указывается на обстоятельства отставки Ферфакса. Поводом для нее стало решение «охвостья» Долгого

парламента о начале войны против Шотландии, однако автор замечает: генерал отказался от намерения возглавить армию не сразу. Ссылаясь на мемуары Людло и Уайтлока, он пишет, что выступить в поход против ковенанторов ему не позволила жена-пресвитерианка. Можно согласиться со словами Дэксона: «Отставка явилась для него благоприятным выходом из противоречия: он не хотел служить режиму, которого полностью так и не принял. Но, что особенно важно, это не было решением, принятым без колебаний» [4, 505].

В «марксистский» период в историографии Английской революции существовал большой интерес к изучению «демократических» течений, в частности движения левеллеров. Как заметил историк Дж. Шарп, «его изучали, возможно, больше, чем это оправдано его влиянием в современную ему эпоху» [13, 25]. В последние годы происходит возрождение интереса к этой тематике, казалось бы, утраченного в период «ревизионистского господства». При этом главной темой для обсуждения по-прежнему остается характер этого движения: носило оно светский характер или было по сути религиозным. Так, Б. Гроб-Фитцгиббон, анализируя ранние памфлеты Дж. Лильберна, У. Уолвина и Р. Овертона, утверждает: вопреки широко распространенному в историографии мнению о левеллерах как о светском движении, способствовавшему развитию в Англии идей демократии и даже социализма, в них надо видеть, «прежде всего, религиозных радикалов, а не политических агитаторов» [6, 905]. Историк указывает, что сотрудничество этих людей, приведшее к возникновению левеллеровского движения, возникло на основе общности религиозных взглядов, и эта черта оставалась ведущей и в дальнейшем. «Это правда, что Лильберн временами защищал псевдодемократию, но он делал это только потому, что верил: все человеческие существа созданы равными перед Богом... Если демократия не казалась ему подходящим средством для достижения его религиозных устремлений, он отказывался от нее», – пишет Гроб-Фитцгиббон [6, 929-930]. И заключает: «Будущие лидеры левеллеров действовали во имя светских политических и социальных целей, но они поступали так на основе более значимого понимания, что следуют указаниям Бога и выполняют божественную волю. Не политика, а религия была первоначальным движущим фактором» [6, 929-930].

Иное впечатление о происхождении и эволюции левеллеровского движения складывается после ознакомления со статьей английского историка Дж. Писи «Джон Лильберн и Долгий парламент» [12]. Главную роль в развитии взглядов и политической деятельности Лильберна как доминирующей фигуры среди левеллеров этот историк отводит даже не его политическому радикализму, а характеру связей с парламентариями в середине 1640-х годов. Писи говорит, что представление о Лильберне как о «неуправляемом» и последовательном борце с «вышестоящими» – это миф, во многом им самим и созданный, а на самом деле «радикализация его политических идей имеет меньшее значение для понимания его политической карьеры в годы первой гражданской войны, чем вовлеченность в тайную византийскую вестминстерскую политику». Историки недооценивали фракционный характер парламентской политики и поэтому забывали, что

Лильберн поддерживал самые тесные отношения с так называемым «индепендентским союзом», из-за чего и стал объектом преследований со стороны пресвитериан. «Этот конфликт, – пишет Писи, – отчасти теологический, отчасти идеологический, а отчасти личный, является ключевым пунктом для понимания деятельности Лильберна в середине 1640-х годов» [12, 627]. Как видим, значение религиозного фактора для политической деятельности лидера левеллеров в этой статье определено иначе, чем у Гроб-Фитцгиббона. В свою очередь, индепенденты, не будучи в парламенте единой группировкой, по разным причинам защищали его, хотя имели недостаточно влияния, особенно в палате лордов, чтобы предотвратить его арест. Писи предполагает, что переломным в отношениях между Лильберном и индепендентами стал июнь 1646 года, когда он выступил с критикой палаты лордов, что было неприемлемым для «королевских индепендентов». Тогда же и сложилась особая политическая группировка левеллеров. Осознавая, что прежние союзники, включая таких радикально, прореспубликански настроенных индепендентов, как Г. Мартенс, не способны его защитить, Лильберн «стал рассматривать парламент в целом как тиранический». Уже летом следующего, 1647, года он утверждал, что «король Кромвель и принц Айртон», являясь орудием пэров, держат его в тюрьме. Только к началу 1648 года Лильберн превратился во влиятельного врага, «он стал парием, столь хорошо знакомым по традиционным историческим описаниям» [12, 644].

О важности политических (а не религиозных) дискуссий в истории Английской революции говорит Скиннер. Он обратил внимание на то, что решающее значение в процессе политических дебатов приобрела концепция политической свободы [14]. Она встала во всей полноте после поражения кавалеров в первой гражданской войне на Путнейской конференции в дискуссиях между индепендентами и левеллерами. Обычно историки указывали на то, что в вопросе о предоставлении избирательных прав слугам левеллеры пошли на уступки индепендентам. В марксистской историографии (К. Макферсон) это объяснялось тем, что право участвовать в выборах рассматривалось ими как гражданское, а не естественное право. Однако, как замечает Скиннер, так считали далеко не все левеллеры. Он не согласен и с позицией известного историка К. Томаса, полагавшего, что за уступками левеллеров невозможно найти теоретического обоснования. Хотя бы отчасти сближение индепендентов и левеллеров объяснялось тем, что они делали различие между «свободнорожденным» и «свободным человеком». Свободный человек самодостаточен, что предполагает возможность поступать со собственному усмотрению и отвечать за последствия своих поступков.

С влиянием левеллеров историки часто связывали активность армейских агитаторов, пик которой пришелся на май-июнь 1647 года. Ключевой фигурой, связующим звеном между левеллерами и армией считали Э. Сексби, которому, в частности, приписывалось авторство обращения в палату общин под названием «Апология рядовых солдат... армии сэра Томаса Ферфакса». Английский историк М. Норрис считает эту точку зрения необоснованной [10]. Он утверждает: движение агитаторов лишь отчасти было «выражением латентного солдатского

радикализма, но гораздо в большей степени проявлением страха грандов», использовавших недовольство солдатских масс намерением парламента сократить армию через своих доверенных людей, прежде всего, капитана Дж. Рейнольдса (служил в полку Кромвеля), вставшего во главе Комитета агитаторов, и лейтенанта Э. Чиллендена, осуществлявшего функции «главного связного» между армией и Лондоном и более того, сыгравшего ключевую роль в движении. Норрис предполагает, что движение агитаторов возникло не стихийно, а было фактически организовано Кромвелем и Айртоном: «Какова бы ни была их роль в создании Комитета агитаторов, представляется очевидным, что им удавалось манипулировать этим органом» [10, 45]. Подход Норриса существенно меняет представления о характере политического конфликта в период между двумя гражданскими войнами.

В контексте изучения политической культуры появился ряд интересных публикаций, относящихся ко времени протектората. Протекторат Кромвеля является наименее исследованным аспектом истории Английской революции. Дискуссионным является даже рассмотрение этого времени как части революции. Споры вызвала появившаяся в 1990 году статья О. Вулрича, в которой ставился вопрос о правомерности применения к протекторату понятия «военная диктатура» [19]. Одному из аспектов политической культуры протектората посвящена статья упоминавшегося выше Дж. Писи [11]. Понятие «пропаганда» было известно в раннее Новое время, хотя и применялось не часто, а главная роль в пропаганде в годы протектората принадлежала государственному секретарю Джону Терло. Контроль над общественным мнением тогда существенно усилился по сравнению с дореволюционным периодом, временем господства Долгого парламента и республики. Именно Терло контролировал три направления «пропаганды»: сбор секретных сведений о настроениях населения, преследование враждебных режиму памфлетов и их авторов и поддержку проправительственных изданий. «Система Терло превзошла прежние режимы по меньшей мере в одном решающем отношении, а именно в быстроте, с которой добывались сведения, допрашивались свидетели и осуществлялись действия на основе собранной информации. Это подтверждает мнение об административном укреплении режима Кромвеля и о продуктивности попыток централизовать и рационализировать власть», – пишет Писи [11, 183]. В то же время в статье подчеркивается, что усиление контроля над прессой не означало установления «систематических репрессий» в области печати. Более эффективной мерой стало то, что появилась целая когорта авторов, которых правительство нанимало для написания материалов по самым разным вопросам. От них было можно ожидать неожиданностей, но вероятность этого была сведена к минимуму тем, что Терло лично контролировал их жалованье. Общий вывод автора состоит в следующем: хотя правительственный контроль над общественным мнением стал при протекторате эффективнее, а власть обнаружила устремление к тотальному контролю над прессой, этот режим все же не стал в полной мере «пропагандистским государством». Об этом говорит появление бунтарских сочинений и памфлетов, хотя «наказания за эти

нарушения следовали быстро и избежать их было нелегко». Имеющийся в статье материал имеет значение для дискуссии о сущности режима протектората.

Книга Л. Кнопперс посвящена Кромвелю, действительно важнейшей политической фигуре периода междуцарствия [9]. Ее место в современной историографии определяется принадлежностью к новой политической истории, акцентирующей внимание на политической коммуникации, инструментом которой является образ власти, выраженный не только в литературе, но и в живописи и других художественных формах, а также в церемониале. В этой прекрасно иллюстрированной книге большое внимание придается визуальным источникам – это отражение присущего современной историографии «визуального поворота». Кнопперс показала, что портретные изображения Кромвеля, в частности кисти Р. Уолкера, во многих чертах напоминают изображения казненного короля, в том числе на полотнах А. ван Дейка. В то же время она отметила, что отсутствуют убедительные свидетельства того, что Кромвель сам в какой-то форме инициировал использование собственного образа в пропагандистских целях, даже в годы протектората. Более того, Кнопперс на основании анализа текстов и изобразительных источников утверждает: напрямую монархические символы и идеи для создания образа Кромвеля не использовались. Она пишет: «Портреты Кромвеля отличаются от живописи эпохи Карла стремлением изменить эмоциональный характер влияния визуальных образов. И в то же время вследствие заимствования визуальных форм карлианского двора для легитимизации нового республиканского героя портреты Кромвеля напоминают зрителю о том дворе и о судьбе его короля. Хотя образы наполнены новым значением для прославления английской республики, карлианское происхождение не исчезло. Напоминание о судьбе монархии сделало образ Кромвеля особенно уязвимым для иронии и пародии. Так, во многих текстах кромвельская героика доводится до абсурда путем превращения мужских и воинских свойств в гротескную сексуальность» [9, 39].

По мнению автора книги, когда в 1657 году Кромвелю было предложено принять королевский титул, он искренне отверг эту идею. Основываясь на речах протектора, она утверждает, что тот проявлял скромность и смирение и все его аргументы были враждебны монархии. Церемониал его инаугурации как протектора в 1657 году отличался от монархических церемоний. Как отмечалось в одной из рецензий, Кнопперс «недооценивает явную двойственность позиции самого Кромвеля и проявления его нерешительности, а также степень, в которой режим склонялся к монархическим формам». Так, если сравнивать инаугурацию 1657 года с аналогичной церемонией в декабре 1653 года, то обнаруживается и большая пышность, и большая склонность к монархической символике [16, 459]. Здесь уместно вспомнить, что похороны Кромвеля в 1658 году были устроены по образцу похорон Якова I в 1625 году.

Итак, возможно, наиболее характерная черта, присущая историографии Английской революции на ее нынешнем этапе, заключается в разработке этой проблематики в русле новой политической истории, в переходе от категории «класс» к категории «культура». Тем не менее не все аспекты такого подхода реа-

лизуются в равной степени. По мнению Дж. Уолтера, наиболее актуальным является исследование политической культуры низов. Он напоминает о проявлениях народного протеста в годы революции, хотя утверждает, что требование земли и свободы, за исключением Уинстенли и диггеров, не звучало в выступлениях сельских низов. Вопрос, можно ли считать выступления низов в годы революции политическими движениями, рассматривался еще в марксистской историографии. «Недавние утверждения историков, что класс – это не просто социальный факт и что политические действия не столько подтверждают существование классов, сколько конструируют их, подчеркивают значимость изучения дискурсов политической культуры нового времени и исследования их восприятия и связи с конструированием коллективных идентичностей во время революции», – пишет Уолтер [17, 173]. Так, он указывает на важность изучения петиций и клятв как важнейшего инструмента политической коммуникации, позволяющего понять, как проходил «диалог между правящими и управляемыми». При этом важно вести исследования на местном уровне, даже на уровне отдельных приходов, и такой подход позволяет видеть: творцами политической культуры раннего Нового времени не были только женатые мужчины-домовладельцы.

Американский историк Р. Уэйл отмечает важность в контексте новой политической истории изучения отношений вассальной зависимости, что может помочь в рассмотрении социального деления в годы гражданских войн [18, 183-191]. Как и Уолтер, она полагает, что лучшим методом является обращение к микроистории. Известный историк Э. Хайес утверждает: «Очевидно, что Английская революция была, прежде всего, массовым политическим движением, однако ее полное понимание может быть достигнуто только путем продолжения попыток связать политическую историю с экономическими, социальными и культурными подходами» [8, 199]. В то же время, по ее мнению, привычные «прямолинейные» попытки связать экономические, социальные и культурные изменения будут неизбежно неполными, поэтому предлагается иной путь на основе case study. В основе рассматриваемой публикации – рассказ о смерти одного из участников Верховного трибунала, члена «охвостья» Долгого парламента и Государственного совета индипендентов, одного из шерифов Лондона Р. Уилсона. В феврале 1650 года слухи о его умопомешательстве и самоубийстве получили в Лондоне широкое распространение и были использованы роялистской пропагандой. Самоубийство «Иуды-предателя» – это смертный грех и расплата за участие в цареубийстве. Со своей стороны власти всячески отрицали факт самоубийства, и похороны Уилсона были превращены в массовую республиканскую демонстрацию. Таким образом, его смерть оказалась в центре пропагандистской войны, и эта тема на протяжении 1650-х годов звучала в политических сочинениях, свидетельствуя о распространенности отвращения к цареубийству и непопулярности республики. История Уилсона привлекла Хайес потому, что в ней политический аспект тесно переплетается с иными. Что вызвало смерть Уилсона? Какую роль сыграли его отношения с отцом, являвшимся одновременно деловым партнером и политическим оппонентом? Какова была структура семейного хаусхолда? Какую роль

сыграли отношения с женой, вышедшей вскоре после смерти Уилсона замуж за Б. Уайтлока, политика и автора знаменитых мемуаров, которому она родила сына, хотя за 14 лет первого замужества детей не имела? Во время похоронной службы звучала метафора гендерного характера: Уилсон был мужем республики, как и бездетной жены Мэри. Как видим, Хайес избрала необычный путь рассуждений о связи между политическим, экономическим, социальным, культурным и гендерным аспектами революции.

Разумеется, этот обзор новейшей историографии Английской революции нельзя считать всесторонним. В нем отражены публикации по некоторым важнейшим проблемам ее истории. Тем не менее позволительно выделить общие черты, характеризующие историографию последних лет. К их числу относится стремление «деидеологизировать» историографию революции (такая идеологизованность была характерна для дискуссий между марксистской и либеральной историографией, с одной стороны, и ревизионистской – с другой). Другая черта состоит в применении методов, присущих так называемым новым направлениям в историографии (например, новая социальная история, новая биографическая история, новая культурная история и др.). Наиболее востребованным в современной историографии оказался концепт политической культуры, широко используемый для изучения разных проблем истории революции. Во многих случаях это потребовало более внимательного отношения к политической риторике, использовавшейся в революции, а также к визуальным источникам. В методологическом плане ряд рассмотренных в обзоре работ свидетельствует об усилении конструктивистской парадигмы исторического знания.

The presented article is reflecting the condition of contemporary British historiography of the Civil Wars in England in the middle of the XVII century. The author focuses his attention on articles in the journals of the recent years devoted to the English Civil Wars, Republic and Cromwellian Protectorate. Sokolov remarks the use of the concept of political culture for the studying of different problems of the English Revolution.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А.Б. Карл I Стюарт // Вопросы истории. – 2005. – № 12; Соколов А.Б. Английская революция середины XVII века в освещении новейшей зарубежной историографии // Вопросы истории. – 2008. – № 5.
2. Carlton Ch. Charles I. The Personal Monarch. – L., 1995.
3. Cust R. Why Did Charles I Fight at Naseby? // History Today. – 2005. – October.
4. Daxon L. The Politics of Sir Thomas Fairfax Reassessed // History. – 2005. – October. – Vol. 90. – Issue 4, N 300.
5. Gentles I. The New Model Officer Corps in 1647: a Collective Portrait // Social History. – 1997. – May. – Vol. 22.
6. Grob-Fitzgibbon B. «Whatsoever Yee Would that Men Should Doe unto You, Even so Doe You to Them»: An Analysis of the Effect of Religious Consciousness on the Origins of the Leveller Movement // The Historian. – 2003. – Vol. 65, N 4.
7. History Workshop Journal. – 2006. – Spring. – Issue 61.

8. Hughes A. A 'lunatick revolter from loyalty': The Death of Rowland Wilson and the English Revolution // History Workshop Journal. – 2006. – Spring. – Issue. 61.
9. Knoppers L. Constructing Cromwell. Ceremony, Portrait and Print 1645-1661. – Cambridge, 2000.
10. Norris M. Edward Sexby, John Reynolds and Edmund Chillenden: Agitators, 'sectarian grandees' and the relations of the New Model Army with London in the Spring 1647 // Historical Research....
11. Peacey J. Cromwellian England: A Propaganda State? // History. – 2006. – Vol. 91. – Issue 2. – N 302.
12. Peacey J. John Lilburne and the Long Parliament // The Historical Journal. – 2000. – Vol. 43, N 3.
13. Sharpe J.A. Early Modern England. A Social History 1550-1760. – L., 1997.
14. Skinner Q. Rethinking Political Liberty // History Workshop Journal. – 2000. – Spring. Issue 61.
15. Stoyly M. «Memories of the Maimed»: The Testimony of Charles I's Former Soldiers, 1660-1730 // History. – 2003. – April. – Vol. 88, N 290.
16. The Historical Journal. – 2003. – Vol. 46, N 2.
17. Walter J. The English People and the English Revolution Revised // History Workshop Journal. – 2006. – Spring. – Issue. 61.
18. Weil R. Thinking about Allegiance in the English Civil War // History Workshop Journal. – 2006. – Spring. – Issue. 61.
19. Woolrych Au. The Cromwellian Protectorate: A Military Dictatorship? // History. – 1990. – Vol. 75.

Ю.Е. Ивонин

*Смоленский государственный университет
Тел. 8-905-6964829*

УДК 930

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ 1803 ГОДА В СТАРОЙ ИМПЕРИИ: СОБЫТИЯ И ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья написана при финансовой поддержке стипендий Института европейской истории права общества Макса Планка (Германия, г. Франкфурт-на-Майне, октябрь 2007 г.) и стипендии ДФГ для работы в Институте европейской истории (Германия, г. Майнц, лето 2008 г.).

Ключевые слова: секуляризация; генеральное постановление; Священная Римская империя; Старая империя; Германия; эрцканцлер; епископ; территориальные князья; рейхстаг; имперская депутация.

В статье изучается проблема места Генерального постановления (Reichsdeputationshauptschluss) имперской депутации 1803 года о секуляризации духовных княжеств. Автор показывает, что это постановление было результатом стремления ряда крупных и средних германских княжеств к суверенитету

и дипломатии Наполеона Бонапарта, направленной на ослабление Священной Римской империи. Секуляризация 1803 года разрушила значительную часть клиентелы Габсбургов в виде католических епископств и ускорила конец Священной Римской империи. Одновременно автор характеризует новейшие работы немецких историков, которые были опубликованы к 200-летию юбилею секуляризации 1803 года.

200-летие «Генерального постановления» имперского депутационного совещания, или имперской депутации 1803 года (Reichsdeputationshauptschluß), о секуляризации церковных княжеств вызвало большую волну публикаций в Германии. В редакторском предисловии к посвященным 200-летию решения имперского депутационного совещания статьям в 9 номере журнала «История в науке и образовании» за 2003 год профессор Мюнхенского университета В. Шульце подчеркнул, что начало Новой истории Германии отмечено глубочайшим разрывом между ранним новым и Новым временем, символами которого являются секуляризация 1803 года и роспуск Священной Римской империи в 1806 году и связь между которыми отражена в четких формулировках трех крупных современных германских историков: «В начале был Наполеон» Томаса Ниппердея, «В начале нет революции» Ганса-Ульриха Велера, «В начале была Империя» Генриха Августа Винклера [23, 483]. Эти высказывания показывают различные наиболее важные стороны процесса модернизации в Германии на рубеже XVIII – XIX веков в их тесной взаимосвязи и последовательности. Вместе с тем они не исчерпывают характеристику всех тех вызовов, внутренних и внешних проблем и трудностей, с которыми столкнулась Священная Римская империя (теперь ее чаще называют Старой империей) в последние годы своего существования.

Проблемы начались не просто с начала Французской революции, а даже в большей степени с войны Первой антифранцузской коалиции 1792 – 1797 годов, в ходе которой были потеряны Австрийские Нидерланды и земли вдоль Рейна. На результаты этой войны во многом оказали влияние отношения между Австрией и Пруссией, которая фактически отстранила Австрию от второго раздела Польши в 1793 году и не дала ей осуществить план обмена Южных Нидерландов на Баварию. Пруссия также всячески подчеркивала свою ведущую роль в войне против Франции и свою миссию защитницы Империи, но вскоре повела политику нейтралитета, заключив компромиссный договор с Францией в Базеле в 1795 году, одновременно выведя из этой войны всю Северную Германию. Кроме того, со стороны Пруссии, как считали на юге Германии, исходила опасность секуляризации, грозившей развалом Империи. Но и в Вене муссировалась идея заключения сепаратного мира с Францией, направленного против Пруссии. Так что последовавшее за вторжением войск Наполеона в австрийские владения заключение мира в Кампо Формио 17 октября 1797 года, по которому Австрия уступала Французской республике Ломбардию, большую часть левого берега Рейна и Австрийские Нидерланды (Бельгию) и получала взамен Истрию, Далмацию и Венецию, можно было бы рассматривать с такой точки зрения, если бы не было

очевидно, что император был вынужден согласиться на этот мир ввиду неблагоприятной военной и политической обстановки. Император Франц II, в самом деле, оказался в сложном положении. Сочетавшиеся в нем забота о благосостоянии подданных и подавление любых устремлений к духовной свободе, а также страх перед революцией влияли на его решения. Очевидно, что, как и для двух его предшественников – Иосифа II и Леопольда II, Империя уже не была, по мнению В. Циглера, «предметом живого интереса». Он сопротивлялся, как мог, политике Французской республики, но часто мог оказаться в патовой ситуации. Раштаттский мирный конгресс 1797 – 1799 годов стал серьезным поражением Империи. Даже первоначальные успехи второй коалиции 1799 – 1801 годов были сведены на нет крупными победами Наполеона в Италии. Люневилльский мирный договор 9 февраля 1801 года расширил влияние Франции в германских землях и сделал Италию сферой влияния Парижа. Германские князья, лишённые владений на левом берегу Рейна, должны были получить компенсацию в виде секуляризованных церковных владений и земель имперских городов. Регенсбургский постоянный рейхстаг одобрил этот мир, сделав тем самым важный шаг к секуляризации 1803 года. Франц II пытался защищать остатки имперской конституции, опираясь на князей церкви и свою клиентелу из числа малых имперских чинов. При этом он отказался от секуляризации монастырей в наследственных владениях, тогда как Пруссия и особенно Бавария получили от секуляризации значительную выгоду [1, 350-351, 356-361; 2, 323, 344, 348].

Таким образом, внешние проблемы, натиск наполеоновских войск и территориальные амбиции крупных имперских чинов создали условия, при которых стало возможным, как выразился К. Хертер (Институт европейской истории права во Франкфурте-на-Майне), легальное «революционизирование» Старой империи, лежавшее в основе секуляризации 1803 года. Рассматривая генезис, динамику и амбивалентность этого «революционизирования», Хертер подчеркивает, что давно уже утвердившийся и все еще сохраняющийся взгляд на «Генеральное постановление» имперского депутативного собрания 1803 года как на результат неизбежной агонии Старой империи, начавшейся с 1648 года, нуждается в серьезной корректировке. Причина этого заключается в том, что, несмотря на многочисленные войны, конфессиональные противоречия, австро-пруссские конфликты, а также конфликты между императорами и имперскими чинами, культурное, религиозное и политическое многообразие, одновременно сохранялось единство Германии, поскольку имперская конституция гарантировала существование малых имперских чинов – церковных территорий, имперских городов и имперских рыцарей. Это единство сохранялось и восстанавливалось, несмотря на фундаментальные противоречия и бесчисленные блокады; в конфликте с революционной и наполеоновской Францией с 1793 года война велась как имперская война, но началось разрушение баланса в имперской системе, проявившееся в связи между стремлениями отдельных имперских чинов к суверенитету и революционной и экспансионистской политикой Франции. Конечно, рассуждает далее немецкий историк, с 1789 до 1806 года дело шло к упадку Империи, но амбивалентность

легального «революционизирования» ни в коем случае не означала «только упадок и уничтожение, но также мир, безопасность, преобразование и равновесие в Европе» [10, 484-485; 11]. Имперская конституция никак не согласовывалась ни с идеями 1789 года, ни с принципами секуляризации, на которых строилась конституция централизованного национального государства Нового времени, между тем как уже с 1789 года началась конфискация церковных имуществ, что непосредственно касалось всех имперских чинов. Но, с другой стороны, под влиянием сепаратных договоров в Базеле и Кампо Формио и неуспешной мирной политики Империи некоторые средние имперские чины, именно Бавария, Баден, Вюртемберг и оба гессенских маркграфства, начали проводить политику сближения с Францией с целью получения территориальных компенсаций за счет секуляризации и дипломатии посредничества в Империи. Бесцеремонная политика обеих германских великих держав и влияние успехов Французской республики усилили желание сильных средних имперских князей сделаться независимыми от Империи, укрепить суверенитет и заодно округлить свои владения. В итоге принцип «компенсации с помощью секуляризации» становился основой имперского мира в отношениях между революционной Францией, средними имперскими чинами и обеими великими германскими державами, причем противоречия между Австрией, Пруссией и имперскими чинами показали, что компенсации и изменения в соотношении сил в Империи происходили без доминирующего и решающего содействия наполеоновской Франции, просто получившей возможность продвигать свои интересы благодаря возможным союзникам внутри Империи. Австрии, чтобы сохранять свое влияние в Империи, необходимо было сохранять три рейнских архиепископства, католическое большинство в курии князей в рейхстаге, имперские города и имперское рыцарство. В итоге, пишет Хертер, всем участникам этих событий становилось ясно, что секуляризация делала необходимым преобразование имперской конституции [10, 486-489].

И оно действительно вскоре последовало. Вот здесь-то наполеоновская дипломатия использовала согласие императора стать «посредницей» и партнером в переговорах о проведении имперского депутативного совещания, или имперской депутации, по вопросу о секуляризации. Мало того, венский двор, подчеркивает Хертер, устранил последний барьер, согласившись на участие имперских городов в процессе потери ими статуса имперских чинов, тем самым отдав их во власть имперским князьям и уничтожив одну из своих опор. С этого времени имперские чины все больше и больше стали ориентироваться на Париж. Поэтому генеральное постановление имперской депутации 1803 года о секуляризации после его ратификации императором 24 марта того же года означало передачу Франции 112 имперских городов левобережья Рейна, секуляризацию всех имперских духовных чинов за исключением перемещенного в Регенсбург курфюрста Майнцского. Сохранены были только шесть имперских городов (Аугсбург, Любек, Нюрнберг, Франкфурт, Бремен и Гамбург), а Вецлар и Регенсбург остались резиденциями имперского суда и постоянного рейхстага. Выиграли от секуляризации прежде всего Бавария, Баден, Вюртемберг и оба ландграфства Гессен.

Секуляризации в Империи подверглись территории в размере 73 тысяч кв. км с населением 2,36 млн человек, из которых Франции досталось 23 850 кв. км с населением 0,8 млн человек. Было создано три новых курфюршества (Вюртемберг, Баден, Гессен-Кассель), вследствие чего протестанты получили большинство в курии курфюрстов и князей, было обеспечено право свободы вероисповедания для религиозных меньшинств, усовершенствованы военная и гражданская администрации в прежних церковных территориях, регулирование таможенных сборов в рейнских землях, введен нейтральный статус для оставшихся имперских городов. Но, заключает Хертер, генеральное постановление 1803 года нельзя рассматривать как исходный пункт для глубокой необходимой имперской реформы. Император еще имел клиентелу, его еще поддерживали старые конкуренты Пруссии из числа средних имперских чинов, кроме того, Австрия продолжала собственное государственное строительство, что выразилось в провозглашении Францем II Австрийской империи и отделении ее от Старой империи. По мнению Хертера, синтез между имперской идеей, федералистской организацией Империи и нацией с помощью широкой политической модернизации на общегерманском уровне стал невозможным, вследствие чего большинство средних германских государств стало ориентироваться на Францию и создание нового союза. Наполеоновская Франция теперь была для них образцом для проведения внутренних реформ и как европейская держава предлагала им в большей степени, как им казалось, роль их защитницы, чем император Старой империи. Поэтому генеральное постановление 1803 года было только одним, хотя и центральным, ключевым пунктом в конфликте между имперской идеей и государственным суверенитетом. Но такая «революция» смогла быть успешной и бесконфликтной только благодаря легитимным органам и традициям имперской конституции. В этом и состоит значение и амбивалентность этого последнего основного закона Священной Римской империи германской нации [10, 491-495, 499-500].

Краткая характеристика дискуссий и концепций секуляризации 1803 года, содержащаяся в статьях двух мюнхенских историков К. Вайганд и А. Райса, показывает эволюцию мнений в публицистике начала XIX века и немецкой историографии XIX – XX веков. Сразу же после постановления 1803 года публицисты протестантской Северной Германии одобрили его, тогда как в 1813 году во время подъема антинаполеоновского движения появились критические работы, обвинявшие одного из инициаторов секуляризации первого министра Баварии Максимилиана Йозефа Монтжеля в ослаблении с помощью секуляризации позиций Империи перед лицом французской угрозы. Когда во второй половине XIX – начале XX века в Германии господствовала национал-либеральная и боруссианистская историография, оценка секуляризации приобрела противоречивый характер: с одной стороны, критиковались имперские князья, совершившие таким образом княжескую революцию, которая ослабила Империю перед лицом французской экспансии, с другой стороны, утверждалось, что секуляризация была необходимым шагом на пути устранения старых государственных форм, мешавших созданию германского национального государства. Но к 100-летнему

юбилею постановления 1803 года стали появляться работы, осуждавшие секуляризацию с моральной стороны (грабеж католической церкви), с юридической (поскольку постановление депутации не было законным, ибо такие полномочия мог иметь только рейхстаг), а также с политической (как акт предательства). Конечно, такие работы появлялись прежде всего из-под пера католических авторов, но затем тенденции изучения проблемы модернизации наложили своего рода табу на эту тему, несмотря на многочисленные усилия дать объективную оценку государственно-политической системе Старой империи. Выставка 2003 года в Регенсбурге под названием «1803 – поворот в центре Европы» должна была дать импульс к переосмыслению этого события не только как факту в исторической науке, но и как явлению в историческом сознании, связанным с концом Старой империи и началом формирования государственности Нового времени в Германии эпохи реформ, концом эпохи Барокко и концом имперских городов, проведением секуляризации и наполеоновскими войнами, началом подъема национализма и т.д. [26, 501-510; 21, 511-518].

200-летие постановления о секуляризации и в самом деле дало сильный импульс к появлению новых работ, в которых были освещены различные общие и региональные проблемы этого явления. В своей обзорной статье в «Журнале исторических исследований» К. Хертер характеризует 14 монографий и сборников, изданных в Германии в 2002-2004 годах по проблеме секуляризации 1803 года, не имея возможности оценить подробно многочисленные статьи в различных сборниках и каталогах выставок. Само генеральное постановление имперской депутации 25 февраля 1803 года он оценивает как прорыв европейского масштаба, изменивший в территориальном, политическом, культурном, конституционном и церковно-правовом отношении пространство Старой империи и обеспечивший продвижение имперских чинов к суверенной государственности и процессу модернизации, а также к многочисленным реформам, которые в долговременной перспективе были все же приостановлены. Хертер, в принципе, отражает уже сложившееся мнение, что секуляризация 1803 года имеет длинную предысторию с 1648 года, когда секуляризация могла проводиться при французско-шведских конституционных гарантиях, а в эпоху Просвещения особенно обсуждаться в дискуссиях о реформах в Империи и роли церковных княжеств, а также обнаруживаться в стремлении имперских чинов к суверенитету, находившихся под сильным воздействием Французской революции. Одной из главных тенденций в этом процессе являлось усиление позиций «новых» средних государств, например, Вюртемберга, Гессен-Касселя и Гессен-Дармштадта [12, 89-115; 9; 20].

Несомненно, в центре исследований и обзорных работ стоят, с одной стороны, проблема секуляризации церковных имперских чинов и монастырей и ее последствий для католической церкви и культуры, а с другой стороны, проблема формирования германского суверенного государства Нового времени. Все исследователи, пишет Хертер, полагают, что перелом 1803 года произошел как непосредственно под влиянием политики революционной Франции, так и в контексте долговременных тенденций развития в самой Старой империи. Естественно, что

во многих публикациях были представлены проблемы и перспективы государственного строительства и «модернизации» новых суверенных государств, а также проблемы изменений менталитета их населения. Отдельное место занимает проблема сглаживания разнообразия социальной, экономической и политической жизни, а также уменьшения роли католической церкви, происшедших в результате секуляризации 1803 года. И, конечно, широко обсуждался и обсуждается вопрос о том, упразднило ли генеральное постановление имперской депутации препятствия на пути создания отдельных государств и открыло ли оно новую фазу на пути «модернизации» и формирования германской идентичности. Кроме того, обсуждается проблема, насколько существенно повлияли на построение новых патриотических и национальных идентичностей старые формы «конституционного патриотизма» и патриотизма в духе Просвещения, причем ответ дается в том смысле, что это влияние было весьма различным. Важно еще подчеркнуть, отмечает Хертер, что в оценках секуляризации преобладало все же сильное подчеркивание упадка и жертвенной истории (*Untergangs- und Opfergeschichte*) Старой империи и особенно имперской и католической церкви, тогда как односторонние оценки практически не встречаются, а большей частью постановление и секуляризация 1803 года рассматриваются как шанс проведения реформ в государстве и церкви. Во всяком случае, преобладает мнение, которого придерживается и сам Хертер, что Империя как правовая и конституционная система еще функционировала и не исчерпала себя полностью к 1803 году [12, 99, 110-115].

В 2005 году в мюнстерском издательстве «Ашендорфф» вышел сборник статей (по материалам проведенной в 2003 году конференции в Корвее) под редакцией профессора Кельнского университета Х. Клютинга, который не успел попасть в обзорную статью Хертера, поэтому нуждается в отдельной характеристике. Кроме общих статей по проблеме секуляризации 1803 года, в этот сборник вошли статьи, в которых исследуются конкретные вопросы проведения секуляризации преимущественно в территориях рейнской Германии. В первой же статье сборника Х. Леманн характеризует проблему двух спорных исторических категорий «секуляризации» и «секуляризования» (последняя предложена известным социологом Ю. Хабермасом) как двух частей процесса модернизации: первая в своем классическом виде, т.е. как утверждение светского общества, а вторая только как обращение церковной собственности в собственность государства. Как бы то ни было, предложение Хабермаса не встретило широкой поддержки историков, предпочитающих, что видно и по материалам указанного сборника, пользоваться категорией «секуляризация» [17, 7-26].

Оценивая секуляризацию как подчинение церкви государству, Клютинг в названии своей статьи использует выражение баварского историка М. Вейтлауффа «государство берет за церковь» и характеризует 1803 год как переход от государства – княжеского владения к разделению государственной собственности и частной собственности монарха наподобие тому, что происходило в Бранденбурге-Пруссии с 1689 по 1713 год. В этом заметно проявление так называемого рационального территориализма, ярким представителем которого был

крупный немецкий философ и юрист раннего Просвещения Христиан Томазий и одним из основных принципов которого являлось подчинение церкви государству на основе общественного договора, передававшего князьям власть над церковью. Именно как наивысшее проявление рационального территориализма, достигшего своего апогея после йозефинизма, т.е. политики церковных реформ императора Иосифа II, оценивает Клютинг «Генеральное постановление» 1803 года. Изучение политики секуляризации в ряде германских княжеств еще до 1803 года показывает как одно из ее последствий дехристианизацию общественного окружения церкви и как другое последствие – изменение структуры власти в духе бюрократического государственного абсолютизма. Но важен был и внешний фактор, которым стали Французская революция и наполеоновские войны [15, 27-66; 31, 15-53]. Одним из частных примеров этого является произведенная в 1801 – 1802 годах и детально изученная М. Ланциннером секуляризация епископства Фрейзинг, которая произошла на основе Люневилльского мира 1801 года и отдельного соглашения Баварии с Наполеоном 24 августа 1802 года, согласно которому баварский курфюрст Макс IV Йозеф получал епископство в светское владение, а бывший князь-епископ получал ежегодное содержание, право на бесплатное проживание в резиденции в Фрейзинге и замок Биркенек в качестве летней резиденции [16, 205-222].

Внимание многих германских историков к секуляризации в Баварии не случайно, поскольку традиционно именно герцоги и курфюрсты Баварские из династии Виттельсбахов являлись одними из наиболее последовательных сторонников и защитников католической церкви в Старой империи, в то же время часто соперничая с Габсбургами и порой претендуя на титул императоров. Проведение секуляризации, очевидно, способствовало утверждению полного суверенитета Баварии по отношению к Империи и претензии ее властителей на королевский титул, который они получили уже из рук Наполеона. Вышедший в свет в 2003 году объемистый сборник статей под редакцией А. Шмида «Секуляризация в Баварии 1803 года. Надлом культуры или модернизация?» дает представление о различных аспектах секуляризации в Баварии и различных подходах к этой проблеме. Принятое 25 февраля 1803 года после длительной подготовительной работы генеральное постановление имперской депутации было 24 марта утверждено заключительным актом рейхстага, став последним основным законом Священной Римской империи, который в то же время преобразовывал ее, в сущности, революционным путем, пишет Г. Майер в теоретической статье о роли секуляризации в Европе раннего Нового времени. После выхода Рейнского союза из Империи и провозглашения «германской конституции» французскими послами по предложению Наполеона на рейхстаге и, наконец, после отречения императора Франца II от римской короны древнее «готическое здание» имперской конституции было разрушено, с чего начался сложный и кризисный переход от Старой империи к национальному государству в германской истории XIX века. Майер также отмечает, что в основе работы имперской депутации лежал франко-российский план территориальных компенсаций, который вполне разделялся вновь возникшими

или увеличившимися германскими средними государствами. Генеральное постановление 1803 года, по его мнению, значило больше, чем территориальные компенсации. Оно вело к радикальному преобразованию политических структур в духе «Нового времени», т.е. оно было революцией сверху, результатом которой Австрия как старый соперник Франции ослаблялась с помощью создания на месте Империи ряда зависимых от Франции средних государств, организованных на принципах государственности Нового времени. Но по иронии судьбы получилось так, что согласно заключенному Наполеоном с папской курией конкордату церковные территории на левом берегу Рейна восстанавливались, тогда как многие бывшие церковные территории по правому берегу Рейна были в забвении и разрушении до 1815 года. Но в целом католическая церковь в Германии все же не была разрушена, хотя во многом и потеряла культурное и политическое влияние. С другой стороны, католическая церковь в Германии в результате упадка «Старого режима» и реформ оказалась ближе к папству, чем была ранее имперская церковь [18, 1-28; 13, 272-298].

В баварских реформах, прежде всего секуляризации, видно не только влияние политики и приказов Наполеона, по чьему прямому распоряжению начала работать уже осенью 1802 года по вопросу территориальных компенсаций имперская депутация, но и отчетливо виден след самого баварского курфюрста Макса IV Йозефа (1756 – 1825) и его ближайшего советника барона (графа с 1809 года) Максимилиана Монтжеля (1759 – 1838). Бавария принадлежала к числу восьми членов этой имперской депутации, в которой заметную роль играл также Карл Теодор фон Дальберг, с 1800 года князь-епископ Констанцкий, а с июля 1802 года архиепископ и курфюрст Майнцкий. Уже после падения Наполеона лишившийся своего покровителя и сана епископа Регенсбургского Дальберг получил письмо от римского папы, в котором писалось, что он получил справедливое воздаяние небес за то, что «вел дикую и упорную войну в Германии против Святого Престола». Курфюрст Баварский Макс IV происходил не из легитимной прямой линии Виттельсбахов, а стал курфюрстом после смерти бездетного курфюрста Карла Теодора, принадлежа к боковой пфальцско-виттельсбахской линии герцогов Биркенфельд-Цвейбрюккенских. Монтжеля, баварский дворянин, имевший савойские корни, учившийся в иезуитском коллеже в Нанси, а затем в Страсбургском университете, испытал на себе сильное влияние французского Просвещения, был воодушевлен идеями Французской революции, но в то же время он являлся убежденным сторонником государственного суверенитета. Едва Макс Йозеф стал баварским курфюрстом, как возвысившийся при нем Монтжеля стал проводить внутренние реформы и внешнюю политику, направленные на «округление» территорий Баварии и преобразование ее в современное государство [30, 29-84; 29, 152-233; 28].

Секуляризация 1803 года в Баварии, как отмечает А. Шмид, во многом происходила из местных условий и была завершением секуляризации, происходившей на протяжении всего XVIII века, а не только была просто частью общеевропейского процесса, мало того, корни этой секуляризации надо искать в раннем

Средневековье, начиная с франкского майордома Карла Мартелла (714 – 741), награждавшего своих вассалов церковными бенефициями. Курфюрст Макс II Эммануэль (1679 – 1726) стоял в авангарде секуляризации Нового времени, решая проблемы пополнения опустевшей казны за счет упразднения монастырей. Поэтому Шмид ставит вопрос: «Чем же была секуляризация в Баварии – злодеянием или необходимостью?» – отмечая последнюю как выход из сложных финансовых обстоятельств, ускоренный также внешнеполитической ситуацией, вызванной экспансионистской политикой Наполеона (у Шмида – империалистической) [22, 85-110]. Закрытие ряда монастырей в Баварии происходило при курфюрсте Карле Теодоре в 1778 – 1784 годы и преследовало финансовые и политические цели, но приобрело характер широкого наступления секуляризации с того момента, когда Монтжеля возглавил баварскую администрацию. В сентябре 1798 года римский папа Пий VI разрешил курфюрсту Карлу Теодору продать владения монастырей в Баварии на сумму 15 миллионов гульденов. При этом речь еще не шла о полном упразднении монастырей. Но реализация 15-миллионного проекта касалась не только монастырей, а практически всех церковных землевладений в Баварии. При курфюрсте Максе IV Йозефе и Монтжеля начались крупные мероприятия по ограничению властных полномочий аббатов и переложению забот о монастырях на государя, т.е. курфюрста. Поскольку параллельно им приближалась к завершению работа имперской депутации по вопросу секуляризации, для баварской администрации открылся реальный шанс на правовой основе подчинить себе привилегированные, т.е. защищенные имперской конституцией, монастыри. Поскольку территориальная целостность Баварии гарантировалась Наполеоном еще с 1801 года, а взамен Тосканы Австрия получала большую часть владений епископства Айхштедт, император Франц II отказывался от политики блокирования переговоров имперской депутации в Регенсбурге и передавал Баварии город Пассау. В итоге закрытие территориальных монастырей в Баварии, впрочем, так же, как и в других территориальных княжествах, означало решительный шаг в сторону полного и окончательного суверенитета территориального государства [24, 111-151; 27,18; 14].

Необходимо коснуться и судеб бывших церковных владений в имперской Италии, Северной и Южной Германии, что хорошо отражено в нескольких совсем недавно опубликованных статьях немецких историков. Отметивший в 2007 году свое 85-летие К.О. фон Аретин, известный своими фундаментальными трудами по истории Старой империи во второй половине XVII – XVIII веке, подчеркивает, что с секуляризацией 1803 года, сделавшей церковные и монастырские владения в Старой империи собственностью территориальных государств, а церковных князей – светскими государями, с подчинением имперских городов территориальным властителям и потерей итальянских ленов и вассалов в результате военных кампаний Наполеона Старая империя потеряла основной элемент имперской конституции и свою основную опору. Малые княжества, имперские графства и держания имперских рыцарей были поделены между крупными и средними территориальными княжествами, ставшими полностью суверенными

государствами. Имперская Италия была целиком основана на ленном праве, не имея ни рейхстага, ни курфюрстов, ни курии князей. В то же время в нее входили такие крупные территории, как Великое герцогство Тосканское и герцогство Савойя-Пьемонт, ставшее в 1713 году королевством. Секуляризация же вкупе с потерей имперской Италии сделала Старую империю неуправляемой, а без нее единство Германии можно было осуществить только в форме союза. И, включает Аретин, Рейнский союз, Германский союз и федеративно организованная Империя были той формой, в которой Германия соответствовала требованиям нового мира [4, 189-205].

В свою очередь, М. Аше показал, что секуляризация церковных территорий на севере и северо-западе Германии принесла большую выгоду не только Пруссии, Гессен-Дармштадту, Гессен-Касселю и Ганноверу, но приобретения за счет церковных земель сделали и малые имперские чины. Другой молодой немецкий историк М. Штиклер отметил, что даже после секуляризации предпринимались попытки на основе конкордата создать единую германскую католическую церковь, автономную по отношению к Риму, что, прежде всего, проявлялось в деятельности Дальберга. Но из этих усилий ничего не получилось из-за трений между Наполеоном и папой Пием VII. На Венском конгрессе 1815 года вновь обсуждалась идея конкордата между Святым Престолом и Германским союзом, но в конечном счете восторжествовал, как пишет Штиклер, «одногосударственный галликанизм», что означало конец старой имперской церкви, а католическая церковь в Германии оказалась организованной по территориальному принципу под «крышей мировой церкви» и перестала быть государственной церковью [5, 179-259; 26, 261-289].

Насколько серьезным было влияние Французской революции и восьми коалиционных войн между «канонадой Вальми» 1792 года и битвой при Ватерлоо 1815 года на проведение секуляризации и конец Старой империи с точки зрения истории международных отношений, дают ответ М. Эрбе и К.О. фон Аретин. В промежутке между этими двумя событиями Европа изменилась так, как она не менялась со времен Каролингов. Со времен Карла Великого ни один европейский государь, включая императора Священной Римской империи Карла V, не имел такой гегемонии на континенте, как Наполеон Бонапарт. Уменьшилось количество государств в Италии, из государств Центральной (Средней) Европы только Австрия, ставшая сама с 1804 года империей, смогла сохранить прежнее положение, а самая слабая из великих держав, Пруссия, стала после поражений осенью 1806 года государством средней руки. Войны, которые вела Франция с 1792 года, основательно поколебали равновесие сил в Европе, пишет Эрбе, но при этом можно говорить о том, что из всех этих конфликтов могла установиться новая форма «баланса сил» как результат жесткого противостояния Франции и самой сильной в экономическом отношении европейской страны Великобритании. Создание Французской республикой дочерних республик под лозунгом противодействия народного суверенитета суверенитету монархов имело идеологическое звучание, но с преобразованием Французской республики с мая 1804 года в

Империи возникло новое равновесие сил между тремя империями – Австрией, Россией и Францией [8, 4-5, 18-21].

Но уже договоры в Кампо-Формио и Люневилле подготовили почву для «Генерального постановления» имперской депутации 25 февраля 1803 года о секуляризации, которое Эрбе рассматривает больше с точки зрения территориальных компенсаций, а не с точки зрения разрушения имперской церкви. Усиление средних имперских чинов за счет малых он оценивает как созданный противовес Священной Римской империи, оказавшейся находящимся под французским влиянием остовом прежней империи. Пресбургский (Братиславский) мир 26 декабря 1805 года, заключенный после поражения русско-австрийской армии в битве при Аустерлице 2 декабря того же года, лишил Австрию последних остатков владений и влияния в Старой империи. Установление Наполеоном «нового порядка» в Германии в результате создания Рейнского союза под протекторатом французского императора привело в конечном счете к тому, что император Франц II потерял роль главы имперского союза и отрекся от короны императора Священной Римской империи [8, 312-313, 320-323].

К.О. фон Аретин делает существенное уточнение, когда пишет, что Люневилльский мир означал поражение императора и Империи. Само по себе условие этого мира о компенсации светским князьям потерянных территорий на правом берегу Рейна за счет церковных территорий уже было, по его мнению, шагом к упадку Империи, хотя и не было окончательно решено о тотальной секуляризации, на которой настаивала Пруссия, или частичной секуляризации с сохранением по меньшей мере трех духовных курфюршеств. Объем предстоящих территориальных изменений не был определен согласно Люневилльскому миру, но было очевидно, что секуляризация и территориальные компенсации за счет малых имперских чинов были направлены на клиентелу императоров, на которой покоилось их влияние в Империи с Вестфальского мира. Сменивший барона Иоганна Франца Тугута на посту австрийского государственного канцлера воспитатель императора граф Франц Коллоредо-Вальдзее, имевший значительное влияние на него, в результате своей бездеятельности и неумного высокомерия создал хаос, в котором оказались безуспешными все попытки благоприятного решения для венского двора и имперской конституции вопросов о секуляризации и территориальных компенсациях. В Берлине также не существовало никаких продуманных планов новой территориальной организации Германии, но зато преобладали настроения, особенно заметные в деятельности графа Христиана фон Хаугвица, с помощью ликвидации всех духовных имперских чинов увеличить территорию Пруссии и ослабить влияние Габсбургов в Старой империи, тогда как князь Карл Август фон Гарденберг разработал план союзного объединения крупных имперских чинов. Австрийское и прусское правительства стремились только к увеличению собственных владений и не предпринимали никаких усилий для преобразования Империи, судьба которой мало их интересовала. Император Франц II подписывал Люневилльский мир в качестве императора, властителя Австрии и от имени Империи, а спустя некоторое он его ратифицировал и ре-

комендовал сделать это же самое рейхстагу. Тем самым была открыта дорога к решению вопроса о территориальных компенсациях без французского влияния. Вот тут-то Пруссия и Бавария начали решительно препятствовать планам Вены провести в качестве архиепископа Кельнского младшего брата императора эрцгерцога Антона Виктора [3, 489-495].

Но большая сложность заключалась еще и в том, что многими публицистами и юристами тех лет секуляризация рассматривалась как существенная предпосылка преобразования Империи из иерархической ассоциации имперских чинов в федеративное образование, хотя все перемены касались больше политической сферы. Теоретическая дискуссия о сохранении имперской конституции или ее реформе не могла скрыть тот факт, что влияние императора вследствие секуляризации 1803 года было сведено до минимума. Прусская политика ясно показывала, что победили федеративные тенденции и императорское влияние в Империи Пруссия хотела уничтожить. Но, как замечает австралийский историк К. Кларк (работающий в Кембриджском университете в Великобритании), превращение многих католиков в Германии, попавших в протестантские территории, в диаспоры имело серьезные последствия для политической и религиозной жизни современной Германии. Императорский титул становился независимым от Римской империи. Блок из Бадена, Вюртемберга и Баварии становился теперь средством против гегемонистских устремлений Австрии и Пруссии. Короче говоря, на руинах Старой империи намечался будущий образ Германии. После ратификации «Генерального постановления» о секуляризации, подчеркивает Аретин, неизбежно возникли проблемы содержания имперских судов и их компетенции, реформы имперских округов, если Империя превратится в союз князей, преобразования имперской церкви в церкви отдельных земель, наконец, имперского рыцарства. Император имел только одну возможность воспрепятствовать решению имперской депутации – не ратифицировать его, но при этом не было ясно, сколь долго Империя может выдержать подобную обструкцию. Австрийская политика этих лет, считает Аретин, делала невозможной любую консолидацию имперских чинов, поскольку австрийское правительство не выдвигало никаких конструктивных планов реформы имперской конституции. Но другой вопрос заключался в том, насколько мог позволить Наполеон осуществлять планы императора Франца, поскольку в его цели входило включение Бадена, Вюртемберга и Баварии, а также Пруссии в число союзников Франции, в результате чего в войне 1805 года вышеозначенные средние государства были на стороне Бонапарта, а Пруссия занимала нейтральную позицию, чтобы в войне 1806 – 1807 годов потерпеть поражение и потерять статус великой европейской державы. Переговоры Хаугвица в Мюнхене о возобновлении Княжеского союза образца 1785 года завершились безуспешно, а занятие французами Ганновера означало ослабление позиций Пруссии в Империи. Средние государства охотно бы отсоединились от Франции и стали бы ориентироваться на Берлин, если бы прусский король Фридрих Вильгельм III последовательно не отклонял такие предложения. В конечном счете все предложения о преобразовании Империи на федеративной

основе исчезли, когда Наполеон в сентябре 1804 года провел встречу с южнонемецкими князьями. Поражение Австрии в войне 1805 года только усилило влияние Наполеона в Южной Германии. В итоге можно сказать словами Аретина, что прусская политика в отношении Франции находилась не на более высоком уровне, чем австрийская, даже несмотря на более высокую оценку Хаугвица и Гарденберга как политиков, что сыграло большую роль в судьбе Старой империи [3, 502-516; 6, 346].

Положение единственного оставшегося церковного князя, эрцканцлера-курфюрста Майнцкого, было не вполне ясным, поскольку согласно «Генеральному постановлению» 1803 года он, с одной стороны, должен был избираться майнцким соборным капитулом, с другой стороны, не было точно сформулировано его отношение к еще сохранявшемуся регенсбургскому соборному капитулу. По мысли самого Дальберга, в Регенсбурге он должен был избираться советом, две трети которого состояло бы из дворянства и только одна треть из духовенства. Кроме того, Дальберг имел планы стать примасом католической церкви в Старой империи, что было встречено с недоверием в римской курии, где не забыли его фебронианистских увлечений и откровенных планов создания национальной германской католической церкви. Эту идею Дальберг пытался осуществить при помощи Наполеона, который, по существу, использовал эрцканцлера. Все же в таком качестве он был опаснее для Рима, чем в новом положении единственного церковного князя и эрцканцлера. В то же время окончание кратковременного французско-русского «романа» в начале 1804 года сменилось ориентацией молодого российского императора Александра I на Англию. Похищение на территории Империи и расстрел герцога Энгиенского, взбудоражившие всю Европу, стали поводом для заключения 11 апреля 1805 года российско-британского союза. Австрия еще некоторое время колебалась, пока 26 мая того же года Наполеон не объявил себя королем Италии, что оставило Франца II без земель в Италии. В результате Франц 9 августа 1805 года примкнул к англо-русскому союзу. Неудачные действия австрийской армии под командованием фельдмаршала Карла фон Мака привели к ее капитуляции в Ульме 17 октября и вступлению Наполеона 13 ноября в Вену. Собравшиеся в Чехии остатки австрийских войск и русская армия объединились, но потерпели поражение в уже упоминавшейся «битве трех императоров» при Аустерлице 2 декабря 1805 года. Аретин особо отмечает, что в тексте Пресбургского мира ни словом не упоминалась Священная Римская империя, но говорилось только о «германской конфедерации». Получалось так, что Империя, которая в этой войне почти не участвовала, как бы вообще уже и не существовала. При подписании Пресбургского мира Бавария и Вюртемберг участвовали как суверенные королевства, а Баден как суверенное великое герцогство. Для Габсбургов становилось все более ясно, что сохранять титул императоров Священной Римской империи далее невозможно. Состоявшееся в Париже 12 июля 1806 года заключение Рейнского союза открывало его участникам-князьям выход из Священной Римской империи. Наполеон принял титул протектора союза, а Дальберг титул князя-примаса католической церкви в Германии. До

этого момента Франц II еще надеялся сохранить титул императора Священной Римской империи. Был распущен кабинет министров и отправлены в отставку граф Кобенцль и граф Коллоредо-Вальдзее. Талантливый полководец эрцгерцог Карл Австрийский, ранее оттесняемый от большой политики, приступил к реорганизации армии. Но вот это-то и не устраивало Наполеона. Новый австрийский посол в Париже Клеменс Лотар Меттерних, наделенный всеми полномочиями, уже ничего сделать не мог. Наполеон в ультимативной форме потребовал до 10 августа отречься от короны императора Священной Римской империи. Францем II руководили как сознание долга перед Империей, так и страх перед Наполеоном и стремление к миру, а также желание получить от Франции в обмен на отречение «наибольшие преимущества для моей монархии». Это было решение вполне в духе рационального мышления эпохи позднего Просвещения. 6 августа 1806 года Франц объявил о своем отречении и роспуске рейхстага в Регенсбурге, имперского камерального суда в Вецларе и имперского придворного совета в Вене [3, 516-527; 7, 114-121; 1, 364-369].

В качестве итога необходимо сказать, что освещение событий, связанных с секуляризацией 1803 года, и анализ современных точек зрения на них достаточно убедительно показывают, что они во многом были инспирированы политикой Наполеона и стремлением ряда германских территориальных государств получить полный суверенитет и выйти из состава Священной Римской империи. Потеря значительной части католических княжеств-епископств из числа традиционной клиентелы Габсбургов ослабила позиции Империи в противоборстве с Наполеоном. С другой стороны, секуляризация имела следствием усиление рационализма в политике и культуре. Поэтому необходимо признать амбивалентность итогов секуляризации 1803 года.

The article deals with the problem of the historical place of General Resolution (Reichsdeputationshauptschluß) of Imperial Deputation of 1803 of the secularization of the spiritual principalities. The author points out that this resolution was the result of the striving of the group of some large and middle German principalities to the sovereignty and the diplomacy of Napoleon Bonaparte, which was directed to the weakening of the Holy Roman Empire. The secularization of 1803 destroyed the important part of the clientele of the Habsburgs and accelerated the end of the Holy Roman Empire. Simultaneously the author characterizes most recent works of the German historians, which were published to the 200th jubilee of secularization of 1803.

ЛИТЕРАТУРА

1. Циглер В. Франц II. 1792 – 1806 // Шидлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. – Ростов-на-Дону, 1997.
2. Aretin K.O. von. Heiliges Römisches Reich 1776 – 1806. Reichsverfassung und Staatssouveränität. – Teil I. – Wiesbaden, 1967.
3. Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd.3. Das Reich und österreichisch-preußische Dualismus (1745 – 1806). – Stuttgart, 1997.

4. Aretin K.O. von. Reichsverfassung und Mindermächtige. Geistliche Fürsten und italienische Vassalen als Stützen der kaiserlichen Reichspolitik // *Annali dell' Instituto storico italo-germanico in Trento*. Jahrbuch des italienisch-deutschen historischen Instituts in Trient. XXX. 2004.
5. Asche M. Krise und Übergang der alten Reichskirche in den geistlichen Territorien Norddeutschlands. Formen und Verlaufstypen eines Umbruchs // *Historisches Jahrbuch*, 2004, 124 Jahrgang.
6. Clark Chr. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600 – 1947. – Berlin, 2007.
7. Duchhardt H. Friedrich Karl Joseph von Erthal (1719 – 1802), Karl Theodor von Dalberg (1744-1817) und das Ende von Reichskirche und Reich. – Mainzer (Erz)Bischöfe in ihrer Zeit. Hrsg. von F.Felten. – Stuttgart, 2008.
8. Erbe M. Revolutionäre Erschütterung und erneutes Gleichgewichte. Internationale Beziehungen 1785 – 1815. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004.
9. Germann U. Die Entschädigungsverhandlungen Hessen-Darmstadts in den Jahren 1798-1815. Diplomatie im Zeichen des revolutionären Umbruchs. – Darmstadt, 1998.
10. Härter K. Der Hauptschluss der außerordentlichen Reichsdeputation vom 25. Februar 1803. Genese, Dynamik und Ambivalenz der legalen «Revolutionisierung» des Alten Reiches. – *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 2003, Hf.9.
11. Härter K. Reichstag und Revolution 1789-1806. Die Auseinandersetzung des Immerwährenden Reichstag zu Regensburg mit den Auswirkungen der Französischen Revolution. – Göttingen, 1992.
12. Härter K. Zweihundert Jahre nach dem Europäischen Umbruch von 1803. Neuerscheinungen zum Reichsdeputationshauptschluß, Säkularisationen und Endphase des Alten Reiches. – *Zeitschrift für Historische Forschung*, Bd.33, 2006, Hf.1.
13. Hausberger K. Von der Reichskirche zur «Papstkirche»? Die kirchlich-religiösen Folgen der Säkularisation. – *Die Säkularisation in Bayern 1803. Kulturbruch oder Modernisierung?*. Hrsg. von A.Schmid. – München, 2003.
14. Jahn C. Klostersaufhebungen und Klosterpolitik in Bayern unter Kurfürst Karl Theodor 1778 – 1804. – München, 1994.
15. Klueping H. Die Säkularisation von 1803 und Beziehung von Kirche und Staat zwischen Spätmittelalters und Gegenwart. – *200 Jahre Reichsdeputationschluss. Säkularisation, Mediatisierung und Modernisierung zwischen alten Reich und neuer Staatlichkeit*. Hrsg. von H.Klueping. – Münster, 2005.
16. Lanzinner M. Das Ende des Hochstift Freising in den Berichten seiner Gesandten vom Regensburger Reichstag 1801/1802. – *Bayern vom Stamm zum Staat. Festschrift für Andreas Kraus zum 80. Geburtstag*. Hrsg. von K.Ackermann, A.Schmid, W.Volkert. Bd.2. – München, 2002.
17. Lehmann H. Säkularisation und Säkularisierung. Zwei umstrittene Deutungskategorien. – *200 Jahre Reichsdeputationschluss. Säkularisation, Mediatisierung und Modernisierung zwischen Alten Reich und neuer Staatlichkeit*. Hrsg. von H.Klueping. – Münster, 2005.
18. Maier H. Säkularisation. Schicksale eines Rechtsbegriffs im neuzeitlichen Europas. – *Die Säkularisation in Bayern 1803. Kulturbruch oder Modernisierung?*. Hrsg. von A.Schmid. – München, 2003.
19. Müller W. Säkularisation vor der Säkularisation 1803. Zum Umgang mit dem Kirchengut im Alten Reich. – *200 Jahre Reichsdeputationschluss. Säkularisation, Mediatisierung und Modernisierung zwischen Alten Reich und neuer Staatlichkeit*. Hrsg. von H.Klueping. – Münster, 2005.
20. Pelizaeus L. Der Aufstieg Württembergs und Hessen zur Kurwürde 1692 – 1803. – Frankfurt am Main, 2000.
21. Reiß A. «1803 – Wende in Europas Mitte». Die Ausstellung in Regensburg zum 200jährigen Reichsdeputationshauptschluß – Konzeptbeschreibung und Bilanz. – *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 2003, Hf.9.

22. Schmid A. Die Säkularisationspolitik des Kurfürstentums Bayern im 18. Jahrhundert. – Die Säkularisation in Bayern 1803. Kulturbruch oder Modernisierung?. Hrsg. von A. Schmid. – München, 2003.

23. Schulze W. Editorial. – Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 2003, Hf.9.

24. Stauber R. Zwischen Finanznot, Ideologie und neuer Staatsordnung. Die politischen Entscheidungen der Administration Montgelas auf dem Weg zur Säkularisation 1798 bis 1803. – Die Säkularisation in Bayern 1803. Kulturbruch oder Modernisierung?. Hrsg. von A. Schmid. – München, 2003.

25. Stickler M. Reichskirche oder Landeskirche? Von der Zerstörung zum Neuaufbau des Staat-Kirche-Verhältnisses in Süddeutschland nach der Säkularisation. – Historisches Jahrbuch, 124 Jahrgang, 2004.

26. Weigand K. Der Streit um die Säkularisation von 1802/1803. Streit und öffentliche Debatte im 19. und 20. Jahrhundert. – Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 2003, Hf.9.

27. Weis E. Die Säkularisation der bayerischen Klöster 1802/1803. Neue Forschungen zu Vorgeschichte und Ergebnissen. – München, 1983.

28. Weis E. Montgelas I: Zwischen Revolution und Reform 1759 – 1799. – München, 1988.

29. Weis E. Montgelas und die Säkularisation der bayerischen Klöster 1802/1803. – Die Säkularisation in Bayern 1803. Kulturbruch oder Modernisierung?. Hrsg. von A. Schmid. – München, 2003.

30. Weitlauff M. Die Säkularisation in Bayern. Ereignisse und Probleme. Die Säkularisation in Bayern 1803. Kulturbruch oder Modernisierung?. Hrsg. von A. Schmid. – München, 2003.

31. Weitlauff M. Der Staat greift nach der Kirche. Die Säkularisation von 1802/1803 und ihre Folgen. – Kirche im 19. Jahrhundert. Hrsg. von M. Weitlauff. – Regensburg, 1998.

Х. Духхардт

*Институт европейской истории
(Майнц, Германия)*

E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

УДК 94(100)

БАРОН ШТЕЙН И РОССИЯ

Ключевые слова: Штейн; Россия; реформы Пруссии; самодержавие; Наполеоновские войны.

В статье описываются пребывание и деятельность известного немецкого политического деятеля и реформатора фон Штейна в России, куда он был приглашен императором Александром I. Автор характеризует впечатления Штейна о России, Санкт-Петербурге, его знакомства, а также его оценки российской действительности с позиций либерального европейского реформатора.

Когда Александр Первый пригласил скрывающегося от Наполеона в Богемии прусского реформатора приехать в Россию и стать его советником по связям с Германией, он, барон Штейн, без долгих колебаний решил принять это предложение, хотя не имел ни малейшего представления о том, что такое

Российская Империя. И хотя Штейн во время обучения горному делу познакомился с польскими областями, посетил рудники Верхней Венгрии, а затем, в свой первый министерский срок, проехал с инспекционной проверкой по восточной части королевства Пруссии до Белостока – оказаться где-то совсем рядом с Россией или, более того, в самой России, ему до сих пор не доводилось. Именно поэтому положительный ответ на приглашение русского царя с самого начала означал в прямом смысле путешествие в неизвестность, в мир, который был им еще не освоен, или, лучше сказать, освоен в недостаточной степени, поскольку нельзя исключать, что, будучи студентом у Августа Шлёцера в Геттингене, который стоял у истоков исследования российской действительности того времени, Штейн получил базовые знания по истории, страноведению и политической ментальности России [2].

И еще по одной причине поездка в Россию представлялась рискованным мероприятием. Во время своей деятельности на посту прусского министра Штейн иногда встречался с русским императором, когда тот приезжал в Пруссию, но те встречи не обозначили их идейную и духовную близость, вследствие чего не получила дальнейшего развития идея с его приглашением на службу России, последовавшим от известного историка Бартольда Георга Нибура вскоре после первой отставки барона [4, Т. II /I, 359]. Напротив, в предыдущие годы Штейн нередко очень критично высказывался об Александре: он то и дело демонстрировал свое раздражение по поводу противоречивой и невнятной политики императора по отношению к Наполеону. Так, например, в мемуарах, которые Штейн написал в Праге почти за год до своего отъезда в Россию, он упрекает императора в излишней уступчивости и услужливости Наполеону и обвиняет его в том, что уже в Тильзите он «перестал считаться с интересами Пруссии». Далее Штейн пишет: «Своей беспредельной покорностью и заискивающими манерами он (Александр) пытался избежать малейших разногласий с Наполеоном» [4, т. VII, 543].

В этой цитате заключены два факта. Во-первых, мы отмечаем склонность Штейна давать оценку людям по тому, готовы ли они были (и если да, то в какой степени) поучаствовать в судьбе ослабленного после сражения при Иене и Ауерштедте прусского государства. Во-вторых, именно французский император был для уволенного с государственной службы Штейна той величиной, которая определяла его симпатии и антипатии. Иными словами: в тот самый момент, когда император Александр скорректировал свою позицию по отношению к Наполеону и официально перешел к войне, у Штейна сформировался уже другой, гораздо более положительный образ Александра.

Как было отмечено ранее, Штейн недолго думал над приглашением императора; после своего бегства из Берлина в январе 1809 года он отчаянно искал возможности снова оказаться в большой политике и хотел во что бы то ни стало быть причастным к организации европейской освободительной борьбы против французского императора. Он всеми силами пытался хотя бы как-то повлиять на общественное мнение и процесс принятия решений – совершенно безуспешно; он настойчиво обращался к Венскому императорскому двору, он опять прощу-

пывал почву в Великобритании, – везде ему давали понять, что время для великих свершений еще не пришло. И тут весной 1812 года поступает приглашение от российского императора. Решение было принято за несколько часов, причем свою жену Штейн известил об этом в последний момент. Это был шанс, которого он ждал более трех лет – он был просто обязан использовать его!

Проехав почти за 15 дней через Лемберг (Львов), Дубно и Слоним, 12 июня 1812 года Штейн прибыл в Вильну (Вильнюс), где у него состоялся первый длительный разговор с императором. Во время разговора улетучились последние сомнения Штейна относительно позиции Александра – император разорвал отношения с Францией, и это решение, принятое в конце марта, было, вероятнее всего, необратимым – так, по крайней мере, казалось Штейну, который, конечно, еще не понимал, насколько значимым было это решение во внутривнутриполитическом отношении, ведь по данному вопросу давно велись споры в армейской среде и среди высшего дворянства. Однако в этот момент главным было другое. У Штейна создалось впечатление, что император сделал ставку именно на него, что Александр рассчитывал с его помощью (и помощью других) дезорганизовать, дестабилизировать наполеоновскую армию. Штейн полагал, что теперь ему придется энергично работать над тем, чтобы убедить другие государства начать антинаполеоновскую войну. Этих установок было достаточно, чтобы Штейн, назначенный на должность советника императора по связям с Германией, не имевший официального дипломатического статуса и принятый на службу без каких-либо письменных соглашений, всецело посвятил себя делу Романовых.

Узкие рамки статьи не позволяют представить деятельность Штейна на службе императору и описать его вклад в консолидацию усилий Европы в борьбе с Наполеоном в полном объеме. То, что эти действия в конечном итоге имели успех, что именно Штейн помогал императору поддерживать намеченный ранее политический курс и тем самым стал одним из тех, кто сделал из Александра лидера европейского уровня, факт достаточно известный. Вместо этого мы остановимся на освещении культурно-исторических фактов, высвечивающих некоторые аспекты заявленной тематики. Российская империя стала для Штейна новым миром, новым опытом. Новой была для Штейна огромная территория (Штейн всегда сопровождал императора в его поездках и прошел с ним путь до самой Москвы), новой оказалась для него политическая структура России – без сословного собрания, с грубыми нарушениями свободы слова и другими явлениями, рассматриваемыми европейским сознанием скорее как атипичные, не соответствующие норме. Сначала Штейн познакомился с жизнью высших кругов общества Санкт-Петербурга, побывал в тамошних салонах и, вопреки своим прошлым и настоящим привычкам, принял самое активное участие в светской жизни. Эрнст Моритц Арндт описывает, какой восторг вызывали у Штейна званые вечера в доме графини Орловой и как он при этом умел завоевать любовь гостей своим обаянием и жизненной позицией [1]. О графине Орловой Арндт однажды сказал следующее: «Жаль, что такая женщина должна жить и умереть в России». Принцесса, в свою очередь, была прямо-таки очарована личностными качества-

ми Штейна, а ему нравилось находиться вместе с ней в центре внимания и с блеском в глазах обмениваться какой-нибудь шуткой или просто разговаривать. На этих приемах, а также на других светских мероприятиях Штейн встречался и с другими знакомыми ему людьми, в частности, с графиней Толстой – дочерью принцессы Гольштейн и тещей будущего министра иностранных дел и канцлера Российской империи Нессельроде. Но более всего его очаровывали люди, с которыми он уже давно искал возможности познакомиться, это и швейцарский экономист Д'Ивернуа – раньше он буквально зачитывался его работами, посвященными Англии – и мадам де Сталь, дочь Неккера, которая бежала из Франции и была известна тем, что читала отрывки из своей книги «О Германии» и представляла их на обсуждение [1, 56]. Предоставим опять слово Арндту, который не мог наглядеться на то, «как эти два человека, увлеченные жаркими спорами за столом или на диване, начинали с присущей им энергией обрушиваться друг на друга». Можно с уверенностью сказать, что в плане светского общения петербургские недели были одним из немногих «высоких моментов» в жизни Штейна: его окружали женщины лучшего столичного светского общества, он был вхож в дом брата императора и его супруги из рода Саксен-Кобург и, как само собой разумеющееся, – его встречи с императрицей Елизаветой.

Не менее интересным, чем внезапное увлечение светскими раутами, представляется и второй факт. В Петербурге Штейн познакомился с людьми, которые открыли ему абсолютно новые географические измерения. Он встретил отважных капитанов, таких, как, например, адмирал Адам Иоганн фон Крузенштерн, который незадолго до этого (1803/1806) успешно завершил кругосветную экспедицию и по ее итогам начал выпускать атлас. Штейн познакомился с немцами, например, с выходцем из Швабии доктором Реманном: от этого человека, как и от многих других, Штейн впервые услышал рассказы об овечьих легендах, расположившейся за сибирскими просторами империи-«великане» – Китае, к окраинам которого в 1806 году подошла дипломатическая миссия под руководством графа Юрия Александровича Головкина [3, 31-42]. Эти рассказы значительно обогатили его картину мира; более того, можно взять на себя смелость утверждать, в Штейне проснулась безграничная тяга к Восточной Азии. Судя по его библиотеке, в последующие годы он проявлял к Южной и Восточной Азии много больше интереса, чем раньше.

Пребывание в Петербурге отразилось на судьбе Штейна, хотя тогда, в конце лета и осенью 1812 года, ничто не предвещало никаких изменений. Штейн произвел сильное впечатление на приближенное ко двору дворянство, и это впечатление закрепилось на долгие годы. Прежние резиденции Штейна – его родовой замок в Нассау близ всемирно известного и ставшего в то время популярного курорта Эмс на реке Лан, и купленный им бывший монастырь Каппенберг в Вестфалии – после ухода Штейна из большой политики (после Венского конгресса) попали в поле зрения многочисленных представителей русской интеллигенции и бывших должностных лиц, которые приезжали туда в надежде совершить обмен с престарелым Штейном. Из числа тех, кто сразу приходит на ум, Головкин – руково-

дитель называвшейся ранее дипмиссии в Китай, успевший повариться в котле европейской политики – приезжал в августе 1827 года [7, т. VII, 227]; в том же году в родовом замке в Нассау останавливались семья князя Петра Волконского и историк, исследователь старины Александр Иванович Тургенев [там же, 221]; в начале лета 1819 года здесь, по меньшей мере, были еще 2 человека – княгиня Мещерская и даже сама великая княгиня Мария Павловна [4, т. VII, 95, 98]. Правда, следует заметить, что гостевые книги отзывов, в которых регистрировались исключительно все приезжавшие в Нассау и Каппенберг, если они действительно существовали, до нас не дошли. К тому же Штейн не имел обыкновения во всех подробностях рассказывать о своих гостях другим, даже самым близким людям – двум своим дочерям. Несмотря на скудный список источников, мы не сделаем ошибки, если скажем, что не было такого месяца, когда Штейн не встречался бы с русскими. Если сюда еще добавить русских, с которыми Штейн вел переписку – президент Петербургской Академии Уваров, граф и графиня Орловы, граф Иоанн Антон Каподистрия, Виктор Павлович Кочубей, то, пожалуй, можно говорить о том, что Штейн являлся одним из тех представителей «Запада», кто особенно хорошо был осведомлен о социально-политической ситуации в России.

Осенние месяцы 1812 года, которые Штейн провел в Петербурге, не только существенно обогатили картину мира прусского реформатора, мелкопоместного дворянина из Ланталя, который тогда даже представить себе не мог, что станет одной из выдающихся личностей своей эпохи; это время сформировало у него новое ощущение пространства и укрепило чувство относительности европейского порядка; здесь, в России, расширился круг его друзей и знакомых.

Хотя для Штейна, яркого приверженца представительных конституций, защитника сословного порядка, радетеля за общечеловеческий минимум прав и свобод, политическая система России всегда оставалась закрытой и непонятной, он не оставлял надежду на то, что такие личности, как Александр Первый, рано или поздно смогут приобщить Россию к европейским стандартам. В том, что это были всего лишь иллюзии, Штейн окончательно убедился после подавления Польского (ноябрьского) восстания 1830 года, о котором узнал незадолго до своей смерти [4, т. VII, 1054].

Перевод с немецкого: Р.В. Белютин

The article describes the stay and activities of the famous German political figure and reformer von Stein in Russia, where he was invited by the emperor Alexander I. The author characterizes the impressions of Stein on Russia, Saint-Petersburg, his acquaintances, his assessments of Russian reality from the positions of a European liberal reformer.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arndt E. M. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein. W. Neugebauer (Hrsg.). – Hildesheim, 2005.
2. Duchhardt H. Stein. Eine Biographie. – Münster, 2007.
3. Duchhardt H. Der Freiherr von Stein und China // H. Duchhardt: Stein-Facetten. Studien zu Karl vom und zum Stein. – Münster, 2007.
4. Hubatsch W. (Hrsg.). Freiherr von Stein, Briefe und amtliche Schriften. – 10-bändige Edition. – Stuttgart, 1957 – 1974.

О.В. Козлов

*Смоленский государственный университет
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru*

УДК 930+94(47)

ИСТОРИОГРАФИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ И КУЛЬТУРОЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1917 – 1922 ГОДАХ

Ключевые слова: *историография; методология; система управления; образование; просвещение; культура; источники; социокультурные изменения; провинциальное общество; власть; исторический процесс; революция; культурные преобразования.*

Представлен краткий библиографический анализ исторических публикаций, посвященных первым изменениям, осуществленным советской властью в ходе строительства новой социалистической системы управления в западном регионе России. Автор выделил три периода в развитии исторических исследований в XX веке, показал современное состояние историографии. Он сделал вывод о необходимости дальнейшего изучения различных аспектов работы учреждений образования и культуры на основе достоверных архивных документов.

На территории бывшего СССР многие исследователи преуспели не только в смене методологических ориентиров, но и в вариативных трактовках одного из переломных периодов истории нашего отечества – Февральской, Октябрьской революций и гражданской войны, да и всей советской эпохи. В течение последних пятнадцати лет ставшие доступными документы архивов бывшего СССР превратили многих историков в разряд жадных до сенсаций публицистов, желающих на сенсационных источниках создать собственные варианты исторического прошлого. Однако использование ранее закрытых документов в качестве доминирующих, как правило, приводит или к очередной политизации, или к привычной односторонности в освещении истории. Примеров тому в публицистике предостаточно. Но за эти же годы появились и работы, аккумулировавшие как

старые, так и «новые» источники и, к тому же, постепенно избавляющиеся от предвзятого отношения ко всему советскому и социалистическому, принимающие исторические реалии как состоявшиеся.

Под воздействием новых политических стимулов разрастающийся плюрализм взглядов на нашу недалекую историю стал уже несколько раздражать российское общество, ему вполне закономерно хочется иметь не отдельно «красную» или «белую» историю, а, насколько это возможно, «политически бесстрастные» исторические исследования. Попытки такого осмысления истории уходящего столетия делались и ранее, особенно если это касалось не ее политических аспектов. Относительное «беспристрастие» было возможно при исследовании конкретных сторон жизни того или иного региона страны, если оно опиралось на качественную фактологическую и количественно достаточную источниковую базу. Поэтому сегодня, в условиях ослабления федеральной власти, интерес к истории родного края, или «малой родины», даже несколько повысился. Освободить региональную историю от политической предвзятости, сделав ее наукой, а не служанкой идеологии, – задача весьма сложная и злободневная. Решать ее, на наш взгляд, предстоит не одному поколению исследователей.

В отечественной историографии, исследующей период 1917 – 1922 годов, существуют как бы три взаимосвязанных раздела: советский – достаточно объемный, со строго выверенным рядом источников, трактующий события в рамках одной марксистско-ленинской методологии; недолгий перестроечный – на «новой» источниковой базе, разрушивший старые идеологические постулаты; и длящийся постсоветский – с размытой концептуальностью и методологией, использующий как известные, так и скрытые ранее документы и материалы. Историография двух последних разделов – это поиск нового видения по любой из проблем обозначенного периода отечественной истории.

Сразу следует отметить, что на первом этапе интерес к исследованию процесса взаимодействия власти и общества в сфере образования и культуры царской России был незначительным. Это было связано с вполне понятными попытками отрицания прошлого опыта, как положительного, так и отрицательного, и стремлением демонстрации революционных достижений. Одними из первых в советский период за освещение истории народного образования взялись историки педагогики. В их работах достаточно полно были отражены вопросы ведомственной принадлежности учебных заведений, характеристика учебных дисциплин, недостатки низшего, среднего и профессионального образования в России, уровень грамотности городского и сельского населения [6; 11; 12; 36; 49].

В ходе дальнейшей разработки вопросов развития просвещения и культуры следует отметить книгу для учителя «Очерки истории русской культуры начала XX века» С.С. Дмитриева, вышедшую в 1985 году [14]. В ней он дает схему ведомственной подчиненности различных учебных заведений страны, показывает состояние начальной, средней и высшей школы в России, подчеркивает полную несвязанность звеньев существующей системы народного образования. В то же время описание развития науки, искусства, библиотечного и книгоиздательского

дела, как и предыдущий материал, отличаются присущей очеркам поверхностностью и излишней методологической односторонностью, что снижает познавательное значение данной работы.

В конце 90-х годов XX века увидели свет монографии, отличающиеся применением различных методологических приемов. К таким работам можно отнести труд А.В. Третьякова «Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков», вышедший в Курске в 1998 году. В ней автор проводит анализ процесса становления сети низшего сельскохозяйственного образования России на рубеже веков, раскрывает социокультурные факторы его становления, исследует деятельность на этом направлении государственных структур, земств, общественных структур и частных лиц. Однако помимо излишней детализации в подаче фактического материала, автор, на наш взгляд, делает весьма смелый вывод о том, что в процессе развития профтехшкол на селе «...государство и все заинтересованные учреждения создали единую, хорошо отлаженную и гибкую систему работы» и что «в этой работе отсутствовали существенные межведомственные барьеры» [50, 4].

Ведущей тенденцией во взглядах сегодняшней историографии на период первых лет советской власти, пожалуй, можно считать, тенденцию, в рамках которой принято рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, а также гражданскую войну «... как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917 – 1922 гг., которая наряду с Великой французской революцией конца XVIII в. стала одной из крупнейших вех мировой истории» [1, 5]. Действительно, Октябрь, по мере документального изучения его феномена, продолжает вносить непредвиденные для многих ученых коррективы в сам исследовательский процесс и конечные выводы по рассматриваемым событиям революции. Можно согласиться и с тем, что в отечественной и зарубежной историографии сложилось представление об Октябре как «о спектре разновременных и разномасштабных революций, порожденных специфическими условиями мировой войны» [1, 16].

В перестроечной и постсоветской историографии ажиотажный поиск «истины» велся в основном в сфере политических альтернатив Октябрю и почти не затрагивал областей культуры и народного образования, специфики создания их органов управления в центре и на местах, положительной или отрицательной роли государственных, партийных властных структур и общественных учреждений, осуществлявших политическую и культурно-просветительную работу в новых условиях. В этой связи проблема взаимоотношения и взаимодействия власти и общества в ходе решения таких государственных задач, как становление общего и профессионального образования, поднятие культурного уровня населения в дореволюционные годы и годы «Великой российской революции», все еще не стала объектом пристального внимания исследователей. Это объясняется тем, что поиск «исторической правды» раньше мог осуществляться только через идеологически выверенный ряд источников, подтверждающих верность марксистско-ленинского учения о культурной революции и ни в коей мере не допускающих

расшифровки источников с иными данными. Поэтому для многих исследователей всесторонний анализ политической и нравственно-культурной взаимосвязи власти и общества в обозначенный переломный момент истории был просто невозможен.

Сегодняшним исследователям есть от чего отталкиваться в поисках «истины», так как советская историческая наука располагала значительным количеством исследований, посвященных деятельности КПСС и Советского государства по руководству культурным строительством [15; 24; 27]. Это направление в исследованиях тесно переплеталось с работами общего характера, освещающими исторический опыт и этапы культурной революции в СССР. Однако литературу по названной проблематике, вышедшую вплоть до сегодняшнего дня, нельзя оценивать однозначно.

Появление в периодике и научной литературе различных трактовок прошлого привело не столько к ликвидации белых пятен в исторических знаниях, сколько к изменению их идеологической полноты и уходу от однолинейности в трактовках исторического процесса. Имеющаяся огромная источниковая и историографическая база еще только начинает рассматриваться в комплексе и вводиться в научный оборот на основе современных подходов. Это явление в нашей исторической науке развивается на фоне отказа от синдрома пристрастия к какой-нибудь «единственно верной» методологии при изучении системного кризиса, охватившего Российскую империю и Советскую республику в годы «Великой российской революции», поэтому большинство историков видят выход на новый качественный уровень отечественной историографии в использовании дополняющих друг друга методологических приемов и разноплановых источников. Время покажет, насколько действенным будет подобный универсальный подход.

Непосредственно по Западному региону РСФСР вопросы истории культурного строительства в первые послереволюционные годы освещены лишь фрагментарно. И хотя 20-е годы вошли в историю отечественного краеведения как «золотое» десятилетие, а само краеведение признавалось «массовым научно-культурным движением» [52, 19], следует учитывать, что оно развивалось в условиях, когда в школах вплоть до 1934 года история фактически не преподавалась. Местные краеведы пытались как-то заполнить пробелы в историческом знании населения, особенно в плане освещения героики революционных событий и в описании социокультурного облика западнорусской деревни. К их числу относятся работы В.Н. Астрова, Е.Э. Бломквиста, Д.И. Кострова, Н.И. Лебедевой, Л.А. Салина, М.Е. Шереметьевой и ряда других исследователей [4; 5; 26; 28; 39; 53].

Весьма интересна судьба книги М.И. Даияна «Смоленск в революции 1917 года», написанная к десятилетию Октябрьской революции и впервые отразившая социокультурные аспекты революционных дней в провинции [13]. Автор добился достоверности изложения материала, используя воспоминания участников революционных событий. Примечательно, что последние при оценке

книги указали на соответствие изложенных фактов исторической действительности. Однако «строгие» рецензенты из партийных и советских властных структур, отмечая ее фактологическую правдивость, все же упрекали автора в недостаточно глубоком и политически верном освещении революционных событий в Смоленске. Нам же следует поблагодарить Даияна за попытку более живого очеловеченного описания тех противоречивых дней.

Некоторые статистические и фактологические сведения по вопросам первых культурных преобразований в регионе содержатся в периодических изданиях конца 20-х – начала 30-х годов. К ним относится статья А. Тыкоцкого «Практика деревенской работы. Из опыта работы в Смоленской губернии» [51], статья В. Яковлева и «Культурный профиль Западной области к XV годовщине Октября» [54] и статья Я. Зароховича «Западная область к пятнадцатой годовщине октября» [17]. Последние две работы содержат довольно интересные и явно завышенные данные об успехах в деле повышения общей и политической грамотности жителей области.

В 50-е годы местные исследователи, используя более широкую источниковую базу, значительно расширили круг изучения проблем переходного периода от капитализма к социализму, включив в него и вопросы культурного строительства в регионе. К исследованиям такого направления относится труд С.С. Тарасова «Культурное строительство в первые годы Советской власти» [48] и статья Г.Т. Рябкова «Развитие народного образования, культуры и здравоохранения в Смоленской губернии в первые годы Советской власти» [38], напечатанная в седьмом выпуске «Ученых записок Смоленского педагогического института» (1958).

В 60–70-е годы провинциальные ученые индивидуальными и коллективными усилиями создали ряд обобщающих трудов по истории социалистического строительства в регионе [21; 33; 34; 35; 44; 46; 47]. К тому же в нашем распоряжении имеются специальные работы о развитии школьной сети и некоторых высших учебных заведениях [2; 7; 19; 41; 42], отдельные статьи, заметки, брошюры о работе различных культурно-просветительных учреждений [3; 16]. Однако все эти работы носят чисто описательный характер и затрагивают лишь отдельные моменты культурного строительства. Они практически не затрагивают вопросов складывания взаимоотношений власти и общества в годы гражданской войны при создании управленческих структур в сфере образования и культуры.

В начале 80-х годов интерес к революционной тематике в регионе сохранился [8], а с началом перестройки даже усилился [9; 10]. И хотя к настоящему времени накоплена довольно обширная литература по истории социалистического строительства в Западном регионе России, изучение проблемы взаимодействия власти и общества в процессе становления советской системы управления народным образованием и культурой на местах остается весьма актуальным. Специальных работ, посвященных деятельности созданных в годы гражданской войны общественных организаций в области народного образования и культуры, вообще нет.

Правда, следует отметить и то, что в 90-е годы были опубликованы работы как частного, так и общего характера, в которых освещены различные аспекты социокультурных процессов 1917 – 1922 годов [18; 21; 25; 29; 30; 31; 32; 40; 45]. Например, уже увидели свет два тома «Истории крестьянства Западного региона России», в которых содержатся отдельные главы, характеризующие культурную жизнь региона с древнейших времен до 1917 года [22; 23]. Таким образом, отечественными и зарубежными историками к настоящему времени обобщена лишь незначительная часть документальных материалов по проблеме взаимоотношения и взаимодействия власти и общества в 1917 – 1922 годах в процессе культурного обновления российской провинции. Проблема эта далеко не исчерпана и нуждается в детальной научной разработке, прежде всего, специфических особенностей социокультурного развития регионов нашей страны.

A short bibliographic analysis of scientific publications devoted to the first changes realized by the Soviet power in time of creation of the new Socialist system of governing in West region of Russia is presented. The author divided three periods in the development of historic research in the XX century and showed subsequent development of historiography. He came to the conclusion of the necessity of further study of different aspects of work of educational and culture institutions on the basis of the established archive files.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998.
2. 40 лет Смоленскому государственному педагогическому институту им. К. Маркса. – Смоленск, 1958.
3. Астров В. Театр «Пропро» // В большой семье. – Смоленск, 1960.
4. Астров В.Н. Большевики в Смоленске до Октябрьской революции. Популярный очерк. – Смоленск, 1923.
5. Бломквист Е.Э. Крестьянские жилища Калужской губернии // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. 3. – Вып. 2.
6. Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. – М., 1964.
7. Брянский технологический институт. – Брянск, 1968.
8. Будаев Д.И. Рожденный в борьбе союз. – М., 1984.
9. Будаев Д.И. Смоленская губерния в 1861 – 1917 годах: учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск, 1990.
10. Великий Октябрь на Брянщине. Хроника важнейших событий (март 1917 – июнь 1918 гг.) / сост. И.Е. Яненко. – Тула, 1987.
11. Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. – М., 1961.
12. Веселов А.Н. Среднее профессионально-техническое образование в дореволюционной России. – М., 1959.
13. Даиян М.И. Смоленск в революции 1917 года. – Смоленск, 1927.
14. Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века: книга для учителя. – М., 1985.

15. Ермаков В.Т. К вопросу об освещении истории Советской культуры в исторической литературе. Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. – Свердловск, 1974.
16. Журавлева Л.С. К истории музея «Русская старина» // Материалы по изучению Смоленской области. – М., 1974. – Вып.8.
17. Зарохович Я. Западная область к пятнадцатой годовщине октября // Хозяйство и культура. – 1932. – № 10-11.
18. Из истории Брянского края. – Брянск, 1995.
19. Из истории народного образования на Смоленщине: сборник статей. – Смоленск, 1970.
20. Ильюхов А.А. Из истории культурного строительства на Смоленщине в первые годы Советской власти // Смоленский край в истории русской культуры. – Смоленск, 1973.
21. Ильюхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда (1917 – 1922 гг.). – Смоленск, 1998.
22. История крестьянства Западного региона России. 1861 – 1917. – Калуга, 1993.
23. История крестьянства Западного региона РСФСР. Период феодализма. – Воронеж, 1991.
24. Ким М.П. Проблемы теории и истории реального социализма. – М., 1983.
25. Коринфский А.А. Народная Русь. – Смоленск, 1995.
26. Костров Д.И. Крестьянские жилища Калужской губернии. – Калуга, 1927.
27. Куманев В.А., Наумов В.П. Некоторые вопросы изучения ленинской концепции культурной революции // Вопросы истории КПСС. – 1978. – № 1.
28. Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. – М., 1927.
29. Лейберов И.П., Судаченко С.Д. Революция и хлеб. – М., 1990.
30. Летвак К.Б. Политическая активность крестьян в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. – 1991. – № 2.
31. Малинин Д.И. Опыт путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. – Калуга, 1992.
32. От революции к революции: Люди. События. Мнения. – Смоленск, 2000.
33. Очерки истории Брянской организации КПСС. – Тула, 1968.
34. Очерки истории Калужской организации КПСС. – Тула, 1965.
35. Очерки истории Смоленской организации КПСС. – 2-е изд. – Смоленск, 1985. – Кн. 1.
36. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX века / под ред. Э.Д. Днепровца. – М., 1991.
37. Резников Н.С. На новом подъеме. (Школы и учительство Западной области). – Смоленск, 1933.
38. Рябков Г.Т. Развитие народного образования, культуры и здравоохранения в Смоленской губернии в первые годы Советской власти // Ученые записки Смоленского педагогического института. – Смоленск, 1958. – Вып.7.
39. Салин Л. Великий Октябрь в Смоленске // Смоленский альманах. – Смоленск, 1947. – Кн. 3.
40. Сикорский Е.А. На переломе. Из истории революционной Смоленщины (1914 – 1920 гг.). – Смоленск, 2000.
41. Смоленский государственный медицинский институт (1920–1970). – Смоленск, 1970.
42. Смоленский государственный педагогический институт им. К. Маркса (1918 – 1968). – Смоленск, 1968.
43. Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. – Дмитров, 1930.
44. Степанов П.С. Преображенная Октябрем. – Смоленск, 1961.
45. Суворова Л.Н. За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. – 1993. – № 3.

46. Сысоев С.С. Очерки культурного строительства на Брянщине. – Тула, 1970.
47. Тарасевич Б.И. Борьба трудящихся Брянщины за победу культурной революции (1917 – 1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1967.
48. Тарасов С.С. Культурное строительство в первые годы Советской власти. – М., 1957.
49. Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа России в конце XIX – начале XX веков. – Курск, 1998.
50. Третьяков А.В. Становление и развитие низшего сельскохозяйственного образования России в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1998.
51. Тыкоцкий А. Практика деревенской работы: Из опыта работы в Смоленской губ. // Коммунистическое просвещение. – 1926. – № 3.
52. Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917 – 1929 гг.). – М., 1986.
53. Шереметьева М.Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: Этнографический очерк. – Калуга, 1925.
54. Яковлев В. Культурный профиль Западной области к XV годовщине Октября // Хозяйство и культура. – 1932. – № 10-11.

Д.В. Валуев

*Смоленский государственный университет
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru*

УДК 94(47)

«СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ» И КРАСНАЯ АРМИЯ (на материалах Смоленской губернии и Западной области)

Ключевые слова: *социальная политика; Красная Армия; «социально чуждые»; лишенцы; чистки.*

В статье описаны некоторые изменения социальной политики советской власти в 1917 – 1939 годах. Автор предъявил доказательства лишения некоторых гражданских прав представителей различных сословий, которые не работали. Бывшие дворяне, священники и их дети одновременно лишались избирательного права и права служить в Красной Армии в первое десятилетие после Октябрьской революции. Военкоматы делали все возможное, чтобы получить полные сведения о социальном происхождении призывников. Конституция (1936 год) и Закон о всеобщей воинской повинности (1939 год) восстановили равенство прав всех граждан СССР независимо от происхождения.

Социальная политика советского руководства первых послереволюционных десятилетий была связана со стремлением воплотить в жизнь идеологические установки о диктатуре пролетариата и о построении бесклассового общества. Одной из главных её задач была ликвидация «нетрудовых» слоёв населения. При этом помимо прямых репрессий против представителей «эксплуататорских клас-

сов» советская власть использовала разнообразные ограничения политического, общественного, экономического и даже бытового характера, накладывавшиеся на граждан в зависимости от их сословной принадлежности или происхождения.

Серьёзным ущемлением прав «бывших» и «социально чуждых» стал запрет на службу в Красной Армии (1). Уже в первом декрете о формировании Красной Армии от 15 января 1918 года подчёркивалось: «Рабоче-Крестьянская Армия создаётся из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов» [9, 395]. В декрете об обязательном обучении военному искусству от 22 апреля 1918 года говорилось: «Паразитические и эксплуататорские элементы не могут быть допущены к владению оружием. Обучение военному делу и вооружение народа в ближайшую переходную эпоху будет распространено только на рабочих и на не эксплуатирующих чужого труда крестьян» [11]. В программе РКП (б), принятой на VIII съезде (март 1919 года), указывалось: «Красная Армия как орудие пролетарской диктатуры должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоёв крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная армия превратится во всенародную социалистическую милицию» [10, 82].

В начальный период существования советской власти лишение избирательных прав в судебном порядке, особенно если лишаемый принадлежал к «нетрудовому классу», нередко сопровождалось запретом на военную службу. В делах Смоленского губернского ревтрибунала первых послереволюционных месяцев можно встретить такие приговоры: «Смоленский Губернский Ревтрибунал постановил освободить Леонова из-под стражи без права поступления в Красную Армию и без права быть избранным или назначенным на ответственную должность в Советских учреждениях в течение одного года» [1, 22]. Другой приговор гласил: «Лишить избирательных прав и зачислить в буржуазный батальон» [1, 50].

Летом 1918 года была принята первая Конституция РСФСР. В ней говорилось о лишении избирательных прав «эксплуататорских» слоёв населения. Прав голоса были лишены лица, пользовавшиеся наёмным трудом для извлечения прибыли; граждане, живущие на «нетрудовой доход», т.е. на проценты с капитала, доходы от предприятий и т.д.; частные торговцы; служители религиозных культов; бывшие служащие полиции и органов внутренних дел. Эта норма была сохранена и в Конституции РСФСР 1925 года. Именно наличие или отсутствие у человека избирательных прав определяло порядок исполнения им воинской повинности.

20 июля 1918 года СНК принял декрет «О призыве в тыловое ополчение лиц, не подлежащих призыву в Красную Армию». В качестве приложения в нём было «положение о правилах регистрации населения на предмет зачисления в тыловое ополчение». Перечень лиц, которые не могли проходить военную службу на общих основаниях, содержащийся в нём, фактически совпадал с реестром лиц, лишаемых избирательных прав по 65-й статье Конституции (кроме осуж-

дённых и умалишённых). Составлением списков граждан, призываемых в тыловое ополчение, занимались местные советы. В ополчение призывались лица, не имеющие прав голоса в возрасте от 18 до 45 лет. Из них формировались рабочие части, которые использовались на разнообразных тяжёлых работах: при рытье окопов и траншей, строительстве дорог, заготовке леса. Согласно «Положению о тыловом ополчении» ополченцы не могли быть назначены «на все командные должности, до командиров отделений включительно, а также на должности комиссаров и инструкторов». Тыловые ополченцы в отличие от солдат Красной Армии должны были платить за получаемое продуктивное и вещевое довольствие. Впрочем, если призывники могли доказать, «что лишены возможности оплачивать довольствие», оно предоставлялось им бесплатно [12].

В рамках военной реформы 1924 – 1925 годов в основы системы комплектования и функционирования тылового ополчения были внесены изменения. Декрет ЦИК и СНК СССР от 14 марта 1924 года «О порядке зачисления граждан в команды обслуживания» вводил новые правила организации частей тылового ополчения [13]. Отныне составлением списков лиц, призываемых в тыловое ополчение (команды обслуживания), занимались местные призывные комиссии «с участием представителя местного органа Объединённого государственного политического управления». В основу списков клались «имеющиеся в уездных управлениях милиции и в административных отделах губернских исполнительных комитетов данные о гражданах, не пользующихся избирательными правами, и имеющиеся в означенных учреждениях, а также в органах Объединённого государственного политического управления сведения о гражданах, не могущих быть допущенными в ряды Красной Армии по враждебности к советской власти». Данные списки представлялись призывными комиссиями на утверждение президиумов местных исполкомов. Лица, включенные в списки, могли обжаловать действия призывной комиссии и потребовать своего призыва на действительную военную службу. Поскольку жалобы в абсолютном большинстве подавались совершеннолетними детьми лишенцев, они рассматривались чаще всего в связи с вопросами предоставления избирательных прав.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1925 года вводило особый военный налог. Его платили граждане, которые подлежали призыву в команды обслуживания, но не могли служить по состоянию здоровья, а также те, кто состоял в командах обслуживания не при кадровых, а при территориальных военных частях [14]. В дальнейшем круг лиц, плативших военный налог, был существенно расширен. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 года «специальным военным налогом» в мирное время облагались все граждане, зачисленные в тыловое ополчение. Он взимался ежегодно «с того окладного года, в течение которого гражданин зачислен в тыловое ополчение, до того окладного года включительно, в течение которого ему исполнится 27 лет». Впоследствии военный налог взимался ещё два раза – по достижении гражданином 33 и 39 лет соответственно [16].

25 января 1932 года было выпущено постановление СНК СССР, которое опять изменило порядок взимания специального военного налога. Теперь тылоополченцы, «которые в течение того времени, когда их сверстники трудящиеся» служили в армии, не привлекались «вовсе к работам, установленным для них вместо военной службы» или привлекались «на срок менее трёх лет», уплачивали налог «в течение одного года за каждые неотработанные полгода». Граждане, платившие подоходный налог в размере до 3 000 руб. в год (или до 250 руб. при обложении месячными окладами), выплачивали военный налог в размере 75% подоходного налога. Для лиц, подоходный налог которых составлял более 3 000 руб. в год (более 250 руб. при месячном окладе), специальный военный налог устанавливался в размере 100% суммы подоходного налога. Сумма специального военного налога для плательщиков подоходного налога при этом не должна была быть меньше 50 руб. в год. Лица, принадлежавшие «к кулацким хозяйствам, облагаемым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке», платили военный налог «в размере 50% оклада их сельскохозяйственного налога, но не менее 100 руб. в год». Остальные граждане, «входящие в состав хозяйств, облагаемых единым сельскохозяйственным налогом», должны были платить военный налог «в размере 50% оклада их сельскохозяйственного налога, но не менее 50 руб. в год». Граждане, имевшие самостоятельный доход, но с которых не взимались подоходный или единый сельскохозяйственный налоги, платили специальный военный налог «в размере 50 руб. в год» [18].

По закону «Об обязательной военной службе» от 8 августа 1928 года лица, призываемые в тыловое ополчение, получали вместо обычных военно-учётных документов так называемый «белый билет» – справку на бланке белого цвета, свидетельствующую, что данный гражданин по своей социальной принадлежности может служить только в тыловом ополчении [15]. Каждый молодой человек призывного возраста обязан был заполнять особую «справку призывника», на основании которой в дальнейшем решался вопрос о месте прохождения им военной службы. Среди прочего в справке необходимо было указать «социальное происхождение и имущественное положение призывника», а также «имущественное положение хозяйства до и после революции». Кроме того, нужно было сообщить «кто из семьи или родственников лишен избирательных прав, когда и за что» и «какую имеет связь призывник с лишенцами, раскулаченными или чуждым элементом, и в чём она выражается» [23, 136]. В период форсированной индустриализации служащие тыловые ополченцы активно использовались «на тяжёлых физических работах с фиксированным – 2-3 года сроком повинности, после чего получали формальную возможность восстановления в правах» [25, 276].

Кроме военной службы советские граждане должны были периодически участвовать в исполнении разного рода повинностей, связанных с обороной страны. При этом наибольшая тяжесть в несении подобных повинностей ложилась на плечи «нетрудовых элементов». Так, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 апреля 1931 года во время обучения переменного состава территориальных армейских частей командование этих подразделений забирало у местных жите-

лей в порядке мобилизации для своих нужд лошадей, обозные повозки и упряжь. Владельцам данного имущества военные части выплачивали вознаграждение «по существующим в данной местности ценам, определяемым риками (горсоветами)». Однако особо оговаривалось, что «кулацким хозяйствам вознаграждение не уплачивается» [17].

При проведении призыва военкоматы стремились получить по возможности наиболее полные сведения о социальном происхождении и политических настроениях молодых людей, призываемых в армейские ряды. В этой деятельности часто возникали затруднения. В беседе с корреспондентом губернской газеты «Рабочий путь» в августе 1928 года временно исполняющий должность начальника Смолгубтерокруга Стеклов сетовал на то, что при подготовке к очередной призывной кампании «со стороны советских органов (уики, финотделы, судебные органы, вики) не проявлено чёткости по выявлению чуждых элементов». Далее он отмечал: «До сего времени нет точного материала о лицах, лишенных избирательных прав, пораженных по суду, несмотря на то, что терокруг запрашивал об этих сведениях неоднократно, а в Смоленский уик и горсовет даже посылались курьеры и звонилось по телефону». Говоря об ужесточении проверок социального происхождения и лояльности призывников к советской власти, когда в армию «не будут допускаться ... даже и те, кто формально не лишён избирательных прав, но идеологически чужд пролетарскому классу», Стеклов заявлял: «выявлением этих лиц должны заняться не только комиссии и исполкомы, но задача каждого призывника и гражданина сообщать комиссиям о чуждых элементах, с тем, чтобы они не проникли в ряды Красной Армии» [20].

В июле 1929 года военком Ярцевского района направил письмо секретарю местного райкома ВКП (б), в котором просил организовать конференцию из допризывников и провести агитационную кампанию «по обеспечению призыва». Особо при проведении этих мероприятий военком просил «обратить внимание на социальный отсев классово-чуждого элемента и по представленным РИКом спискам на призывников основательно проверить с участием представителей от ВЛКСМ, Начмилиции, Нарсудьи и друг. лиц, которые найдете необходимым, сделав отметки, кто и по какой причине не может быть допущен в армию» [24, 344-345].

Власти, как центральные, так и местные, постоянно поднимали вопрос о социальном составе армии. В совершенно секретной директиве Западных облизполкома и обкома партии от 25 января 1932 года от нижестоящих партийных и административных органов требовалось: «Обратить особое внимание на тщательный социально-классовый отбор военнообязанных, подлежащих приписке к войсковым частям, не допуская повторения недочётов прошлого года, когда имели место случаи приписки явно социально-чуждых и опасных элементов, а также случаи отсева социально-близких контингентов». Говорилось о том, что «каждая партийная ячейка и сельсовет должны заблаговременно и тщательно просмотреть списки военнообязанных, подлежащих приписке на предмет отсева социально-чуждых и враждебных элементов» [24, 345]. Но реализация подобных

требований на практике нередко была далека от удовлетворительной. В секретном письме руководителей Западной области от 4 марта 1935 года «отмечалось как минимум 10 районов, в которых была слабо поставлена работа "по изучению социального состава призывников и отсеву социально-чуждых элементов"». Руководству этих районов предписывалось улучшить свою работу по организации призыва в Красную Армию, при этом «уделяя особое внимание вопросу изучения классового характера призывников» [24, 346]. В секретном письме Козельского райвоенкома говорилось об обеспокоенности командующего Белорусским военным округом рядом «недопустимых упущений в приписке и организации призыва 1914-1916 года рождения». Среди прочих в перечне упущений был и такой пункт: «Слабо проводилась работа по составлению характеристик на юношей, проходящих довоенную подготовку и по изучению их классового происхождения, в результате чего некоторые из них оставались непроверенными до самого призыва» [24, 346-347].

Наличие избирательных прав и право на действительную службу были столь тесно связаны, что иногда лишение прав голоса следовало вслед за изгнанием из армии. В январе 1927 года в Смоленскую городскую избирательную комиссию поступило отношение территориального управления частей Красной армии «по вопросу о зачислении в тылополчение гражданина Клебанова Генриха Берковича как административно высланного». Рассмотрев этот документ на своём заседании 26 января, комиссия вынесла следующее постановление: «Гражданина Клебанова Генриха Берковича как административно высланного лишить избирательных прав» [2, 28 об.].

Если член семьи, главу которой лишали избирательных прав, находился на действительной военной службе в момент лишения, его могли исключить из рядов красноармейцев по представлению местных органов власти. В январе 1933 года житель деревни Пречистое Тёмкинского района Глебов подал жалобу в райисполком на неправильное обложение его хозяйства индивидуальным налогом. Президиум райисполкома, рассмотрев жалобу на своём заседании 31 января 1933 года, признал справедливость обложения Глебова индивидуальным налогом как кулака, а также постановил лишить его избирательных прав и «ходатайствовать перед командованием полка об отзыве... из Красной Армии сына Глебова, находящегося в терчасти» [5, 29 об.].

Многие молодые лишенцы остро воспринимали запрет на прохождение действительной военной службы. Часто именно это обстоятельство становилось доминирующим при возбуждении ходатайства о восстановлении в избирательных правах. Характерным примером может служить заявление жителя Ельни И.С. Карасёва, направленное им в октябре 1925 года в Смоленскую губернскую избирательную комиссию. В нём говорилось: «При составлении в нынешнем году списков лиц лишенных избирательных права по городу Ельне я включен в таковой как сын торговца, одновременно я как родившийся в 1903 году подлежу призыву на военную службу в ряды Красной Армии и на основании того, что я лишён избирательного права постановлением Уездного Исполнительного коми-

тета зачислен для несения службы в тыловом ополчении» [4, 34]. Далее Карасёв указывал, что не состоит на иждивении своего отца, а, начиная с 1918 года, работал в различных организациях «гражданского и военного ведомства». Также он занимался и общественной деятельностью, являясь членом различных добровольных организаций, в том числе Общества друзей воздушного флота. На основании всего изложенного Карасёв просил восстановить его в избирательных правах и исключить из списков тылоополченцев. Однако губернская избирательная комиссия сочла его доводы неубедительными и не восстановила Карасёва в избирательных правах, и соответственно он должен был отбывать воинскую повинность в рядах команды обслуживания.

Но существовало и явление обратного порядка. Некоторые граждане наоборот стремились документально зафиксировать факт лишения их избирательных прав, чтобы не идти на действительную военную службу. Корреспондент «Рабочего пути» отмечал в январе 1927 года, что в помещении городской избирательной комиссии встречались люди «с радостной улыбкой на лице, требующие справочки о том, ... что они лишены избирательных категорий». Как правило, это были «нэпманы и их сынки, бывшие служители культов» и бывшие сотрудники полиции. Справки им нужны были «на предмет избежания зачисления в Красную Армию и определения в тыловые кадры». Во всеуслышание об этом не говорилось, но, как заметил корреспондент, «“соль” нашего города... в “кулуарах” комиссии, делясь между собой впечатлениями, неосторожно шепотком передаёт об этом друг другу» [19].

Зависимость действительной военной службы граждан от наличия у них избирательных прав имела и обратную направленность. Иногда свидетельство о добросовестной службе в частях Красной Армии становилось решающим обстоятельством при восстановлении человека в избирательных правах. В марте 1927 года в Смоленскую городскую избирательную комиссию с заявлением о неправильном занесении его в списки лиц, лишенных права голоса, обратился военнослужащий А.И. Адамович. Рассмотрев его обращение на своём заседании 22 марта, комиссия постановила: «Ввиду того, что Адамович, как видно из представленного им удостоверения 2-го полка бронепоездов от 30 октября 1926 года... состоит на действительной военной службе в переменном составе – из списка лиц лишённых избирательных прав его исключить, как ошибочно внесённого» [3, 85].

Веским аргументом при решении о восстановлении гражданина в избирательных правах были сведения о его службе в Красной Армии во время гражданской войны. В июне 1930 года Вяземский окрисполком лишил избирательных прав жителя Новодугинского района Г.И. Смирягина за то, что в 1927 году он три месяца служил псаломщиком. В октябре 1930 года жалобу Смирягина на неправильное лишение его прав голоса рассмотрела на своём заседании избирательная комиссия. Она вынесла следующее постановление по данному делу: «Принимая во внимание службу гражданина Смирягина в Красной Армии с 1918 по 1921 год, и что он раньше и теперь является бедняком ... и по настоящее время занимается

общественно-полезным трудом ... гражданина Смирягина в избирательных правах восстановить» [6, 325].

Запрет на службу в армии по признакам социального происхождения или сословной принадлежности многими гражданами, особенно из числа тех, кто сам попал в разряд «чуждых», воспринимался как лишнее свидетельство несправедливости советской власти. Так, летом 1929 года некий крестьянин деревни Дурынино Батюшковской волости, «бывший торговец, лишенец», сказал: «В Красную Армию хороших людей не берут, а отправляют в тылоополчение, хотя им в деревне найдётся больше работы, чем в армии. Во время войны они свою войну в тылу поднимут» [7, 50].

Несмотря на все ограничения, сыновьям лишенцев и «социально чуждых» нередко удавалось, скрыв своё происхождение и связь с родителями, поступить на действительную военную службу. В целях выявления подобных случаев организовывались регулярные «чистки» армии. Так, «16 июля 1928 года РВС СССР издал секретную директиву за № 065652/сс, предписывающую "изъять из армии классово-чуждые и социально-опасные элементы". Изъятию подлежали: социально-чуждые по происхождению, зарекомендовавшие себя с отрицательной стороны по службе, дети лишенцев» [22, 32]. Во время армейского общего сбора, проведённого в Смоленской губернии в 1928 году, среди военнослужащих обнаружили представители «нетрудового элемента», такие, как «Гуревич Моисей – арендатор мельницы, Мармулёв П.А. – торговец и Виноградов Н. – дьячок села Горки Ярцевского уезда». В заметке, опубликованной в «Рабочем пути» и посвященной этому случаю, говорилось: «Эти лица лишены гражданских прав. Они до сих пор “служили” в Красной Армии и, конечно, ничего хорошего не принесли. Сейчас выявлено их социальное происхождение, и из армии они удалены». Далее автор заметки требовал: «Во время предстоящего призыва нужно произвести тщательный классовый отбор и не допускать проникновения в армию чуждых нам людей» [20].

Подобные чистки часто приводили к драматическим последствиям и становились причинами настоящих трагедий. Примером могут служить события, разыгравшиеся в Перелучском сельсовете Локнянского района Великолукского округа Западной области осенью 1929 года. В сентябре 1929 года колхозный активист Г. Андреев был призван на лагерные сборы в военную часть. Там он встретил И. Тарасова, жителя того же района, сына кулака, лишённого избирательных прав «за эксплуатацию батраков, за скупку и перепродажу большими партиями рогатого скота». И когда на Андреева «возложили работу по выявлению социального состава военнослужащих его роты», он «разоблачил Тарасова как классово чуждый элемент, не имеющий права служить в рядах Красной Армии». В результате «приказом по полку от 13 сентября Тарасов был исключён из списков и уволен». Вскоре после своего возвращения на родину он вместе с группой других лишенцев организовал убийство Андреева во время спектакля, посвящённого дню Октябрьской революции [21].

К середине 1930-х годов положение «социально чуждых» стало постепенно улучшаться. Был отменён ряд ограничений, связанных с приёмом представителей «эксплуататорских классов» на работу, на учёбу в вузы, им давались более широкие возможности для восстановления в избирательных правах. Связано это было с изменением структуры советского общества. «Эксплуататорские классы» были ликвидированы. Большинство населения поддерживало проводимую советским руководством политику. Наиболее серьёзные испытания первых лет коллективизации и индустриализации были позади. Власть уже не считала «бывших» и «чуждых» настолько опасными, чтобы не допускать их к участию в общественно-политической жизни. К тому же серьёзно укрепилась карательная система советского государства. Это позволяло держать общество под контролем и подавлять любые проявления недовольства.

В декабре 1936 года была принята новая Конституция СССР. Она предоставляла избирательные права всем гражданам, кроме душевнобольных и осуждённых. В статье 132 Конституции говорилось, что воинская служба «представляет почётную обязанность граждан СССР» [8, 168]. Это означало, что прежние запреты на службу в Красной Армии для бывших лишенцев отменяются. Вскоре, в ходе очередной военной реформы, части тылового ополчения были ликвидированы. А законом от 1 сентября 1939 года в СССР устанавливалась всеобщая воинская повинность. Армия советского государства на деле стала «всенародной».

Some changes in social policy of the Soviet power in 1917–1939 are described in the article. The author produces proofs of the deprivation of representatives of different estates, which were not working, of some civil rights. Former nobility, clergy and their children were simultaneously deprived of electoral rights and the right to serve in the Red Army during the first decade after the October revolution. Military registration and enlistment offices did their best to get complete information about social origin of men called up for military service. The Constitution (1936) and the universal military conscription Law (1939) re-established the equality of rights of all citizen of the USSR independently from their origin.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 7.
2. ГАСО. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 4.
3. Там же. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 661.
5. ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2102.
6. Там же. 2360. Оп. 3. Д. 20.
7. Неуслышанные голоса: Документы Смоленского архива. Кн. I. 1929: Кулаки и партейцы / публикация и комментарии С. Максудова. – Michigan.: Ann Arbor, 1987.
8. Сталин И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. – М., 1951.
9. Большая Советская энциклопедия. – 1-е изд. – М., 1926. – Т. 3.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд. – М., 1983. – Т. 2.

11. Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1917–1918 гг. – № 33 – Ст. 443.
12. Там же. – 1917–1918 гг. – № 54. – Ст. 604.
13. Там же. – 1924. – № 43. – Ст. 405.
14. Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР – 1925. – № 80. – Ст. 6.
15. Там же. – 1928. – № 51. – Ст. 44.
16. Там же. – 1930. – № 7. – Ст. 77.
17. Там же. – 1931. – № 22. – Ст. 184.
18. Там же. – 1932. – № 7. – Ст. 41.
19. Рабочий путь. – 1927. – 29 января.
20. Рабочий путь. – 1928. – 31 августа.
21. Рабочий путь. – 1930. – 10 января.
22. Александров К. «Великий перелом» – власть и народ в 1927 – 29 гг. // Посев. – 1999. – № 10.
23. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). – М., 1996.
24. Фэйнсод Мерл. Смоленск под властью Советов. – Смоленск, 1995.
25. Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. – М., 1998.

ПРИМЕЧАНИЯ

В данной работе не рассматривается положение т.н. «военных специалистов» – офицеров, генералов и военных чиновников, которые активно привлекались на службу в Красной Армии в период гражданской войны. Несмотря на «непролетарское» происхождение большинства из них советское руководство, нуждавшееся в их знаниях и опыте, не только призывало таких «спецов» на действительную военную службу, но и обеспечивало им достойные условия жизни и работы. Вместе с тем они находились под постоянным и бдительным контролем, а после окончания войны их стали активно изгонять из армии (хотя некоторым и удалось сделать неплохую военную карьеру при советской власти).

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

С.Ю. Девятых

*Институт развития дошкольного образования
Российской Академии Образования
E-mail: devyatych@mail.ru*

УДК 2

МИФ И РЕЛИГИЯ КАК ФОРМЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *мифология; религия; сексуальность; сексуальные роли; семья.*

В статье рассматривается прочтение сексуальных ролей мужчины и женщины в мифологии и религии. Мифология представляет сексуальные роли как противопоставленные друг другу, а сексуальные отношения – как битву, противостояние. В религии сексуальные роли выступают как дополняющие друг друга, а сексуальность – как средство продолжения рода.

Сексуальность является одним из важных факторов, детерминирующих поведение людей, побуждающих их к установлению и поддержанию интерперсональных связей, и без ее учета человеческое поведение и деятельность не могут быть адекватно оценены и объяснены.

Несмотря на постоянный интерес к сексуальности со стороны представителей различных научных дисциплин, до сих пор нет общепризнанной теории сексуальности, что заставляет определять ее и интерпретировать сексуальное поведение человека в описательных категориях.

Вместе с тем в современной сексологии отчетливо наметилась тенденция перехода к конструированию системных биосоциальных моделей, объясняющих психосексуальную дифференциацию и сексуальное поведение человека в целом, в которых биологическое задает не только потенциальные возможности для развития личности, но и его врожденные долгосрочные программы, а среда определяет социальные векторы их реализации в человеческом поведении.

Половой инстинкт, то есть инстинкт продолжения рода, имеет огромное значение как биологический механизм, обеспечивающий естественное и непрерывное продолжение вида. У животных воспроизводство вида происходит по биологическому стереотипу, который наследственно детерминирован. Сексуальные отношения человека, с одной стороны, биологичны, а с другой – социальные.

Сексуальные взаимоотношения в рамках общества всегда социализированы, и в этом проявляется соподчинение механизмов биологического поведения человека принципам и нормам, присущим культуре.

Ввиду многозначности понятия «культура» дать ему определение непросто. Учитывая это обстоятельство, Л.Г. Ионин, объединяя различные определения, попытался найти в них то, что их сближает. Он пишет: «культура – это то, что отличает человека от животных, культура – это характеристика человеческого общества <...> культура не наследуется биологически, но предполагает обучение <...> культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка)» [9, 47].

К числу таких надприродных элементов можно отнести:

- феномены, возникающие лишь в человеческом обществе и не встречающиеся во внешней природе (например, орудия труда, обряды, одежда и т.п.);
- качества людей, которые не могут быть отнесены к внутренней биологической природе человека, не наследуются генетически и не регулируются инстинктом (например, чувство долга, любовь, дружба и под.).

Итак, культура – это характерные для членов данного общества образ мыслей и образ действий, своеобразная надстройка из символических феноменов (норм, правил, оценок и под.), которые позволяют преодолеть жесткую запрограммированность инстинктов и рефлексов [14].

М. Вебер классифицировал социальные действия на основе анализа их мотивации. Он выделял аффективные и традиционные, ценностно-рациональные и целерациональные действия.

В аффективных действиях роль сознания минимизирована, и обусловлены они чисто эмоциональным состоянием. В отличие от них традиционные действия, хотя роль сознания и предельно сужена, совершаются на основе глубоко усвоенных социальных образцов поведения.

В действиях целерациональных Деятель ясно понимает свою цель и средства, которые для этого наиболее пригодны. Все составляющие целерационального действия основаны на глубокой рефлексии сознания.

М. Вебер полагал, что наиболее распространенными являются действия ценностно-рациональные. Они подчинены определенным требованиям, учитывают принятые в обществе ценности. Индивид в этих действиях ориентируется на свои представления о должном, подчиняется «заповедям» или «требованиям», выполнение которых он считает своим долгом [2, 629].

Предложенная типология социальных действий была положена им в основу классификации социально-исторических типов организации социальной жизни. Так, согласно М. Веберу, основу исторического процесса составляет процесс нарастающей рационализации социальной жизни.

В обществах, где доминирующим регулятором социальной жизни является традиция, обычай, человек шаблонно повторяет образцы поведения, принятые от прежних поколений, не вдаваясь в смысл своих действий, поступает именно так, потому что «так принято». Вместе с тем особое значение имеет мир раци-

ональных действий, в котором господствует не чувство общины, а внутренняя убежденность в принятых ценностях, принципах и расчет – взвешивание убытка и прибыли.

Понятие «традиционное общество» охватывает огромную историческую эпоху – от патриархально-родового общества, в котором господствует мифологическое сознание, до окончания феодального периода, для которого характерно господство натурального хозяйства и жесткое деление общества на сословия.

Рационализация социальной жизни становится возможной в городской жизни, где жизнь строится за счет продажи своих изделий на рынке. В таких условиях родственные связи теряют свою былую значимость, что становится возможным в связи с развитием производства и становлением капитализма, который возникает в Европе в XVI – XVIII веках.

Развивая идеи М. Вебера, А.Г. Вишневский [3] предположил, что и социальное регулирование сексуального поведения человека в своем историческом развитии проходит путь от традиционных его форм к ценностным и рациональным. Так, традиционные культурные нормы охраняли слитность репродуктивного поведения с брачным и препятствовали выделению репродуктивного поведения в самостоятельный вид и установлению над ним непосредственного контроля независимо от контроля над брачным и сексуально-партнерским поведением. Напротив, в современных обществах слитность брачного, репродуктивного и сексуально-эротического поведения оказалась нарушенной [3].

Итак, человеческое сообщество выработало и использует как традиционный, так и ценностный тип социального регулирования поведения. Но то, как человек воспринимает мир и себя в нем, как он обосновывает свои намерения и выстраивает модель своих действий, зависит от того, какое у него сложилось мировоззрение. Исторически было выработано несколько систем представлений о мире. Все их разнообразие можно объединить в три большие группы: мифологию, религию и идеологию.

Исторически первой формой ориентации в мире была мифология. Еще В. Вудт [4] высказал ставшую общепринятой мысль о том, что мифы строятся на основе повышенной аффективности. Развивая эту мысль, А.Ф. Лосев отмечал, что для создания мифа «меньше всего надо употреблять интеллектуальные усилия» [11, 75]. Общей чертой мифологического мышления является «значение для него аналогии в ее наиболее действенной форме, форме уподобления» [2, 85]. Таким образом, аффективное восприятие мира, при котором главной интеллектуальной процедурой становится аналогия, и порождает специфику мифа – неумение выделить главное и второстепенное. Поэтому миф – это пересказ событий без выделения в них причинно-следственной связи, а все, что не может быть осмыслено, облекается в фантастическую форму.

Человек, руководствующийся мифологической картиной мира, вынужден повторять способы действий, которые были одобрены и сохранены в мифологических сказаниях его предков, действовать по устоявшемуся шаблону, как многие поколения поступали до него.

Можно выделить четыре группы мифов, в которых раскрывается сущность архаичных представлений о природе сексуальных отношений. Во-первых, мифы, в которых раскрывается характер различий между мужчинами и женщинами; во-вторых, мифы, в которых представлен характер отношений между мужчинами и женщинами как представителями двух социальных групп (социально-половые отношения); в-третьих, мифы, в которых подвергаются осмыслению собственно сексуальные отношения и половой акт как их кульминация; в-четвертых, мифы, раскрывающие сущность процессов зачатия, беременности и родов; в-пятых, мифы, раскрывающие природу отношений между возрастными группами (детско-родительские отношения).

В древних мифологиях мужчина нередко выступает как носитель активного, социально-творческого начала, а женщина – как пассивно-природная сила [16]. В большинстве изученных мифологий луна, земля и вода трактуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло – как мужское. Оппозиция «мужское – женское» стоит в том же ряду, что «жизнь – смерть», «чет – нечет», «правый – левый», «свой – чужой». По мнению Вяч. С. Иванова [8], это лишь одна из серии двоичных оппозиций, с помощью которых мифологическое сознание, упрощая жизненный мир, разделило его на свойства положительные и отрицательные. Вместе с тем В.П. Алексеев полагает, что в этом просматриваются «имманентные, сложившиеся в ходе антропосоциогенеза и генетически закрепленные свойства человеческой психики» [1, 255].

В славянском язычестве женщина – иной человек, носитель особой женской силы, тайное женское могущество является причиной ее власти над мужчиной и внушает страх, почтение и ненависть, в связи с чем отношения между мужчиной и женщиной «носят оттенок вражды, недоверия и конфликта» [6, 46]. Обсуждая отношения полов во времена матриархата, Э. Фромм [17] отмечал, что превосходство женщин могло выражаться только в одном: они могут производить на свет детей, чего не могут мужчины. Комментируя древний вавилонский миф о противостоянии Тиамат и Мардука, он пояснил, что в нем запечатлен конфликт времен матриархата: попытка мужчины свергнуть с престола женщину в связи с их (мужчинами) претензией на то, что они могут создавать вещи не естественным, как женщины, образом, а непосредственно словом и духом.

Мифология, как замечает И.С. Кон, «все время вращается в русле двух противоположных принципов: поляризации полов и их единства, нераздельности» [10, 182], а сознанию древних не чужда идея и андрогинии, однако она, по мнению М. Элиаде [18], сравнительно позднего происхождения. В свою очередь, мы полагаем, что в идее андрогинии архаичное общество пыталось преодолеть конфликт между полами, вызванный принадлежностью их к разным родовым общинам. Мифологическое мышление нередко представляет половой акт как битву, состязание, а женские гениталии – как таинственное, темное начало, таящее в себе опасность и угрозу смерти (миф о зубастом лоне), тогда как мужские гениталии представляются символом силы, порядка, плодовитости [13]. У первобытных народов не было ясного понимания взаимосвязи между половым актом и за-

чатием. По наблюдениям М. Мид [12], среди примитивных народов встречается верование в то, что зачатие вызывается не мужским семенем, а психическими силами мужчины, которые заставляют дух ребенка вселиться в тело женщины, где он и растет до момента рождения.

Древние мифы наполнены отражением противоречий между поколениями в крайних формах борьбы и уничтожения старого поколения богов новым. В архаичной культуре на первый план выступают отношения между поколениями, которые, по мнению В.Н. Дружинина [6], представляют собой рудимент досемейной структуры.

В целом, и отношения между полами (мужчины и женщины), и отношения между поколениями (дети и родители) представляются в мифологии как потенциально конфликтные: они, с одной стороны, несут в себе угрозу, но, с другой – требуют идти на уступки, приходиться к соглашению для достижения общей выгоды. Таким образом, мифология отражает не только противоречия досемейного уклада жизни, но и основные черты образа мира, созданного в мифологии: мира, лишённого стабильности, целостности, цели.

Переход от мифологического мышления к религиозному М. Вебер обозначил как переход «от сна наяву» к «расколдовыванию». При этом, согласно Э. Дюркгейму [7], человеческие представления о мире становятся более рациональными и логичными, причем эта рационализация проявилась в том, что в своей деятельности индивиды стали выбирать более адекватные пути достижения поставленных целей. В религии происходит раздвоение мира на потусторонний, священный, где господствует независимый от людей Бог, и посюсторонний, земной, отданный человеку и зависимый (в определенной степени) от его произвола.

Бог идеален. Он есть Причина и Логика всего, в том числе и человека. Предлагая следовать Божественной логике. Он предлагает человеку спасение, которое тот может принять и, соответственно, получить спасение, а может и не принять, но в этом случае получение спасения становится проблематичным [15].

Религия предполагает глубоко личностную регуляцию поведения человека через обещание этического воздаяния, а в оценке людей и их поступков она прибегает к устойчивым критериям – понятии о должном, что и позволило человечеству перейти от ситуативно-конкретной регуляции поведения к обобщенно-абстрактной, ценностно-осмысленной, вследствие чего человек из автомата, следующего малоосмысленному шаблону, превратился, апеллируя к Богу, в ответственно регулирующего свое поведение [14].

По мнению Э. Фрома, возникновение религии знаменовало собой победу патриархата в семейной организации социальной жизни. Так, обсуждая библейский текст о творении, он пишет: «Бог сотворяет мир своим словом, чтобы убедительно продемонстрировать превосходство патриархальной культуры над матриархальной, и библейская история сообщает нам о происхождении Евы из ребра мужчины, а не мужчины от женщины» [17, 87].

Полагаем, что проблема этого библейского текста не так проста. Рассмотрим его внимательнее. Заметим, что Библия содержит два описания сотворения человека. В одном из них, кратком и более древнем, читаем: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им: "плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю"» (Быт. 1: 27, 28).

Во-первых, здесь, как нам думается, прежде всего, снимается свойственный мифологическому мышлению конфликт между полами, подчеркивается единство человеческого рода и утверждается смысл двуполости – репродуктивная сексуальность. Представление о равноценности мужчины и женщины, а также идею их дополнительности (правда, в неявном виде) можно найти уже у Григория Нисского в трактате «Об устройении человека». Он полагал, что разделение на два пола относится не к духовной, а лишь к физической, животной стороне человеческого существования и было создано Богом потому, что Он предвидел будущее грехопадение.

И, во-вторых, библейский текст утверждает переход к новому типу семьи, к новым принципам ее организации, когда на первый план выходят не кровные связи, а взаимоотношения супругов между собой. Теперь они не конкурирующие между собой представители разных родов, а члены новой социальной группы – семейного союза, обустроенного по принципам дополнительности и единоначалия. Особенно четко это представлено в пространном описании из второй главы: «Поэтому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2; 24).

Ветхозаветная идея естественного брака получила свое развитие в Новом Завете. Теперь брак – это не просто союз двоих, призванный исполнить заповедь «плодитесь и размножайтесь», а Малая Церковь, основанная во Имя Иисуса Христа и соединенная под Его Главой. В связи с чем супружеское служение уподобляется служению священническому и целью его становится не столько продолжение рода, сколько возвешение истины [15].

Таким образом, именно христианству (а не эллинистическому язычеству, не иудаизму) удалось обеспечить победу принципа «семейной» организации общества над родовой его организацией.

М. Джеймс [5] в рамках христианской традиции выделяет три основные точки зрения на брак. Первая из них говорит о том, что брак – это дар Божий, а его цель – деторождение, при этом создание большой семьи (принцип репродуктивной сексуальности) – священная обязанность супругов. Вторая точка зрения сводилась к тому, что брак – это необходимое зло, что лучше не вступать в брак, а к нему следует прибегать, чтобы не сгорать от любовной страсти. И, наконец, третья точка зрения сводилась к тому, чтобы полностью уклоняться от брака в пользу девственности и целомудрия. Следует все же отметить, что Христианская Церковь последовательно отстаивала ценность брака, репродуктивной сексуальности и добрачного целомудрия.

М. Вебер полагал, что все развитие Западного общества указывает на огромную роль религии, задающей понимание конечных смыслов бытия, в формировании этноса, образа и стиля жизни больших масс людей [2]. Однако религиозные догматы сами по себе создавали только общую этическую предпосылку для практического поведения людей. Внедрение религиозных критериев и вытеснение мифологического было долгим процессом. Вместе с тем в практической жизни людей религиозное стало рационально-этическим: долг перед Богом менялся на долг перед людьми, при этом смысл и оценки, заданные религией, сохранялись и тем самым сохранялась общая линия культуры [14].

В целом традиционно-религиозное мышление позволяет видеть мир только целостным, осмысливать его нерасчлененными блоками, а оценивать для него – значит морализировать. Религиозное сознание требует веры, делает возможным истолкование всего сущего только в терминах добра и зла, истинных и неистинных ценностей [3].

Религиозное миропонимание в процессе секуляризации уступает место осмыслению мира при помощи идеологии. Секуляризация – это освобождение человека от опеки религиозных и метафизических систем, смена его интересов: он отворачивается от иных миров и обращается к этому миру, и как следствие, происходит развитие естественных наук, демократических политических институтов и культурного плюрализма. Хотя христианский идеал семьи долгое время оставался определяющим, восприятие ее в качестве феномена, имеющего отношение не только к земной жизни, но и к вечности, постепенно уходит.

Таким образом, потенциал сексуальности всегда ограничивается, с одной стороны, биологической природой человека, а с другой – внутренней последовательностью и логикой культуры как целого. В связи с этим можно говорить о том, что сексуальное поведение человека, по сути своей, социально, а своеобразие эротического волеизъявления есть элемент социального контекста.

The article deals with the readings of men's and women's sexual roles in mythology and religion. The former considers sexual roles as opposed to one another, and sexual relationships as a confrontation. In religion sexual roles complement one another; sexuality is a means of the continuation of generation.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1990.
3. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. Том 1: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005.
4. Вудт В. Миф и религия // Мюллер М., Вудт В. От слова к вере. Миф и религия. – М.: Эксмо, 2002. – С. 245-824.
5. Джеймс М. Брак и любовь. – М.: Прогресс, 1985.
6. Дружинин В.Н. Психология семьи. – СПб.: Питер, 2005.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.

8. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Ассиметрия мозга и знаковых систем. – М.: Советское радио, 1978.
9. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996.
10. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Наука, 1988.
11. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991.
12. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. – М.: Наука, 1988.
13. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. – М.: Рефл-бук, 1998.
14. Общая социология: учебное пособие / под ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2000.
15. Словарь Библейского Богословия / под ред. К. Леон-Дюффуа. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1990.
16. Сыркин А.Я., Соколова И.И. Об одной дидактической традиции в Индии и Китае // Роль традиции в истории и культуре. – М.: Наука, 1972. – С. 116-143.
17. Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998.
18. Элиаде М. Мекфистофель и андрогин. – СПб.: Алетейя, 1998.

Ю.В. Боровиков

*Российский государственный
гуманитарный университет
(г. Москва)
E-mail: gopplit@mail.ru*

УДК 29

САКРАЛЬНЫЕ И СЕКУЛЯРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Ключевые слова: сакральная культура; секулярная культура; мировоззрение; старообрядчество; трудовая этика; новация; конфессиональная корпоративность.

Проблема, рассматривая в статье, становится актуальной в наши дни. Современное российское общество усиленно ищет ту фундаментальную силу, опираясь на которую, оно смогло бы осуществить качественный скачок в будущее. Сегодня очень многие усматривают эту основу в религии и церкви. Именно сочетание сакральных (религиозных) и секулярных (повседневных) идей может помочь в выработке национальной идеи. Примером данного симбиоза может служить мировоззрение старообрядцев. Сочетание традиционных сакральных элементов культуры, таких, как вера, традиционный быт, конфессиональные связи, и компонентов новации, примером которой может служить особая экономическая этика, способствовало сохранению и развитию старообрядческого движения.

Актуальность феномена взаимовлияния и взаимодействия сакрального и секулярного в контексте социально-культурного развития России определяется

реалиями современного состояния российского общества, а также остротой переживания глубинных потребностей его развития.

Современное российское общество в настоящее время переживает системный кризис, главной чертой которого является разрушение фундаментальных основ традиционной жизни и ощущение потери гарантированного бытия человека. Кроме того, это усиливается сложностью процессов переходного периода современной России и драматическими катаклизмами в атмосфере духовной жизни. Определяющей чертой данного этапа является быстрая и резкая смена всего образа жизни, всех сторон общественного и индивидуального бытия, когда на глазах рушится система привычных, устоявшихся ценностных ориентиров, мировоззренческих концепций и идет трудный, наполненный внутренними противоречиями процесс рождения нового. В связи с этим общество усиленно ищет ту фундаментальную силу, опираясь на которую, оно смогло бы осуществить качественный скачок в будущее.

Сегодня очень многие усматривают эту основу в религии и церкви, что выражается, в частности, в многочисленных и часто провозглашаемых лозунгах возрождения религии и «оцерковления» общества. Рассматриваются возможности религии в духовном и нравственном оздоровлении России. Религия для многих оказывается той фундаментальной основой, той силой, которая способна сохранить единство и целостность национальной идентичности. У значительной части россиян, и, в первую очередь, у представителей молодого поколения, растет интерес к важнейшим историческим событиям отечественной истории, к тем духовным исканиям и проблемам, которые были характерны для развития общественной и религиозной мысли предреволюционной России.

Не так важно то, что понимается под возрождением религии, но интересен сам мотив обращения к ней общества, на протяжении XX столетия изгонявшего религию из духовной жизни. Разговорам о необходимости повышения сакрального начала в обществе аккомпанируют раздающиеся голоса о необходимости выработки национальной идеи, которая призвана предотвратить угрозу распада государства и общества путем совмещения секулярных и сакральных идей. Примером успешного сочетания данного симбиоза может служить мировоззрение старообрядцев.

Любая современная идея или проект, претендующие на последовательную и органичную связь с историческим прошлым России, непременно должны учитывать старообрядческую проблематику, так как в данном движении в наиболее концентрированном виде проявились истинные исторические черты русского народа. Старообрядцы оказали позитивное влияние на различные стороны российского общества. Это и широкая деятельность на уровне общественной и государственной жизни дореволюционной России, в которой старообрядчество играло заметную роль, и экономическая деятельность старообрядчества, оказавшая существенное влияние на индустриальное развитие России. Кроме того, большое значение для русской культуры имеет благотворительная деятельность крупных меценатов старообрядцев. Старообрядцы играли и важную роль во внешней по-

литике России. Они селились на окраинах и тем самым активно способствовали расширению российских границ. К этому можно добавить сохранение материального и духовного наследия древнерусской культуры, осуществлявшееся ревнителями «древлего благочестия» в условиях трехвековых преследований правительством и церковью.

Старообрядцы представляют собой живой пример развития русской культуры, ориентированной на национальные традиции. Пробудив русский народ, его самосознание, старообрядческое движение вызвало к жизни особую народно-бытовую культуру, основами которой стали сакральные элементы: вера, традиционный быт, социально-конфессиональные связи, традиции самоорганизации и самоуправления с образованием общинно-клановых товариществ. Именно эти особенности помогали им выстоять в период гонений и сохранить религиозно-этническую самобытность в течение столетий.

Однако, как бы ни была велика изоляция старообрядчества, нужно иметь в виду, что «русские старообрядцы и после раскола жили не в безвоздушном пространстве и не в замкнутом наглухо царстве, а составляли и составляют характерную часть российской стихии. Существовая, они влияли и на остальные части этой стихии и, в свою очередь, подвергались воздействию последних» [6, 21]. Староверы составляли значительную часть общества и культуры, и постоянно подвергались секулярному (повседневному) влиянию.

Феномен старообрядчества состоит в том, что оно неразрывно соединило в себе сакральные и секулярные элементы культуры.

Старообрядчество – один из факторов духовной православной культуры, церковной и народной жизни, связанный с таким явлением в истории русской православной церкви, как раскол середины XVII века. Старообрядцы – это группа церквей и толков, возникшая в результате раскола в русском православии и получившая такое наименование по официальному императорскому указу в 1906 году. До этого старообрядцев во всех официальных документах и литературе именовали уничижительно «раскольниками». Раскол русской православной церкви фактически означал раскол в духовной культуре, ее деление на культуру допетровскую, преимущественно религиозную, и культуру постпетровскую – светскую, секуляризованную. Формальным поводом к церковному расколу послужили предпринятые патриархом Никоном исправления богослужебных книг и реформы ряда древних обрядов по греческому образцу [3, 245].

Изначально старообрядчество по форме своего проявления выступало в качестве социокультурного феномена, как движение народной жизни. Сторонники старых книг и обрядов, вековых культурных и социальных традиций ощущали себя хранителями древнего благочестия и враждебно относились к никоновским «новинам». Они видели в этих нововведениях исключительно «порчу веры» отцов и дедов. Большинство старообрядцев искренне считали, что с началом церковной реформы наступило царство Антихриста.

В результате принятых официальной церковью и властью изменений в обрядовой части религия стала для старообрядчества общей идейной осно-

вой. Сакральные мотивы выступили в качестве фундаментального основания теоретико-догматической базы всего процесса развития. Старообрядческое мировоззрение подтверждало ценность христианских (православных) догматов, строго сочетая их с внешними атрибутами веры.

Вместе с тем другим важнейшим компонентом старообрядческой культуры стал компонент новации, то есть внесение черт культуры (духовной и материальной), выработанных под влиянием запросов времени и обстоятельств среды (культурной, социально-экономической, политической, географической), на основе религиозной составляющей. Таким образом, подвижным компонентом старообрядческой культуры выступили результаты деятельности на традиционной основе, которые в силу тех или иных причин стали новацией. Эти новации у разных согласий и толков старообрядчества могли быть различными. И это естественно, если учесть, насколько отличались условия их формирования. Но основная новация представителей разных направлений старообрядчества была одна – древнерусская традиция. Основной целью старообрядчества было сохранение национальной культуры, основополагающим компонентом которой выступает древнерусский вариант православия. И новация в этом случае работает «как инструмент сохранения традиции» [7, 114].

Основным компонентом старообрядческой идеологии выступали религиозные воззрения, и, тем не менее, старообрядцы сохраняли и развивали не только «древлеправославное» учение, но и аспекты своей доктрины, относящиеся к культуре, хозяйству, общественным связям, то есть всему тому, с чем они сталкивались в своей повседневной действительности. Это сохранение и развитие в силу своей специфики практически не нашло отражения в старообрядческой литературе (как то было с религиозным компонентом) и проявлялось, прежде всего, на бытовом (повседневном) уровне жизни староверов. По этой причине нельзя судить о старообрядчестве и о старообрядческой идеологии только по трудам старообрядческих писателей. Но нельзя и нивелировать доминирующее положение религии, влиянию которой в той или иной мере подвергались все стороны жизни ревнителем «древлего благочестия».

Известен факт широкой и успешной экономической активности старообрядцев, внесших существенный вклад в развитие российского капиталистического производства, особенно на его начальном этапе. Наиболее ясно это прослеживается на примерах деятельности двух крупных московских старообрядческих общин, Преображенской и Рогожской, служивших одновременно религиозными и экономическими центрами общероссийского масштаба, а также ряда предпринимателей или предпринимательских династий. Большое число фамилий старообрядческих промышленников, особенно относящихся к сектору хлопковых мануфактур, составили значительную часть класса крупных русских капиталистов. Исследователь Д.Н. Канаев, говоря, что в староверческом движении «нашли свое продолжение и развитие русские национальные, общинные и предпринимательские традиции, обеспечив существенный успех в организации производства и аккумуляции капиталов и сыграв важную роль в начальный период российской

индустриализации», тем не менее настаивает на отсутствии связи сакрального содержания старообрядчества с «модернизационным характером промышленной активности его адептов», развившегося «главным образом вследствие гонимого положения религии старообрядцев в России и организации их общин» [4, 228]. В данном случае можно согласиться с тем, что гонения сыграли определенную роль в развитии старообрядчества. Большую роль сыграла и структура старообрядческих общин. Но утверждение, что гонения наряду с характером общин стали основной причиной успехов выходцев из движения, на наш взгляд, не совсем верно. Более того, необходимо отметить прямую зависимость экономических и других успехов представителей старообрядчества, в частности во второй половине XIX – начале XX века, от старообрядческой идеологии (сакральный элемент) и старообрядческого уклада жизни (повседневный элемент). Некоторые черты старообрядческой идеологии и меру их влияния на жизнь староверов целесообразно рассмотреть подробнее.

Говоря об экономических успехах представителей старообрядчества и об идеологических предпосылках этих успехов, невозможно обойти стороной вопрос о месте богатства в старообрядческой идеологии и о характере отношения к нему. В старообрядческом учении отсутствует идея земного воздаяния в виде богатства как знака богоизбранности и предопределенности к спасению. Для старообрядца богатство – это лишь орудие, средство для достижения праведной жизни, для помощи ближнему, для активной благотворительности, для выживания и сохранения общины. Богатство занимало важное место в старообрядческой идеологии. Оно могло характеризоваться с позитивной точки зрения лишь в том случае, если было добыто праведным путём и воспринималось не как цель, а как средство для спасения души (при условии правильного использования). Богатство воспринималось как Божий дар, который, однако, своим существованием не приближает его обладателя к Богу и спасению, а ставит перед ответственностью праведного его использования.

Основная цель старообрядческого, как, впрочем, и всего христианского вероучения, – спасти душу человека. А раз богатство рассматривалось как инструмент, праведно используя который, можно обрести спасение, то его хотели заработать. В результате на первый план в старообрядческой идеологии спасения души выходит идея состоятельности, а не праведной нищеты. Причиной трансформации идеологических установок послужило то, что тут сыграли роль условия существования, в которые были поставлены старообрядцы. Тяжёлая жизнь и угроза потери «старой веры» требовали экономической самостоятельности членов старообрядческих общин, поэтому более поощрялась состоятельная, богатая праведность. Определённую роль в этом вопросе, наряду с прочим, сыграло и широкое обращение старообрядцев к ветхозаветному наследию, в котором отношение к активной деятельности отдельного человека более благосклонное, чем в наследии новозаветном.

Большую роль в сохранении и развитии старообрядчества сыграла община, которая, наряду с согласием и родом, стала основной структурной единицей

этого движения. Сохраняя многие черты старой организации, старообрядческая община на протяжении второй половины XVII и особенно в XVIII веке выработала некоторые новые формы отношений. Поменялся её характер: это была община нового типа, превратившаяся из торгово-промышленной артели единоверцев в религиозно-экономическую общность. Характер староверческой общины способствовал укреплению материального благополучия как отдельных её членов, так и всего старообрядчества. Община выполняла функции катализатора общественного развития старообрядчества и усиления его социально-экономической роли. Этому, прежде всего, способствовала относительная стабильность общинной экономики. Если какой-либо сектор общинной экономики приходил в упадок, то последствия упадка нивелировались средствами более удачно развивавшихся секторов общины или согласия. Поэтому община, благодаря разнообразию своих экономических структур и поддержке всего согласия, в определенной степени была застрахована от серьёзных последствий экономических неудач. Более того, в старообрядческой общине мобильность капитала подкреплялась и религиозно-нравственным законом. Средства, как считалось, принадлежащие не отдельному человеку, а Богу, всегда могли быть привлечены общиной в своих интересах для «Божьих дел» [2, 4]. Это позволяло аккумулировать большие средства и направлять их в нужное русло. Но староверческой общине была присуща мобильность не только капитала. Для неё также была присуща социальная и территориальная мобильность её членов, что оказало заметное влияние на характер старообрядческого предпринимательства.

Определённую роль в развитии старообрядчества сыграла и присущая ему конфессиональная корпоративность, о немаловажном влиянии которой в создании финансовой, технической, информационной инфраструктуры старообрядческой экономики пишет ряд авторов. В.В. Керов называет общину регулятором, «главным менеджером» старообрядческого предпринимательства и отмечает, что именно староверские общины уже в первой половине XIX века создали собственную кредитную систему (в том числе вексельную), сбытовую сеть, систему координации поставок сырья, то есть развивали внутриконфессиональную корпоративную экономическую инфраструктуру [5, 67]. На протяжении второй половины XIX столетия эти тенденции продолжали существовать и успешно развиваться. Неотъемлемой частью конфессионального корпоративизма была система взаимопомощи членов общины. Это могла быть помощь попавшему в сложную экономическую ситуацию (в виде кредита, бессрочной или безвозмездной ссуды и т.д.). Могли быть и более сложные схемы финансовой, промышленной, технической, информационной помощи. Нередко средства общины становились источником начального капитала купцов. Как писал во второй половине XIX века В.В. Андреев, «...многие из главных капиталистов получили капиталы, положившие начало их богатству, из кассы раскольничьей общины» [1, 178]. Примером может служить известный старообрядческий род Гучковых, основой благосостояния которого стали средства из казны Преображенского кладбища Москвы.

Кроме организационной и экономической роли, община играла важную воспитательную роль. Структура старообрядческой общины, а также характер внутриобщинных отношений позволяли вырабатывать и воспитывать у её членов ряд качеств, необходимых для успешной хозяйственной деятельности и, прежде всего, хозяйственную, экономическую активность. Экономический успех представителей старообрядчества воспитывался на требовании всеобщей активности, непосредственно вытекающего из религиозной доктрины, которая, кстати, часто осуществляет себя именно в рамках общины.

Важным условием сохранения и воспроизводства старообрядческого движения выступает старообрядческая семья и её культ в старообрядческой среде (особенно в согласиях приемлющих брак). Именно в рамках семьи и рода старообрядец с детства усваивал как каноны «древлеправославной веры», так и трудовые, хозяйственные, социальные, культурные традиции, присущие его конфессии. Своеобразный характер передачи наследия от поколения к поколению придавало и семейное воспитание.

Не только старообрядческая идеология сохранялась благодаря патриархальной семье, но была и обратная связь. Сама семья была под защитой старообрядческой идеологии. Этому служили такие аспекты религиозно-социальной этики, как почитание родственных уз, особенно – отца с матерью, но также и духовной семьи – крестных родителей, почитание умерших предков (знание своего рода до 7 колена было обязательным), близкие отношения с дальней роднёй. Причём пристальное внимание обращалось не только на генеалогию своего рода, но и других (например, на род другой стороны при заключении брака). Всё это говорит о том, что не только старообрядческая патриархальная семья хранила и передавала старообрядческую идеологию, но и что сама старообрядческая идеология способствовала сохранению и укреплению семьи, оберегала её от разрушения.

К особым механизмам предпринимательского успеха последователей «древлего благочестия» необходимо отнести и особую трудовую этику старообрядцев. И действительно, идеологические установки, уклад жизни, позволили старообрядцам выработать свою трудовую этику, которая, опираясь на традиционные старообрядческие ценности, заняла своё место в их системе. Определённая сакрализация труда имеет место практически во всех традиционных культурах и является одной из черт архаического мировоззрения, ряд элементов которого в переработанном виде перешел из восточно-славянского язычества в древнерусское православие, а потом в старообрядчество.

Известный старообрядческий деятель Филиппов писал, что труд имеет пользу, только если он совершается «для спасения веры» [8, 35]. Этим определяется направленность и широта спектра идейных мотиваций старовера в его трудовой деятельности. Наряду с добычей хлеба насущного, труд выступает как средство усмирения и истязания плоти, как средство воспроизводства общины и семьи, их системы связей, как средство расширения «Божией» собственности, как добыча средств для богоугодных дел, совершение которых давало надежду

на спасение души и спланивало группу, как средство выгодного выделения из иноконфессиональной среды.

Староверами не только был сохранён характер отношения древнерусского человека к труду. Старообрядцы, опираясь на идею богоугодности праведного труда, выработали свою трудовую этику, которая, наряду с прочим, стала залогом успеха их хозяйственной и предпринимательской деятельности. Кроме того, трезвый образ жизни и умеренность в потреблении способствовали накоплению капитала и его рациональному использованию.

Старообрядческая культура – это культура традиционного типа, с жестко закрепленным сакральным центром. И даже в сложных условиях существования старообрядческой церкви, когда развитие этих принципов могло тормозиться или проявляться в незначительной степени, каноническая система, организующая все элементы культуры, создавала условия для их точного репродуцирования.

Тем не менее старообрядцы постоянно испытывали на себе влияние секулярных веяний культуры и должны были адаптировать к ним свои религиозные и мировоззренческие догматы. В результате взаимопроникновения сакральных (религиозное мировоззрение старообрядцев) и секулярных (повседневных) элементов культуры староверы получили инструмент (особая экономическая этика), который способствовал сохранению старообрядческого движения как наиболее традиционного, консервативного течения православия, сохранившего до наших дней многочисленные формы древнерусской культуры в условиях жесточайшей оппозиции Русской Православной Церкви и трехвековых преследований правительства.

Несмотря на то, что старообрядцы испытали на себе влияние секуляризации, они до сих пор являются носителями особой религиозной философии и выступают своеобразными хранителями русской культуры, переписывая древние книги, сохраняя музыкальное достояние, обряды и традиции, передавая их из поколения в поколение.

Nowadays modernization theory scholars assume that the social progress is possible when the traditional religious and current secular spheres of the social life form a kind of symbiosis. The article deals with the Russian 'Old-Believers' confession case-study, The effective traditions (faith, way of life, religious community) and novations (economic ethics) combination forms an example of the firm socio-religious structure which can withstand the changing world's challenges.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. – СПб., 1870.
2. Гурьянова Н.С. История человека в сочинениях старообрядцев XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1996.
3. История религии. В 2 т. Т.1. – М., 2002.
4. Канаев Д.Н. Русское старообрядчество: социально-философский анализ. – М.: Мир России, 2002.

5. Керов В.В. Морозовы: старообрядческое предпринимательство и русская национальная идея. – Орехово-Зуево, 1997.
6. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – С.21
7. Шахов М.О. Философские аспекты староверия. – М.: Изд. Дом. Третий Рим, 1997.
8. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. – СПб., 1862.

В.Ю. Пименов

Смоленский государственный университет
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

УДК 130.2

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Ключевые слова: *антропология; католическая философия; неотомизм; неоавгустинство; религия; человек.*

В статье анализируются особенности развития католической философии в XX веке в условиях нарастания процессов секуляризации и дегуманизации. Дается обзор наиболее заметных и авторитетных богословско-философских доктрин, общей темой которых является антропологическая проблематика. Автор приходит к выводу, что католическая философия в XX веке в целом унифицируется, разногласия между августинианцами и неотомистами сглаживаются, и происходит это как под влиянием объединяющей силы христианского вероучения, так и в результате воздействия философских идей и учений, завоевавших доминирующее положение в общественном сознании.

Философское и богословское наследие Августина и Фомы Аквинского имело огромное значение для будущего западной культуры и цивилизации. Обе эти религиозно-философские доктрины превратились в направления, историю развития которых можно проследить на протяжении столетий вплоть до сегодняшнего дня.

В конце XIX – XX веке католицизм, как и все религии, оказался в двойственном положении: с одной стороны, процессы секуляризации и обмирщения мировой культуры и общественного сознания, во многом связанные с научной революцией, достигли своей предельной степени, с другой – все явственнее обозначившийся дефицит гуманизма, породивший кризис духовности и рост экзистенциальных проблем, вызвали небывалый приступ «тоски» по трансцендентному, вечному и абсолютному, что нашло отражение практически во всех философских направлениях XX века. В этой ситуации католической церкви пришлось пойти на ряд трудных шагов: многим казалось, что возможности восстановления своего духовного влияния напрямую зависели от готовности к модернизации, значитель-

ному мировоззренческому обновлению. Определенные изменения в этом направлении Ватикан стал предпринимать еще в конце XIX века, когда папа Лев XIII провозгласил неотомизм, учение более, чем августинизм, гибкое и склонное к конвергенции с наукой, официальной доктриной католичества. В связи с этим дальнейшая эволюция августинизма и томизма проходит под знаменем ужесточившейся негласной конкуренции: неоавгустинизм, сохраняя верность традиции, пытается противопоставить неотомизму свою готовность к глобальной смене мировоззренческих ориентиров, значительность и масштабность которой прямо пропорциональна степени фундаментализма и пандогматизма учения Августина; неотомизм, в свою очередь, противопоставляет еще больший радикализм.

Таким образом, противоборство этих двух католических парадигм в XX веке носит не столько богословско-философский характер, сколько характер идеологический. Речь идет не столько о противостоянии последователей Августина и приверженцев доктрины «ангельского доктора», сколько о полемике консерваторов и модернистов в вопросе о дальнейших путях развития Церкви.

Если говорить об эволюции августинианства и томизма как религиозно-философских учений, а не идеологий, то нельзя не заметить, что в XX веке они идут на значительное сближение и процессы их диффузии усиливаются многократно.

Анализ идей знаковых католических философов и богословов XX века самых разных направлений – от М. Блонделя и Э. Жильсона до К. Ранера и К. Войтылы – показывает, что современная католическая антропология представляет собой поле уверенного синтеза идейного наследия Аврелия Августина и учения Фомы Аквинского. Возможность их конвергенции определяется рядом обстоятельств. Во-первых, они изначально едины в общности христианского фундамента. Во-вторых, и неоавгустинианцы, и, особенно, неотомисты открыты для внешних источников, представленных прежде всего достижениями философской мысли, в центре которой в XX веке оказался человек. Практически во всех современных богословских учениях можно отыскать следы влияния того или иного направления современной светской философии: интуитивизма, герменевтики, экзистенциализма, психоанализа, философской антропологии. Неоавгустинианец М. Блондель также, как и неотомист Ж. Маритен, находился под сильным влиянием А. Бергсона, а богослова К. Войтылы можно смело назвать не только неотомистом, но так же интуитивистом и герменевтиком.

Значительное влияние на сближение августинианства и томизма оказал II Ватиканский собор, расставивший все точки над *i* и официально провозгласивший ориентацию на модернизм. С другой стороны, Собор пришел к выводу о необходимости более осмотрительного, осторожного подхода к обновлению церковного вероучения, указав на многие опасности компромисса религии и науки, найдя устраивающую большинство «золотую середину» между безоглядностью радикализма и архаикой традиционализма.

Отрезвление, наступившее после II Ватиканского собора, способствовало примирению недавних соперников, и в настоящее время «наблюдается в целом известное сближение всех направлений католической мысли, что особенно оче-

видно в области антропологии и философии истории» [2, 7-8]. Именно человек стал главной точкой пересечения различных течений католической философии, своеобразным кредо современного католицизма.

Именно поэтому, при определенном компромиссе, развитие католической мысли все же проходит под знаком томизма в его модернизированной версии – неотомизма. Мистицизм августицизма, не сдававший позиций в течение веков, но значительно дискредитированный Лютером и Кальвином, уступил место реализму и антропологизму томизма, более аутентичному условиям современности. Даже такой убежденный последователь спиритуализма Августина, как Морис Блондель, идеи которого во многом определили современный облик католической философии, в чьем богословском и философском наследии антропологическая проблематика занимает далеко не последнее место, не может обойтись в своем учении без рационалистического духа томизма.

Именно поэтому Блондель демонстрирует строгую приверженность диалектике, ему чужды любые крайности: мир он рассматривает и как хаос, и как упорядоченную систему, и как многообразие форм и как их единство. Глубоко ошибочно, по его мнению, рассматривать всеобщий мировой процесс либо в механистических, либо в телеологических понятиях. Его следует понимать только исходя из их неразрывной взаимосвязи. Поэтому Блондель выступает против любых бинарных оппозиций, по-новому трактует вопрос соотношения веры и разума, мистицизма и рационализма: «... Вера делает то, что разум не смог сделать, но именно разум подготавливает ее восприятие» [2, 26]. Все это позволяет рассматривать Блонделя как католического теолога, наиболее последовательно развернувшего линию компромисса и синтеза мистицизма и рационализма, ставшего нормой для современного католицизма в целом и католического учения о человеке в частности.

Неотомизм, представленный прежде всего именами Ж. Маритена, Э. Жильсона, К. Войтылы и К. Ранера, в своих теоретических богословско-религиозных построениях рассматривает пространство отношений Бога и человека, уделяя последнему существенное внимание.

«Антропологизация» томизма началась еще в XVI-XVII веках в работах Л. де Молина и Ф. Суареса. Л. де Молина трансформирует традиционную августицианскую догму о божественном предопределении в идею божественного предзнания, значительно расширяя тем самым возможности свободы человеческой воли и известной автономности его действий. В этой ситуации баланс между свободой человеческого решения и благодатью оказывается наиболее оптимальным: «... свобода воли с даром благодати может привести к тому, что меньшая помощь благодати окажется эффективной, а большая – неэффективной... От нашей свободы зависит хотеть или не хотеть сотрудничать в том, чтобы достичь жизни вечной» [4, 392]. В том же направлении мыслил Ф. Суарес.

В XX веке перед томизмом открываются значительные перспективы. После длительной идеологической борьбы философия Фомы Аквинского официально признается Ватиканом как максимально авторитетная и образцовая. В ключевых постановлениях II Ватиканского собора рекомендуется следующее: «Для воз-

возможности более полного выражения тайн спасения пусть кандидаты в священники научатся глубже в них вникать и вскрывать связь между ними при помощи спекуляции, признавая здесь мастером святого Фому» [3].

Вместе с тем Собор указал на необходимость обновления философской базы томизма, повышения его релевантности исторической ситуации в направлении дальнейшей антропологизации и гуманизации. Именно поэтому неотомизм образца второй половины XX века приобретает явное экзистенциальное звучание, во многом благодаря обращению неотомистов к наследию Августина. Суть предпринятого ими компромисса, наиболее последовательно реализованного Э. Жильсоном и, в особенности, Ж. Маритеном, заключалась в признании томистского тезиса о сложности человеческой субстанции, состоящей из души и тела, и тезиса августинианского, усматривающего личностное начало лишь в человеческой душе.

Даже философия Бога, всегда стоящая на первом плане в любой религиозно-философской доктрине, в неотомизме получает своеобразное преломление, характерное, впрочем, для всего философского мышления XX века, – антропологическое. Наиболее репрезентативными в этом отношении являются религиозно-философские идеи видного представителя неотомизма второй половины XX века К. Войтылы, более известного как папа Иоанн Павел II, что позволяет трактовать их и как официальную позицию Римской Католической Церкви в целом.

Основная задача, которую ставит перед собой К. Войтыла, заключается в попытке соединить традиционное католическое учение о человеке с достижениями современной светской науки и философии. Он признает, что своей теорией действия «он обязан всем системам аристотелевско-томистской метафизики, антропологии, этики, с одной стороны, и феноменологии, особенно в интерпретации Шелера, а через шелеровскую критику – Канту, с другой стороны» [1].

Изучение идей будущего главы Ватикана позволяет установить, что его учение представляет своеобразный и весьма смелый синтез антропологии Августина, лежащей в основе католического вероучения, томистского субстанционального анализа человеческого бытия и противоположного ему феноменологического подхода Гуссерля.

К. Войтыла, развивая феноменологические идеи, в частности П. Рикера, утверждает, что человеческое действие первично по отношению к сознанию, однако уже в духе томизма, освобождает действие от практических актов и сводит его к интеллектуализму, определяя его задачей чистое сознание или самосознание, что является истинным благом морального порядка, ставящее способного к нему человека на особое место в бытии.

В связи с этим появляется новое, расходящееся с традиционным понимание человеческого труда, данного Богом человеку отнюдь не в наказание за грех. В энциклике *Laborem exercens*, уже будучи папой, он пишет: «Человек, созданный по образу Божию, своим трудом участвует в деле своего Творца и до некоторой степени в меру своих возможностей продолжает развивать и дополнять его» [2]. При этом «исток достоинства труда следует искать главным образом не в его

объективном, а в субъективном аспекте» [Там же]. Идея возвышения человеческого действия, имеющего, прежде всего, внутреннее, субъективное измерение, повторяется в другой энциклике Иоанна Павла II *Redemptor hominis*: «... Человек участвует своим трудом в деле самого Бога, своего Создателя» [10].

Предельное выражение «рационалистический гуманизм» получил в различных учениях католического модернизма, ярким представителем которого, в частности, является П. Тейяр де Шарден.

Так называемый тейярдизм – довольно мощная и авторитетная альтернатива, особняком стоящая в ряду основных течений современного католического модернизма – прежде всего, неоавгустинианства и неотомизма. Его специфической особенностью является осуществление синтеза религии и науки, и в этом смысле учение Шардена в значительной степени противостоит как известному консерватизму и иррационализму неоавгустинианства, так и чрезмерному рационализму и отвлеченной схоластике неотомизма.

П. Тейяр де Шарден – уникальная личность в католическом богословии: известный ученый-палеонтолог, президент Французского палеонтологического общества, видный богослов и пастырь. Именно ему суждено было стать создателем нового варианта картины мира, в которой религия и наука наконец достигли консенсуса. Бытие в концепции Шардена – это единый универсум, центром и объединяющей энергией которого является человек. Именно поэтому на человеке должно быть сосредоточено все внимание ученого, познающего мир, и именно поэтому свой основной труд Шарден назвал «Феномен человека». «Человек не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции» [8, 8], – таково кредо этого католического «революционера».

На страницах своего труда Шарден развивает новую концепцию человека, которая, не будучи до сих пор признана Ватиканом официально, оказала несомненное влияние на развитие как неотомистской мысли в частности, так и католического богословия в целом. Прежде всего, Шарден акцентирует внимание на биологичности человека: «Человек в том виде, каким его удастся воспроизвести сегодняшней науке – животное, подобное другим. По своей анатомии он так мало отличается от человекообразных обезьян...» [8, 163]. Даже социальность человека не снимает его животности. Более того, «социальный феномен – это кульминация, а не ослабление биологического феномена» [8, 219].

Тейяр де Шарден – принципиальный эволюционист. Разворачивая грандиозный, масштабный процесс генезиса и эволюции жизни, Шарден не может представить себе его без Бога, без вмешательства его разума и силы, которые он именуется «точкой Омега». По его мнению, эволюция Земли целенаправленна, провиденциальна, говоря языком Августина. Познать пути ее развития силами только человеческого разума невозможно, ибо наука способна отразить лишь «временное», «неустойчивое» бытие. Необходимо сверхпознание, иначе – богопознание: «... мы поворачиваемся к вершине, к целостности и к будущности, но это уже по неволе религия» [8, 279].

Направляемая Богом эволюция имеет своим центром и конечной целью человека, становление которого описывается им как «самовыявление» путем «сгущения психического», имеющего финальную точку – всеединство, олицетворением которой является Иисус Христос. Таким образом, тейярдизм представляет собой своеобразный христогенизм, в котором Богочеловек выступает началом, энергией и финальной эволюции.

На этом фундаментальном основании Шарден строит свой прогноз развития человечества, который завершится установлением ноосферы, тождественной «концу мира», граду Божьему в понятии Августина: «Конец мира, внутренний возврат к себе целиком сферы, достигшей одновременно крайней своей степени сложности и своей сосредоточенности. Конец мира – переворот равновесия, отделение сознания, в конце концов достигшего совершенства от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность всей своей силой покоиться в Боге-Омеге» [8, 282].

Путь достижения этого «райского» состояния – любовь в ее космическом, вселенском и трансцендентном масштабе. Такая любовь поможет объединить человечество, сблизить людей, что возможно только на основе всеобщей религиозности, воплощенной в вере в «точку Омега».

Такова в общих чертах позиция Тейяра де Шардена. Нетрудно заметить, что она весьма эклектична, как в плане неосинтеза религии науки, так и в плане соединения исключительно богословских концепций. Шарден – один из первых католических философов в XX веке, который попытался совместить августинианский провиденциализм и теоцентризм, с одной стороны, а также эволюционизм и антропологизм Фомы Аквинского – с другой. Основой этого синтеза стала личность Богочеловека – Иисуса Христа, которой после Шардена все католические богословы от К. Ранера до В. Каспера и К. Войтылы стали придавать первостепенное значение, положив антропологические идеи в русло христологии.

Другая, не менее смелая, попытка примирить современную науку и религию была предпринята Б. Лонерганом, которого многие католические авторитеты сравнивают с Фомой Аквинским, вынужденным в свое время осуществить ассимиляцию многих достижений науки, прежде всего философии, религией. Перед Лонерганом в условиях научно-технической революции и наступления постиндустриального общества стояла еще более масштабная задача. По его мнению, современная католическая теология должна поменять основу собственного позиционирования с метафизики на гносеологию: «Основной дисциплиной... является не метафизика, а теория познания... Из теории познания может быть выведена эпистемология, а затем из теории познания и эпистемологии может быть выведена метафизика» [6, 85]. Таким образом, очевидно обращение Лонергана к базовой для всей культуры XX века проблеме человека, ставшей, в свою очередь, источником «антропологического поворота» и в католицизме. В связи с этим главный вывод, к которому приходит Б. Лонерган, сводится к следующему: «Современная католическая теология должна быть не только католической, но и экуменической. Ее интерес должен затронуть не только христиан, но также и не-

христиан и атеистов. Она должна научиться привлекать не только современные философские учения, но и относительно новые науки: религиоведение, психологию, социологию, современные техники искусства коммуникации» [7, 95].

Поворот к человеку нашел отражение и во взглядах наиболее авторитетного в современном католицизме теолога и философа К. Ранера (1904 – 1984), по праву заслужившего статус властителя дум христианской Европы. Опираясь на интегративность томизма, К. Ранер создает «конкретную теологию жизненной действительности», определяя ее как трансцендентную, в которой человек изучается в его практическом отношении к «внутримирской действительности и трансценденции». Характеризуя свою концепцию как «антропологически понятую теологию», богослов обращает особое внимание на анализ человека и его место в бытии. По его мнению, именно антропология есть исходный пункт теологии: «Любая теология есть необходимо трансцендентальная антропология, всякая *онто*-логия есть *онто-логия*» [11, 165].

Считая, что истинный смысл христианства заключен в антропологии, Ранер утверждает, что в своем первоначальном виде оно представляло собой учение о человеке и его земной жизни. Выделяя это начало, он пытается наполнить традиционные схоластические понятия социальным смыслом, перевести их на язык антропологии.

Ставя такую задачу, Ранер с неизбежностью обращается к современной философской мысли, в результате чего толкование им Священного Писания приводит к реинтерпретации его содержания в терминах и понятиях современной философии, весьма чуткой к изменениям окружающего мира.

Рассматривая в качестве серьезного недостатка католического вероучения приоритетное внимание к трансцендентным ценностям и недостаточное – к земной жизни и человеку, Ранер формулирует принцип, с которым, вероятно, солидаризировались бы все неотомисты от И.Б. Метца и И.-Б. Лотца до О. Корета и К. Войтылы: «... Если ранее доминирующим было признание служения человека Богу, то отныне главным постулатом выступает служение Бога человеку. Из этого, в частности, следует, что язык Бога должен быть понятен человеку, Его образ должен быть ясен и очевиден всем» [11, 46]. Именно поэтому в качестве своей задачи как теолога К. Ранер видит углубленное осмысление истин веры, придание им антропологического характера. По его мнению, истины Откровения, имеющие божественное происхождение и потому несомненные, тем не менее, должны формулироваться на языке текущего времени, иметь отпечаток современной культурно-исторической среды. Иначе говоря, теология должна иметь основание в «посюсторонней действительности».

По твердому убеждению К. Ранера, христианская метафизика, пытающаяся познать человека «во всей полноте его экзистенции», не имеет права абстрагироваться от исторической ситуации человека. Это особенно актуально в современном секуляризованном мире, в значительной степени противопоставившем себя религиозности. Предложенная Ранером целостная концепция Бога, мира и человека, полная оптимизма и лишенная мрачных тонов, в значительной степени

преодолевшая антиномии томистского интеллектуального эссенциализма и августианского иррационализма, оказала влияние не только на католических философов, но и на протестантскую теологию и философию, определила тенденции развития современного католицизма, устойчивая переориентация которого началась после II Ватиканского собора, ключевой фигурой которого был и К. Ранер. Именно он, будучи одним из авторов концепции «анонимного христианства», определил новые возможности для диалога католиков с инаковерующими и атеистами, открыл широкие просторы экуменическому движению. В конце концов, именно К. Ранер способствовал тому, что называют «антропологическим поворотом церкви», лозунгом которой стал его требовательный призыв: «Разделять нужды верующих сегодня».

Свои антропологические идеи К. Ранер строит, как и многие его предшественники, включая Августина и Фому, на философском основании гносеологии. Мыслитель настаивает на пересмотре классической интеллектуалистской философии, нашедшей отражение прежде всего в перипатетической традиции и в томизме. Под несомненным влиянием экзистенциализма М. Хайдеггера инициатор антропологического поворота в католической философии стремится вернуться к взглядам досократиков, возражая против классического логоцентризма и рационализма, подавляющего человека и ставящего на первое место отношение бытия к человеку, а не наоборот.

Досократовская философия, нашедшая отражение, в частности, и в воззрениях софистов, рассматривает человека как единственное место, где можно постигнуть бытие, т.е. бытие познается человеком через его собственное непосредственно данное бытие. Именно поэтому, согласно К. Ранеру, вопрошая о бытии, в том числе и о бытии Бога, человек должен вопрошать о своем собственном бытии. В результате человек в философии Ранера становится тем системообразующим принципом, в котором сходятся все остальные, в том числе и теологические проблемы. Ведь человек, по мысли Ранера, – то место, в котором Бог являет себя, следовательно, становится единственным ключом к постижению Бога.

Центральным местом антропологических построений К. Ранера является определение сущностных характеристик человека. Идя вслед за своим наставником Фомой Аквинским, он определяет двойственность и одновременно единство природы человека, который в связи с этим занимает особое место, представляя собой мост между телесным и духовным бытием, между миром земным и трансцендентным.

Именно поэтому, по мысли Ранера, место человека не достаточно рассматривать только сквозь призму Бога и космоса. Нужно опуститься на уровень реальной земной жизни человека во всей ее динамичности: «Поскольку человек, в силу единства духа и материи в нем ... суть этого мира, то мир должен быть таким, чтобы человек смог стать тем, кто он есть: существом с исторической временной свободой, существом, в итоге самостоятельного выбора достигающим Господа» [15, 38].

Объединяя земные и трансцендентные ценности, Ранер полагает, что свобода человека должна обязательно пониматься в контексте исторических форм бытия человека. Не разделяя традиционного католического постулата о примате трансцендентного над земным, Ранер, вслед за Фомой Аквинским, рассматривает земное и небесное как два аспекта единого бытия, оставляя возможность соединения темпорального и вечного. Особенно обстоятельно эта возможность обосновывается им именно в концепции человека, являющейся краеугольной в общей религиозно-философской доктрине К. Ранера, движущейся в направлении от человека к Богу, а не наоборот, как у других, более консервативно настроенных неотомистов.

Человек в ранеровской антропологии понимается как возможный слушатель возможного Откровения. Он находится в предстоянии пред говорящим или безмолвным Свободным Неизвестным. По мнению немецкого богослова, «человек слышит в силу своей сущности всегда и постоянно Откровение Господа» [15, 116]. Этот процесс реализуется в человеческой истории, которую Ранер в томистском духе подвергает последовательной реабилитации. Признавая очевидную историчность человеческого бытия и основываясь на определении «человек есть воплощенный дух», Ранер рассматривает человека как эмпирическое бытие, живущее в материальном мире и реализующее себя в предметно-практической деятельности. Иными словами, человек есть существо пространственно-временное, конечно-повторяющееся, он – «случай всеобщего». Но поскольку он может реализовывать свою свободу и творческие стремления, выражая себя в исторических поступках, его бытие уникально.

Главная характеристика историчности человека – свободное деяние перед лицом Господа. Это деяние не опосредовано предшествующей основой, а возникает из намеренного свободного целеустремления. «Свободное деяние является, однако, в сущностном смысле историческим деянием, так как в первом, всеобщем, понимании история существует всегда там, где имеется свободное полагание... Откровение есть историческое событие, ибо местом возможного Откровения для человека становится его история, которая понимается не в общем метафизическом смысле истории вообще, а в смысле человеческой истории» [15, 143-144].

Таким образом, К. Ранер в своей религиозно-философской концепции «возвращает» Бога в мир, предоставляя человеку спасительную возможность открытия и переживания Господа. Именно в этом, по мнению многих исследователей, проявилось особенное влияние на мысль Ранера экзистенциализма, представленного как традиционным богословским – августиновским – его вариантом, так и современным философским, сформулированным С. Кьеркегором и М. Хайдеггером.

Экзистенциализм К. Ранера проявляется и в его восприятии смерти. По хайдеггеровски определяя смерть как фундаментальный феномен жизни, Ранер наполняет его, в отличие от убежденного атеиста Хайдеггера, подлинным гуманизмом и оптимизмом. В ожидании неминуемой смерти человек остается наедине с самим собой, со своей личной трагедией, до которой остальным нет

никакого дела.. человек оказывается в состоянии тотального одиночества, «заброшенности», но именно здесь открывается путь к поиску Господа. Поэтому эта глубинная экзистенциальная ситуация чревата не только ощущением тоски и страха, но и радостным чувством в ожидании встречи с Богом и его Благодатью. Таким образом, страх смерти, девальвируя надежды и стремления человека внутри мира, становится толчком к вере, к евангельскому слову. Преодоление неизбежного отчаяния становится возможным только в акте религиозной веры, в прорыве в трансцендентное, о чем в свое время писал С. Кьеркегор, а еще раньше Августин. К. Ранер ощущает смысл бытия человека в личном прорыве, преодолении себя самого любовью Господа, которая заставляет человека в трепете и страхе приходить к себе. Человек сталкивается в своей жизни не с абстрактной истиной, а с подлинным потрясением основ своего существования, ощущая одновременно глубочайшую пропасть, разделяющую его с Богом, и невыразимую близость к Нему.

Познав свою предельность, ощутив горечь тревоги, святость красоты и неизбежность смерти, осознав свой человеческий удел, человек приобретает завершенность и аутентичность. По Ранеру, именно религия придает человеку экзистенциальную целостность. Он полагает, что свой онтологический статус человек приобретает как «узловая точка» вхождения Творца в историю мира. «Если человек принимает такую возвышающуюся над природой трансценденцию, он совершает то, что христиане называли бы верой. Из этого вытекает, что история Откровения и история веры сосуществуют с общей мирской историей» [15, 16-17]. Таким образом, утверждает Ранер, трансцендентное начало присутствует в историческом, земной человек неразрывно связан с ним, причастен к нему независимо от того, сознает он это или нет. В связи с этим «следует заниматься теологией, чтобы обратиться к антропологии, так как человек есть частная отосланность к Господу. Это его сущность, он определяется благодаря этому» [14, 42].

Трансцендентное, как оказывается, имманентно присущее окружающему человека миру, сокрыто в конкретных предметах, в его поступках, исторических событиях. Поэтому путь человека к Богу лежит не только через молитву, но и через повседневный труд, свободное творчество, нравственные поступки. «Скромная и честно проживаемая повседневность хранит вечное чудо и молчащую тайну, которую мы называем Богом и благодатью, именно тогда, когда она остается повседневностью, так как все это есть созданные *человеком* будни. Так как повседневнейшие мелочи подлинно включены как сущностные фрагменты в действительную человеческую жизнь... в жизнь, которая благодаря вере, надежде и любви, свободно направляющих человека к Богу, имеет статус подлинного Господа, который ее объединяет» [15, 134], – пишет К. Ранер. Считая, что именно повседневная жизнь открывает человеку путь к Богу, он совершает подлинную революцию в католическом богословии, максимально сближая земное и небесное, профанное и священное, имманентное и трансцендентное, человеческое и божественное, совершая невиданный после Аквината философско-религиозный синтез.

Огромное влияние на становление идей Ранера оказал Аврелий Августин. В его антропологии он черпает то, что отсутствует у Фомы Аквинского – первостепенный интерес к внутреннему миру человека, который есть поле напряженнейшего поиска Бога. «Человек колеблется между миром и Богом, временем и вечностью, и эта середина – точка познания истины» [13, 201]. Следуя трансцендентализму Августина, Ранер полагает, что человек полностью открыт для благодати, ибо в своей душе он обладает «сверхъестественным экзистенциалом». Он представляет собой априорную устремленность к Богу. Исходя из этого, а также из фундаментального положения христианства о том, что Бог никому не отказывает в Своей милости, даже если сам человек не знает, «хочет ли он следовать открываемой Господом благодати или нет», К. Ранер приходит к концепции «анонимного христианства» и программе экуменизма, ставшим одними из основных элементов современного социального учения католицизма.

Идеи К. Ранера далеко не полностью отражают лицо современного неотомизма, в котором можно выделить множество расходящихся в деталях, иногда существенных, течений. Так, во многом оппозиционную ранеровской точку зрения высказывал видный теолог и философ-неотомист Рудольф Кариш. Его идеи интересны, прежде всего, тем, что в них проявляется свойственный современной католической мысли эклектизм, стремление к конвергенции, синтезу различных направлений мысли. Так, в концепции Кариша очевиден синтез взглядов Августина Блаженного и Фомы Аквинского на природу человека. Обвиняя Ранера в «отступничестве от основополагающих принципов христианства, «материализации» им христианского понимания личности, устранении различий между духом и материей» [5, 188], Р. Кариш, исходя из тезиса об органическом единстве души и тела, утверждает примат духовного над материальным, говорит, что лишь в силу наличия души человек становится и является человеком. В связи с этим экзистенциальные параметры человека выводятся им целиком из действий души.

Таким образом, на основании представленного выше краткого обзора, можно сказать, что католическая антропология в XX веке в целом унифицируется, разногласия между августинианцами и неотомистами сглаживаются и происходит это как под влиянием объединяющей силы христианского вероучения, так и в результате воздействия философских идей и учений, завоевавших доминирующее положение в общественном сознании.

В целом, «аджорнаменто», связанное с деятельностью как неоавгустинианцев, так и неотомистов, в значительной степени способствовало обогащению католического богословия вообще и антропологии в частности многими плодотворными идеями психоанализа, интуитивизма, экзистенциализма и других философских учений, в которых антропологическая проблематика является базовой. Это позволило католической мысли обрести как современный вид, так и богатый источник дополнительной убедительной аргументации собственной позиции.

The article deals with the features of development of Catholic philosophy in the XXth century under the conditions of increase of secularization and antihumanism processes. The article presents the review of the most appreciable and authoritative theological doctrines, the general theme of which is the anthropological problematics. The author comes to the conclusion, that Catholic philosophy in the XXth century on the whole is unified, the disagreements between different trends smooth out – both under the influence of the uniting force of the Christian creed, and as a result of the influence of philosophical ideas and doctrines which had won a leading position in public consciousness.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войтыла К. О труде человеческом. // <http://www.agnuz.ru>.
2. Губман Б.Л. Современная католическая философия: человек и история. – М., 1988.
3. Декрет «О подготовке священников». // <http://www.ecclesia.narod.ru/neocath>.
4. История всемирной литературы. – М., 1985.
5. Коротков Н.Д. Социальный аспект проблемы человека в религиозной философии. – Киев, 1978.
6. Красников А.Н. Лонерган: программа обновления католической теологии // Религиоведение. – 2002. – № 2.
7. Лонерган Б. Теология в ее новом контексте // Религиоведение. – 2002. – № 2.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М, 1965.
9. Энциклика *Laborem exercens* // <http://www.agnuz.ru>.
10. Энциклика *Redemptor hominis* // <http://www.agnuz.ru>.
11. Rahner K. *Beitraege zur Christologie*. – Leipzig, 1974.
12. Rahner K. *Hoerer des Wortes*. – München, 1971.
13. Rahner K. *Schriften zur Theologie*. Bol. I. – Zürich-Köln, 1954.
14. Rahner K. *Schriften zur Theologie*. Bol. III. – Zürich-Köln, 1958.
15. Rahner K. *Zur Theologie der Zukunft*. – München, 1971.

Н.М. Брунчукова

Смоленский государственный университет

E-mail: nadejar@mail.ru

УДК 373

А.Н. ОСТРОГОРСКИЙ О ПРОБЛЕМАХ ЭТИКИ В ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: *этика; нравственность; нравственная оценка; нравственные принципы; нравственность сознания; нравственность поступка.*

Данная статья посвящена исследованию проблемы нравственности в педагогическом наследии одного из выдающихся представителей русской педагогики второй половины XIX – начала XX века Алексея Николаевича Острогорского и ее значимости на современном этапе развития общества.

В рамках статьи рассматриваются различные аспекты данной проблемы: активность позиции человека в решении нравственных вопросов; соблюдение нравственных принципов независимо от его социального статуса; двойкий подход к оценке нравственности поступка различных слоев общества; нравственная оценка поступка, ее статус по отношению к другим оценкам жизнедеятельности человека.

Согласно утверждениям историков, наша современность – это результат совокупного труда и борьбы предшествующих поколений. Изучение истории не только обогащает нас знанием и опытом, но и помогает на основе анализа свершившихся исторических фактов лучше понять настоящее и увидеть будущее. В связи с этим анализ трудов педагогов прошлого является актуальной и значимой проблемой настоящего времени. Более того, надо учитывать и тот факт, что идеи социализма и коммунизма, основы марксистско-ленинского учения, владевшие сознанием общества более 70 лет, не всегда позволяли адекватно оценить вклад в науку просветителей «буржуазного строя», «классовый подход искусственно ограничивал источниковую базу исследований педагогики России рубежа XIX–XX веков, исключая в ней самое важное, существенное, что неизбежно вело к искажению историко-педагогической действительности до неузнаваемости» [3, 21]. Таким образом, за пределами научного знания оказывалась богатейшая часть педагогического наследия, «вобравшая в себя многовековой опыт воспитания и обучения, особенно ту его часть, в которой заключались идеи

духовно-нравственного образования, гражданской солидарности различных условий, гармонизация межнациональных отношений» [3, 21].

К числу таких ярких представителей русской педагогики второй половины XIX – начала XX века, принадлежит Алексей Николаевич Острогорский, педагогическое наследие которого требует серьезного научного исследования.

Видный русский педагог, писатель, основатель журнала «Детское чтение», талантливый редактор журнала «Педагогический сборник» пропагандировал и развивал передовые идеи, выдвинутые общественно-педагогическим движением 60-х годов XIX века.

Особое место в педагогическом наследии А.Н. Острогорского занимает проблема нравственности в современном обществе. Этой теме посвящены такие статьи, как «По вопросу о нравственности», «Нравственные привычки», «О влиянии умственного развития на нравственное воспитание» и другие. Вопросы, поднимаемые педагогом в данных работах, рассматривают различные аспекты нравственности в их историческом развитии, где, естественно, главная роль отводится современности.

В рамках данной статьи остановимся на одной из таких важных проблем, поднятых Алексеем Николаевичем, как этика, ее роль в становлении и развитии общества.

Этика (ethika от ethikos) в переводе с греческого означает «касающийся нравственности», «выражающий нравственные убеждения», ethos – «привычка», «обыкновение», «нрав», «характер». «Первоначально под этосом (этикой) понималось привычное место совместного проживания, дом, жилище, звериное логово, птичье гнездо. В последующем оно стало по преимуществу обозначать устойчивую природу какого-либо явления, обычай, нрав, характер» [2, 9].

Современная наука трактует этику как «учение о нравственности, морали, оценивающее человеческую деятельность с точки зрения добра и зла. Этика осмысливает начала нравственности, обосновывает этические нормы и дает их систематическое изложение ... Этика как область философских знаний не может существовать без вечных идеалов. Если нет истины, добра и красоты как общепризнанных ценностей, то нет и нравственности» [1, 309].

Опираясь на данное определение, рассмотрим проблемы этики, стоящие перед российским обществом второй половины XIX века.

Очень интересно, на наш взгляд, анализ данной проблемы представлен Алексеем Николаевичем Острогорским в статье «По вопросу о нравственности» (1887). Статья раскрывает различные аспекты этического состояния общества. Однако в рамках одной данной статьи раскрыть всесторонне и глубоко все заявленные автором вопросы достаточно проблематично, поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

Знаменательна первая фраза, открывающая данную статью: «Все жалуются нынче на упадок нравственности» [4, 119]. Как это созвучно современным статьям, поднимающим вопросы нравственности в современном обществе! Анализ проблем этики, которые волновали общество второй половины XIX века, убеж-

дает в том, что есть вопросы, темы, проблемы, актуальность и значимость которых, всегда современна.

«Нравственность родилась и выросла среди людей» – пишет А.Н. Острогорский, определяя тем самым роль общества в ее становлении и развитии [4, 153]. И именно поэтому, говоря о «нравственном строе общества», Алексей Николаевич призывает современников активно принимать участие в этом процессе. «Очень часто встречаются люди, которые вовсе не интересуются нравственной стороной того факта, о котором они высказывают свое мнение, а если и интересуются когда той или другой этической задачей, то чисто теоретически, как чем-то стоящим совершенно особняком от жизни», – негодует автор [4, 120-121].

Отдельная глава работы отведена педагогом для выявления роли закона, полиции, суда в формировании этических норм поведения. При этом автор подчеркивает, что наличие данных институтов власти не может в полной мере качественно решить проблему нравственного оздоровления общества: «Жизнь, однако, беспрестанно дает людям уроки в том, что эти факторы общественной жизни далеко не так могущественны, как их считают» [4, 122].

По мнению Алексея Николаевича, «проступки и преступления идут в общество не из беднейших классов общества в более достаточные, а скорее, наоборот». Одна из основных причин такого положения, как констатирует автор, состоит в том, что «в высших и средних слоях общества дурные инстинкты часто заглушаются достатком, сдерживаются влиянием общественного мнения, пока не отыщутся для них подходящие формы, в которые они могут вылиться, не вызывая осуждения ни суда, ни общества. Формы эти часто по внешности вполне легальны и потому терпимы, но это нисколько не делает самих побуждений более чистыми в нравственном отношении» [4, 125]. К таким отношениям людей между собой можно отнести продажность, лесть, нетерпимость и др. Что же касается «географического положения «группы риска» нарушителей норм общественного поведения, то «наиболее преступлений совершается в столицах, в больших городах, в фабричных центрах и от них расходится во все стороны...» [4, 124-125].

Подчеркивая особую осторожность в высказываниях по вопросам этики со стороны ученых, занимающихся этой проблемой, А.Н. Острогорский говорит: «Больше чем какая-либо другая область знания, этика благодаря своему содержанию наиболее доступна массе и легко вносится в практику жизни», а следовательно, люди науки должны отдавать себе отчет в том, что часто для определения выбора того или иного решения какого-либо этического вопроса общество в целом либо отдельные его члены руководствуются авторитетом ученого, его взглядами на данную проблему, что не всегда может быть верно» [4, 129]. Вместе с тем автор не отдает «пальму первенства» в решении этих вопросов этике как науке: «та ее область, которая имеет в виду свойство людских отношений, едва ли и будет когда в состоянии стать серьезным авторитетом для массы людей» [4, 130]. Одну из причин такого положения дел педагог видит в отставании науки от практики жизни: «жизнь не может ждать, но если бы и в ее власти было остановиться и

выждать тех указаний, которые она желает иметь от науки, то получила бы она их – это, конечно, вопрос очень интересный в смысле определения области, задач и методов этики, но для настоящей минуты не имеющий серьезного значения» [4, 130-131].

Анализируя вопросы этики и их роль в жизни общества, А.Н. Острогорский утверждает, что при решении этических вопросов необходимо принять «к сведению и факты, и выводы, как политической экономии, криминалистики, статистики, так и психологии с психиатрией и других наук» [4, 131], но при этом не отрицает и «автономность» взглядов этики на данные вопросы. «Сопоставим ... выражения, которые приходится иногда слышать: юридически он прав, но нравственно – нет; в экономическом отношении это выгодно, но нравственное чувство против этого. Данные выражения свидетельствуют о том, что нравственная оценка в действительности безмолвно признается во многих случаях стоящей выше всякой другой ...» [4, 132].

Такой подход к определению роли этики в жизни общества в целом и отдельного человека в частности ставит вопрос о том, как найти равновесие между желаниями человека и требованиями общества. Алексей Николаевич Острогорский так решает эту проблему: «Практика приводит к указанию, что счастье человека зависит от равновесия между его личными запросами и теми жертвами, которые приходится нести ради жизни в обществе», замечая при этом, что «равновесие, в сущности, есть дело субъективное и зависит от широты умственного кругозора, от нравственных воззрений лица и проч.» [4, 138]. Однако такое решение, как считает педагог, и с этим трудно не согласиться, таит в себе определенную опасность: насколько человек чувствует права личности, что стоит для него на первом плане: духовность или выгода и т.п.

«В вопросах нравственных всегда играют роль взгляды и понятия окружающих, и дурное, легкомысленное общество неизбежно понижает камертон, по которому строится нравственный тон его членов. Звучит он высоко, и каждый невольно подбирается, старается быть лучше, чище» [4, 147].

Особая роль в развитии этических отношений в обществе принадлежит, по мнению автора, таким качествам человека, как доброжелательность и справедливость. Алексей Николаевич утверждает, что эти качества могут быть как лишь внешней стороной («фасадом») личности, так и основой, мерилем его нравственных поступков. Именно внутреннее содержание человека определяет выбор тех или иных норм поведения.

Неоднозначно воспринимаются и слова автора о делении общества на «своих и чужих», но сам факт констатации данного явления говорит о глубине и разносторонности исследуемого понятия. «Нравственность всегда предполагает своих и чужих. ... Свои и чужие всегда имеют место в нравственном обиходе людей», – пишет в своей работе Острогорский [4, 148]. Речь идет о различных подходах к определению нравственности одного и того же поступка различными людьми. Так, с точки зрения одной части общества, если вор обеспечивает свою семью – это человек нравственный, но при этом это же общество закрывает глаза

на то, каким путем он достает средства на ее содержание; с точки зрения другой – это нарушение этических норм и правил: результат не всегда оправдывает средства. Такой двойкий подход к оценке одного и того же поступка определяет столкновение различных, зачастую прямо противоположенных взглядов. «Раз в обществе уживаются разные градации нравственного сознания, столкновения между людьми неизбежны», – делает вывод автор [4, 150].

Основанием для разрешения этических проблем в обществе А.Н. Острогорский считает сохранение нравственных принципов, их неизменность в зависимости «от условий их проявления», надо, «чтобы нравственные принципы стояли твердо и не смягчались ради житейских условий, желательно поэтому, чтобы жизнь не ставила ребром вопроса о самой возможности этих принципов в абсолютной форме» [4, 164].

Анализируя данную статью, вольно или невольно «примеряешь» ее к современному обществу и приходишь к выводу о том, что идеи, выдвинутые Алексеем Николаевичем Острогорским, не потеряли своей значимости и актуальности и в настоящее время. Естественно, далеко не со всеми выводами, изложенными автором в данной статье, можно и нужно соглашаться, но многое из того, о чем пишет педагог, может и должно найти свое место в вопросе разрешения этических проблем современности.

Таким образом, исследование опыта разрешения данных вопросов в истории отечественной педагогики позволит по-новому взглянуть на многие педагогические идеи прошлого, увидеть их значимость и жизненность на современном этапе развития педагогики, обозначить преемственность в развитии педагогических идей прошлого и настоящего, может дать новый импульс для такой работы.

The article is devoted to the research of the problem of morality in the pedagogical legacy of A.N. Ostrogorsky, one of the most prominent representatives of the Russian Pedagogy in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century, and its significance on the current level of the development of the society.

Within the framework of this article different aspects of the problem are given some consideration, including the following: man's active position in solving moral issues; observance of moral principles irrespective of one's social status; dual approach to appraisal of morality of a deed concerning the attitude of various strata of society; moral appraisal of a deed and its status according to some other appraisals of man's vital activity.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич С.П. Философский словарь. – М.: Олимп, ООО «Изд-во АСТ», 1997.
2. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. – М.: Гардарика, 2000.
3. Егоров С.Ф. Методологические аспекты развития педагогики в России конца XIX – начала XX вв. // Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России конца XIX – начала XX вв.: сборник статей. – М.: Институт теории образования и педагогики РАО, 2000.

4. Острогорский А.Н. По вопросу о нравственности // А.Н. Острогорский. Избранные педагогические сочинения / сост. М.Г. Данильченко. – М.: Педагогика, 1985.

В.Н. Диденко

*Смоленский государственный университет
Тел. (4812) 38-77-44*

УДК 373

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАНОРАМА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ключевые слова: высшее педагогическое образование; культуросообразность; искусство; творческая деятельность; мир ценностей; театральная педагогика; методологическая основа; законы; принципы; идеи; система Станиславского; жизненная правда; талант личности; правдивый образ; сверхзадача; активность и действие; космологический принцип В.И. Вернадского; «школа переживания»; гармония и мера; социализация и индивидуализация; сценическое внимание; воспитательный потенциал; сознательное овладение; подсознательный творческий процесс; индивидуальный стиль деятельности.

Статья отражает актуальные проблемы профессионально-педагогической подготовки будущего учителя с ориентацией на глобальные процессы в науке и духовной культуре. Приобщение к теории и практике театральной педагогики позволяет будущим специалистам выстраивать собственный мир ценностей, овладевать творческими способами решения профессиональных проблем. Автором представлена социокультурная стратегия театральной педагогики. Выделены социально-педагогические условия ее воспитательного потенциала. Определены наиболее важные методические и теоретические проблемы курса «театральная педагогика», преподаваемого в СмолГУ.

Современное высшее педагогическое образование призвано формировать духовно богатого и глубоко профессионального учителя, соответствующего запросам развивающегося общества в эпоху глобальных интеграционных процессов в науке и духовной культуре. Новые концепции образования должны основываться на идеях всестороннего творческого развития личности педагога, ее физических, духовных, нравственных и общественных сил и способностей. Педагог-творец стремится к гармонии физического и духовного, разума и чувств, желаний и возможностей.

В настоящее время придается большое значение увеличению культуросообразности высшего профессионального образования, социокультурному аспекту развития будущего специалиста. Содержанием образования становятся сферы достижений человечества, такие, как искусство и опыт творческой деятельности выдающихся режиссеров и актеров прошлого и современности. Следовательно,

становится возможной интеграция личности в систему мировой и национальной культуры, позволяющая будущим специалистам выстраивать собственный мир ценностей, овладевать творческими способами решения жизненных и профессиональных проблем, раскрывать свой индивидуально-личностный мир.

Решать вышеуказанные задачи в процессе профессионально-педагогической подготовки помогает спецкурс «Театральная педагогика», преподаваемый в Смоленском государственном университете. Обращение к театральной педагогике оказывается общественно востребованным. Чтобы познать богатство мыслей, чувств, образов, красок театральной педагогики, необходимо изучать законы, принципы, ведущие идеи, по которым «жил» и «живет» театр К.С. Станиславского и его последователей Вл.И. Немировича-Данченко, М.А. Чехова, М.О. Кнебель, Г.А. Товстоногова. Система Станиславского возникла как обобщение его творческого и педагогического опыта, а также опыта выдающихся деятелей мирового сценического искусства. В отличие от ранее существовавших театральных систем данная система строится не на изучении конечных результатов творчества, а на выявлении причин, которые порождают тот или иной результат. Впервые в системе Станиславского, построенной на его жизненной зоркости, необыкновенной наблюдательности, выдвигается и решается проблема сознательного овладения подсознательными творческими процессами. Особую роль мы отводим таким принципам театральной школы К.С. Станиславского, как жизненная правда, раскрытие таланта личности, создание правдивого образа, постановка сверхзадачи, разработка путей и средств ее достижения, безграничная работоспособность, активность и действие.

Большое влияние на творчество К.С. Станиславского оказало учение о высшей нервной деятельности И.М. Сеченова, И.П. Павлова. Вместе с тем мы можем выдвинуть гипотезу о влиянии на К.С. Станиславского космологических идей В.И. Вернадского, жившего и творившего в одно время со Станиславским. С нашей точки зрения, принципы системы Станиславского можно представить как целостность, входящую в единый высший поразительный по глубине космологический принцип единства Жизни и Природы В.И. Вернадского. Этот принцип позволяет личности достичь высшей цели жизни и деятельности.

В трудах В.И. Вернадского находим размышления о соотношении философского, художественного и научного постижения мира, о свободе личности и человеческой мысли, о ее духовных проявлениях, чувствах, воле, сознании и богатом художественном мире, созданном развитием человечества. Эти вопросы волновали и К.С. Станиславского, находившегося в напряженном духовном поиске жизненно-профессионального идеала. Как В.И. Вернадский определил для себя высокую цель жизни и деятельности, разработал программу ее достижения, так и К.С. Станиславский и в театре искал живой, подлинной жизни, раскрывая социальную масштабность ролей, действуя по законам «школы переживания». Великий режиссер разработал учение о «сверхзадаче». Это учение об общей жизненной цели, выходящей, по мнению режиссера, за пределы работы над одним спектаклем. Объединяет творчество К.С. Станиславского и В.И. Вернадского

ведущая идея, лежащая в основе их деятельности, о том, что специалисту, по Вернадскому, необходимо выйти за пределы узкого круга своей специальности, иначе «теряется мировоззрение, а вместе с ним высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой ...» [5, 40]. По существу, Станиславский выражает эту же идею, отмечая, что педагог только тогда достигает высокой «сверхзадачи», когда он получает удовольствие от научного познания, ощущая себя и человеком, и ученым, и творцом. В этом процессе творческого поиска им завладевает чувство долга и стремление к идеалу, осознание своего жизненного и профессионального предназначения. Именно эти установки и восприятия характеризуют суть жизненного и профессионального кредо К.С. Станиславского и В.И. Вернадского.

Ведущие идеи творчества К.С. Станиславского и В.И. Вернадского позволяют нам реализовать воспитательный потенциал театральной педагогики. Это становится возможным при соблюдении следующих условий:

1) применение в качестве основных антропокультурологического, аксиологического, герменевтического подходов как методологической основы театральной педагогики;

2) опора на ведущие принципы системы Станиславского и тем самым – на космологический принцип единства Жизни и Природы Вернадского;

3) глубокое изучение опыта театральной педагогики;

4) создание озаряемых светом взаимодействия педагогически целесообразных отношений в студенческой группе;

5) развитие волевой активности личности, регулируемой системой интересов, позиций, ценностных ориентаций, нравственных принципов, фиксирующихся в «психологическом автопортрете личности» (по Ш.А. Надирашвили).

Выделим наиболее важные методологические и теоретические проблемы курса «Театральная педагогика», определяющие личностную, общественную и профессиональную позицию студентов. К ним можно отнести:

а) учение о гармонии и мере в педагогическом процессе и способах их достижения;

б) соотношение и взаимосвязь процессов социализации и индивидуализации;

в) объединение в общую категорию сознательных и эмоциональных компонентов целостной направленности личности (концепция умонастроения, по Б.Д. Парыгину);

г) взаимосвязь социально типичных отношений личности с мотивами деятельности;

д) роль отношений в формировании индивидуального стиля деятельности будущего специалиста и другие.

Содержание деятельности студентов в ходе спецкурса обогащается через:

- создание творческого ансамбля-коллектива, увлеченного общими творческими задачами, обладающего общностью менталитета;
- осознание сущности театральной специфики путем синтеза физического и психического;
- сознательное овладение подсознательным процессом творчества;
- формирование умений устанавливать и менять в соответствии с педагогическими задачами межличностные отношения и на их основе действовать логично, целесообразно и продуктивно;
- развитие сценического внимания как главного условия правильного внутреннего самочувствия и основы внутренней техники будущих специалистов;
- систематическое применение комплексной системы саморегуляции эмоционального состояния студентов, развитие их эмоциональной устойчивости.

Итак, мы представили социокультурную панораму театральной педагогики, позволяющую специалисту «выйти за пределы узкого круга своей специальности». Ее доминанты, цель, задачи, методология, содержание, технология основаны на теоретическом и практическом развитии идей великих деятелей искусства и науки XIX – XX веков и нашем опыте преподавания в Смоленском государственном университете.

Театральная педагогика позволяет нам «заглянуть» в будущее и обогатить познавательно, духовно и нравственно личность педагога-творца.

The article reflects actual problems of future teachers' training, which orientates them towards global changes in science and moral culture. It is noted, that the knowledge of theatre pedagogics enables future specialists to build their own world of values, to acquire creative methods of solving professional problems. The article presents socio-cultural strategy of theatre pedagogics. The author singles out socio-pedagogical conditions of its educational potential and defines the most important methodological and theoretical problems of the course «Theatre pedagogics», which is taught at Smolensk State University.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диденко В.Н. Введение в педагогическую деятельность. – Смоленск, 2005.
2. Педагогика / Слостёнин В.А. [и др.]. – М., 2000.
3. Сманцер А.П. Гуманизация педагогического процесса. – Минск, 2005.
4. Сонин В.А. Учитель как социальный тип личности. – СПб., 2007.
5. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. – М., 1981.

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: цели литературного образования; гуманистическое мировоззрение; субъектный опыт учащихся; ассоциативные ряды; система вопросов; исследование; диалогическое изучение литературы; культурная традиция; диалог мировоззрений.

Диалогизация процесса создания интерпретации художественного текста позволяет учителю решать как собственно филологические, так и педагогические задачи, устанавливая между ними связь.

Изучение литературы как диалога мировоззрений в рамках одной или различных культурных традиций в процессе актуализации субъектного опыта ученика максимально содействует реализации приоритетной цели литературного образования – формированию гуманистического мировоззрения учащихся, любви и уважения к литературе и ценностям отечественной культуры, повышает интерес к чтению.

Знаменитому французскому ученому Клоду Леви-Строссу, этнографу, социологу и культурологу, создателю школы структурализма в этнологии, исследователю систем родства, мифологии и фольклора, принадлежит афоризм, звучащий в настоящее время как предостережение: «XXI век будет столетием гуманитарных наук – или его не будет вовсе» [6].

Однако, как отмечено в «Национальной программе поддержки и развития чтения», разработанной Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям совместно с Российским книжным союзом, «сегодня в российском обществе совершенно очевидно снижается статус чтения.

Увеличивается доля россиян, вообще не читающих или читающих лишь от случая к случаю. Если в 1991 году 79% жителей нашей страны читали хотя бы одну книгу в год, то в 2005 году эта цифра составила 63%. Доля систематически читающей молодежи снизилась с 48% в 1991 до 28% в 2005 году. Утрачиваются традиции семейного чтения: в 1970-е годы регулярно читали детям в 80% семей, сегодня – только в 7%. Растет невзыскательность вкуса и предпочтений в области чтения – выбор профессиональной, художественной, массовой литературы свидетельствует об их упрощении даже в интеллектуальной среде. Ухудшается владение родным языком: в обществе родная речь де-факто становится все бо-

лее примитивной; в ответ на это в молодежной, профессиональной и деловой средах нарастает использование англоязычных слов, заменяющих в ряде случаев даже устоявшиеся русскоязычные аналоги. Возрастают сугубо развлекательная составляющая чтения и стремление людей (в особенности младших поколений) свести к минимуму затраты интеллектуальных усилий при чтении. Утрачиваются ценностные ориентиры в литературной культуре: нет авторитетных лиц, иницилирующих моду на чтение качественной литературы» [5].

О современном статусе литературы как предмета преподавания красноречиво свидетельствует открытое обращение писателей России к Президенту и Председателю правительства Российской Федерации от 6 июня 2008 года. В нём звучит призыв: «Спасите нашу литературу! Спасите наши души! Тяжёлый удар нанесен не только образованию, но учащимся российской школы, а значит, будущему всей России. Литература – это не просто собрание неких знаний о писателях и героях их произведений. Литература – это предмет, содействующий освоению духовного, нравственного, культурного и исторического опыта жизни их родителей, дедов и прадедов на родной земле. Именно литература объясняет юным читателям, что есть добро и что есть зло, помогает нашим детям сформировать нравственные модели поведения, предлагает детям и подросткам задуматься о смысле своей жизни, о своем предназначении» [7].

Приоритетной целью литературного образования является «*воспитание духовно развитой личности, формирование гуманистического мировоззрения, гражданского сознания, чувства патриотизма, любви и уважения к литературе и ценностям отечественной культуры*» [3, 133].

Русская литература является хранительницей культурных традиций, знание которых помогает выявить особенности мировосприятия народа, закономерности взаимовлияния мировоззрений различных эпох и культур, содействует идентификации личности, обретению устойчивости к псевдоцелям, возникающим как сиюминутная реакция на события.

В процессе создания интерпретации текста необходимо конструировать диалог поколений, определяя нравственно-эстетические закономерности. Их совокупность является фундаментом, на котором базируется мировоззрение нации.

Такая работа особенно актуальна на первом этапе литературного образования, когда вырабатывается потребность в систематическом чтении и анализе художественных произведений, развивается эмоциональная сфера школьников, происходит формирование представления о специфике литературы как искусства слова, умения осознанного чтения, способности общения с художественным миром произведений разных жанров.

Следуя обозначенной выше модели изучения текста, многоуровневый анализ стихотворения Н. Рубцова «Звезда полей» в шестом классе целесообразно начинать с определения символического значения образа звезды в народной традиции. Выдающийся мифолог, собиратель и исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев отмечал, что по народным представлениям, каждый человек, рождаясь, обретает на небе свою звезду, с падением которой прекращается его

существование. Например, в Пермской губернии поселяне были убеждены, что на небе столько же звезд, сколько на земле людей. Такие суждения характеризуют мироощущение народа, осознающего своё единство с окружающим миром.

Обращаем внимание учащихся на то, что образ звезды возник у Рубцова не без влияния написанного годом раньше одноименного стихотворения Владимира Соколова, уже в первой строфе указывающего на песенно-фольклорный источник этого образного мотива: «“Звезда полей, звезда полей над отчим домом / И матери моей печальная рука...” / Осколок песни той вчера за тихим Доном / Из чуждых уст настиг меня издалека».

Выявлению особенностей диалога эпох и авторов в рамках национальной культурной традиции будет способствовать обращение к образу звезды в знаменитом романсе П.П. Булахова на стихи В. Чуевского «Гори, гори, моя звезда...». Отмечая черты сходства и различия в звучании лирического и музыкального произведений, ученики определяют художественную идею стихотворения Н. Рубцова, проявляющуюся в стремлении лирического героя к единству с окружающим миром, установят связь с народной традицией.

В процессе создания интерпретации текста необходимо показать учащимся, как складывается диалог мировоззрений различных эпох и культурных традиций.

Так, целью уроков, посвящённых изучению творчества М.В. Ломоносова, является формирование представлений о неповторимой, уникальной личности учёного, человека определённой эпохи, системы взглядов, обусловленных исторически; выявление значения подвижнической деятельности М.В. Ломоносова для российской науки; определение ключевой идеи стихотворения «Кузнечик дорогой...», проявляющейся в стремлении лирического героя к обретению внутренней свободы.

После сообщений учителя и учащихся о некоторых фактах биографии Ломоносова, о борьбе учёного за российскую науку необходимо выразительно прочитать стихотворение и выявить первоначальные впечатления. Учитель предлагает создать ассоциативный ряд, включив понятия, отражающие чувства учёного и поэта. Ученики отметят усталость, изнеможение, раздражение, разочарование, безысходность, уныние, противопоставленные беззаботности кузнечика.

Продолжая работу по выявлению первоначальных впечатлений, учитель расскажет о том, что произведение является оригинальным переложением стихотворения «К цикаде», приписывавшегося Анакреону. В ходе краткого сообщения о творчестве древнегреческого поэта, основными мотивами которого являются земные радости, необходимо отметить, что анакреонтическое стихотворение послужило Ломоносову исходным материалом. Далее происходит выявление символического значения цикады в лирике Анакреона и кузнечика в стихотворении М.В. Ломоносова. Цикада у Анакреона – прообраз поэтического творчества. Преобладающим мотивом стихотворения является восхищение беззаботностью существования безобидного земного существа, стремление к обретению беспечности.

В ходе сообщения о кузнечике учащиеся узнают о многогранности этого образа, являющегося и символом легкомыслия, и эмблемой удачи, и воплощением космического беспорядка.

Представления школьников углубляет лексическая работа – определение значения приставки в словах, сопоставленных в стихотворении («бесплотен» – «беззаботен»), в ходе которой происходит выявление художественной идеи произведения: полная свобода – удел ангелов, души, покинувшей земной мир. В процессе индивидуальной исследовательской работы с текстом формируются представления об авторской позиции, проявившейся в заключительных строках стихотворения: счастье и внутренняя свобода для поэта – синонимы.

Миропонимание, присущее эпохе Анакреона, противопоставлено взглядам М.В. Ломоносова – человека иного времени, иной культуры.

Диалог мировоззрений различных эпох и культур продолжается в ходе обращения к творчеству Н.М. Олейникова, журналиста, поэта, сатирика и философа, человека разносторонних интересов. Обращение к образам насекомых было для поэта средством обретения той желанной внутренней свободы, о которой почти два века назад мечтал М.В. Ломоносов. Учащиеся читают выразительно стихотворение Н.М. Олейникова «В чертогах смородины красной...» и размышляют над значением заключительных строк («Как пышно над ними колышет / Смородина свой виноград!»), где звучит та же мысль, что и в лирическом переложении М.В. Ломоносова: истинная свобода не является уделом земного, реального существования. О ней можно лишь мечтать, как о смородине с виноградными гроздьями.

Полифоничность мира, наличие множественности равноправных сознаний, которые сосуществуют и взаимодействуют, актуализируют диалог как образовательную технологию, ориентированную на совместный поисковый труд.

Интеллектуальное взаимодействие между участниками процесса обучения должно стать органичной частью диалога эпох и культур. Условием его успешности является пробуждение у ученика интереса к самому себе и к индивидуальности другого человека, понимание значимости совершенствования себя как целостной личности и как части огромного мира.

В процессе анализа текста учащиеся апеллируют к собственному опыту, уточняя и конкретизируя индивидуальные представления.

Такая работа – путь к нравственному взрослению, самоопределению, осознанию своих отношений с окружающим миром, осмыслению самого себя как личности, как гражданина.

Реализации субъектного опыта личности содействует самостоятельная работа по выявлению проблемы, заключённой в литературном произведении. В её основе – построение диалога с самим собой в ходе самостоятельного конструирования вопросов к тексту.

Анализируя стихотворение И.С. Тургенева «В дороге», ориентируем учащихся на осмысление собственного опыта, учим критически относиться к пережитому. Эта работа в перспективе направлена на формирование умения оцени-

вать явления действительности, включая частные жизненные события и факты в широкую историческую перспективу.

Вопросы к тексту ориентированы и на воспроизведение и описание художественных явлений, и на обсуждение исследовательской проблемы, и на решение типовой исследовательской задачи. Учитель предлагает учащимся заполнить таблицу.

Фрагменты текста, на которых остановилось внимание при чтении стихотворения	Какие вопросы возникли у меня?
«Нивы печальные...»	Почему для героя всё вокруг выглядит печально?
« <i>Нехотя</i> вспомнишь...»	Почему он вспоминает о прежних чувствах «нехотя»?
« <i>Вспомнишь и лица давно позабытые...</i> »	К кому обращается герой в воспоминаниях?
«Милого голоса звуки любимые...»	
«Вспомнишь разлуку с улыбкою странной...»	Почему улыбка лирического героя «странная»?

Такая работа открывает пространство для межличностного диалога, поскольку вопросы, которые создали ученики всего класса, будут иметь черты сходства и различия. Их необходимо учитывать в ходе определения ключевых направлений исследования.

Широкие возможности для реализации субъектного опыта открывает создание ассоциативных рядов, позволяющих вступать в диалог и с автором, и с другими участниками процесса обучения.

Отправной точкой анализа стихотворения И.С. Тургенева «В дороге» является определение смысла названия. На данном этапе происходит актуализация читательского опыта шестиклассников. Отвечая на вопрос о литературных ассоциациях, учащиеся называют стихотворение М.Ю. Лермонтова «Тучи», где звучит мотив пути странника, отмечают, что для лирического героя-странника характерно постоянное сомнение в истинности найденных ценностей, состояние вечного поиска идеала.

Исследование ассоциативного ряда со словом «дорога» (перемены, разлука, одиночество, скитальчество, неизвестность, неустроенность, разочарование) приводит к пониманию основной мысли стихотворения: герой одинок и разочарован, он прощается с прежней жизнью, но будущее для него неопределённо. В процессе многоуровневого анализа лирического текста учащиеся отмечают, что молодой писатель отказался от прежних взглядов, пережил стремительную художественную эволюцию. Вчерашний день кажется ему давно прошедшим этапом. Прощание с Татьяной Бакуниной совпало с разочарованием в том, что его окружало в Премухине. Пережитое прошлое контрастно новым настроениям поэта. «Родным, далёким» кажется время мимолётной влюблённости. Он менее

всего склонен обвинять свою возлюбленную и считать ее причиной их взаимного охлаждения и разлуки. Лирический герой сознает невозможность возврата к старым чувствам, но относится к пережитому с уважением и теплотой.

Работа, направленная на актуализацию субъектного опыта, может быть наиболее продуктивной в том случае, если ученические ассоциации на первоначальном этапе анализа вступают в противоречие с идеей произведения и авторской позицией, а в ходе урока происходит уточнение и расширение исходных представлений.

Такой приём создания интерпретации текста является лейтмотивом методической схемы урока-анализа рассказа И.С. Тургенева «Бирюк».

На первом этапе необходимо определить лексическое значение слова «бирюк» (волк-одиночка и нелюдимый человек).

Учащиеся создают ассоциативные ряды: «нелюдимый человек» (одиночество, молчание, жестокость, независимость, мужество, угрюмость, замкнутость); «волк-одиночка» (разбойник, кровопийца, зверь и др.).

Шестиклассники отмечают, что прозвище героя характеризует его как человека нелюдимого, одинокого, угрюмого. Далее учитель предлагает ответить на проблемный вопрос, определяющий направление работы с текстом: «Таков ли на самом деле Фома?».

Подводя итоги анализа сцены в лесу во время грозы и знакомства с репродукциями картины И.Н. Крамского «Полесовщик», учащиеся дополняют ассоциативный ряд, включая туда слова «богатырь», «великан» и др., внося коррективы в первоначальные представления о герое.

В заключение школьники приходят к выводу о том, что Бирюк не просто «исправляет должность» лесника, а ощущает себя частью природы, которую необходимо охранять от людской жадности и корысти. В лесу герой чувствует себя внутренне свободным человеком, исполняющим высокий нравственный долг.

Актуализация субъектного опыта ученика в ходе создания ассоциативных рядов на уроке литературы преследует различные цели. Это и самодиагностика, познание своего внутреннего «Я», исследование особенностей собственного характера и образа мыслей; и постижение определённых норм и правил построения диалога в процессе соотнесения уже имеющегося опыта с тем, что открыто в ходе создания интерпретации; и реализация вновь обретенного опыта в творческой деятельности, направленной на выявление особенностей взаимодействия мировоззрений различных эпох.

Так, на заключительном этапе изучения раздела, посвящённого творчеству А.С. Пушкина, предлагаем учащимся написать продолжение романа «Дубровский». Цель данного урока – выявление закономерностей становления характеров героев в процессе духовной эволюции.

На первом этапе работы происходит мотивация творческой деятельности учащихся, создание ассоциативных рядов, соотнесённых с понятием, определяющим нравственный облик героя романа.

Троекуров (своеволие, упрямство, грубость, жестокость); Дубровский (чувство собственного достоинства, великодушие, честность, искренность, умение любить, благородство, смелость); Верейский (аристократизм, холодность, эгоизм, коварство, предательство); Маша (романтичность, нерешительность, искренность, стойкость, честность). В процессе социализации происходит пополнение словаря нравственно-эстетических понятий, который ведут ученики в течение учебного года, так называемое «обретение слов», содействующее осмыслению учащимися собственной мировоззренческой позиции в ходе изучения нравственного опыта героев романа.

Представления учащихся расширяются и углубляются в процессе работы с афоризмами, значение которых соотнесено с категориями, выявленными в ходе создания ассоциативных рядов: «одинаково опасно и безумному вручать меч и бесчестному власть» (Пифагор); «человек истинно достойный может быть влюблён как безумец, но не как глупец» (Франсуа Ларошфуко); «своевольному всегда всего мало» (Блез Паскаль); «в мире чувства есть лишь один закон – составить счастье того, кого любишь» (Стендаль).

В процессе реализации домашнего задания (учащиеся составляли план, отражающий этапы жизни героев) шестиклассники отвечают на вопрос: «В каких эпизодах романа в характере героя проявляются те качества, которые были названы в ходе создания ассоциативных рядов и работы с афоризмами?». Ответ позволяет учащимся соотнести свои представления о нравственности с точкой зрения автора.

Заключительный этап работы – актуализация вновь обретенного опыта, преломление его в творческой деятельности, направленной на выявление особенностей взаимодействия мировоззрений различных эпох. Ученики создают план сочинения-продолжения романа, который оформляют в виде вопросов к герою. Внутри исследовательских групп происходит распределение ролей Троекурова, Маши, Дубровского, Верейского. Участники диалога задают по два вопроса герою, корректируют ответы товарищей, составляют план событий, последовавших далее.

Проектируя диалог с Троекуровым, шестиклассники создают проблемную ситуацию, позволяющую понять, способен ли герой измениться в лучшую сторону под влиянием пережитого: «Узнали ли Вы о том, что Дубровский хотел освободить Вашу дочь? Какие чувства Вы испытывали за праздничным столом во время свадьбы? Часто ли приезжала Мария Кириловна с князем Верейским к Вам в гости? Изменилось ли Ваше отношение к мужу дочери? Вы по-прежнему устраиваете званые обеды? Вспоминаете ли Вы Андрея Гавриловича Дубровского? Сожалеете ли о случившемся? Что Вы сделаете, если вдруг встретитесь с Владимиром Дубровским?».

Предполагаемый диалог с Дубровским направлен на выявление особенностей духовной эволюции героя: «Что Вы почувствовали, когда Маша отказалась принять вашу помощь? Испытывали ли Вы сожаление, расставаясь со своими товарищами? Как Вам удалось скрыться от преследователей? Поддерживали ли Вы

отношения со своими бывшими крестьянами? Надеетесь ли когда-либо отомстить Верейскому за то, что он выстрелил, хотя Вы ему не угрожали? Испытываете ли Вы прежние чувства к Маше? Предпринимаете ли какие-либо действия для того, чтобы встретиться с ней? Как складывается Ваша жизнь?».

В ходе диалога с Машей Троекуровой ученики должны понять, что героиня, наделённая лучшими нравственными качествами, всё же не способна сопротивляться несправедливому социальному закону: «Какие чувства Вы испытали, когда Верейский выстрелил в Дубровского? Рассказали ли Вы о них своему мужу? О чём Вы думали во время свадебного обеда? Изменились ли Ваши отношения с отцом? Где Вы поселились после свадьбы (в Арбатском или в Петербурге)? Какие события, случившиеся после свадьбы, вызвали Вашу радость или огорчение? Каково Ваше любимое занятие? Изменился ли характер Вашего мужа с момента первого знакомства? Вспоминаете ли Вы Владимира Дубровского, сожалеете ли о том, что отказались бежать с ним?».

Диалог с Верейским должен показать учащимся, что герой не способен на бескорыстные поступки и ни при каких обстоятельствах не откажется от собственных притязаний, даже если они противоречат нормам нравственности: «Любили Вы Марию Кириловну? Почему Вы показали письмо Кирилу Петровичу? Какие чувства Вы испытывали в церкви, заметив, что Ваша невеста равнодушна к происходящему? Почему Вы выстрелили в Дубровского? Пытались ли Вы объяснить свои действия жене? Проводите ли Вы время в свете с молодой женой или предпочитаете бывать там один? Рассказали ли Вы старым друзьям о том, что произошло в Кистенёвской роще? Замечаете ли Вы, когда Ваша жена грустит? Сожалеете ли Вы о случившемся, пытаетесь ли загладить свою вину?».

В процессе социализации учащиеся озвучивают диалоги в классе, формулируют ответы на вопросы: «Изменились ли герои после событий, описанных в романе? Какие новые черты появились в характере Верейского, Троекурова, Маши, Дубровского?».

В ходе такой работы происходит активное включение ученика в мировоззренческий диалог различных эпох: ученики не только оценивают поступки литературных персонажей с позиций сегодняшнего времени, что даёт им возможность выстроить суждения о собственном характере, но и выявляют авторскую позицию, в которой нашло отражение мировоззрение эпохи.

Таким образом, диалогизация процесса создания интерпретации художественного текста позволяет учителю решать как собственно филологические, так и педагогические задачи, устанавливая между ними связь.

Изучение литературы как диалога мировоззрений в рамках одной или различных культурных традиций в процессе актуализации субъектного опыта ученика максимально содействует реализации приоритетной цели литературного образования – формированию гуманистического мировоззрения учащихся, любви и уважения к литературе и ценностям отечественной культуры, повышает интерес к чтению.

Указанные направления не исчерпывают всех возможностей представленного подхода к преподаванию литературы в школе, так как учебный диалог является и доминантной формой обучения, соответствующей коммуникативной природе художественного произведения, и способом эстетического анализа, и главным условием развития читательского понимания, и средством расширения читательского сознания, формирования гуманистического мировоззрения, и особым «образом жизни» современных читателей.

Dialogue training is a dominant form of teaching corresponding to the communicative nature of a work of art, a method of an aesthetic analysis, a principal condition of the development of the readers' understanding, a means of widening the readers' consciousness, developing a humanist outlook, a specific «mode of life» of up-to-date readers.

Studying literature by means of a dialogue of views within the framework of one or various cultural traditions in the process of actualization of the pupils' subjective experience contributes to the realization of the prior aim of literary education – developing of the pupils' humanist outlook.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицких Е.О. Диалог в образовании как способ становления толерантности: учебно-методическое пособие. – М.: Академический Проект, 2004.
2. Воспитательные подходы и системы в современном гимназическом образовании: материалы всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Н.М. Свириной. – СПб., 2008.
3. Настольная книга учителя литературы / сост. Е.А. Зинина, И.В. Корнута. – М.: АСТ Астрель, 2004.
4. Современные тенденции изучения литературы в школе: материалы научно-методической конференции / под ред. Н.Н. Златотрубовой. – Воронеж: ВГУ, 2007.
5. <http://www.fapmc.ru>.
6. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
7. <http://www.prosv-ipk.ru>.

ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: МЕТОДИКА И ЕЕ СВЯЗЬ С ПЕДАГОГИКОЙ

Ключевые слова: *методика преподавания; методика обучения; технология обучения; методика преподавания социологии.*

В статье подчеркнута, что дидактика представляет собой главную теоретическую основу методики как частной теории обучения, а также показано значение дидактики для построения методики обучения как науки. Рассмотрены различные точки зрения современных ученых-дидактов и методистов-практиков на сущность методики преподавания и признания за ней статуса самостоятельной научной области.

Социология представлена как область знания, находящаяся на пересечении гуманитарных знаний и социальных наук и имеющая специфические особенности преподавания. Подход к методике преподавания социологии отражен в структуре учебно-методического пособия «Методика преподавания социологии» (2008), написанного автором.

Методика преподавания вбирает в себя, обобщает и конкретизирует опыт педагогической деятельности, в чем проявляется ее теоретический статус, и, кроме того, методика как прикладная наука стремится выработать ряд конкретных положений, знание которых является необходимой предпосылкой становления социолога-педагога.

До 1960-х годов положение методики в системе педагогических наук определялось по стоящим перед ней задачам. Решение этих задач вытекает из общедидактических закономерностей, общих принципов и методов обучения. Дидактически осваивая данные психологии, возрастной физиологии и других наук, она находит педагогически целесообразные пути и способы обучения учебному предмету и отдельным его разделам. Удел методики – поиск путей и способов изложения готового учебного материала.

Методика обучения учебному предмету – отрасль педагогической науки, представляющая собой частную теорию обучения или частную дидактику. Ее задачи заключаются в том, чтобы: 1) на основе изучения явлений обучения данному учебному предмету раскрывать между ними закономерные связи; 2) на основе познанных закономерностей устанавливать нормативные требования к обучающей деятельности педагога (преподаванию) и познавательной деятельности учащегося (учению).

В содержание методики как частной дидактики входит: 1) установление познавательного и воспитательного значения данного учебного предмета и его места в системе образования; 2) определение задач обучения данному предмету и его содержания; 3) выработка соответствующих задачам и содержанию обучения методов, методических средств и организационных форм.

Исследования в области методики обучения предмету направляются на выяснение того, как в зависимости от той или иной деятельности преподавателя протекает образовательная деятельность обучаемого и каков ее результат.

Наибольшее значение для построения методики обучения как науки имеет ее связь с дидактикой и с той наукой, основы которой составляют содержание данного предмета обучения. Дидактика, являясь общей теорией обучения, представляет собой главную теоретическую основу методики как частной теории обучения. Она служит базой для каждой методики и своей методологией, и общетеоретическими положениями. Значение для методики обучения той науке, которая составляет содержание одноименного с нею учебного предмета, заключается в том, что наука дает конкретное содержание данного предмета обучения и тем самым определяет специфическое содержание данной методики, придает ей особые, характерные черты.

Термин «методика обучения» употребляется и в более узком смысле – как учение о методах обучения. Это учение может быть или общим, если имеются в виду методы обучения, присущие всем преподаваемым предметам, определенным Государственным образовательным стандартом, или частным, если дело касается только тех методов, которые применяются для обучения учебному предмету, например, социологии.

Современные ученые-дидакты и методисты-практики высказывают разные точки зрения по поводу сущности методики преподавания. Одни считают ее прикладной психологией, другие – прикладной наукой, интегрирующей знания из различных дисциплин, третьи – самостоятельной отраслью знаний.

Анализ литературы по разным учебным предметам показывает, что многие специалисты признают за методикой статус самостоятельной научной области. Не вдаваясь в подробные пояснения этих трактовок, подчеркнем, что авторы учебных пособий рассматривают предмет методики, включая в него обучение, образование и воспитание, а порой ограничивая его совокупностью средств и методов усвоения содержания образования. При этом они по-разному понимают обучение, считая его либо взаимодействием учителя и учащихся, либо процессом овладения действиями, либо познавательной деятельностью. Г.И. Саранцев исходит из того, что предмет методики обусловлен содержанием образования, обучения и воспитания учащихся, но далее замечает, что существуют разные точки зрения по поводу сущности этих понятий и связей между ними, хотя исследователи признают, что все они взаимосвязаны, но не идентичны. Традиционно отмечается, что методика призвана отвечать на вопросы: Кого учить? Зачем? Чему и как? Ответы на них определяют цели образования и воспитания, а также отбор содержания образования, методы, средства и формы обучения. Подчеркивается,

что в качестве предмета методики преподавания должны выступать образование, обучение и воспитание [5, 27-32].

Если метод представляет собой способ действия, то методика – это реальное воплощение этого метода, его технология, последовательность тех операций, на базе которых данный метод или прием действия осуществляется. Своя методика имеет место и в педагогической деятельности. В этом плане подготовка специалиста с высшим образованием предполагает ознакомление его, с одной стороны, с методами и методикой добывания нового знания – как будущего ученого, а с другой стороны, с методикой преподавания обучаемой дисциплине в средней или высшей школе – как будущего педагога. Таким образом, методика представляет собой совокупность конкретных приемов осуществления тех или иных методов или способов действия. Это своего рода свод правил и приемов действия.

Методика – это изучение системы того или иного вида деятельности и выработка правил, приемов действия. Что же касается понятия «преподавание», то его смысл достаточно ясен и вполне однозначно представлен во всех словарях, энциклопедиях и справочниках, это процесс передачи знаний, процесс обучения. Можно заключить, *что методика преподавания – это такая дисциплина, которая изучает, обобщает и систематизирует формы, приемы и методы педагогической деятельности, стремится выработать у учащихся навыки этой деятельности, в чем и проявляется ее теоретический и практический смысл* (курсив наш. – А.Ф.) [3, 7].

В последние годы в психологии, социологии, педагогике и дидактике произошёл заметный сдвиг в исследовании самого понятия личности, ее структуры, переосмыслены многие свойства личности.

Это необходимо учитывать в общепедагогических подходах и методических поисках в решении таких проблем, как самопознание, мотивация учебной деятельности, творческая активность. В методической системе должна быть учтена и индивидуальность обучаемого. Цели – это идеальный результат обучения, который, как правило, не достигается в реальном учебном процессе, поэтому важно учитывать полученные результаты и всю полноту информации.

Сложность установления взаимосвязи методики с дидактикой и педагогикой отмечается в ряде работ педагогов (см., например, [4]). Речь, прежде всего, идет о содержании одного и того же понятия – «метод обучения». В дидактике основным отношением, характеризующим обучение, является «преподавание – учение», в методике – «преподавание – содержание обучения – учение». Такое различие обуславливает и различие в анализе понятийно-терминологического аппарата, например, такого понятия, как «метод обучения». Как правило, в учебнике оно трактуется как «способ совместной деятельности учителя и ученика в процессе обучения, с помощью которого достигается выполнение поставленных задач» [6, 142].

Имеются два подхода методистов: первый – общедидактическая система методов обучения должна включать методы, используемые в различных мето-

диках, второй – методы обучения конкретной науки не укладываются в общедидактическую систему методов. Г.И. Саранцев придерживается второго подхода: «...содержание понятия “методы обучения” в дидактике и методике различно. Обусловлено это разными подходами к “основному отношению” в дидактике и методике. Единица процесса обучения в дидактике – это синтез дидактического приема учителя и познавательного действия ученика, а в методике – дидактический прием учителя, познавательная задача и познавательное действие ученика. Специфика познавательных задач, решаемых в методиках, обогащает содержание понятия “метод обучения”. В дидактике же оно беднее. В методиках преподавания наряду с традиционными используются и специфические методы, свойственные особенностям науки» [5, 31]. Например, в социологии важное место занимают методы сбора социологической информации, анализа и синтеза, экстраполяции, выборочные методы и др.

Педагогика и методика соотносятся как родовое и видовое понятия. Первая определяет общие закономерности обучения и воспитания, а вторая интерпретирует их применительно к своему учебному предмету [7, 40]. В данное время в педагогических науках, например в дидактике, предметных методиках, установлены многие закономерности процесса обучения, поэтому правомерно говорить о технологии этого процесса. Теоретическое осмысление явления, процесса невозможно вне построения его модели. В зависимости от конкретных целей ученые выбирают разные модели исследуемого процесса. Известно, что конструирование модели непременно требует отвлечения от некоторых атрибутов изучаемого феномена.

Исследуя процесс обучения, авторы его моделей абстрагируются от личности конкретного учителя, которой принадлежит особая роль в реализации учебного процесса. Например, в предметных методиках обучение предмету моделируется чаще всего системой, компонентами которой являются цели обучения, содержание образования, методы, средства и формы обучения.

С позиций общей дидактики в структуру включаются социальный заказ школе (общественные цели обучения), содержание образования как цель обучения, деятельность учителя, деятельность ученика, мотивы учения, механизм и результат усвоения учебного материала (см., например, [2]).

Закономерные связи между компонентами дидактической системы, а также между этими компонентами и внешней средой образуют теорию обучения, обусловленную избирательной моделью этого явления и его внешней средой. Эта теория обучения отличается от аналогичной теории, определяемой системой, не учитывающей непосредственно личности человека.

Методика обучения – это приложение к теории обучения. Цель методики заключается в своеобразном переводе теоретических положений в плоскость конкретных явлений. Технологии обучения призваны организационно упорядочить все зависимости процесса обучения, выстроить его этапы, выделить условия их реализации, соотнести с возможностями и т.п. Главная цель технологизации процесса – получение продукта спроектированного образца. Теория обучения

предмету выявляет закономерности функционирования методической системы обучения этому предмету, методика строит их приложения, а технология разрабатывает способы реализации модели этой системы. При таком подходе роль технологий сводится к диагностированию целей и выявлению условий (методов, форм, средств, зависимостей), т. е. к проектированию процесса, осуществление которого позволит достичь намеченных целей. Таким образом, можно сделать вывод, что технология не отменяет теорию и методику, она основывается на них, и ее эффективность зависит от уровня их развития.

На современном этапе предметные методики оформились в самостоятельные научные области (*в том числе и методика преподавания социологии. – А.Ф.*), идет процесс построения их собственных теоретических концепций, с научных позиций осмысливаются многие феномены, осваиваются новые возможности их приложения. Все это создало хорошую базу для технологизации процесса обучения предмету [5, 21].

Подготовка преподавателей социологии для образовательных учреждений предполагает изучение будущими педагогами целого комплекса дисциплин, в том числе и психолого-педагогических. Особое место здесь занимают такие дисциплины, как отечественная история, общая социология, история социологии, логика, психология и педагогика, социальная психология, риторика, этика, эстетика, а также изучение отраслевых и специальных социологических теорий. В список этих дисциплин входит и методика преподавания социологии, которая призвана раскрыть специфику приемов и методов преподавания, вооружить будущего социолога-педагога навыками педагогической деятельности в сфере избранной специальности 040201 «Социология» с квалификацией «Социолог, преподаватель социологии».

Эта дисциплина подготавливает будущих социологов к проведению занятий по различным курсам социологии и смежным дисциплинам, как в высших, так и в средних учебных заведениях, которые на практике внедряются в учебные планы разных специальностей. В Государственном образовательном стандарте указано, что специалист-социолог должен быть подготовлен к работе на преподавательских и административных должностях в средних и высших учебных заведениях. Необходимо также отметить, что общеобразовательные учреждения переходят на профильное обучение в 10-х, 11-х классах и в проекты базисных учебных планов для ряда профильных классов включен предмет «Социология».

Сегодня существуют определенные сложности, которые, прежде всего, заключаются в том, что если по традиционным общественным дисциплинам имеется достаточно обширная методическая литература, то по социологии она только начинает создаваться. «В последнее время вышло большое количество учебной литературы по общей и отраслевой социологии, по истории социологии, по методологии и технике прикладного социологического исследования. Что же касается методики преподавания социологии, то в этой области образовался своеобразный вакуум, который заполняется либо за счет использования старых учебников по методике преподавания общественных наук, либо за счет новых пособий ме-

тодического характера, но которые появляются крайне редко и в недостаточном количестве» [3, 3].

Имеется пособие В.И. Руденко «Практикум по социологии» (1999), пособие под авторством Ю.И. Рысь и В.Е. Степановой «Социология: структурно-логические схемы» (1999). В 2003 году вышло в свет учебное пособие белорусского ученого, доктора социологических наук, профессора, заведующего кафедрой социологии БГУ А.Н. Елсукова «Методика преподавания социологии в высшей школе». Но и в настоящее время ощущается острая потребность в подготовке специальной учебной литературы по методике преподавания социологии, которая могла бы сочетать в себе современные подходы в образовательных технологиях, существующую специфику в методике преподавания в высшей школе и общеобразовательных учреждениях, а также ликвидировать недостаточный объем имеющейся учебной литературы. Предлагаемое нами учебное пособие «Методика преподавания социологии», полагаем, и призвано решить имеющиеся проблемы.

Социология, находящаяся на пересечении гуманитарных знаний и социальных наук, где она занимает центральное место и выполняет интегративную (объединяющую) функцию по отношению ко всем другим социальным и гуманитарным наукам, несомненно имеет специфические особенности преподавания. «Иначе говоря, социология выполняет функцию философии для этих наук, так как дает им знания о структуре и законах развития общества в целом» [4, 46].

Общество, в сущности, мало знает о самом себе. К пониманию самого себя оно приходит через социологию – осуществляемую на профессиональном уровне социальную саморефлексию. Как всякая наука, социология имеет свой, присущий только ей, сложившийся в течение длительного периода развития понятийный аппарат. Она оперирует целым рядом понятий, в которых зафиксированы представления различных социологических школ и направлений. Большинство из них давно утвердили свое право на существование в социологии, а некоторые только сейчас входят в научный обиход.

Поскольку социология представляет собой весьма специфичную область знания, ее понятия несут на себе отпечаток этой специфики.

Во-первых, социология неоднородна. Она представлена множеством персоналий и направлений, рядом достаточно отличных друг от друга парадигм. Все они разрабатывают и используют свои собственные понятия, соответствующие их концептуальным потребностям. Те же из понятий социологии, которые можно назвать общесоциологическими, у представителей разных направлений могут быть наполнены неодинаковым смыслом. Так, некоторые направления по своей природе являются междисциплинарными, и потому в их понятийный аппарат входят понятия пограничных дисциплин. Во-вторых, социологическое знание стремительно развивается. Настолько стремительно, что возникают дискуссии о том, не препятствует ли устоявшийся понятийный аппарат протекающим в социологии динамическим процессам, в ходе которых смысловое наполнение конкретных понятий непрерывно трансформируется и обогащается, понятия как

бы «доразвиваются», объем их расширяется или, наоборот, конкретизируется и сужается. Более того, при переводе понятий с одного языка на другой происходит так называемый «семантический сдвиг», изменение смысла в соответствии с привычной семантикой второго языка. А если учесть, что большинство понятий социологии для русского языка являются заимствованными, становится понятным масштаб потенциальной семантической изменчивости. Тем не менее без четких границ понятие лишается необходимой однозначности, и языковая коммуникация становится невозможной. Для того чтобы мог иметь место какой бы то ни было информационный обмен, любой науке, в том числе социологии, необходима система институционализированных понятий, то есть таких понятий, границы, объем и содержание которых являются общепринятыми в рамках данной науки [1, 16-26].

Задача преподавателя состоит в том, чтобы раскрыть в рамках требований учебного курса социологии содержание ее базисных понятий. Вследствие вышеизложенного невозможно избежать раскрытия общих вопросов преподавания, представления разноплановой учебной, научной и методической литературы, специфики обучения как в вузе, так и в школе.

Исходя из вышеизложенного, нами было написано учебно-методическое пособие «Методика преподавания социологии», которое получило гриф Совета по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью УМО по классическому университетскому образованию и было издано в 2008 году издательством СмолГУ [9].

Учебное пособие состоит из двух частей по три раздела в каждой. Первая часть посвящена общим вопросам обучения с указанием специфических особенностей преподавания социологии, а также учебно-методических рекомендаций по подготовке и проведению лекционных и семинарских занятий с алгоритмом их анализа, а также в ней достаточно полно рассматриваются современные технологии обучения, которые могут использоваться в преподавании социологии. Поскольку предстоит еще большая работа по их апробации на практике, сделана попытка дать конкретные методические рекомендации по их использованию в подготовке и проведении занятий по социологии. В каждом подразделе по современным технологиям дан список специализированной литературы. Вторая часть учебно-методического пособия посвящена специфике преподавания в общеобразовательном учреждении, в отдельном разделе систематизирована учебная и научная литература, которая содержит в себе информационно-теоретическое и методическое обеспечение различных курсов социологии, а также отражены основные проблемы и методика проведения мониторинга учебного процесса как технологии информационного обеспечения качества образования.

In the article the author underlines that didactics is the main theoretical basis for methods of teaching as a specific theory of teaching. The work also illustrates what role didactics plays in methods of teaching formation as a science. Different stances of

modern didactics scholars and methodologist practitioners on the essence of methods of teaching and its status as a separate scientific field are viewed.

Sociology is introduced as a field of knowledge situated in the intersection area of Humanities and Social sciences, which possesses certain characteristic lecturing features. This approach towards sociology lecturing methods found its reflection in the structure of tutorial «Methods of lecturing sociology» (2008), written by the author.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Ю.Г. Социология / под общей ред. В.И. Добренькова. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
2. Дидактика средней школы: некоторые проблемы современной дидактики / под ред. М.Н. Скаткина. – М., 1982.
3. Елсуков А.Н. Методика преподавания социологии в высшей школе: учеб. пособие. – Минск : ТетраСистемс, 2003.
4. Кравченко А.И. Социология: учебник. – М.: ПБОЮЛ А.Ф. Григорян, 2001.
5. Краевский В.В. Проблемы научного обоснования обучения. – М., 1977.
6. Саранцев Г.И. Методика преподавания: предмет, проблематика, связь с педагогикой // Педагогика. – 1997. – № 3.
7. Сорокин Н.А. Дидактика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М., 1974.
8. Успенский М.Б. Взаимодействие педагогики и методики // Педагогика. – 1994. – № 3. – С. 40.
9. Фоменков А.И. Методика преподавания социологии: учебно-методическое пособие для вузов: в 2 ч. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008.

В.А. Сонин

*Смоленский государственный университет
E-mail: valson_s@mail.ru*

УДК 159.9

ФЕНОМЕН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЛЮДЕЙ

Ключевые слова: активность; деятельность; основание; культура; абстракция; сознание; индивидуальность; субъект; динамическая система отношений; иерархия отношений; смысл; мотив; труд; производство; орудие; знак; ментальность; историческое бытие людей.

Понятие деятельности является фундаментальным методологическим ориентиром предмета отечественной психологии. Исторический обзор развития психики и психологии подтверждает, что деятельность представляет всеобщую схему, диалектику взаимоотношений субъекта, личности, индивидуума и окружающей социальной среды. Деятельность выступает специфической фор-

мой общественно-исторического бытия людей, целенаправленного преобразования ими природной и социальной действительности.

Понятие деятельности первоначально (античная система отсчёта) разрабатывалось преимущественно в идеалистической философии, особенно глубоко в немецкой классической философии. Так, например, И. Кант [8] рассматривал субъекта деятельности не как созерцающего действительность, а как созидающего формы предметного мира. В ранг всеобщего основания культуры деятельность впервые возвел И. Фихте: его идеи о субъекте, воплощающем самодеятельность, оказали большое влияние на формирование взглядов Ф. Дистервега. Наиболее развернутую теорию деятельности построил Г. Гегель, который описал ее всеобщую схему, обстоятельно проанализировал диалектику ее структуры, в частности, взаимоопределенность цели и средства. Ему принадлежит ряд глубоких замечаний о социально-исторической обусловленности деятельности и ее форм. Позднее именно гегелевское понимание деятельности нашло осмысление и отражение в дидактико-методических работах Ф. Фребеля [19].

В материалистической диалектике понятие деятельности выступает той исходной абстракцией, конкретизация которой позволяет создать общую теорию развития общественного бытия и его отдельных сфер. Первичной формой деятельности является производство материальных орудий, с помощью которых люди создают предметы, удовлетворяющие их потребности. Такое производство осуществляется людьми только в определенных взаимосвязях и отношениях. Материальное производство (труд) имеет универсальный и свободный характер, поскольку человек в принципе может создавать любые орудия и предметы, опираясь на особую психическую функцию-процесс, качественно отличающую его от животного, – воображение, благодаря которому, по выражению К.Г. Паустовского, он «создал вторую природу» (курсив наш. – В.С.).

Материальная и духовная деятельность людей и соответствующие им типы производства служат основой возникновения и развития общественного и индивидуального сознания, формируют личность отдельного человека (индивида).

Индивидуальное можно рассматривать как нечто, вынесенное в мыслительный аппарат и с помощью аналитико-синтетической деятельности мозга трансформируемое в феномены чувственного познания, когнитивную деятельность, эмоционально-чувственную сферу, характерологические и поведенческие акты.

Нельзя не согласиться с литовским исследователем С.П. Крягжде [9], отмечающим следующее: «Профессиональная ориентация призвана стать инструментом повышения экономического эффекта производства путем закрепления кадров на предприятиях и повышения качественных и количественных показателей труда...». Но в период научно-технической революции и развития образования выбор профессии для молодежи не только не облегчается, а, напротив, осложняется. Сегодня данная ситуация становится еще более драматичной, когда сам интеллектуальный рынок не может полностью поглотить специалистов,

имеющих высшее педагогическое образование; всё это можно аналогично экстраполировать и на другие профессиональные выборы молодежи.

Из фундаментальных положений теории деятельности, укрепившихся в отечественной и зарубежной психологии, следует, что *сама деятельность есть специфическая форма общественно-исторического бытия людей, целенаправленное преобразование ими природной и социальной действительности*. В отличие от законов природы законы в обществе обнаруживаются только через человеческую деятельность, которая создает новые формы и свойства действительности, превращает некоторый исходный материал в продукт.

Цель деятельности возникает у человека как образ предвидимого им результата созидания. Преобразующий и целеполагающий характер деятельности позволяет ее субъекту выйти за рамки конкретной ситуации, вписывая ее в более широкий контекст общественно-исторического бытия.

Деятельность человека изначально не ограничивается преобразованием наличной действительности по уже установившимся культурным нормам. Его деятельность постоянно преодолевает лежащие в ее основе «программы». Именно в этом обнаруживается принципиальная открытость и универсальность деятельности, представляющей собой форму культурно-исторического творчества. В отечественной науке проблемы деятельности разрабатывались в различных контекстах, и, прежде всего, в философии (Г.С. Батищев, В.П. Иванов, Э.В. Ильенков, В.П. Копнин, М.С. Каган, А.П. Огурцов, С. Юдин и др.) и психологии (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, М.Я. Басов, Л.П. Буева, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, С.Д. Смирнов, Е.В. Шорохова и др.).

В этой связи показательна развернувшаяся в конце 80-х годов дискуссия о сущности понятия «деятельность», итогом которой явилось признание необходимости закрепить за этим философско-психологическим феноменом полудисциплинарный статус и определить ее роль и место среди других дефиниций, объясняющих возможности теории деятельности и теории «недеятельного» типа. Не ставя целью проведение глубокого анализа понятия «деятельность», ее компонентов, мы считаем возможным согласиться с тем, *что сама деятельность как особый исторический психологический феномен существует, она самодостаточна в своих проявлениях, ибо ее подлинная сущность всегда связана с преобразованием действительности, хотя не все проявления жизненной активности могут быть отнесены к деятельности*. Немецкие термины «Tätigkeit» и «Handlung» в большей степени конкретны, они соответствуют практической познавательной активности человека. В английском языке термин «activity» тоже определяется как познавательная активная деятельность человека. В психологии деятельность соотносится и со многими психическими процессами (сенсорная, когнитивная, мыслительная и др. виды). В русскоязычной литературе присутствует тенденция рассматривать активность как более широкую категорию по отношению к деятельности. Это делает необходимым соотношение содержания данных понятий и ответ на вопрос: «Является ли деятельность высшей формой

активности человека?», – который задает С.Д. Смирнов, автор научной статьи «Деятельность всего живого и деятельность» [20]. В различных отраслях научного знания существуют и различные основания для классификации видов деятельности.

В отечественной российской психологии *деятельность рассматривают через динамическую систему отношений взаимодействия субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа, а в нем опосредованно заключены реализации практических и духовных отношений субъекта предметной деятельности.*

Авторы современного психологического словаря не смогли избежать влияния идеологических установок в интерпретации понятий и категорий психологического языка науки. Советская психология, как известно, утверждала два момента:

а) положение о единстве психики и деятельности, противопоставляющее советскую психологию как различным вариантам психологии сознания, изучавшим психику вне поведения (интроспективная гештальтпсихология), так и разным натуралистическим течениям поведенческой психологии, исследующим поведение вне психики (бихевиоризм, необихевиоризм);

б) введение принципов развития историзма, воплощение которых в конкретных исследованиях необходимо предполагает обращение к деятельности как движущей силе развития психического отражения.

Использование категории «деятельность» в качестве объяснительного принципа концептуального подхода привело к изменению анализа психики в общей психологии (принцип единства сознания и деятельности, принцип единства строения внешней и внутренней деятельности, принцип интериоризации как механизм усвоения общественно-исторического опыта, принцип зависимости психического отражения от места отражения объекта в структуре деятельности и др.) и разработке положений о правомерном формировании умственных действий, о ведущей деятельности как основе развития психики в онтогенезе, микроструктурном анализе познавательной и исполнительной деятельности, о деятельностном опосредовании межличностных отношений и т.д.

Сама деятельность в профессиональном понимании, как психическая реальность (психология познавательных процессов, мотивации, воли, эмоций личности, внутригрупповых процессов, обучения и воспитания), выступает конструктивным и динамическим критерием личностной аттестации человека-деятели, творчески создающего объемную и разноуровневую систему социальных отношений.

В мировой гуманитарной науке сам термин «деятельность» имеет широкое значение. Но общим знаменателем всех концепций о деятельности являются представления о жизненной активности. Другим важным фактором, объединяющим многие зарубежные и отечественные концепции деятельности, является соотнесение данного феномена с субъектом социальных отношений и сознательной

деятельностью, индивидом, вырабатывающим в течение своей жизни особую неизменную духовную сущность – стать и быть личностью.

Р.С. Немов даёт определение деятельности, исходя из потребности в познании и творческом преобразовании окружающего мира, в который она включает себя самого и предметы материальной и духовной культуры. В данном случае в деятельности как в специфическом виде активности человека Р.С. Немов усматривает и преобразование личностных способностей, сохранение и совершенствование природы, строительство общества. Человек, иными словами, создает то, что без его активности не существовало в природе. Творческий характер деятельности личности отмечается многими исследователями (В. Белоус, Н. Бернштейн, Б. Беспалов, А. Валлон, Л. Выготский, Ю. Гиппенрейтер, В. Давыдов, А. Запорожец, П. Зинченко, В. Зинченко, З. Истомина, Б. Коссов, А.Н. Леонтьев, В. Мерлин, Н. Поддьяков, С. Рубинштейн, Д. Фельдштейн и др.) как проявление тенденции выхода человека за пределы своей природной ограниченности, как его высочайшая потребность в расширении и в увеличении возможностей, генетически обусловленных и предопределенных. Вследствие продуктивного, творческого характера своей деятельности человек создает знаковые системы, орудия воздействия на себя и природу.

Историческая взаимосвязь общественного прогресса, имевшая место за последние тридцать – сорок тысяч лет, обусловлена происхождением именно такой деятельности, качественно отличающейся от поведенческой формы существования животных.

Необходимо отметить, что сама биологическая природа человека за этот же период мало изменилась.

Деятельность в ее разнообразных формах и средствах реализации есть продукт истории человека как ее субъекта. Мотивы деятельности настолько разнокачественные, что их сегодня можно классифицировать по разным основаниям, целям, средствам, функциям, направленности, выделяя тем самым среди всего многообразия мотивы органические, высшие, функциональные, социальные, материальные, личностные. В качестве цели деятельности человека всегда выступает ее продукт: мысль, идея, теория произведения искусства, ремесленная или творческая продукция, изделие, создание, вторая природа, созданная воображением человека.

Далеко не случайно А.Н. Леонтьев подчеркивал активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий, таким образом, свои потребности. Как показали исследования отечественных психологов (А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Е.А. Смирновой, Б.М. Теплова и др.), протекание и развитие различных психических процессов существенно зависит от содержания и структуры деятельности, её мотивов, целей и средств осуществления. Вместе с тем исследования (П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина и др.) четко показывают и то, что на основе внешних материальных действий путем их последовательных изменений и сокращений формируются

внутренние, идеальные действия, совершаемые в умственном плане, позволяющие человеку ориентироваться в окружающем мире. Показательно, что, рассматривая деятельность как основание развивающейся личности, А.Н. Леонтьев вычленяет и другой базисный компонент – иерархические отношения действительностей, которые характеризуют ее качества, стороны, свойства. Их особенностью, подчеркивает ученый, является «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельности порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, «узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает активно действующий субъект. Опираясь на приведенные выше фундаментальные положения отечественных психологов, мы можем говорить и *о профессиональной ментальности личности*.

А.Н. Леонтьев – автор уникальной, во многом и спорной, монографии «Деятельность, сознание, личность» [11], определившей в отечественной психологии на десятилетия четкий взгляд на деятельность. Он отмечает, что деятельность – это, прежде всего, процесс, разворачивающийся между субъектом и объектом. И главным атрибутом деятельности, конституирующим все другие ее свойства, является предметность. Предмет, не будучи простым природным объектом, остается посредником межчеловеческих отношений. Сами отношения всегда реализуются в форме различных деятельностей, включая коммуникативную – общение. Анализируя в целом педагогическую деятельность, мы в ней выделяем те специфические особенности, которые всегда определяются историческими и социальными условиями, мотивацией выбора этого жизненного бытия субъектом своего жизненного сценария, индивидуальными и личностными образованиями.

В разработанной А.Н. Леонтьевым системе представлений предмет деятельности есть ее действительный мотив. «Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия. Такое суженное понимание мотива как данного предмета (вещественного или идеального), который побуждает и направляет на себя деятельность, отличается от общепринятого», – отмечает ученый.

Известно, что субъект – как индивид – рождается человеком, наделенным потребностями. Также известно, что потребность (состояние нужды в чем-либо, в ком-либо), мощная внутренняя сила, может реализоваться только в деятельности. Наши потребности могут быть представлены как интересами и мотивами, установками и идеями, убеждениями и ценностными ориентациями, идеалами и религиозными канонами, так и другими побуждениями, имеющими биологическую или духовную выраженность.

А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская и другие критики общепсихологической теории деятельности справедливо обращали внимание на наличие следующей проблемы: «откуда в плане функциональном может возникнуть

совершенно специфическая для психики регуляторная функция, если сама психика выведена из деятельности?» [1].

Мотивация деятельности в ходе развития не остается неизменной, неизменной, застывшей, в ее системе происходит постоянная перестройка, подвижка мотивов. Аналогичное явление мы наблюдаем в гештальтпсихологии, когда фигура и фон в зависимости от ситуации могут меняться. Так, например, действие, ранее включенное в состав деятельности, может из нее выделиться и приобрести самостоятельный статус (Р.С. Немов), превратиться в деятельность с собственным мотивом, что и обуславливает рождение новой деятельности. При этом деятельность отдельного индивида не может характеризоваться как деятельность автономная, независимая от людей. Сама природа деятельности будет естественно включать ее координатный компонент, каким является совместная деятельность.

Н.И. Шевандрин [22] в совместной деятельности (СД) отмечает признаки, структуру и динамику. Мы остановимся лишь на характеристиках (признаках), определяющих совместную деятельность. К ним можно отнести наличие единой цели, общую мотивацию объединения, совмещения или сопряжения индивидуальных деятельностей, образующих в итоге гомогенный феномен общей деятельности, разделение единого процесса деятельности на отдельные функциональные операции, взаимосвязанные и распределенные между самими участниками. К признакам СД можно также отнести, полагает Н.И. Шевандрин, определенное согласование индивидуальных деятельностей, предусматривающих заранее согласованную программу. Такое согласование обычно ведётся с учетом многочисленных характеристик деятельности, в том числе пространственных и временных (темпа, интенсивности, ритмичности). Управление – важнейший признак и атрибут совместной деятельности. Единый конечный продукт (совокупный продукт), единое пространство и одновременно выполнение индивидуальных деятельностей разными людьми – всё это компоненты СД. Интегративно СД позволяет реализовывать те социальные интересы, без которых личность не может быть атрибутирована в качестве ее феноменального образования.

А.Н. Леонтьев считает правомерным в «общем потоке деятельности» выделить отдельные (особенные) деятельности и побуждающие их мотивы. Далее, как он полагает, идет уровень действий – процессов, подчиняющихся сознательным целям. Наконец, это уровень операций, которые непосредственно зависят от условия конкретной цели.

Предметом деятельности называется то, с чем она имеет непосредственно дело. Например, предметом познавательной (гностической) деятельности является всякого рода информация (вербальная, знаковая, образная, жестовая и т.д.); предметом учебной деятельности – знания, умения; предметом трудовой деятельности – создаваемый материальный продукт. Подлинная предметность деятельности состоит не в том, что она направлена на объекты внешнего мира. Такую направленность можно констатировать и в активности животных.

Предметный характер деятельности, подчеркивает С.Д. Смирнов [20], проявляется еще задолго до начала реального процесса действия с предметом, а не

приобретается в ходе взаимодействия, начавшегося как «непредметная активность»; она не находится со своим предметом в отношении взаимности. Далее С.Д. Смирнов представляет отдельные характеристики деятельности, которые могут быть интересны для целостного восприятия данного феномена: субъективный характер, целенаправленность, (целесообразность), опредмечивание, сознательный характер, опосредованный характер, социальный характер, продуктивность.

А.И. Щербаков и Н.А. Рыков [23], создавая профессиограмму учителя, определяют педагогическую деятельность, в какой бы форме она ни протекала, как сложный по своему психологическому содержанию труд, требующий от личности учителя высокой идейности, четко выраженной педагогической направленности, широких знаний и высокого уровня культуры, устойчивых познавательных интересов и потребностей, знания законов детства, теории и практики воспитания. Когда авторы первой профессиограммы учителя (1973) отмечают в этой профессиональной работе такой содержательный компонент деятельности, как высокая идейность, то в этом случае они объективно выражают главную цель обучения и воспитания, ибо без идеи формировать личность будущего гражданина страны, любящего свое Отечество, просто нельзя.

Труд учителя не допускает однажды усвоенного алгоритма действий: это, по сути, постоянный творческий поиск оптимальных решений разнообразных педагогических задач, смелый и тонкий эксперимент, требующий от педагога цельного и твердого характера, педагогических и психологических способностей и мастерства. Все эти качества, подчёркивают А.И. Щербаков и Н.А. Рыков, органически взаимосвязаны между собой в единой функционально-динамической структуре его личности как сознательного субъекта педагогической деятельности и активного деятеля общественного прогресса.

Специфическое содержание учительского труда определяется его социальной значимостью, характером включения в целостную социальную практику человека.

Обеспечивая преемственность в развитии культуры, учительство в своей деятельности изначально выражает определенные государственные интересы, таким образом, педагогическая деятельность есть деятельность государственная, выражающая заданные социальные требования общества, его социальных институтов, в том числе управленческих.

Н.Г. Чернышевский в «Очерках политической экономии» (1856) отмечает, что в отличие от других видов деятельности продуктом учительского труда является сам человек.

Действительно, труд в сфере народного образования хотя и не создает необходимого прибавочного продукта, но обеспечивает условия для активного участия людей в общественном производстве, развивая человека как главную производительную силу в будущем.

Педагогическая деятельность не имеет четкой регламентации в сравнении с деятельностью в других сферах занятости. С.Г. Вершловский и Л.Н. Лесохина [3]

утверждают, хотя эти положения не совсем бесспорны, что труд учителя (действительно-педагогическая деятельность) менее детально планируется, чем труд в сфере материального производства.

Учитель, мы полагаем, свободен в выборе средств и методов деятельности, в качестве которых выступает все то, что оказывает необходимое воздействие на учащихся и вместе с тем может быть подчинено воспитательной цели педагога. Специально организуемые и задаваемые воспитательные воздействия не имеют абсолютно четкой границы с явлениями, которые рождаются в жизни, не заменяя последних, они строятся с учетом влияния среды и нацелены на то, чтобы усилить педагогическую эффективность «внешкольных» воздействий и нейтрализовать, насколько это возможно, нежелательные, социально неприемлемые влияния. *Педагогическая деятельность, на наш взгляд, – это уникальное профессиональное действие, связанное с одной из существенных составляющих активности личности, такой как осознание своей потребности быть нужным детям. Выбор педагогической деятельности, как показывает социальная практика, менее всего связан с материальными целеполаганиями или аналогичной прагматичной атрибуцией.*

Изучение социально-психологических аспектов ментальности профессиональной деятельности педагога сегодня заслуживает особого внимания, ибо в спектре его личностной занятости, в анализе систем взаимоотношений: ученик – учитель, родитель – учитель, учитель – учитель, учитель – социальная среда – мы сможем не только вычленить сам специфический способ мышления и восприятия мира (ментальность социума, менталитет индивида), но и точнее понять весь процесс, специфические течения психической деятельности, в которых, по выражению С.Л. Рубинштейна [14], осуществляется мотивация человеческой деятельности.

В конце XX и в XXI веке актуализация проблем деятельности, обусловленная новым пониманием человека, его возможностей и особенностей, новым уровнем развития и задачами действия в исторически новой ситуации, спровоцировала и обострение дискуссионных вопросов, с ней связанных. На страницах журнала «Мир психологии» (2006, № 3 (47)) впервые прозвучали голоса, мнения, оценки, обозначились позиции по философской, психологической, этической и культурологической аттестации как самой теории деятельности, так и выражения ее в категории и феномене познания. Редколлегия журнала отмечает, что, заняв в 60-70-е годы (хотя формировался деятельностный подход значительно раньше и в этом плане нашел свое отражение уже в работе 20-х годов С.Л. Рубинштейна «Принципы творческой самостоятельности») своего рода господствующее положение в системе научных, и, прежде всего, философских и психологических знаний, деятельностный подход позволил поставить и решать многие существенно важные философские и психологические проблемы. В 2001 году в журнале «Вопросы философии» вышла острая и полемическая статья В.А. Лекторского «Деятельностный подход: смерть или возрождение» [10], которая отразила спектр мнений как сторонников этого традиционного и классического методоло-

гического подхода в отечественной психологии, так и ее противников, бывших ярких сторонников, опирающихся в основном на марксистскую позицию понимания деятельности, сознания, личности. Подчеркивая, что популярный в прошлом деятельностный подход подвергается критике, в том числе и его сторонниками, автор статьи дает анализ своего рода «претензий» к деятельностному подходу, выделяя главные группы обвинений. По мнению редколлегии журнала «Мир психологии», они следующие. Первая спровоцирована современными нападками на марксизм, с которым напрямую связывают деятельностный подход. На наш взгляд, это одно из проявлений нашей российской, советской ментальности: сначала обожествлять, идеализировать, поклоняться, пафосно трубить о высочайшем научном и прозорливом видении проблемы, а затем с еще большим энтузиазмом и энергией низвергать усвоенное и принятое ранее. В профессиональной деятельности работников высшей школы, осуществляющих подготовку учителя, формирующих его общественный тип и принадлежность к исторически выраженной социальной страте, можно отмечать такие проявления часто. Автор редакционной статьи Э.В. Сайко отмечает следующее: «В этом плане представляется совершенно справедливой точка зрения В.А. Лекторского, когда он говорит о необходимости рассматривать позиции Маркса о деятельности в контексте развития немецкой философии и развития деятельностного подхода в XX веке, который в этом столетии развивался не только в марксовом варианте» [18]. Рассматривая далее одну из групп претензий, В.А. Лекторский отмечает, что деятельностный подход подвергается оппонированию тех исследователей, которые являются приверженцами примата труда, по Марксу, как мотивирующей составляющей всей деятельностной сущности над всей психической деятельностью человека. Такой упрощенный подход понимания трудовой деятельности у Маркса, по мнению которого, деятельность человека сводится только к самому труду, а не к человеческому бытию, которое намного содержательнее, эмоционально значимее и выходит всегда за рамки такого понятия, как труд, позволяет им поверхностно судить и успешно лавировать в условиях смены идеологических парадигм. Э.В. Сайко полагает, что именно сегодня можно обсудить и следующие проблемы и вопросы, которые могут лечь в основу конкретного иерархического, поуровневого ряда понятийного аппарата деятельности как гностической категории.

1. Соотнесение понятий деятельности разной емкости, выделение универсального понятия деятельности, категории деятельности и определение специфики представленности деятельности в рамках специальных наук, связанных с познанием ее в различных сферах знаний, но при четком выстраивании связанного ряда основных понятий.

2. Принципы соотнесения и функциональная нагрузка понятий «деятельностный подход», «деятельностный принцип» и «теория деятельности» в рамках познавательного пространства по отношению к реальной деятельности как всеобщему свойству человеческого бытия.

3. Соотнесение деятельности и общения, которое выводится за границы деятельности, если деятельность есть способ воспроизведения человека и социальности.

4. Соотнесение деятельности и творчества, которое выводится исследователями за пределы деятельности. Как соотносится творчество и заложенные в деятельность «образ мира», «картины мира», воображение; как реализуется в творчестве отношение к предмету творчества, творческое действие?

5. Свойства деятельности, принципиально отличающие ее от активности всего другого живого и позволяющие связывать ее только с социальной эволюцией.

6. Понимание и понятие предметной деятельности, различие подходов к ее определению и различие ее понимания, ее сущностной характеристики.

7. Можно ли предметную деятельность сводить только к труду?

8. Деятельностный подход в философии и психологии, смысловые нагрузки.

9. Активность. Деятельность. Труд. Поведение. Обоснование их различий.

10. Субъектно-объектные отношения в характеристике деятельности. Понимаемая, полагаемая и реальная функциональная нагрузка феноменов «"субъект" и "объект" деятельности» и соотнесение субъектно-объектных отношений, а также субъект-объект-субъектных отношений в определении структурно-содержательной сущности и смысловом определении деятельности.

11. Можно ли ограничивать системное определение деятельности, выведенное в работах самого А.Н. Леонтьева, в том числе и в одной из работ последних лет его жизни [12], и сводить только к предлагаемой им схеме ее действительного движения: мотив (деятельность – цели (действия) – задачи (операции)?

В.Н. Сагатовский [17] дает оценку и осмысление такой схемы: «Что бы ни понимали под элементами данной схемы, ясно, что деятельность есть сложная иерархическая система действий и операций, которая никак не может сводиться к отдельным действиям и напрямую управляется этой целью».

С.Д. Смирнов рассматривает соотношение понятий «активность» и «деятельность» не только в семантическом поле языковых традиций, он их наполняет научным содержанием. Он пишет: *«При переводе термина "деятельность" на английский и французский языки, в отличие, например, от немецкого и русского, нет двух отдельных слов, передающих понятия активности и деятельности, используются словосочетания "человеческая активность" или "целенаправленная активность" (в английском – "human activity", "goal directed" или "purposive activity")*. В русскоязычной литературе также присутствует тенденция рассматривать активность как более широкую аудиторию по отношению к деятельности. Это делает необходимым соотнести содержание данных понятий и ответить на вопрос: *является ли деятельность высшей формой активности?»* [22]. Обращаясь к так называемой онтологической гносеологии, нельзя не признать, что основной методологической проблемой данного направления исследований выступает, прежде всего, неопределенность самой категории ментальности, которая по-разному как дефиниция раскрывается в целом ряде ра-

бот. Известно, что первая система психологических понятий изложена в трактате Аристотеля «О душе». Но как самостоятельная наука психология сложилась только в течение последних 120 лет. Длительное время она считалась философской (и богословской) дисциплиной. Иногда она фигурировала и под другими названиями. Ее называли ментальной философией, душесловием, пневматологией. Как видим, изначально ментальность рассматривалась рядом с явлениями психической жизни человека. Одними из первых взяли на себя трудности современной научной разработки категории ментальности авторы учебника для высших учебных заведений «Социология».

Анализируя этимологию слова «менталитет» (от английского *mentality*), означающего «умственное состояние, выраженное и на личностном уровне», авторы экстраполируют это понятие на социальные общности, интегрирующие и аккумулирующие сплав социального самосознания личности, образ мышления, в известном смысле имеющие определенный уровень мыслительной культуры. Авторы, безусловно, правы в своем утверждении, что менталитет является сложной объектирующей духовности человека, а в российской традиции он наиболее тесно связан с русской душой и русской идеей. Понятие «менталитет» давно вошло в состав научной терминологии западной мысли. Этот термин, как известно, ведет свое происхождение из латинского языка – от слов *mens, mentis*, т.е. «ум», «мышление», «рассудок», «образ мыслей» и т.д. – всего более девяти значений. Лингвисты и психолингвисты не замедлили воспользоваться вариативностью данного понятия, расширив его семантическое поле, продвинув в другие социальные дисциплины. В большинстве европейских языков это выражение звучит почти одинаково.

Так, во французском языке *mentalite* – это «направление мыслей», «умонастроение», «направленность ума», «склад ума». В немецком *die Mentalitat* – это «склад ума», «образ мыслей» и т.д. Если же обратиться к словарям синонимов, то и они дают различные варианты истолкования этого термина: образ мышления, психический склад ума человека, структура сознания и многое другое.

В традиции диалектико-материалистической философии традиции категория активности рассматривается как всеобщее свойство, атрибут материи, выражающееся: *1) в ее способности к самодвижению; 2) в способности изменять другие объекты; 3) в способности развивать определенные внутренние состояния, анализирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий (ответная активность или реактивность, отражение)*, – полагает С.Д.Смирнов [22].

М.С. Каган [7] предлагает определять человека как «человек действующий» – *Homo agens*. Логично полагать, что собственно деятельность и создает, творит человека, выступая в роли второй (*надприродной субстанции*, терминология С.Д. Смирнова, курсив наш. – В.С.), породившей человеческую культуру и весь человеческий мир. В самой деятельности ее характеристики настолько органично взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать изолированно, как некоторую сумму независимых качеств, а исключение любой из них, по мнению С.Д. Смирнова, автоматически делает невозможным наличие всех других. Нам

импонирует позиция С.Д. Смирнова, когда он аргументирует сведение отношений между людьми к процессам деятельностного типа по следующим составляющим.

Всякая деятельность является формой реализации отношений к другим людям, даже если они реально не присутствуют в момент совершения деятельности. Действительно, строя свой план на рабочий день, я реализую тем самым свое отношение к людям, интересы которых я при этом учитываю или игнорирую. *Читая книгу, я отношусь определенным образом к ее издателю, автору и рабочему типографии, где она была набрана.* Эта иллюстрация самого С.Д. Смирнова. В профессионально-педагогической практике, которая естественно является повседневным деятельностным актом, мы можем говорить о постоянном и разноплановом общении учителя и ученика, но в ней всегда будут невидимо присутствовать родители, друзья субъекта педагогической деятельности, его интересы, увлечения, перспективы личностного и будущего профессионального роста. Или вспомним феномен зеркала, когда подросток (не важно, мальчик это или девочка) рассматривает себя в нем, стремится найти соответствующий внешний вид, ощущение своей самости, комфортной выраженности, но в итоге видит себя глазами сверстников, для кого-то он лично хочет выглядеть лучше, приятнее. Учитель, еще не входя в класс, уже строит общение, планирует общение со всеми учениками. Профессиональная ментальная рефлексия адекватно отражает социальный тип личности педагога. Субъектно-объектный процесс может быть в интересах деятельностного анализа рассмотрен как две деятельности – первого субъекта со вторым, второго с первым. В этом случае каждый из них выступает одновременно как активный субъект деятельности и как страдательный объект деятельности. Таким образом, субъектно-объектный характер деятельности не мешает распространению на процессы субъектно-субъектного типа. Сами отношения между людьми порождаются, прежде всего, интересами совместной деятельности и развиваются в ходе ее.

Еще одна особенность деятельности – ее целенаправленный и сознательный характер. Несводимость общения к деятельности, хотя в самом коммуникативном процессе элементы деятельности отчетливо видны, действующим лицом всякого общения всегда выступает личность, обладающая тенденцией к самоизменению, саморазвитию. С.Л. Рубинштейн [15] всегда подчеркивал, что личность стремится выйти за пределы самой себя, что позволяет говорить о творческом процессе нашего Я. ... *Деятельность не может начаться без образования цели...* В профессионально-педагогической деятельности учителя, его ментальном проявлении, социальном проживании само целеобразование специфично, исторично и качественно иное, чем в других профессиональных сферах, оно всегда имеет *преимущество вектора духовного над материальным.* В.В. Давыдов данную позицию представляет четко и определенно: «Наиболее существенной особенностью деятельности является ее **преобразующий и целеполагающий** характер, позволяющий ее субъекту выйти за рамки ситуации и встать над задаваемой ею детерминацией, вписав ее в более широкий контекст бытия. Деятельность постоянно и

неограниченно преодолевает лежащие в ее основе “программы”. В этом обнаруживается принципиальная открытость и **универсальность** деятельности» [5]. Ключевым для понимания решающей роли социальных взаимодействий в профессиональном общении вектора учитель-ученик является известное положение Л.С. Выготского о различии путей образования «житейских» (спонтанных) и «научных» понятий как у детей, так и взрослых, что для анализа профессиональной деятельности в целом, а педагогической ментальности в частности, имеет не только специфическое значение, но и фактор доминирования в условиях данной деятельности.

В.В. Рубцов наделяет социальное взаимодействие функциями управления: «Управляемые социальные взаимодействия, которые первоначально служат в качестве инструментов для социальной реализации процессов мышления и коммуникации, начинают позднее выполнять роль когнитивной функции саморегуляции и умственного представления той или иной информации. Эти взаимодействия активизируют еще не развитые когнитивные функции, что позволяет учащемуся действовать еще на более высоком когнитивном уровне» [16].

Такое виденье когнитивного роста своих воспитанников в профессиональной и ментальной деятельности учителя будет всегда обусловлено социальным статусом и личностным типом этого педагога.

The notion of activity is a fundamental metaphorical basis in Russian psychology. The historical view on the development of psychics and psychology conforms that activity represents a universal scheme, dialectic interrelations between a subject, a person, an individual and his social environment. Activity is a specific form of a personal and social and historical existence of a person, a purposeful transformation of natural and social reality by him.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1973.
2. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. – 1992. – Т.14. – № 6.
3. Вершловский С.Г., Лесохина Л.Н. Воспитание словом. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1974.
4. Выготский Л.С. Проблемы сознания // Собр.соч.: в 6 т. – М., 1984.
5. Давыдов В.В. Проблемы деятельности как способ человеческого бытия и принцип монизма // Деятельность: теории, методологии, проблемы. – М., 1990.
6. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – № 2.
7. Каган М.С. Человеческая деятельность. – М.: Политиздат, 1974.
8. Кант И. Сочинения: в 6 т. О педагогике // Трактаты и письма. – М., 1980.
9. Крягжде С.П. Психология формирования профессиональных интересов. – Вильнюс: Мокслас, 1981.
10. Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение // Вопросы философии. – 2001. – № 1.

11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политическая литература, 1975.
12. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1986.
13. Немов Р.С. Общие основы психологии. – М.: Владос, 1994. – Кн. I.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: Просвещение, 1972.
15. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Спб.; Харьков; Минск, 1999.
16. Рубцов В.В. Структурно-содержательные характеристики деятельности и особенности ее организации и развития // Мир психологии. – 2006. – №3.
17. Сагатовский В.Н. Деятельность любой ценой или полифония // Деятельность: теории, методологии, проблемы. – М., 1990.
18. Сайко Э.В. Деятельность как категория и феномен познания // Мир психологии. – 2006. – №3.
19. Смирнова Е.А. Пути формирования модели специалиста с высшим образованием. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
20. Смирнов С.Д. Активность, деятельность, личность // Мир психологии. – М. – Воронеж, 2006. – № 3 (47).
21. Фребель Ф. Трактаты и письма. – М.: Алфавит, 1991.
22. Шевандрин Н.И. Социальная психология и образование. – М.: Логос, 1995.
23. Щербаков А.И., Рыков Н.А. Профессиограмма учителя биологии средней школы // Научно-педагогические основы подготовки учителя биологии. – Л., 1973. – Вып.1.

Э.Ш. Докутович

*Смоленский гуманитарный университет
E-mail: doelmira@shu.ru*

УДК 81'23+81'38

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА

Ключевые слова: библиопсихология; восприятие текста; интерпретация художественного текста; психоллингвистика; психологическая типология текстов; эмоционально-смысловая доминанта.

Психологические черты личности автора проявляются в эмоционально-смысловой доминанте художественного текста. Эмоционально-смысловая доминанта представляет собой совокупность определенных психоллингвистических и стилистических признаков текста, которая во многом определяет процесс его восприятия и интерпретации. Процесс восприятия художественного текста становится отбором релевантных для читателя признаков и вынесением на их основе осознанной или неосознанной интегральной оценки произведения.

It is the spectator, and not life, that art really mirrors.

Oscar Wilde

Искусство – зеркало, отражающее не жизнь, а того, кто в него смотрится.

Оскар Уайльд

Всякий читатель со стажем рано или поздно задает себе вопрос: почему его читательская душа отзывается на одни произведения и абсолютно глуха к другим? Почему одни книги в его личной читательской истории покрываются пылью забвения, другие живут только в воспоминании и при перечитывании оказываются окаменелостями, а третьи остаются желанными собеседниками на долгие годы?

Если читатель по совместительству оказывается лингвистом или филологом, он, возможно, призовет на помощь методы лингвистики и поэтики – и узнает о книге очень многое как о тексте и как о художественном произведении, однако ни одна из этих наук не скажет, что именно настраивает внутренний камертон конкретного читателя на восприятие конкретного текста. Хочется верить, что относительно молодая наука – психолингвистика – поможет продвинуться в познании этого процесса.

Психолингвистика вносит в понимание законов порождения и восприятия текста то, чего, по мнению М.М. Бахтина, не хватает лингвистике текста: «Лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением. То же, что она говорит о произведении, привносится контрабандой и из чисто лингвистического анализа не вытекает... Чисто лингвистические отношения – это отношения знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста» [1, 319]. За рамками лингвистического анализа оказывается отношение высказывания к реальной действительности, а также отношение к говорящему (пишущему) и воспринимающему субъектам [1, 319-320].

Психолингвистика же рассматривает текст в рамках коммуникативной ситуации и, как следствие, привлекает к анализу формы и содержания текстов, наряду с лингвистическими факторами, психологические особенности индивидов – участников коммуникации [5].

По определению А.А. Леонтьева, предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» картины мира – с другой [6, 19]. Таким образом, одним из углов «треугольника» оказывается личность – и применительно к проблемам порождения и восприятия художественного произведения в сфере интересов психолингвистики оказывается не только уникальная и неповторимая личность автора, но и уникальная и неповторимая личность читателя.

И.Р. Гальперин полагает необходимым рассматривать проблему текста с двух сторон – «со стороны запрограммированного сообщения... и со стороны возможных толкований информации, заложенной в этом сообщении». При этом чтение уподобляется диалогу между автором и читателем, а способность читателя вести «диалог» с автором зависит от его жизненного опыта, литературной эрудиции, вкуса и даже от склада характера [4, 24].

Такие внелингвистические факторы, как способность читателя к эмпатии, его личный опыт и интеллектуальные реакции, оказываются существенными при восприятии текста, в особенности художественного, который просто-таки «создает вокруг себя поле возможных интерпретаций» [3, 227]. Человек, воспринимающий художественный текст, может создать для себя его проекцию, которая коренным образом отличается от проекций других реципиентов и от авторского замысла.

Термин «проекция текста» был предложен Н.А. Рубакиным, создателем библиопсихологии. Развивая идеи Н.А. Рубакина, Ю.А. Сорокин поясняет, что представляет собой проекция книги: «Книга – это лишь возможное содержание. При ее восприятии... книга оказывается в энергетически-смысловом поле личности. Это поле с неизбежностью изменяет и перераспределяет содержание. Оно оказывается равным не самому себе, а тому содержанию, которое обусловлено смысловым опытом человека. Содержание привносится в книгу, становится таким, какова структура личности читателя и каков его опыт. Опыт является рамкой и заставляет читателя слышать или видеть то, что ему психологически близко и нужно. Это и есть проекция книги» [9, 24]. В восприятии и трактовке текста проявляются все сферы личности – мотивационная, когнитивная и эмоциональная [5].

Говоря о разнообразии интерпретаций художественного текста, не следует забывать о разнообразии самих текстов, каждый из которых является носителем и транслятором мыслей автора, его духовного мира.

В.П. Белянин [2, 3] предложил психологическую типологию текстов, основанную на их эмоционально-смысловой доминанте. Каждый тип текста характеризуется определенными лингвокогнитивными и психостилистическими признаками. На основе психолингвистического анализа около 500 художественных текстов В.П. Белянин выделяет тексты «светлые», «темные», «веселые», «печальные», «красивые» и «сложные».

Основное содержание светлых текстов определяется противопоставлением действий главного героя текста действиям других персонажей, которые мешают ему в его деятельности. Герой, являющийся достойной личностью, воплощает мысль, которую можно сформулировать так: «Я знаю истину и несу свое понимание жизни другим людям».

Для темных текстов характерна жесткая оппозиция добра и зла (типичная коллизия – человек опасной профессии уничтожает врага). Стиль нарочито сниженный, используются разговорные формы.

В веселых текстах описывается поведение человека, который сталкивается с препятствиями или опасностями, но преодолевает их и достигает высшей степени успеха. Стиль легкий, «развлекательный», для текстов характерно большое количество героев, ситуаций, событий.

Печальные тексты лиричны по стилю, посвящены темам «маленьких людей», тяжелых жизненных проблем, смерти, несостоявшейся жизни, пронизаны

ощущением мимолетности жизни и одновременно ценности каждого дня, чувствами сожаления, завершения.

Красивые тексты описывают переживания и страдания героя (чаще героини), подвергающегося гонениям, оказавшегося в необычной обстановке. Много красочных описаний, необычных и драматических событий, маловероятных ситуаций. Для текстов характерна мелодраматичность, множество внешних эффектов.

Сложные тексты особенно характерны для жанра научной фантастики. В основе текста лежит некое допущение, логическая конструкция, претерпевающая развитие через усложнение исходной идеи. Автор стремится к логической непротиворечивости, но не к описанию реальности. Текстам этого типа свойственна путаная, многоплановая структура, нелинейность повествования.

По мнению В.П. Белянина, восприятие и понимание каждого типа текста определяется степенью приближенности психологической структуры сознания читателя к психологическим особенностям личности автора, проявившимся при создании текста.

В плане изучения закономерностей восприятия художественного текста нам показалось интересным попытаться выявить связь между оценками различных типов текстов, а также связь оценок с возрастом испытуемых. С этой целью было проведено небольшое экспериментальное исследование. В процессе эксперимента испытуемые (31 человек) оценивали по пятибалльной шкале (от -2 до 2) аннотации текстов различных типов. Использовался стимульный материал В.П. Белянина (1988) – аннотации готовившихся к печати произведений зарубежной литературы.

Эксперимент показал наличие значимой отрицательной корреляции между возрастом испытуемых и степенью выраженности интереса к «темным» текстам, что может быть объяснено снижением интереса к брутальному стилю подобных книг по мере «взросления» читателя.

Нами выявлены положительные корреляционные связи между следующими типами текстов:

- «светлые» – «печальные» 0,49 ($p \leq 0,01$)
- «веселые» – «сложные» 0,42 ($p \leq 0,05$)
- «темные» – «веселые» 0,45 ($p \leq 0,05$)
- «темные» – «красивые» 0,42 ($p \leq 0,05$)
- «темные» – «сложные» 0,45 ($p \leq 0,05$)
- «печальные» – «красивые» 0,51 ($p \leq 0,01$)

Наиболее тесные связи имеются между степенью привлекательности для испытуемых печальных и красивых, а также печальных и светлых текстов (см. диагр. 1 и 2).

Печальные и красивые тексты сближает то, что в них описываются переживания и страдания персонажа. Возможность эмоционально приобщиться к жизненным проблемам, скорее всего, является тем общим, что находят читатели в этих типах художественных произведений. Психологические особенности чи-

тателей, склонных находить в книгах заместители жизненных ситуаций, анализ восприятия текстов с этой точки зрения мог бы стать плодотворной темой исследований в области библиопсихологии.

Тесная связь между степенью выраженности интереса к «светлым» и «печальным» текстам представляется показательной в том смысле, что в мировой литературе достаточно часто встречается объединение этих двух характеристик в рамках одного художественного произведения. Ярким примером такого объединения является, например, роман Э.М. Ремарка «Три товарища», читательское восприятие которого нам хотелось бы обсудить подробнее.

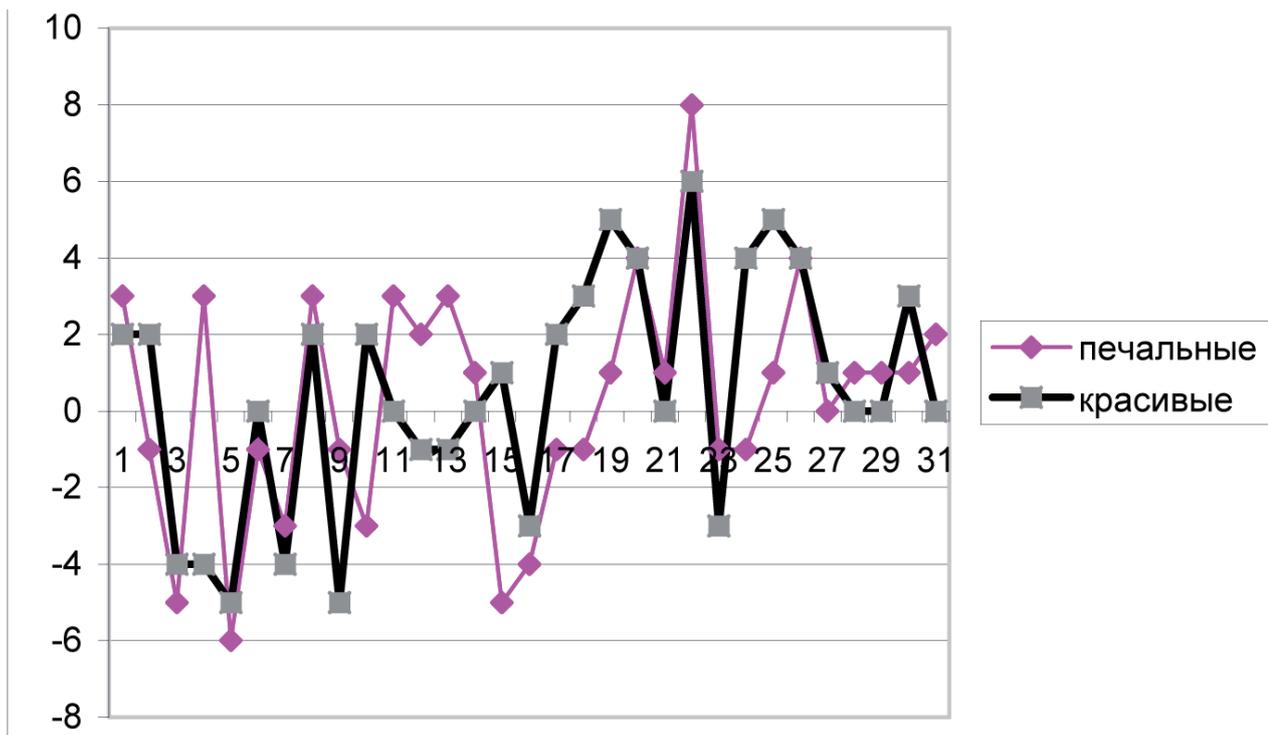

Диаграмма № 1. Оценки испытуемыми «красивых» и «печальных» текстов

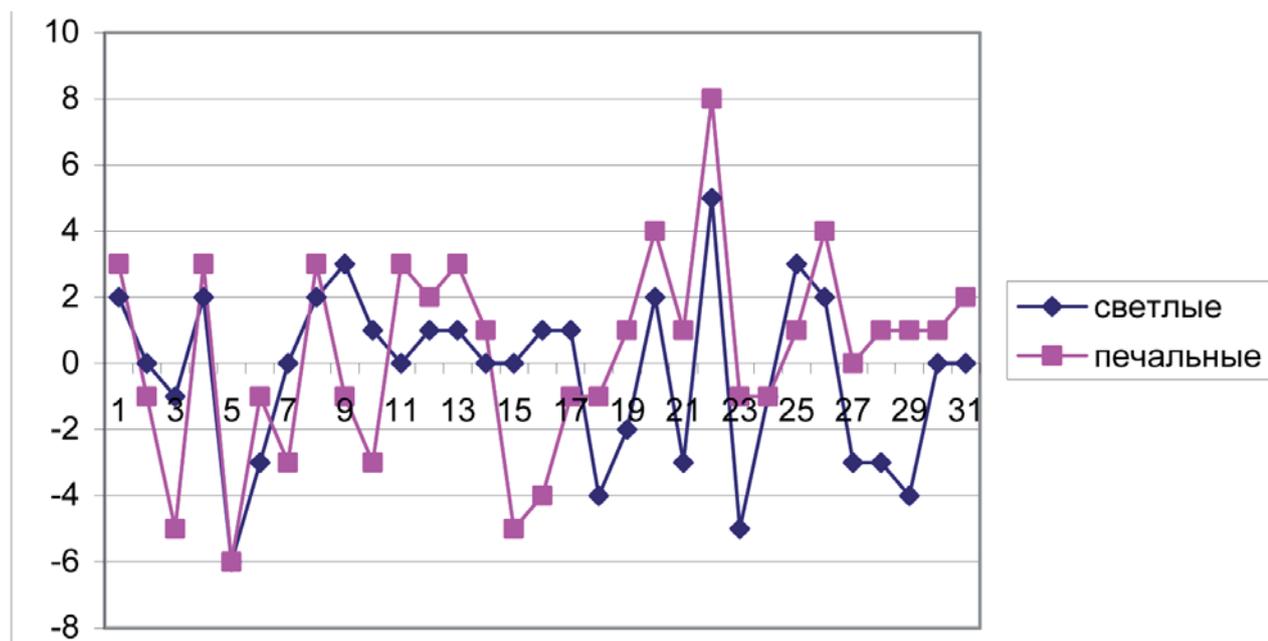

Диаграмма № 2. Оценки испытуемыми «светлых» и «печальных» текстов

Темы и сюжетные построения романа, свойственные «светлым» текстам: реализация идей достойного героя (жизнь во имя ценностей, которые выдержали проверку войной, – дружба, любовь, праведная месть); противопоставление действий главного героя враждебному окружению; ощущение уникальности и неповторимости жизни («...Мне почудилось, что я один на земле, и из воды выходит первая женщина»); декларация героями своего понимания жизни («Пока человек не сдастся, он сильнее своей судьбы»).

Черты «печального» текста: лиричность стиля, тема безвременной смерти (Ленц, Пат), сожаление о несостоявшемся, чувство завершения; ощущение ценности каждого прожитого дня.

Отражаются ли в восприятии читателей эти две эмоционально-смысловые доминанты книги? Насколько осознается читателями их восприятие? Для ответа на этот вопрос мы обратились к отзывам о книге на читательском форуме сетевой библиотеки «Альдебаран» [10].

«Автор пишет о том, чего, кажется, больше нет или никогда не было, о том, что называется Любовью, Дружбой, Мужеством именно с этих больших букв».

«Никто не отрицает, что финалы его книг трагичны, но они вполне закономерны, Ремарк никогда не был склонен к самообману. Однако ухитрился создать светлую атмосферу с помощью образов людей, которые не бегут от реальности в свои мечты, а заставляют иллюзии (настоящую дружбу, любовь) стать реальностью».

«От “Трех товарищей” у меня такого [безнадежного] ощущения нет, только светлая печаль, грусть – но не безысходность».

В этих небольших рецензиях отражены как «светлая», так и «печальная» эмоционально-смысловые доминанты. Обращает на себя внимание тот факт, что авторы двух последних отзывов непротиворечиво, «на одном дыхании» объединяют эпитеты «светлый» и «печальный» («трагичный») применительно к этому произведению.

Эмоциональная закрытость к определенным тематическим пластам книги создает обедненную интерпретацию, которая «не видит» объективно заложенных в произведении авторских интенций.

«Мой муж терпеть не может, когда я Ремарка перечитываю – потому что мрачней на глазах и вхожу в состояние “Нет никакого смысла все равно ни в чем”».

«Понравилась этакая крутость, безусловно понравился “Карл” [гоночный автомобиль одного из героев] и все с ним связанное».

«Думаю, дружба не является лейтмотивом здесь. Извините, господа, но мне Ремарк своим туберкулезом всю романтику обломал».

«Книга красивая, но уж больно грустная».

«Да, грусть. Но больше ничего. Вот уж, действительно, потерянное поколение: хлопанье алкоголя ночи напролет, окружение каких-то сомнительных фриков, разговоры за выпивкой ни о чем».

Некоторые читатели отмечают, что по мере обогащения жизненного опыта восприятие книги менялось:

«Я читал эту книгу много раз, когда мне было 20, это было одно, в 30 другое, сейчас мне 40 и все равно в ней я нахожу каждый раз все новые ответы на вечные вопросы жизни».

«Первый раз прочитал, когда мне лет 12 было... То, что книга совсем не про машину, и не про то, как надо бить монтировкой по голове – понял при следующих прочтениях, в более зрелом возрасте. В принципе, даже хорошо, что прочитал так рано – тем с большим удовольствием перечитывал, ведь что-то кроме машины в памяти осталось, хоть и не понятное? Вот когда захотелось понять – перечитал».

Таким образом, диалог читателя с книгой становится процессом, развернутым во времени, и до некоторой степени участвует в формировании личности. Как справедливо замечает В.А. Сонин в монографии «Литературный герой глазами психолога», человек болезненно реагирует на анализ своих ошибок, действий и влечений в замечаниях окружающих; однако литературное произведение дает тот же анализ с помощью художественных образов – и в этой «лекарственной» форме, не разрушающей человеческое Я, нравственный посыл художественного текста становится тем фактором, который заставляет задуматься о своей жизни, а порой и что-то изменить в ней [7, 64-65].

Еще одно замечание по поводу читательских отзывов, связанное с темой статьи: возникает ощущение, что рецензии дают больше информации о личности читателя, чем о самом произведении; в том, как человек воспринимает книгу, есть нечто воистину индивидуальное и неповторимое.

Подытоживая сказанное, можно построить такую модель диалога между автором и читателем:

– при создании художественного произведения психологические черты личности автора проявляются в эмоционально-смысловой доминанте (или доминантах) текста;

– когда (и если!) книгу читают, происходит трансляция эмоций и личностных смыслов автора читателю посредством текста;

– если личность автора (насколько она проявилась в тексте) близка читателю, текст воспринимается и интерпретируется адекватно и книга оказывается интересным и нужным собеседником;

– некоторые эмоционально-смысловые образования родственны друг другу и с высокой степенью вероятности могут быть свойственны одному и тому же автору (читателю), а также могут проявляться в рамках одного произведения; наши результаты показывают, что это верно для «светло-печальных» и «печально-красивых» текстов.

Процесс восприятия художественного текста становится, таким образом, отбором релевантных для читателя признаков текста и вынесением на их основе осознанной или неосознанной интегральной оценки произведения.

Говоря более доступным языком, «книги живут, пока мы находим в них самих себя, свои или близкие нам психологические состояния и качества» [9, 149].

Personal traits of the author are manifested in the emotional dominant of the literary text. Emotional dominant is the totality of psycholinguistic and stylistic text features, which defines the perception and interpretation of the text. The literary text perception is presented in the article as a selection by the reader of relevant text features and conscious and non-conscious integrated evaluation of a work based on these features.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979
2. Белянин В.П. Психологические аспекты художественного текста. – М.: МГУ, 1988.
3. Белянин В.П. Психологическое литературоведение: Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М: Генезис, 2006.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
5. Зорькина О.С. О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С.205-210.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М: Смысл, 1999.
7. Сонин В.А., Богданова Т.А. Литературный герой глазами психолога. – Смоленск: СГПУ, 2005.
8. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985.
9. Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги? – М.: Педагогика, 1991.
10. http://lib.aldebaran.ru/author/remark_yerih/remark_yerih_tri_tovarisha/2/

Г.А. Голаева

Смоленский государственный университет
E-mail: 13gala1984@mail.ru

УДК 376

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРА НА ЦЕННОСТНУЮ АКЦЕНТУАЦИЮ ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *ценностная акцентуация; ценностные ориентации; ценностные отношения; поликультурность; направленность личности.*

В данной статье рассматривается проблема поликультурности с точки зрения множественности факторов разграничения культур. Помимо этнического и религиозного факторов выделяются и социальные факторы, такие, как уровень образования, достатка, социальное положение и т.д. Культура группы влияет на формирование у ее членов собственной системы

ценностных ориентаций и приоритетов. Ценностные приоритеты создают направленность личности. На основе проведенного в 2008 году исследования ценностных ориентаций школьников из различных социальных групп нам удалось установить, что в различных социальных группах учащихся действительно присутствуют различные ценностные акценты.

Рассматривая проблему поликультурности, ученый и публицист Ч.П. Сноу предлагает новые факторы разграничения культур, такие, как специфика направленности образования (традиционная гуманитарная культура и естественно-научная культура), уровень достатка и социальное положение (культура бедных и культура богатых), социальный режим (капиталистические и социалистические страны). Ч.П. Сноу понимает культуру как образование, связанное с социальной группой. Как мы знаем, социальные группы могут формироваться по целому ряду признаков: возраст, пол, образование, социальное и материальное положение индивидов, вероисповедание, этническая принадлежность, семейное положение; данные факторы влияют на систему ценностных ориентаций, процесс ее формирования.

Понятие «ценностные ориентации» впервые было использовано в 20-х годах XX века социологом М. Вебером. В отечественной социологии этот термин ввел В.А. Ядов для изучения мотивации поведения личности. В современных исследованиях ценностных ориентаций и отношений ценностные ориентации определены как предпочтения и стремления личности в отношении тех или иных ценностей. Свои предпочтения и стремления личность реализует в деятельности, поэтому ценностные ориентации личности можно рассматривать как действительное проявление ее ценностных отношений. Ценностные ориентации личности формируются на основе выработанных ценностных отношений и являются актуальным их выражением [1, 16].

Процесс воспитания, будь то воспитание семейное или школьное, включает в себя формирование ценностных ориентаций и отношений. Мы считаем, что, поскольку сам термин «поликультурность» предполагает наличие многих культур, то следует шире рассматривать понятие поликультурного пространства, исходя из многообразия определяющих его факторов, выходя за рамки привычной религиозно-этнической модели.

По мнению Ч.П. Сноу, ценностные приоритеты могут зависеть не только от этнического и религиозного факторов, но и от уровня образования и рода занятий человека. Группы людей, объединенных общими ценностями, обусловленными общим уровнем образования и достатка, общим родом занятий, могут создавать свои типы культур, поскольку понятие «культура» неотделимо от понятия «ценность». Культура – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в способах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [2, 367]. Следовательно, есть основания предположить, что у детей из различных социальных групп ценностные приоритеты могут различаться. В

то же самое время в рамках одной группы ценностные приоритеты могут быть общими.

В мае 2008 года исследование ценностных ориентаций младших подростков было проведено среди учащихся смоленских городских школ и гимназий: гимназии экономического профиля, гимназии им. Пржевальского, средней общеобразовательной школы № 28. Исследование проводилось методом анонимного закрытого анкетирования, включало элементы беседы. Всего было опрошено 167 шестиклассников. По предварительным данным, большинство школьников проживают в полных семьях.

Мы предположили, что в различных социальных группах учащихся возможно преобладание различных ценностей, что свидетельствует о наличии социокультурных разграничений. Взяв за основу род занятий семей учащихся, всех опрошенных школьников мы разделили на следующие группы:

- учащиеся, чьи родители работают в сфере бизнеса, финансов и управления (группа 1) – 29%;
- учащиеся, чьи родители занимаются интеллектуальным и творческим трудом (группа 2) – 26%;
- учащиеся, чьи родители имеют рабочие профессии или не имеют работы (группа 3) – 45%.

Поскольку семья и ближайшее окружение ребенка – один из важнейших факторов формирования сферы ценностных отношений, важно, кто именно является значимыми и близкими людьми в жизни школьника. Результаты исследования можно оформить в виде таблицы.

1-я группа	2-я группа	3-я группа
родители – 70%	родители – 93%	родители – 81%
друзья – 8%	друзья – 4%	друзья – 3%
другие члены семьи – 25%	другие члены семьи – 16%	другие члены семьи – 3%

Преобладающее большинство учащихся всех трех групп указывают родителей, однако роль других членов семьи также достаточно высока, в то время как друзья оказались менее значимыми.

Важнейшую роль в становлении личности школьников играют эталоны, примеры поведения, на которые они ориентируются. Мы задали школьникам вопросы: «Сравниваешь ли ты себя с другими людьми? Если да, то с кем?». Результаты оказались следующими.

1-я группа	2-я группа	3-я группа
Учащиеся, чьи родители работают в сфере бизнеса и управления	Учащиеся, чьи родители занимаются интеллектуальным и творческим трудом	Учащиеся, чьи родители имеют рабочие профессии или не имеют работы

1-я группа	2-я группа	3-я группа
с друзьями – 52%	с друзьями – 38%	с друзьями – 38%
с родителями – 21%	с родителями – 36%	с родителями – 24%
с известными людьми – 18%	с известными людьми – 16%	с известными людьми – 16%
ни с кем себя не сравнивают – 37%	ни с кем себя не сравнивают – 29%	ни с кем себя не сравнивают – 33%

Родители являются самыми близкими людьми, однако сравнивают себя школьники преимущественно с друзьями. Для подростков естественно стремление быть принятыми среди сверстников, поэтому они постоянно сравнивают себя именно со сверстниками. Родители же являются авторитетным образцом, на который школьники, возможно, не вполне ориентируются сейчас, но который станет наиболее актуальным по окончании переходного периода. Довольно большое количество учащихся ни с кем себя не сравнивает, что свидетельствует о низком уровне рефлексии, отсутствии привычки анализировать свое поведение.

Ценностные приоритеты играют важнейшую роль, поскольку создают направленность личности, которая является ее высшим интегральным свойством [1, 17]. Мы оценили приоритеты с помощью рейтинговой таблицы, включающей 16 терминальных и 15 инструментальных ценностей (классификация М. Рокича). Терминальные ценности отражают наиболее значимое для человека в жизни, тогда как инструментальные – это качества, помогающие достичь цели. Можно сказать, что терминальные ценности показывают отношение к жизни, а инструментальные – к себе и другим.

В первой группе учащихся приоритетными терминальными ценностями являются здоровье (1 место), счастливая семейная жизнь (2 место), наличие хороших и верных друзей (2-3 место). Первые места занимают традиционные ценности, без которых немислима счастливая и плодотворная жизнь; кроме того, эти ценности предполагают активное взаимодействие с другими людьми. Познание было отнесено на 4-5 места, школьники осознают его важность. Довольно низко оценена материально обеспеченная жизнь (9-13 места). Такая оценка естественна – учащиеся данной группы, скорее всего, практически не испытывают материальных затруднений. На последнем месте находится красота природы и искусства.

Опрошенные учащиеся, родители которых вовлечены в интеллектуальный, творческий труд (вторая группа), высоко оценивают здоровье (1 место), счастливую семейную жизнь (2-3 места), уверенность в себе и активную деятельную жизнь (4-5 места). Такой выбор отражает более активную позицию личности, нацеленность на деятельность, однако вместе с тем и больший индивидуализм. В отличие от учащихся первой группы, школьники второй группы не выдвигают дружбу на первые места. Познание заняло 10-11 места, это не слишком высокая оценка для учащихся, чьи семьи заняты преимущественно интеллектуальным трудом. Детей мало привлекает процесс получения знаний сам по себе, познание

не рассматривается как форма деятельности, не ассоциируется с активностью. Возможно, под активным образом жизни дети понимают нечто иное, что их и привлекает. Интересно, что творчество занимает лишь 13 место, ведь родители данной группы школьников занимаются в том числе и творческим трудом. Дети, тем не менее, заинтересованы в творчестве меньше, чем, например, в достижении материально обеспеченной жизни, которая заняла 8 место. На последнем месте – красота природы и искусства (14 место).

В третьей группе учащихся выше всего оценены здоровье (1 место), активная деятельная жизнь (2 место) и любовь (3 место). Присутствует высокая оценка активной деятельной жизни, как и во второй группе. Любовь здесь занимает более высокое место по рейтингу, тогда как ни в первой, ни во второй группе школьников эта ценность не ставится на первые места. Наличие хороших и верных друзей оценено несколько ниже, чем в первой группе (4-5 места), равно как и познание – 7 место. Последние позиции, как и в остальных группах опрошенных, занимает красота природы и искусства (13-14 места). Столь низкую оценку во всех трех группах можно объяснить отсутствием интереса к красоте природы и искусства, умения понимать и ценить их. Большинство учащихся практически все свое время посвящают учебе, в свободное время занимаются спортом или общаются с друзьями. Внимание к красоте требует вдумчивого отношения, времени, участия взрослых.

Перейдем к ряду инструментальных ценностей. Лидирующие позиции в первой группе учащихся занимают воспитанность (1-2 места), честность (2 место), аккуратность и жизнерадостность (3 место). Ниже всего оценена непримиримость к недостаткам других (11-12 места). Подобный выбор отражает высокую требовательность к себе, кроме того, данные качества обеспечивают полноценную интеграцию в общество. Очевидно, дети осознают, какими качествами надо обладать, чтобы быть принятым в обществе, и стремятся к этому. Подтверждением тому служит их выбор традиционных терминальных ценностей в качестве приоритетов.

Важнейшими инструментальными ценностями для второй группы школьников также являются воспитанность (1 место), жизнерадостность и честность (2 место). Кроме того, высоко оцениваются образованность и ответственность (4 место). Ответственность естественна для активной позиции в жизни, которая прослеживалась у данной группы в их выборе терминальных ценностей. Однако налицо противоречие между низкой оценкой познания и высокой оценкой образованности – школьники хотят быть образованными, так как понимают, что без этого нельзя достичь высокой социальной позиции, однако процесс познания, без которого образование невозможно, их не привлекает. Последние позиции занимают терпимость (10 место), чуткость и непримиримость к недостаткам других (11-12 места). Поскольку приоритетные терминальные ценности группы были скорее индивидуалистическими, нежели предполагающими привязанность к другим людям, то это отразилось и в инструментальной ценностной сфере в виде низкой оценки таких качеств, как терпимость и чуткость.

В третьей группе учащихся, чьи родители имеют рабочие профессии, основными инструментальными ценностями являются жизнерадостность (1-2 места), честность и образованность (2-3 места), а также воспитанность (4 место). Высокая оценка образованности показывает желание достичь более высокой позиции и уважения в обществе. Данный выбор также отражает требовательность к себе. Как и во второй группе, здесь присутствует противоречие между высокой оценкой образованности и достаточно низкой оценкой познания в ряду терминальных ценностей. В целом расстановка приоритетов схожа с первой группой, однако аккуратность не входит в число приоритетных ценностей в третьей группе, а образованность – в первой. Непримируемость к недостаткам других, как и в остальных группах школьников, занимает последнее место. Учащиеся более охотно обращают внимание на собственные качества и недостатки, чем на чужие.

Авторитет родителей и друзей для опрошенных школьников, как мы убедились выше, достаточно высок. Возможно, именно родители и отчасти друзья оказали существенное влияние на формирование ключевых ценностных позиций школьников.

Оценка результатов проведенного исследования позволяет отметить следующие тенденции в группах учащихся:

- определенное единство в выборе ценностных приоритетов в рамках одной группы, ценностные отношения, которые характерны именно для данной группы. Например, первая группа учащихся, чьи родители заняты в сфере бизнеса и управления, проявила себя более традиционно в выборе доминирующих ценностей, а также оказалась более ориентированной на интеграцию и плодотворное взаимодействие с окружающими. Вторая группа школьников, чьи родители вовлечены в интеллектуальный и творческий труд, настроена более индивидуалистически; такая позиция, с одной стороны, выражает целеустремленность, вместе с тем недооценены качества, характеризующие личность во взаимодействии с окружающими, ее способность к сопереживанию (чуткость, терпимость). Расстановка приоритетов в третьей группе шестиклассников, чьи родители имеют рабочие профессии, схожа с первой группой – преобладают традиционные ценности, кроме того, высоко оценивается активность личности;

- единство некоторых ценностных отношений для всех трех групп. У всех трех групп школьников наблюдается одинаковая оценка красоты природы и искусства в ряду терминальных ценностей и непримируемости к недостаткам других в ряду инструментальных ценностей.

Таким образом, результаты исследования подтверждают наше предположение о том, что в различных социальных группах учащихся ценностные отношения неодинаковы, на их основе может сформироваться своя культура, характерная для данной группы. Ч.П. Сноу пишет о существовании «гуманитарной» и «математической» культур, носители которых совершенно по-разному воспринимают мир в силу ценностных отношений, заложенных их средой и образованием. С позиций современных представлений о человеке как существе социальном можно

выделить следующие интегративные свойства личности, определяющих своеобразие характера человека: активность, чуткость, скромность, благородство.

Возвращаясь к результатам проведенных исследований, можно отметить, что у школьников различных социальных групп акценты на различные интегративные свойства расставлены неодинаково. Это происходит в силу усвоения детьми отличных друг от друга ценностных установок, обусловленных социальным положением, образованием, влиянием родителей. Таким образом, вместо гармоничного синтеза интегративных свойств происходит их одностороннее развитие. Поскольку возраст от 14 до 16 лет является сензитивным периодом формирования ценностных отношений, то уже в младшем подростковом возрасте основной ценностный базис должен быть заложен.

При отсутствии системного и последовательного ценностного воспитания ценностные акценты могут создать одностороннюю направленность личности, накладывая отпечаток на дальнейшую жизнь и деятельность человека. Группы людей, имеющих сходные ценностные приоритеты и направленность личности, имеют и свое мировоззрение, свою культуру, в данном случае также одностороннюю.

В связи с этим очевидна необходимость системного, последовательного ценностного духовно-нравственного воспитания детей на основе более глубокого и полного исследования их ценностных приоритетов с целью выявить основные акценты, способные повлиять на формирование направленности личности.

In this article the problem of polyculture is discussed from the point of diversity of factors delimiting cultures. Apart from ethnic and religious factors social factors such as level of education, welfare, social position, etc. can also be singled out.

Culture of the group influences upon the formation of the system of value orientations and priorities of its members. Value priorities in their turn form personality orientation. On the basis of the value orientations research carried out in 2008 among the students from different social groups we managed to ascertain that the value accentuations in different social groups differ from each other.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабурова И.В. Пример в воспитании ценностных отношений школьников: монография. – Смоленск: СмолГУ, 2007.
2. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983.
3. Сноу Ч.П. Две культуры. – М.: Прогресс, 1973.
4. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.

ДИССЕРТАЦИИ

**В.С. Баевский,
Н.А. Максимчук**

*Смоленский государственный университет
E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru*

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ФИЛОЛОГИИ В 2007 ГОДУ

Диссертационный совет Д 212.254.01 утверждён при Смоленском государственном педагогическом университете (г. Смоленск) приказом Минобразования РФ от 20 февраля 2004 года № 59-в.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям:

10.01.01 – русская литература (филологические науки),

10.02.01 – русский язык (филологические науки),

10.02.04 – германские языки (филологические науки).

В 2007 году в диссертационном совете Д 212.254.01 было защищено 7 диссертаций.

Защиты на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Диссертация Натальи Викторовны Солодовниковой «Формальное и семантическое взаимодействие прилагательного с деадъективными знаменательными частями речи в современном английском языке» (специальность 10.02.04 – германские языки) посвящена изучению интеграционных механизмов языковой системы. В исследовании впервые устанавливаются системообразующие словообразовательные связи прилагательного с порождёнными им частями речи; привлечение корреляционного анализа по критерию Пирсона позволяет раскрыть закономерности словообразовательного взаимодействия и взаимовлияния частей речи. К основным результатам исследования относится выявление наиболее важных формальных и семантических признаков, определение степени и характера влияния этих разноуровневых признаков на словообразовательную потенцию английского глагола.

Диссертация Татьяны Тимофеевны Денисовой «Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области)» (специальность 10.02.01 – русский язык) посвящена комплексному рассмотрению прозвищ как специфической антропонимической категории, идентифицирующей индивидуума в неформальной речевой коммуникации. В исследовании

впервые на данном региональном материале рассматриваются вопросы о генезисе прозвищ, их коммуникативном статусе, структурных и семантических моделях. Особое внимание уделено прозвищам с диалектными основами, наиболее ярко характеризующим специфику региона. Основными результатами исследования являются разработка методики сбора прозвищ, принципов их классификации, а также их комплексный социолингвистический и лингвокультурологический анализ.

В диссертации Ирины Владимировны Марусовой «Проблемы поэтики романа А.С. Пушкина "Капитанская дочка"» (специальность 10.01.01 – русская литература) впервые представлен систематический сопоставительный анализ исторического и художественного произведений Пушкина о Пугачёвском восстании, проведено детальное сопоставление «Капитанской дочки» и «Истории Пугачёва». Выявлены принципы трансформации документального материала в исторической и художественной прозе Пушкина. Впервые подробно исследована карнавальная поэтика итогового прозаического произведения Пушкина, выделены функции приёмов карнавальной поэтики в романе и особенности воплощения карнавальной традиции в творчестве Пушкина.

В диссертации Натальи Николаевны Большаковой «Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде» (специальность 10.02.04 – германские языки) впервые проведён комплексный анализ идиостиля М. Энде, выявлены формы и функции игры в текстовом пространстве литературных сказок писателя. Получены новые знания о характере интертекстуальных связей произведений М. Энде и о взаимовлиянии литературного жанра, в рамках которого творит автор, и его идиостиля. К основным результатам исследования относится выявление уровневой классификации форм игры в жанре литературной сказки, определение соответствующих этим уровням конкретных игровых приёмов в произведениях М. Энде, установление способов маркирования интертекстуальных связей в литературных сказках писателя.

В диссертации Юрия Михайловича Титова «Общее третье в сочинительной конструкции с однородными подлежащими» (специальность 10.02.01 – русский язык) рассматриваются особенности формального выражения общего третьего в сочинительной конструкции. Основными результатами исследования являются определение места различных типов общего третьего в сочинительной конструкции, выявление условий и закономерностей употребления форм числа общего сказуемого и обобщающего подлежащего. Рекомендации по употреблению форм обобщающего подлежащего и форм числа общего сказуемого имеют практическую значимость.

В диссертации Ирины Валентиновны Колчевой «Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм)» (специальность 10.02.01 – русский язык) словарный состав «Писем и бумаг Петра Великого» впервые становится объектом специального исследования в избранном аспекте; подробно изучаются наиболее важные лексико-семантические группы, в составе которых выделяются и описываются синонимические ряды. К

основным результатам исследования относится определение языковых явлений, наиболее типичных для периода становления лексико-семантической системы русского литературного языка в первой трети XVIII века, на основе анализа синонимических отношений слов, а также выявление и описание состава народно-разговорной лексики, отражённой в переписке Петра Великого.

Защита на соискание ученой степени доктора филологических наук

В диссертации Ирины Викторовны Романовой «Поэтика И. Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения» (специальность 10.01.01 – русская литература) разработана оригинальная методика анализа коммуникативной организации стихотворений, рассмотрения коммуникативной структуры лирики того или иного поэта в синхронии и диахронии и проецирования полученных выводов на поэтику конкретного автора и лирику в целом. Разработан механизм выявления и описания основных коммуникативных типов стихотворений, а также способов их взаимодействия, прослежены особенности проявления субъектно-объектных отношений в поэтических текстах разной жанровой ориентации; рассмотрено средство связи – язык, речь – в плане содержания (как основа творческого мировоззрения Бродского) и в плане выражения (приёмы создания коммуникативной стратегии). Основными результатами исследования являются разрушение стереотипа, который сложился по отношению к лирике Бродского как поэзии отчуждения, пересмотр традиционного представления о лирике как литературном роде, сосредоточенном и замкнутом на лирическом «я», открытие новых возможностей анализа поэтики.

КОНФЕРЕНЦИИ

НАШИ НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Последние 15 лет кафедра теории и истории литературы ежегодно проводит четыре научные конференции. Традицией стали студенческие научные конференции «Дебют» и «Золото и серебро русской литературы», осенняя конференция аспирантов и «большая» конференция «Современные пути исследования литературы» [1]. В Ученых записках кафедры регулярно публикуются обзоры наших научных встреч [2]. Как правило, обзоры готовят аспиранты, принимавшие участие в организации той или иной конференции. О студенческих конференциях написали недавние студенты, отучившиеся первый год в аспирантуре, – Леонид Геннадьевич Каяниди, Юлия Владимировна Скобелева и Мария Сергеевна Козлова. Обзор аспирантской конференции сделала Ольга Михайловна Таршина – староста аспирантского объединения, для которой этот год в аспирантуре станет завершающим. Конференция «Современные пути исследования литературы» в этом году была посвящена уникальному событию – 40-летию Филологического семинара, созданного Вадимом Соломоновичем Баевским. В течение трех дней (22 – 24 мая 2007 года) звучали не только доклады, но и воспоминания участников семинара прошлых лет. Благодаря Администрации Смоленской области удалось опубликовать сборник, куда вошли тексты докладов, стенограмма воспоминаний, архивные материалы, письма и фотографии [3].

Студенческая конференция «Дебют»

Конференция «Дебют» открывает цикл конференций, которые ежегодно проходят под эгидой кафедры истории и теории литературы. Первокурсники представляют на суд студентов и преподавателей первые плоды своей научной работы. Круг тем и авторов, которым были посвящены доклады, как всегда был необыкновенно широк. В орбиту студенческих исследований попали как прославленные писатели (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, И.А. Бунин, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак и др.), так и писатели менее известной читающей публике (например, кн. Наталия Урусова). Начинающие исследователи затронули разные аспекты художественных произведений: тематика, образы, мотивы, проблема жанровой трансформации лирического цикла.

Конференцию «Дебют» открыл профессор Вадим Соломонович Баевский, обратившийся к многочисленной аудитории со вступительным словом, в котором рассказал о своей поездке в Стенфордский университет.

В докладе Татьяны Ивановны Кузововой «Цикл Аполлона Григорьева “Борьба”: развертывание конфликта» (научный руководитель – доцент М.Л. Рогацкина) были представлены результаты исследования непростой проблемы – драматизация и нарративизация (формирование повествовательной структуры) лирического цикла. Исследовательница выявила в цикле Ап. Григорьева редуцированные элементы фабульной композиции, намеченные только пунктиром. Лирический герой, который осознает преступный характер своей страсти к героине, противостоит обществу и жизненным обстоятельствам, обнаруживая, таким образом, признаки трагического героя.

Оксана Игоревна Муравьева, выступившая с докладом «Образы животных в романе Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова), опираясь на методiku Роберта Бэлнепа [4], исследовала образы животных, которые упоминаются в тексте романа. Несмотря на то, что животные появляются на страницах «Преступления и наказания» эпизодически, они выполняют важную функцию, устанавливая взаимосвязи между персонажами и формируя читательские ожидания.

В фокусе внимания Ольги Алексеевны Королевой оказалась центральная тема повести А.П. Чехова «Скучная история» – тема скуки (научный руководитель – старший научный сотрудник И.В. Романова). Лексема «скука» и ряд семантически близких ей лексем характеризуют речь героя произведения – Николая Степановича. Студентка прослеживает, как тема скуки «перерастает рамки лексем», выходя на передний план проблематики произведения. О.А. Королева установила, что в определенный момент повествования тема скуки смыкается с темой равнодушия, формируя сюжетную тему повести – тему духовной смерти.

Яна Юрьевна Хакризоева в докладе «Сны в лирике И.А. Бунина» (научный руководитель – доцент М.Л. Рогацкина) произвела анализ мотивов и образов тематической группы «Сон» – одной из центральных в художественном мире поэта, по мнению автора доклада. Проанализировав свыше 40 случаев употребления лексем «сон» и «спать», Я.Ю. Хакризоева пришла к выводу, что в раннем творчестве Бунина тема сна связана, прежде всего, с темой природы, а в позднем творчестве – с темой человека (особое место занимают «сны поэта»).

Предметом исследования Полины Игоревны Строговой стали образы «человекообразных», которые представлены во второй книге Н. Тэффи «Юмористические рассказы» (научный руководитель – доцент Э.Л. Котова). Студентка выявила черты этих нестандартных и ярких сатирических образов (неспособность любить, любопытство, склонность к монотонному труду и т.п.).

Константин Викторович Забелин обратился к творчеству княгини Наталии Урусовой, эмигрантской поэтессы с драматической судьбой. Часть доклада (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) студент посвятил краткой биографической справке, а затем перешел к характеристике центрального жанра поэзии Урусовой – молитвы. К.В. Забелин выделил и проанализировал тематические разновидности молитвы (просительная, покаянная, хвалебная, утешительная).

В ходе анализа были обнаружены интертекстуальные связи лирики Н. Урусовой со стихотворениями Б. Пастернака «Гамлет» и «Гефсиманский сад».

Яна Сайдаалиевна Моисеева прочитала доклад «Образ Гамлета в интерпретации М. Цветаевой и Б. Пастернака» (научный руководитель – старший научный сотрудник И.В. Романова), который был посвящен сравнительному анализу стихотворений «Диалог Гамлета с совестью» Цветаевой и «Гамлет» Пастернака. Разрабатывая этот вечный образ, оба поэта используют прием остранения, при этом для Цветаевой характерна драматизация лирики (форма диалога), а для Пастернака – многозначность лирического «я». Таким образом Цветаева на передний план выдвигает черты малодушия Гамлета, а Пастернак – величие его подвига.

Л.Г. Каяниди

Студенческая конференция «Золото и серебро русской литературы»

Студенческая научная конференция «Золото и серебро русской литературы» состоялась 24 апреля 2007 года. На ней были представлены восемь докладов, выполненных студентами старших курсов филологического факультета Смоленского государственного университета.

Открыл заседание руководитель кафедры истории и теории литературы профессор В.С. Баевский. В его вступительном слове речь шла об Андрее Петровиче Семенове-Тян-Шанском, известном переводчике, ученом, дяде поэта-символиста Леонида Семенова. После смерти племянника Андрей Петрович готовил издание поэтического наследия Леонида Семенова, а также стал автором воспоминаний о нем. 15 августа 1932 года А.П. Семенов-Тян-Шанский написал стихотворение на смерть Максимилиана Волошина; эпиграфом стал отрывок из стихотворения «На дне преисподней» (памяти А. Блока и Н. Гумилева). Судьбы поэтов Серебряного века причудливо переплетаются.

Большинство докладов конференции оказалось посвящено именно «серебру» русской литературы.

Первой выступила с докладом «Созвездия в лирике И.А. Бунина» Валентина Ивановна Фидосенко (2 курс, научный руководитель – доцент М.Л. Рогацкина). Во всем корпусе бунинских стихотворений созвездия упоминаются в 16 текстах и являются своеобразной проекцией «земных» тем. Созвездия в лирике Бунина сочетают в себе земное и небесное: с одной стороны, являются отражением неземной силы, вечного холода, смерти, с другой – земного мира с его искушениями. Ряд созвездий связан с образом женской красоты (Кит и Дева).

Вторая докладчица Ольга Владимировна Дятлова (2 курс, научный руководитель – доцент М.Л. Рогацкина) прочитала доклад «Растительный мир в книге Ф. Сологуба “Пламенный круг”». Студентка составила частотный словарь растений и рассмотрела семантику каждого из них, опираясь как на толкование образов растений в мировой культуре, так и на восприятие их поэтом.

Автор доклада «Миф о Фэтоне в жизни и творчестве Эллиса (Л.Л. Кобылинского)» Елена Александровна Глуховская (3 курс, научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) проанализировала поэму Эллиса «Фэтон», написанную в 1906 году и вошедшую в книгу стихотворений «Stigmata». Автор сопоставила поэтическую интерпретацию мифа о Фэтоне, предложенную Эллисом, с первоисточником – поэмой Овидия, а также с интерпретацией современника Эллиса – Вяч. Иванова («Гелиады»). Для Овидия Фэтон как личность не важен, его образ нужен лишь для раскрытия темы борьбы смертного с богами. О судьбе Фэтона у Иванова повествуют скорбящие сестры – Гелиады. Свое отношение поэт передает через этот образ «сочувствующего» повествователя, что позволяет показать бунт Фэтона против Неизбежности и Судьбы как некий «правый» (говоря словами самого Иванова) порыв, а не безрассудную дерзость. Поэма Эллиса представляет собой переложение поэмы Овидия, но все внимание он сосредоточивает на образе Фэтона, отказываясь от раскрытия других образов. Фэтон Эллиса знает, что ему уготована гибель, но в попытке на минуту сравняться с богами он видит счастье. Дерзость Фэтона показана как путь к бессмертию. Как свидетельствуют письма Эллиса, в определенный момент жизни именно эта модель поведения казалась ему образцовой.

Екатерина Владимировна Конон (2 курс, научный руководитель – профессор В.С. Баевский) выступила с докладом «Поэтическая библиотека Б. Пастернака». Исследовав в девяти книгах лирики Пастернака антропонимы прозаиков и поэтов, названия их произведений и имена героев этих произведений, докладчица обнаружила, что поэтическая библиотека Пастернака находилась в постоянном развитии, охватывала все важнейшие культурно-исторические периоды (Средневековье, Ренессанс и т.д.). Каждый период в истории человеческой культуры был представлен образом поэта, который являлся своеобразным «маркером» этого периода. Самыми упоминаемыми авторами у Пастернака являются Пушкин и Шекспир. Иностранные авторы упоминаются в творчестве поэта в два раза чаще, чем русские.

Мария Александровна Макарова (3 курс, научный руководитель – профессор В.С. Баевский) прочитала доклад «Евгений Ланн – поэт круга Волошина, Цветаевой и Г. Петникова». Студентка представила собравшимся жизненный и творческий путь Евгения Львовича Лозмана (настоящее имя поэта) – от родного Харькова до Москвы, от сборника «Негоіса» до профессиональных переводов английской литературы (прежде всего Диккенса).

Вероника Вадимовна Авхимович (2 курс, научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) представила вниманию слушателей доклад «Образы Дафниса и Хлои в творчестве Ю.Н. Верховского». Были рассмотрены стихотворение «Дафнис» и цикл вариаций «Хлоя покинутая» из книги «Идиллии и элегии». Ссылаясь на посвящение Верховским этих стихотворений Вяч. Иванову, докладчица выполнила сравнительный анализ образов Дафниса и Хлои в творчестве указанных поэтов. По ее наблюдениям, Иванов изображает «накал» любовной истории Дафниса и Хлои, их отношения носят эротическую окраску. У Верховского

любовь другая – умиротворяющая, мечтательная, обожающая, часто это любовь на расстоянии. Примечательно, что Верховский в своих стихотворениях несколько отступает от традиции. В его поэтических текстах изображены не любовные отношения между Дафнисом и Хлоей, а «начало» и «конец» романтической истории – зарождение влюбленности Дафниса и страдания Хлои покинутой.

Влияние поэзии М. Цветаевой на творчество И. Бродского установлено и доказано. Однако сам Бродский считал, что Цветаева оказала на него и духовное влияние. Духовной информацией поэт считал цвет, поэтому целью исследования Анастасии Владимировны Трифионовой (2 курс, научный руководитель – старший научный сотрудник И.В. Романова; тема доклада – «Цветовые обозначения в лирике М. Цветаевой и И. Бродского») был поиск влияния лирики Цветаевой на поэзию Бродского на уровне цветовых обозначений. Автором были составлены частотные словари лексем, обозначающих цвета и их оттенки в лирике обоих поэтов. Были обнаружены совпадения в ряде позиций, выявлено некоторое сходство в отражении действительности через цветовые обозначения. Однако непосредственного, ярко выраженного влияния творчества М. Цветаевой на творчество И. Бродского обнаружено не было.

Доклад «Сравнения в рассказах И.А.Бунина “Темные аллеи”» прочитала Марина Николаевна Яценко (3 курс, научный руководитель – доцент М.Л. Рogaцкина). Студентка проанализировала 38 текстов, вошедших в книгу, выделила и классифицировала 112 сравнений разных форм. Количественно преобладают сравнения, образуемые с помощью сравнительных связок (42), то есть автор предпочитает сравнения со связочными формантами. При этом докладчица не только привела количественные данные, но и проанализировала семантику «связок». Она показала, что больше всего сравнения используются при создании образов. Так, образ женщины в «Темных аллеях» чаще сравнивается с предметом или животным. Образ мужчины часто связан с темой зла.

Несмотря на разнообразие тем докладов, нельзя не отметить, что молодые исследователи проводили свои изыскания в традициях Смоленской научной школы.

М.С. Козлова, Ю.В. Скобелева

Аспирантская конференция

Научная аспирантская конференция, проходившая 9 – 10 октября 2007 года в стенах университета, имела статус межвузовской. В ней принимали участие аспиранты Смоленского государственного университета, а также аспиранты Смоленского гуманитарного университета. Открыл конференцию Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории и теории литературы Смоленского государственного университета, профессор Вадим Соломонович Баевский. Во вступительном слове, по содержанию своему представлявшем научный доклад, он познакомил слушателей с основными положениями теории информации. Идеи данной науки могут быть весьма по-

лезны как для литературоведов, так и для лингвистов, и примеры, приведенные Вадимом Соломоновичем, это убедительно доказывали.

В первый день конференции вниманию слушателей было предложено 5 докладов.

В докладе аспирантки кафедры французского языка СмолГУ Евгении Константиновны Максименковой «Функции арготического элемента в рассказах Эрика Легастелуа» (научный руководитель – профессор Э.М. Береговская) были выявлены особенности использования арготического элемента на страницах 17 рассказов французского писателя Эрика Легастелуа, вошедших в сборник «Аквалангистика в аквариуме». Словарь арготизмов писателя включает 262 арготизма. Из них 98 арготизмов – это те, которые не были зафиксированы в словаре арготизмов послевоенной прозы, 26 арготических лексем употреблены в не собственном им значении. Анализ показал, что арготический блок, соединяющий воедино все арготизмы произведений, выступает как единый стилистический компонент. С одной стороны, арготизмы служат средством создания комического эффекта, с другой – характеризуют речь персонажей. Самой представленной семантической сферой является бытовая; самыми наполненными являются семантические поля: сексуальное поведение, человек, деньги, перемещение в пространстве, одежда, еда, работа. Докладчица сделала акцент на том, что наполненность поля свидетельствует о степени важности того или иного факта для арготирующих.

В докладе Валентины Александровны Якушиной «Особенности отбора лексических средств в тексте частного объявления (на материале публикаций французской прессы)» (научный руководитель – профессор Э.М. Береговская) были определены основные конститутивные признаки объявлений и описана модель, характерная для всех произведений этого жанра. Автором было проанализировано 668 текстов частных объявлений из рубрик «Трудоустройство», «Охота», «Собаки», «Брачные», взятых из журнала «Французский охотник». Результаты исследования показали, что решающую роль в отборе лексики при составлении текста объявления имеет интенциальная установка: автор объявления подбирает лексические средства, исходя из своих целей, специфики проблемы и выбранного способа ее разрешения. Таким образом, способ и принципы отбора лексических средств полностью определяются личностью автора и регламентируются его характером, образованием, предпочтениями, уровнем общей культуры. Введение в текст специальной лексики оправдывается описываемой ситуацией и определяется его тематической направленностью. Интенциальная установка может быть признана главенствующим фактором, влияющим не только на содержание текста, но и на его структуру.

В докладе аспиранта кафедры филологии Смоленского гуманитарного университета Алексея Александровича Кулинского «К вопросу о концептуальных особенностях рекламного текста» (научный руководитель – профессор А.В. Королькова) рассматривались различные подходы к изучению сущности концепта: лингвокультурологический, когнитивный, психолингвистический. По

мнению докладчика, концепт – это некоторая ментальная сущность, имеющая выражение в языковых знаках и отражающая культурно-национальное представление человека об окружающей его действительности. Рекламные тексты активизируют наиболее масштабные концепты, которые позволяют лаконично и привлекательно представить на рынке товар, одновременно показывая солидность фирмы-изготовителя. Главной задачей рекламного текста является концентрация внимания потребителя товара на пяти основных моментах: товар, производящая, поставляющая или реализующая его компания, предлагаемый ассортимент, быстрота обслуживания и качество товара. По мнению автора доклада, это и объясняет то, что актуализируемыми в рекламных текстах концептами являются: фокус, основательность (размер компании, время существования на рынке), количество (масштабность, ассортимент), скорость (быстрота), эстетика, оценка (престиж).

Доклад аспирантки кафедры истории и теории литературы СмолГУ Юлии Владимировны Скобелевой «“Слово – хамелеон”: К вопросу о силлепсе» (научный руководитель – профессор В.С. Баевский) был посвящен рассмотрению риторико-стилистического приема силлепса в поэзии. Определений силлепса в современной риторике и лингвистике множество, и все они существенно отличаются друг от друга. Докладчица в своей работе опиралась на определение силлепса как реализацию слова в пределах одной лексемы. С этой точки зрения она рассматривала силлепс в поэзии Иннокентия Анненского. Анализ некоторых стихотворений поэта показал, что у него силлепсы «рассыпаны на каждой строчке», есть стихотворения-загадки (в таком случае весь текст представляет собой силлепс). Такими текстами-силлепсами, по мнению докладчицы, являются стихотворения Анненского «Идеал» и «Тоска».

В докладе аспирантки кафедры истории и теории литературы СмолГУ Марии Сергеевны Козловой «Смоленские поэты на страницах газеты “Большевицкий молодняк” в первой половине 1930-х гг.» (научный руководитель – профессор В.С. Баевский) были проанализированы сохранившиеся выпуски газеты с 1930 по 1934 год. Ряд номеров содержит публикации, в которых встречаются упоминания о смоленских поэтах. На основании того, в каком контексте названы фамилии поэтов, была составлена классификация газетных публикаций. Также было выявлено, что М. Исаковский, А. Твардовский и Н. Рыленков на страницах «Большевицкого молодняка» тех лет по количеству публикаций не слишком выделяются из общей большой массы сочинителей, печатавшихся в газете. Кроме того, в этом издании есть произведения других российских поэтов (Н. Асеева, Д. Бедного, В. Маяковского и т.д.). По сравнению с числом публикаций поэтов Западной области эта группа невелика. В частности, в «Большевицком молодняке» в сентябре 1931 года опубликована повесть дальневосточного поэта-футуриста Венедикта Марта, отца одного из крупнейших поэтов второй эмиграции Ивана Елагина.

Второй день конференции открыло выступление Людмилы Александровны Жебруновой, аспирантки кафедры филологии СГУ (научный руководитель – про-

фессор А.В. Королькова). В ее докладе «Характеристики английской фразеологической системы в русской лингвистике» были рассмотрены различные подходы к изучению фразеологической системы английского языка, представленные в работах русских лексикологов: семантический (традиционный), контекстуальный, функциональный, структурно-семантический. Отсутствие единого подхода к изучению фразеологизмов английского языка в отечественной лингвистике отчасти объясняется различным отношением к понятию идиоматичности, что, в свою очередь, обусловлено различными трактовками понятия «семантически мотивированное фразеологическое сочетание». Было показано, что наиболее актуальной для английской фразеологии является проблема определения четких критериев выделения идиоматической единицы. Не менее спорным остается вопрос о классификации словосочетаний, обладающих той или иной степенью идиоматичности.

В докладе аспирантки кафедры филологии СГУ Татьяны Сергеевны Новиковой «Словари русского субстандарта конца XX – начала XXI века» (научный руководитель – профессор А.В. Королькова) была предложена структурно-семантическая классификация современных словарей русского субстандарта. Были отдельно описаны словари, предназначенные для служебного пользования, и словари, предназначенные для общего пользования (толковые). Более подробно рассматривались словари второй группы. В рамках этой группы были выделены словари общие, локальные (словари русских говоров, например, «Словарь московского арго» В.С. Елистратова, «Словарь уфимского сленга» С.В. Вахитова) и специальные (словари воровского, уголовного арго, жаргонов политиков, журналистов, словари вульгаризмов). Автор акцентировала внимание на проблеме составления двуязычных словарей, которая заключается в сложности перевода субстандартных выражений. Специальные работы, посвященные аспектным исследованиям русского субстандарта, только начинают появляться. Докладчица отметила, что охарактеризованные ею словари – это лишь один из этапов работы над систематизацией русского субстандарта.

В работе аспирантки кафедры истории и теории литературы СмолГУ Ольги Михайловны Таршиной (научный руководитель – профессор В.С. Баевский) была поставлена цель выявить семантические особенности анапестических стихотворений И.А. Бунина, определить их жанровые и тематические предпочтения. Исследование показало, что текстуальная соотнесенность анапестических произведений Бунина со стихотворениями предшественников выступает чаще всего как соотнесенность изометрическая: предшествующий опыт «просачивается» преимущественно по отдельным, обособленным руслам стихотворных размеров (3-стопный анапест Бунина испытывает прежде всего влияние именно 3-стопного анапеста предшественников и т.д.). То, что баллады Бунина написаны анапестическими размерами, а его 2-стопный анапест сохраняет связь с жанром «русской песни», свидетельствует о наличии некой «объективной памяти» стихотворного метра. По мнению докладчицы, метр выполняет жанровую функцию, неся в себе память о тематических, лексических и эмоциональных свойствах произведений.

Аспирант кафедры истории и теории литературы СмолГУ Станислав Валерьевич Зюзько в своем докладе «Эпические тенденции в лирике В.К. Кюхельбекера» (научный руководитель – профессор В.С. Баевский) охарактеризовал лирику поэта с точки зрения присутствия в ней эпических тенденций. На основании работ Гегеля, Белинского, Тынянова и Гинзбург докладчик выделил несколько групп стихотворений, некоторые из которых являются «собственно эпическими» (баллада, сага, стихотворная повесть), а некоторые обладают эпическим пафосом (дидактическая поэзия, идиллии). Исходя из понимания драматической модели как самостоятельного творения судьбы, а эпической как зависимости от рока, автор делает вывод о преобладании в лирике Кюхельбекера эпической модели, связанной с темой рока, Немезиды, участи русских поэтов. Докладчик полагает, что было бы неправильно механически соотносить данные темы и мотивы античных эпических произведений и романтических. Автор последовательно доказывает, что эпический герой Кюхельбекера чувствует лишь давление неумолимого рока, которому противопоставляет свою попытку достичь желанной цели.

Аспирантка кафедры журналистики и зарубежной литературы СмолГУ Ирина Валерьевна Алонцева предложила вниманию аудитории доклад «Антропонимы “итальянского текста” Н.С. Гумилева» (научный руководитель – профессор Г.Н. Ермоленко). Докладчица считает, что одним из этапов исследования «итальянского текста» Н.С. Гумилева является семантический анализ антропонимов. «Итальянский текст» Гумилева представлен 43 стихотворениями, которые по хронологическому принципу разделены на два периода. К I периоду относятся тексты, написанные до путешествия Гумилева в Италию 1912 года (20 стихотворений), ко II периоду – тексты, созданные после 1912 года (23 стихотворения). Было показано, что ономастическое пространство Италии в «итальянском тексте» Гумилева на уровне антропонимов в I периоде получает репрезентацию через образы исторических деятелей, путешественников-первооткрывателей и образы Данте и Беатриче, во II периоде – через образы деятелей искусства, образы поэтов (Данте, Вергилий) и образы литературных героев (Беатриче).

Предметом научных интересов аспиранта кафедры истории и теории литературы СмолГУ Леонида Геннадьевича Каяниди (научный руководитель – профессор Л.В. Павлова) является художественное пространство поэтического мира Вяч. Иванова. В подготовленном им докладе «“Сквозит завеса меж землей и лицом небес”»: Один из аспектов символики пространства в поэзии Вяч. Иванова» подробно исследовано пространственное значение образа «завеса». В ходе работы были применены три вида анализа: контекстуальный, образный и мотивно-тематический. По мнению докладчика, в образе «завеса» выделяются семантическое ядро и периферия. Семантическое ядро образуют парадигмы, где основанием сопоставления является реальнейшее (Богородица, наитие Святого духа, тело Христа). Исследование показало, что «завеса» является в художественном мире Иванова промежуточным звеном между пространственным верхом и пространственным низом. Было установлено, что образ «завеса» характеризуется амбива-

лентностью, двойственностью, которая выражается в мотивах, сопровождающих этот образ: завеса отделяет макрокосм от микрокосма, небо от земли, Творца от твари – и в то же время соединяет их. С другой стороны, этот образ прочно связан с мотивом единства жизни и смерти (с воскресением).

Выступления докладчиков сопровождались дискуссией. Во время итоговой дискуссии выступила заведующая кафедрой филологии СГУ, профессор Анжелика Викторовна Королькова. По ее мнению, состоявшаяся конференция была необычайно интересной, широкой по тематическому охвату, что и предопределило ее ценность для участников.

Выступление Вадима Соломоновича Баевского, которое, по сути, завершило конференцию, содержало немало ценных советов и замечаний. Им было отмечено, что многие доклады показали прекрасное начало работы над диссертацией. Среди его напутственных слов особо запомнилось высказывание о следовании моде в науке. В науке постоянно возникают увлечения новой терминологией или методиками исследования. Очевидно, это неизбежно. Но, как и в моде в одежде, нужно сочетать следование моде со стремлением выразить свою индивидуальность. Начинаящим кажется: чем больше иностранных слов я введу, тем умнее я покажусь. В действительности же, когда встречаешься с такой усложненной терминологией, возникает мысль: не потому ли такое количество иностранных заимствований, нетрадиционных терминов, что за этим нет глубокого содержания? Труды крупных лингвистов (А.А. Потебни, Л.В. Щербы, Л.А. Булаховского) написаны кристально чистым языком; термины, иностранные заимствования употреблены только в тех случаях, когда нельзя точно обозначить что-либо по-русски. А в целом, эти работы показывают, что самые важные и сложные понятия можно излагать на русском языке. Завершил свое выступление Вадим Соломонович словами о том, что конференция была очень содержательной и разносторонней.

О.М. Таршина

Авторы обзоров благодарят докладчиков за предоставленные материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О системе научной работы на кафедре, о традиционных конференциях см.: Павлова Л.В. Наши встречи – научные встречи / Л.В. Павлова [и др.] // Русская филология: ученые записки кафедры истории и теории литературы Смол. гос. ун-та. – Смоленск, 2006. – Т. 10. – С. 355–363.

2. См., например: Баевский В.С. Наши научные встречи (обзор конференций) / В.С. Баевский [и др.] // Русская филология: ученые записки кафедры истории и теории литературы Смол. гос. ун-та. – Смоленск: СмолГУ, 2006. – Т. 11. – С. 289–307.

3. Филологическому семинару – 40 лет. – Смоленск, 2007.

4. Бэлнеп Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых». – СПб., 1997.

КНИГИ

«...Темой моей является Россия»: Максимилиан Волошин и Евгений Ланн: Письма. Документы. Материалы / предисловие В.С. Баевского. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. – 216 с., ил.

Книга содержит впервые публикуемые документы и малоизвестные материалы, отражающие взаимоотношения поэта, художника Максимилиана Волошина и поэта, переводчика Евгения Ланна. Строка из автобиографии М.А. Волошина стала заглавием книги.

Вступительная статья «Максимилиан Волошин и Евгений Ланн» содержит рассказ о судьбе Евгения Ланна – поэта круга Цветаевой, Волошина и Г. Петникова, об истории знакомства и переписки Волошина и Ланна.

Издание предназначено для исследователей культуры России периода Серебряного века, а также для широкого круга читателей.

Баевский В.С. Роман одной жизни. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 508 с., ил.

Читателя ждет повествование о жизни духовной и жизни телесной, он встретится с событиями, происходившими на просторах Евразийского материка от Ашхабада до Парижа, от середины XIX века до начала XXI, с судьбою, вобравшей в себя религиозные искания и борьбу за научную истину, любовь и дружбу длиною в жизнь, убийства и бытие на грани голодной смерти, пересечения с жизнями Мейерхольда и Пастернака, Юрия Олеши и Давида Самойлова, Колмогорова и Лотмана. Читатель познакомится также с личностями менее известными, но, может быть, в некоторых отношениях не менее яркими.

Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. – 327 с.

Монография посвящена творчеству Иосифа Бродского, крупнейшего поэта XX века, лауреата Нобелевской премии. В центре внимания – создание им коммуникативной стратегии стихотворения, возводящей собеседника в особый статус и по-новому раскрывающей образ лирического героя. Сопоставление коммуникативной структуры поэзии Бродского с поэзией Пастернака позволило выявить малоизученные аспекты лирики как литературного рода.

Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям литературы, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся русской поэзией.

Павлюченкова Т.А. «Прозрачен стих, как северный апрель»: фоника поэзии И.А. Бунина: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. – 208 с.

Монография посвящена рассмотрению одной из малоизученных проблем творчества И.А. Бунина – фонетической организации стихотворной речи. В центре внимания исследователя – отдельные характерные черты фонетики, при этом

подчеркивается важность подхода к поэтической речи, прежде всего, как к звучащему явлению. В монографии органически сочетается лингвистика и поэтика, осуществляется эпизодическое сопоставление двух форм художественной речи (поэзии и прозы) и проводится мысль о необходимости изучения всего художественного творчества И.А. Бунина как единого текста. Автор опирается на разработанные классиками основы стилистического анализа звуковой организации стиха, одновременно привлекая современную комплексную базу данных смежных гуманитарных наук.

Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям высших и средних учебных заведений, а также широкому кругу читателей, интересующихся языком русской поэзии.

Проблемы преподавания литературы в современной школе: наука и практика: материалы I межшкольной межрегиональной научно-практической конференции. – Смоленск: Универсум, 2007. – 312 с.

Сборник I межшкольной конференции учителей литературы города Смоленска стал межрегиональным благодаря участию в ней учителей средней школы № 436 г. Москвы. Рассчитан на широкий круг педагогов школ, методистов, студентов. Авторы будут рады, если их опыт окажется востребованным и вызовет понимание со стороны коллег.

Гнездовское песенное творчество: история и современность: научно-популярное издание / автор-составитель В.А. Карнюшин. – Смоленск: Универсум, 2007. – 96 с.

В книге рассказывается о песенном творчестве Гнездова. Записанные в 1985 году песни говорят если не об уникальности, то, по крайней мере, об их своеобразии. Впервые публикуются тексты более чем 50 песен, дан их жанрово-тематический анализ; проводится научно-методическое обоснование истории вопроса о поэтике русской народной лирической песни. В книге также дана краткая характеристика географического и исторического колорита древнейшего поселения Смоленщины.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Кошелев Я.Р. Смоленщина: народная поэзия исторической памяти: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. – 172 с.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся народнопоэтическим творчеством. Она может быть использована в вузовской и школьной практике, поскольку ориентирует на осознание того неоспоримого факта, что именно изучение старины – это не только проявление уважения к предкам, но и забота человека о собственной духовной жизни, которая без углубленного проникновения в прошлое оказалась бы лишенной прочного нравственного стержня.

Литература. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. / автор-составитель Г.С. Меркин. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русское слово, 2007. – 335 с.; 303 с.

Учебник-хрестоматия «Литература» для 5-го класса соответствует программе по литературе для 5-11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. / автор-составитель Г.С. Меркин. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русское слово, 2007. – 311 с.; 311 с.

Учебник «Литература. 6 класс» соответствует программе по литературе для 5-11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

Литература. 7 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. / автор-составитель Г.С. Меркин. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русское слово, 2007. – 383 с.; 335 с.

Учебник «Литература. 7 класс» соответствует программе по литературе для 5-11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

Планирование и материалы к курсу «Литература. 5 класс»: из опыта работы / авторы-составители Г.С. Меркин, Б.Г. Меркин. – М.: Русское слово, 2007. – 160 с.

Данное пособие входит в учебно-методический комплекс по литературе для 5 класса (авторы-составители Г.С. Меркин, Б.Г. Меркин) и содержит планирование, материалы к занятиям, а также модели уроков, литературных праздников и игр.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баевский Вадим Соломонович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории литературы Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Белоус Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Северо-Осетинского государственного университета. E-mail: belouslv@yandex.ru.

Боровиков Юрий Владимирович – аспирант кафедры теории и истории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: gorplit@mail.ru.

Бояринова Лариса Захаровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Смоленского государственного университета. Тел. 8(4812)38-37-85.

Брунчукова Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры естественно-математических дисциплин и методик их преподавания в начальных классах Смоленского государственного университета. E-mail: nadejar@mail.ru.

Валуев Демьян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Голаева Галина Александровна – аспирант кафедры педагогики №1 Смоленского государственного университета. E-mail: 13gala1984@mail.ru.

Гуревич Римма Вульфовна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: gur@keytown.com.

Девятых Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, докторант Института психолого-педагогических проблем детства РАО (Москва). E-mail: devyatych@mail.ru.

Диденко Вера Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики №1 Смоленского государственного университета. Тел. (4812) 38-77-44.

Докутович Эльмира Шамильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры немецкого языка и перевода Смоленского гуманитарного университета. E-mail: doelmira@shu.ru.

Духхардт Хайнц – профессор, директор Института европейской истории (Майнц, Германия). E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Ефимова Светлана Николаевна – студентка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: sveta.11@mail.ru.

Ивонин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Тел. 8-905-6964829.

Иволина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Каяниди Леонид Геннадиевич – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Козлов Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Козлова Мария Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Левицкий Юрий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического института. E-mail: levit@psu.ru.

Маймескулов Анна – доктор филологических наук, профессор университета Казимира Великого (Быдгощ, Польша). E-mail: majmiesk@ukw.edu.pl.

Максимчук Нина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Можейко Марина Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по науке Белорусского государственного университета культуры и искусств. E-mail: marinamojeiko@inbox.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Пименов Виталий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Пиотровский Раймонд Генрихович – доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, научный руководитель Центра компьютерных исследований в филологии, Почетный профессор ЮНЕСКО. E-mail: rgp22@mail.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Сильницкий Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Скобелева Юлия Владимировна – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Соколов Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета. E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru.

Соловьёва Фаина Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской литературы и методики её преподавания Смоленского государственного университета. E-mail: solovyovafe@rambler.ru.

Сонин Валерий Абрамович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии №1 Смоленского государственного университета. E-mail: valson_s@mail.ru.

Таршина Ольга Михайловна – аспирант кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. E-mail: otarshina@rambler.ru.

Фоменков Анатолий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета. E-mail: fai5757@mail.ru.

Шехтман Николай Абрамович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: Nick@ospu.ru.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Академическое междисциплинарное издание – журнал «**Известия Смоленского государственного университета**» публикует оригинальные научные труды (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения, рецензии) по различным отраслям знания – философии, социологии, культурологии, педагогике, психологии, филологии, математике, техническим наукам, истории, биологии, наукам о Земле. Статьи группируются по тематическим рубрикам.

РУБРИКИ:

Биология и науки о Земле;

Исторические науки;

Математические и технические науки;

Педагогика и психология;

Филология;

Философия, социология и культурология.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1.1. Рекомендуемый объем – 0,4-0,6 п.л. (до 24 000 знаков с пробелами).

1.2. Материалы представляются в следующем виде:

- редактор Microsoft Office Word 2003;
- шрифт «Times New Roman»;
- основной текст – кегль 14 (кроме литературы и примечаний), печатается через 1 интервал;
- источники (литература и примечания) – 12 кегль;
- поля: верхнее – 2,5 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 2 см;
- отступ (абзац) – 1,25 см; параметры абзацев устанавливать с помощью опций меню «Абзац»;
- не использовать переносы;
- рекомендуемые символы: кавычки «...» (при выделении внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например, «...“...”...»); тире обычное (–);
- обязательна проверка орфографии.

1.3. Порядок расположения (структура) текста:

- **сведения об авторах** (фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы) на русском и английском языках; **полное и точное место работы** каждого автора в именительном падеже; должность, звание, ученая степень; **контактная информация** (e-mail, город, телефоны) для каждого автора; **указание тематической рубрики (УДК); указание**

источника поддержки, если статья печатается за счет средств грантов. Все сведения приводятся 14 кеглем, выравнивание по правому краю;

- наименование статьи (посередине);
- ключевые слова статьи (материала) / каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой (данные приводятся на русском и английском языках и выделяются курсивом);
- аннотация на русском языке (до 600 печ. знаков) / выделяется курсивом;
- основной текст статьи (материала);
- литература (источники);
- примечания (поясняющие ссылки);
- название статьи на английском языке (выделяется курсивом);
- аннотация на английском языке (выделяется курсивом).

1.4. Требования к оформлению структуры текста:

- фамилия и инициалы автора, а также название статьи набираются полужирным шрифтом (не допускается выделение прописными буквами);
- названия параграфов печатаются полужирным шрифтом (без нумерации);
- название подпараграфов печатаются полужирным курсивом;
- выделения внутри текста набираются только обычным курсивом (подчеркивания слов, а также слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем и пр. не допускаются);
- стихотворный текст набирается 12 кеглем;
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т.д.; а), б), в) и т.д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов допускается только в виде тире;
- список литературы располагается в алфавитном порядке и приводится 12 кеглем в конце текста статьи, перед примечаниями;
- литература на иностранных языках располагается после литературы на русском языке по алфавиту языка, к которому относятся данные источники;
- электронные источники (например, вебсайты) указываются в конце списка литературы 12 кеглем;
- примечания набираются также 12 кеглем, нумеруются и даются отдельным списком сразу после списка литературы;
- список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P.J., Barrett T.P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3, № 58. P. 75–85.

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13, №. 3. С. 369–385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. М.: Научный мир, 2003. С. 340–342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. 2-е изд. М. : Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. Ярославль, 2003.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С.125–128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинава Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.aspnomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007)

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

1.5. Оформление содержания ссылок и сносок:

– сноски (на литературу) печатаются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты, выделенной кавычками (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой – номер страницы);

– сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой;

– номера сносок на другие источники и поясняющие ссылки (примечания) указываются в круглых скобках, после определенного абзаца (в конце предложения, перед точкой), а их содержание приводится в конце текста в отдельном списке примечаний.

1.6. Оформление рисунков:

– при выборе положения рисунка в тексте необходимо использовать опцию «В тексте» в меню «Формат»;

– рисунок должен располагаться по центру листа;

– подписи располагаются под рисунком по центру и выполняются 12 кеглем (Рис. 1. Мое название);

– от текста рисунок отделяется одной пустой строкой;

– рисунки подаются дополнительно на электронном носителе в отдельном файле.

1.7. Материалы могут содержать таблицы, выполненные в редакторе Microsoft Office Word 2003. Не допускается использование иных программ оформления таблиц. Черно-белые рисунки рекомендуется выполнять в графическом редакторе (Adobe Illustrator, Photoshop, etc.).

1.8. Формулы набираются в редакторе MS Equation или вставляются в текст картинками.

1.9. Материалы принимаются в распечатке (2 экз.) вместе с электронной версией (на дискете или CD-диске).

1.10. Редколлегия оставляет за собой право предложить автору переработать статью, а также отклонить подготовленную статью, если она не может быть доработана или не соответствует требованиям оформления. Редколлегия не вступает в переписку с авторами отклоненных материалов.

1.11. За опубликование рукописей аспирантов плата не взимается.

1.12. Статьи аспирантов обязательно сопровождаются рецензией редактора рубрики и письменным согласием научного руководителя на публикацию материала.

Материалы принимаются по адресу:

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. (ректорат, с пометкой «В журнал "Известия Смоленского государственного университета"»).

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

Гильденков М.Ю., Евдокимов С.П., Круглов Н.Д. (Биология и науки о Земле);

Ивонин Ю.Е., Козлов О.В. (Исторические науки);

Дьяконов В.П., Расулов К.М. (Математические и технические науки);

Меркин Г.С., Сенченков Н.П., Сонин В.А. (Педагогика и психология);

Баевский В.С., Сильницкий Г.Г. (Филология);

Грибер Ю.А., Славин А.В. (Философия, социология и культурология).

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2008 года** во всех почтовых отделениях России открылась подписка на журнал «**Известия Смоленского государственного университета**».

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2009», 1 том, зеленая обложка, с. 377 (в московском каталоге – с. 324).

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 813 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 419 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная** (журнал поступает к Вам заказной бандеролью).

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2009»

Подписка на **I полугодие** – **80190**

Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**

Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru,**
arpk@eg-online.ru.

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** <http://palt.ru/catalog>.

Адрес редакции:

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.:(4812)383157, факс: (4812) 383157

E-mail: rectorat@sci.smolensk.ru

Для заметок

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Ежеквартальный журнал
2008, №1

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Компьютерная верстка *В.В.Мастакалова*
Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко*

Подписано к печати 21.01.2008. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 19,0. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 300 экз.
Заказ № 17.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4